П. Н. Красновъ.

КАЗАКИ ВЪ АФРИКѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

П. Н. Красновъ.

КАЗАКИ ВЪ АФРИКѢ

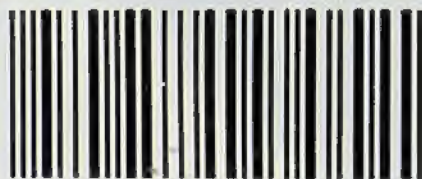
Дневникъ начальника конвоя Россійской ИМПЕРАТОРСКОЙ миссіи въ Абиссинію въ $18^{97}/_{98}$ году.

ИЗДАНІЕ ПЕРВОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

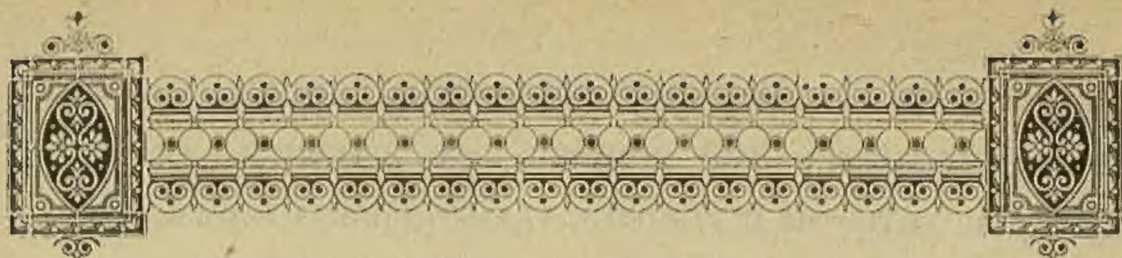
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го Декабря 1898 г.

Изъ «Военнаго Сборника» за 1898 г.

Моей женѣ.

С.-Петербургъ
1898.

Предисловіе.

Выпуская въ свѣтъ настоящій свой трудъ, я считаю долгомъ предупредить читателя, что это не болѣе, какъ дневникъ, въ который я съ полной добросовѣстностью заносилъ все то, что меня поражало, трогало и восхищало дорогой. Особенно въ началѣ нашего путешествія, въ странахъ культурныхъ, мнѣ пришлось смотрѣть то, что давно всѣмъ извѣстно и давно описано. Я описывалъ эти мѣста съ тою подробностью, съ какою видѣлъ самъ. Мой дневникъ не можетъ служить гидомъ для путешественника, желающаго проѣхать въ Африку, хотя бы потому, что въ иныхъ мѣстахъ я, занятый конвоемъ, видѣлъ слишкомъ мало, въ другихъ смотрѣлъ черезчуръ узко—лишь, какъ кавалеристъ и охотникъ.

Не найдутъ въ моемъ описаніи и научнаго изслѣдованія малоизвѣстной страны, потому что я имѣлъ слишкомъ мало времени для этого, не обладаю достаточными знаніями и не былъ снабженъ нужными для того средствами.

Мой—дневникъ это моментальная фотографія глазъ моихъ. Чего я не видѣлъ, про то и не пишу. Если я

смотрѣлъ на что не такъ, какъ надо, прошу простить мнѣ великодушно мои ошибки. Не записать же и не отмѣтить хотя бы и мелочей такого грандіознаго факта, какъ посылка гвардейскихъ казаковъ въ Абиссинію,—я не могъ.

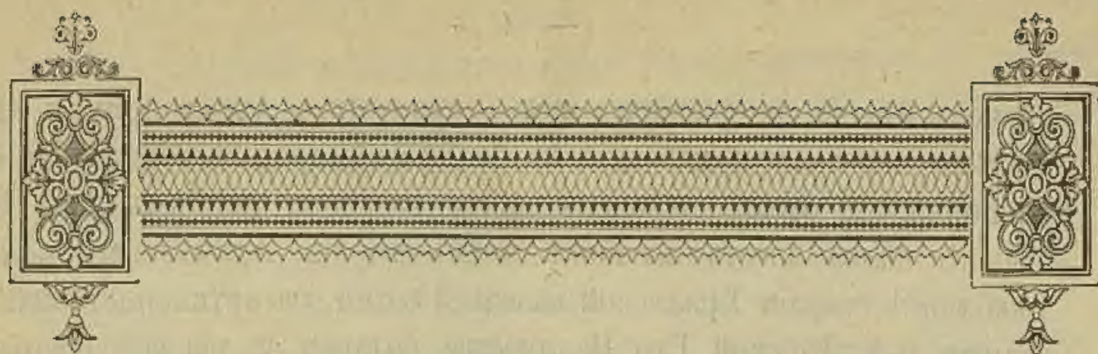
Еще разъ предупреждаю, что ничего научнаго въ моемъ дневникѣ не найдется — лишь бѣглый обзоръ пути отъ Петербурга до Адисъ-Абеба и обратно. Это легкое кавалерійское кроки, сопровождаемое легендой и только.

Feci quod potui—faciant meliora potentes.

П. Красновъ.

Портъ-Саидъ.
31-го (12-го) октября 1897 г.

I.

Отъ Петербурга до Одессы.

23-го сентября 1897 г., возвратясь изъ отпуска изъ области войска Донскаго въ Петербургъ и просматривая бумаги, получившіяся въ полку въ мое отсутствіе, я нашелъ отношеніе штаба гвардейскаго корпуса о командированіи казаковъ въ Абиссинію въ составъ конвоя Императорской дипломатической миссіи. Сейчасъ же въ умѣ моемъ мелькнула мысль хлопотать о назначеніи въ составъ этого конвоя. Объѣхать чужія страны, увидѣть новыя мѣста, новую природу, попасть въ «коловращеніе людей», какъ выражался Чичиковъ, наконецъ, расширить жизненный кругозоръ путешествіемъ — все это было слишкомъ заманчиво, чтобы жалѣть на это время и труды. И я сталъ хлопотать. На первыхъ же порахъ я потерпѣлъ фіаско. «Поздно», вотъ отвѣтъ, который мнѣ былъ данъ и начальникомъ миссіи, и вице-директоромъ въ азіятскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ... «Поздно,—составъ отряда уже утвержденъ, смѣта составлена и перемѣнить ее невозможно». Но видно мнѣ суждено было ѣхать и дѣло мое устроилось. Конвой, который первоначально было предположено сформировать изъ казаковъ и пѣхоты, составлялся исключительно изъ казаковъ; можно было думать, что и начальникомъ этого конвоя долженъ былъ быть казакъ—шансы мои возвышались, наступало тревожное состояніе, когда не знаешь, останешься ли дома, въ Петербургѣ, или на очень долгое время покинешь его, и все, что такъ дорого на родинѣ.

Около 1-го октября пріѣхалъ въ казачьи казармы одинъ изъ

членовъ миссіи, генеральнаго штаба полковникъ Артамоновъ, и офиціально передалъ приказаніе въ полки формировать конвой. Въ его распоряженіе было назначено шесть казаковъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка, шесть казаковъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, трое лейбъ-гвардіи Уральской казачьей сотни, два артилериста лейбъ-гвардіи 6-й Донской Его Величества батареи и два фейерверкера Гвардейской конно-артилерійской бригады; кромѣ того, въ составъ конвоя входилъ также одинъ гусаръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка, бывшій въ командировкѣ въ Абиссиніи вмѣстѣ съ поручикомъ того же полка А. К. Булатовичемъ. Начальствованіе конвоемъ было ввѣрено поручику Булатовичу, а за его отсутствіемъ одному изъ офицеровъ миссіи, по назначенію ея начальника. Но такъ какъ конвой состоялъ почти исключительно изъ казаковъ, то начальникъ миссіи, затрудняясь въ выборѣ между бывшими въ его распоряженіи двумя пѣхотными офицерами, вошелъ съ ходатайствомъ о назначеніи меня начальникомъ конвоя.

Впредь до моего окончательнаго назначенія, полковникъ Артамоновъ поручилъ мнѣ присмотръ за снаряженіемъ казаковъ и далъ указанія относительно того, что̀ должны они имѣть съ собой въ далекомъ походѣ. Имѣя надежду въ непродолжительномъ времени принять конвой на законномъ основаніи, я съ радостью принялся за дѣло его снаряженія.

Въ конвой было приказано дать отборныхъ людей отъ полковъ. Каждый человѣкъ, помимо красивой внѣшности, представительнаго роста, долженъ былъ обладать извѣстнымъ развитіемъ и характеромъ, чтобы импонировать туземному населенію; кромѣ того, онъ долженъ былъ быть не обузой, не мертвымъ грузомъ въ походѣ, но полезнымъ сочленомъ экспедиціи. Всѣ отобранные казаки удовлетворили бы самому строгому требованію. Это были рослые люди, хорошо грамотные, развитые, между ними были мастеровые, сапожники, портные, были люди знающіе плотничное и столярное ремесло, были пѣвцы.

На другой же день моего экс-назначенія начальникомъ конвоя, по моему требованію, мнѣ былъ представленъ казакомъ лейбъ-Казачьяго полка, Любовинымъ, списокъ вещей, которыя, по мнѣнію всего ихъ «круга» (общаго собранія), имъ нужны будутъ въ походѣ. При дальнѣйшемъ составленіи описи вещей полковникъ Артамоновъ руководствовался этимъ личнымъ желаніемъ казаковъ, вычеркнувъ изъ списка весьма немногія вещи, записанныя казаками, вслѣдствіе неполнаго пониманія ими, въ какія условія предстоитъ имъ попасть въ Африкѣ.

Всѣ эти вещи можно было разбить на три категоріи: по способу укладки, и по мѣстамъ ихъ употребленія, и на двѣ, по роду вещей: на казенныя и собственныя. Къ первой категоріи я отнесъ тѣ вещи, которыя казаку понадобятся только на мѣстѣ во время жизни въ Энтото, столицѣ Абиссиніи, это парадное снаряженіе и часть бѣлья; во вторую категорію вошли вещи, нужныя въ походѣ по пустынѣ: оружіе, патроны, сѣдла, вьюкъ, фланелевое бѣлье и проч. и, наконецъ, къ третьей категоріи: вещи ручного багажа, бурки, верблюжьи куртки, запасъ бѣлья, мелочи походной жизни, бѣлыя фуражки и проч.

Первая категорія вещей укладывалась въ одинаковые ящики, длиной 10 вершковъ, шириной 8 и вышиной 6; ящики обшивались рогожей и подготовлялись къ отправленію на мулахъ и верблюдахъ; вѣсъ ихъ былъ не болѣе трехъ пудовъ. Сюда вошли:

1) Полное парадное снаряженіе.
2) Вицъ-мундиръ съ шароварами.
3) Третья, самая новая, пара сапогъ.
4) Замшевыя перчатки и галстухъ.
5) Бѣлая гимнастическая рубаха съ погонами.
6) Вальтрапъ съ подушкой.
7) Комплектъ знаковъ отличій и кокардъ.
8) Подарки для абиссинцевъ.

Ящики, вмѣстившіе въ себѣ вещи второй категоріи и подлежавшіе перевозкѣ только по желѣзной дорогѣ, да въ трюмахъ пароходовъ, имѣли различную длину, форму и вѣсъ. Сюда было уложено:

1) Фуражки бѣлыя съ назатыльниками. Въ виду исключительнаго положенія, въ которое попадалъ отрядъ по дорогѣ отъ Джибути до Харрара, эти фуражки строились совершенно особеннымъ способомъ. Изъ легкой, бѣлой матеріи, фуражка эта имѣла на днѣ пробковый, коронообразный кругъ, не допускавшій возможности верху фуражки прикасаться къ темени. По внутренней части околыша шла свернутая спиралью пружина, отдѣлявшая околышъ отъ лба, и дававшая свободный протокъ воздуха къ верхней части головы. По тульѣ и по верху было сдѣлано нѣсколько отверстій, величиной почти въ серебряный пятачокъ. Такая фуражка отличалась необыкновенной легкостью и давала возможность совершенно вентилировать воздухъ надъ головой, но, имѣя широкое дно, она имѣла слишкомъ большую площадь для солнечныхъ лучей, и доктора отряда нѣсколько сомнѣвались въ ея практичности при переходѣ черезъ пустыню. Они считали, что англійскій пробковый шлемъ—единственный головной уборъ, возможный въ африканской пустынѣ. Предстояло испытать особо приспособленную шапочнымъ мастеромъ Ландратомъ фуражку.

Фуражки нижнихъ чиновъ конвоя были сдѣланы много проще и хуже офицерскихъ фуражекъ. Онѣ имѣли дырочки по тульѣ и по верху, имѣли также и внутреннюю пружину. Роль пробковыхъ донныхъ круговъ должны были сыграть длинные волосы, которые казаки имѣютъ обыкновеніе носить.

2) Двѣ гимнастическія рубахи.
3) Одна пара сапогъ.
4) Одна шинель.

*

5) Амуниція ременная.

6) Сѣдло съ полнымъ снаряженіемъ, съ новой системы перемотными кожаными сумами и саквами.

7) Шесть конскихъ подковъ, двѣ пары на передніе ноги и одна пара на заднія. Всѣ эти подковы были сдѣланы по мѣркѣ, снятой съ копытъ лошадей, подаренныхъ негусомъ Менеликомъ Государю Императору.

8) Тренога.

9) Желѣзные коновязные колья для устройства коновязи.

10) Копья для пикъ.

11) Конскія щетки и скребницы.

12) Трехлинейныя винтовки (у артиллеристовъ револьверы).

13) Шашки.

14) Патроновъ боевыхъ 1,800 штукъ всего, на каждаго по 120 патроновъ.

15) По десяти холостыхъ патроновъ на каждаго казака.

16) По восемнадцати револьверныхъ патроновъ на каждаго артиллериста.

17) Два охотничьихъ ружья, 3 фунта пороху, 5 фунтовъ мелкой дроби, 5 фунтовъ средней и 5 фунтовъ картечи.

Всѣ эти вещи шли въ ящикахъ до Джибути—порта въ Красномъ морѣ. Наконецъ, на рукахъ у казаковъ были слѣдующія вещи:

1) По одной бѣлой простой фуражкѣ.

2) Верблюжья куртка, сшитая на манеръ австрійской, съ карманами по бокамъ и сборками сзади.

3) Суконные, синіе шаровары.

4) Высокіе сапоги.

5) Бурка.

6) Финскій ножъ на брючномъ ремнѣ. Это составляло вседневный костюмъ казака во время проѣзда его на пароходѣ внѣ жаркихъ странъ. Платье это должно было замѣнить казаку статское одѣяніе офицеровъ.

Для жаркихъ странъ было взято:

1) Гимнастическая рубашка безъ погонъ.

2) Бѣлыя холщевыя брюки по двѣ пары на человѣка.

3) Парусиновые ботинки.

Затѣмъ, въ особыхъ мягкихъ чемоданахъ, сдѣланныхъ изъ непромокаемой черной парусины, было уложено:

1) Башлыки.

2) Войлоки для подстилки (кошмы).

3) Галстухи, по одному на человѣка.

4) Кусочки суконъ для починки.

5) Подстилочный холстъ.

6) Подошвы и опойка для сапогъ.

7) Ружейная (револьверная) принадлежность.

8) По четыре исподнія рубахи.

9) По четыре подштанниковъ.

10) По три пары нитяныхъ носковъ.

11) По три пары шерстяныхъ носковъ.

12) По двѣ пары полотенецъ.

13) По четыре портянки.

14) По одной парѣ теплыхъ перчатокъ.

15) Валенки, обшитыя кожей.

16) Вексатиновыя накидки.

17) По двѣ пары фланелеваго бѣлья.

18) Платяныя и сапожныя щетки.

19) Сумка съ мелочью (шило, наперстокъ, молотокъ, ножницы, складной ножъ, ящичики, иголки, нитки, дратва, пуговицы, крючки для мундировъ и бѣлья, по 5-ти фунтовъ мыла для бѣлья, по три куска мыла для лица и рукъ, гребенка, зеркальце, сапожные гвозди, деревянные и желѣзные, бритвы, кисточка, мыльница и оселокъ).

20) По одной четверти фунта зеленаго мыла.

21) По двѣ ложки.

22) По три банки ваксы.

23) По одной банкѣ лаку для черненія амуниціи.

24) Мазь для чистки мѣди.

25) Спички.

26) Книжка для дневника.

27) По шести тетрадей бумаги.

28) Лимонная кислота.

29) Металическій стаканъ.

30) Водоносная баклага, стеклянная, обшитая соломой.

31) Плотничный инструментъ.

32) Два мѣдныхъ котла съ крышками для варки пищи.

33) Два чайника.

34) Три компаса.

35) Три циркуля.

36) Трое часовъ.

37) Евангеліе, молитвенникъ, огниво съ фитилемъ, клѣтчатая бумага для съемки, чернильница, перья и карандаши.

38) Ковочный инструментъ.

39) Паяльная принадлежность.

40) Пѣсенническій инструментъ.

41) Сигнальная труба.

42) Складень съ иконой.

Икона была поднесена конвою офицерами миссіи и офицерами гвардейской казачьей бригады: изящной работы образъ Спасителя въ вѣнцѣ эмалевой работы въ дубовомъ ящикѣ; на задней крышкѣ складня привинчена серебряная доска съ надписью: «Конвою Императорской Россійской дипломатической миссіи въ Абиссинію чины миссіи и гвардейская казачья бригада, 12-го октября 1897 года».

На заготовленіе предметовъ обмундированія и снаряженія, которые отъ казны не полагаются, каждому казаку было выдано по сто рублей подъемныхъ.

Какъ начальникъ конвоя, я взялъ съ собою тѣ же самыя вещи, какія были у нижнихъ чиновъ, и уложилъ ихъ такимъ же образомъ: т. е. ящикъ до Энтото, ящикъ до Джибути и ручная кладь. Исключеніе составляли мой статскій костюмъ и ящикъ съ чертежною принадлежностью, красками и мелочью.

Для укладки моего имущества мнѣ любезно былъ предоставленъ поручикомъ Кавалергардскаго полка Чертковымъ на испытаніе выработанный въ полку вьюкъ. Вьюкъ этотъ состоитъ изъ двухъ пере-

метныхъ сумъ для мягкихъ вещей и большого четыреугольнаго ящика изъ желтой парусины, разгороженнаго на двѣ части. Въ этотъ ящикъ вошла походная канцелярія, краски и проч.

Снаряженіе конвоя подвигалось весьма быстро. Лейбъ-гвардіи Казачій и лейбъ-гвардіи Атаманскій полки открыли свои мастерскія для работы куртокъ, бѣлыхъ брюкъ, подковъ и ящиковъ. Цѣлыми днями заготовлялись, принимались и упаковывались вещи. Особенно много приложилъ старанія къ дѣлу снаряженія конвоя завѣдующій хозяйствомъ лейбъ-гвардіи Казачьяго полка полковникъ В. А. Родіоновъ. Каждая вещь, выдаваемая имъ казаку, проходила черезъ его строгій контроль. Не одно простое казачье «спасибо» сорвется съ устъ въ пустынѣ, гдѣ по достоинству оцѣнятся плоды его заботливости.

Миссія должна была тронуться 14-го октября... Было уже 10-е, а моя участь все еще не была рѣшена. Руки опускались, энергія пропадала. Наступали минуты отчаянія, я бросалъ живое дѣло снаряженія конвоя и шелъ въ канцелярію, гонялъ смѣну трубачей, словомъ, занимался обычными своими будничными дѣлами.

12-го октября въ церкви казачьей бригады послѣ обѣдни было отслужено напутственное молебствіе. Почти вся миссія собралась въ церкви помолиться Господу Богу. Впереди другихъ казаковъ, по срединѣ церкви, въ парадныхъ, алыхъ, синихъ, малиновыхъ и черныхъ мундирахъ стояли казаки конвоя. Съ боку отдѣльной кучкой, тоже въ парадной формѣ, стали члены миссіи: полковникъ генеральнаго штаба Артамоновъ, секретарь посланника, колежскій секретарь Орловъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Арнольди, поручики лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона Коховскій и Давыдовъ и Кавалергардскаго полка поручикъ Чертковъ; послѣднимъ двумъ, ѣдущимъ на свой счетъ, только разрѣшено присоединиться къ миссіи. Доктора отряда: надворный совѣтникъ Лебединскій, колежскій асесоръ Бровцынъ, провизоръ Лукьяновъ, классный фельдшеръ колежскій регистраторъ Сасонъ и кандидатъ на классную должность Кузнецовъ были тутъ же. Всѣ офицеры обоихъ казачьихъ полковъ вмѣстѣ съ командирами присутствовали на молебствіи. Священникъ въ короткой прочувствованной рѣчи объяснилъ казакамъ обязанность ихъ, какъ христіанъ въ чужой далекой странѣ, увѣщевалъ ихъ терпѣливо сносить всѣ трудности пути въ землѣ съ климатомъ столь отличнымъ отъ того, въ которомъ они родились и выросли. Затѣмъ конвою была передана икона и каждому казаку по маленькому тѣльному крестику. При выходѣ изъ церкви казаки были собраны и начальникъ штаба гвардейскаго кор-

пуса генералъ-маіоръ Глазовъ обратился къ нимъ съ напутственной рѣчью.

Если просмотрѣть дневники нижнихъ чиновъ за этотъ день, то можно видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на нихъ этотъ молебенъ въ присутствіи всего начальства. Впервые имъ ясно стало, что путешествіе ихъ необыкновенно, что это не переходъ въ Красносельскій лагерь, а настоящій походъ. «Сердца наши открылись, пишетъ грамотѣй Любовинъ, лейбъ-казакъ, обладатель прекраснаго баритона, жалко намъ стало разставаться съ товарищами, идти въ тѣ страны, о которыхъ мы знали лишь по-наслышкѣ, или читали въ учебникахъ». ...«Молебствіе, грустно разстаться, начальники наши прощались съ нами», коротко и просто отмѣчаетъ этотъ день здоровый Могутинъ, красавецъ бородачъ.

13-го октября я былъ вызванъ въ главный штабъ и здѣсь мнѣ было объявлено, что я назначенъ начальникомъ конвоя.

24 часа было въ моемъ распоряженіи на сборы и я приступилъ къ мобилизаціи.

Всю ночь съ 13-го на 14-е октября въ конвоѣ никто не ложился. Стучали топоры, раздавался визгъ пилы. Одни ящики приносились изъ мастерскихъ, ихъ отдѣлывали окончательно, приспособляли къ вещамъ, накладывали, забивали досками, обшивали рогожей и надписывали. Люди работали весело, бойко. Не было и тѣни желанія выпить на прощанье, всѣ были озабочены и заняты укладкой.

Блѣдное петербургское утро освѣтило комнату, установленную ящиками для далекаго путешествія. Свѣжій осенній вѣтеръ дулъ по улицамъ—таково было это послѣднее утро въ Петербургѣ...

Минута отъѣзда, очень тяжелая для провожающихъ—легче переносится уѣзжающими. Толпа народа, собравшаяся къ 3-мъ часамъ дня на Николаевскомъ вокзалѣ, сердечныя пожеланія, все это повышаетъ нѣсколько настроеніе, разлука кажется не такъ замѣтной, мало думаешь о будущемъ, всѣ мысли еще назади, въ Петербургѣ. Однако, многіе изъ казаковъ плакали. Это были слезы, вызванныя исключительно волненіемъ неожиданныхъ и трогательныхъ проводовъ...

Самая скучная, по всей вѣроятности, часть пути началась. Поѣздъ тронулся, всѣ сняли шапки и перекрестились.—«Счастливый путь»—кричали на станціи. Пошли мелькать мимо знакомые заборы, багажные вагоны, платформы. Показались красныя казачьи казармы, манежъ, замелькалъ переплетъ моста, пошли болота и лѣса родного сѣвера, Петербургъ остался позади, члены миссіи начали знакомиться другъ съ другомъ...

Составъ офицеровъ и врачей мною названъ выше. Я позволю теперь остановиться на нижнихъ чинахъ ввѣреннаго мнѣ конвоя. Ихъ 20 человѣкъ, одинъ уже уѣхалъ: на лицо 19. Въ видахъ удобства управленія конвоемъ я разбилъ его на три звена (отдѣленія): лейбъ-казачье, атаманское и сводное (изъ уральцевъ и артиллеристовъ). Старшимъ на правахъ вахмистра назначенъ съ утвержденія полковника Артамонова старшій урядникъ лейбъ-гвардіи Казачьяго Его Величества полка *Духопельниковъ*, молодецъ 2-хъ аршинъ 12-ти вершковъ ростомъ, съ широкой окладистой бородой и ясными голубоватыми глазами, православный, холостъ, характера спокойнаго, немного резонеръ. Важничаетъ, но слегка. Очень серьезенъ и неразговорчивъ. Старшій лейбъ-казачьяго звена—младшій урядникъ *Еремин*ъ, православный, женатъ. Ростомъ не ниже Духопельникова, но имѣетъ болѣе жидкую бороду, поетъ звонкимъ теноромъ, тунѣе противъ другихъ своихъ товарищей. Казаки *Изваринъ* и *Могутовъ*, женаты, коренасты и сильны. Представители физической силы. Трубачъ *Терешкинъ*, худощавъ и строенъ, слегка горбится, мастеръ на всѣ руки. Характера мрачнаго. Казакъ *Любовинъ*, холостой парень, невысокаго роста, съ глазами на выкатѣ, носитъ небольшіе усы. Любитъ почитать книжку, поговорить: смѣсь писарскаго шика съ казачьимъ самомнѣніемъ: обладаетъ прекраснымъ баритономъ и знаетъ много пѣсенъ. Слегка презираетъ своихъ остальныхъ товарищей — сѣрые, дескать, ничего не понимаютъ. Знатокъ различныхъ напѣвовъ, человѣкъ бывалый, весьма любознателенъ. Старшій атаманскаго звена — старшій урядникъ *Авиловъ*, большаго роста, худощавый, характеромъ похожъ на Духопельникова, но жиже и слабѣе его. Женатъ, часто задумывается. Трубачъ—урядникъ *Алифановъ*. Блѣдное лицо, обрамленное густой черной бородой, съ черными же задумчивыми глазами. Портной, плотникъ и кузнецъ. Весьма исполнителенъ, но говорить много не любитъ. Приказный *Крынинъ*, казакъ средняго роста, человѣкъ расторопный и почтительный. Соваться впередъ не любитъ—порученное исполнитъ тщательно. Приказный *Архиповъ*, плотный и сильный мужчина, старовѣръ, угрюмаго и задумчиваго характера; глаза, сверкающіе изъ-подъ нависшихъ бровей, скрываютъ добрую душу; чертежникъ и съемщикъ. Казакъ *Кривошлыковъ*, длинный, худой, некрасивый съ виду дѣтина, кузнецъ и паяльныхъ дѣлъ мастеръ, выправка неважная, любитъ сплетни, постоянно вытягиваетъ шею и слушаетъ. Приказный *Деминъ*, почти мальчикъ съ пробивающимися черными усиками, 2-хъ аршинъ 11-ти вершковъ росту. Старшій своднаго звена — фейерверкеръ 1-й батареи гвардейской

конно-артиллерійской бригады *Недодай*, малоросъ, уроженецъ войска Донскаго: толстъ и солиденъ, не безъ малороссійскаго юмора; любитъ пѣть, разговаривать, весьма любопытенъ. Фейерверкеръ 2-й батареи *Полукаровъ*, уроженецъ Рязанской губерніи, не имѣетъ ни усовъ, ни бороды; поетъ звонкимъ нѣжнымъ теноромъ, человѣкъ очень разсудительный. Артиллеристы лейбъ-гвардіи 6-й Донской батареи *Щедровъ* и *Мазанкинъ*, оба красивые видные бородачи; оба моряки, низовыхъ станицъ: дома, на Дону, занимались рыбачествомъ. Уральцы—*Сидоровъ*, лихой запѣвало, гармонистъ, длинный, безбородый и безусый, весельчакъ и шутникъ, хорошій музыкантъ, весьма высокаго о себѣ мнѣнія. *Пановъ*, рыжебородый, съ монгольскими чертами лица уралецъ, отличный танцоръ, любитель поболтать и поспорить и, наконецъ, *Изюмниковъ*, невысокій, круглолицый, ничѣмъ особеннымъ не выдающійся казакъ.

Конвой ѣдетъ въ особомъ вагонѣ третьяго класса. Люди сбились по кучкамъ. Грамотѣи читаютъ разсказы про Абиссинію, въ другомъ концѣ переписываютъ русскими буквами написанную марсельезу.

Унылая осенняя природа видна въ окна. Желтыя поля, голые коричневые лѣса, лужа, болотце, черная деревушка на скатѣ и опять поля и лѣса. Такъ до Москвы, безъ перемѣнъ, съ короткими остановками на станціяхъ, на которыхъ едва успѣваешь проглотить стаканъ чаю и опять несешься дальше и дальше.

9 часовъ вечера. Люди становятся въ одну шеренгу на перекличку въ тѣсномъ проходѣ вагона. Трубачъ Терешкинъ заводитъ кавалерійскую зорю. Дружно пропѣли: «Отче нашъ» и «Спаси Господи». Ночь...

Въ Москвѣ къ отряду присоединился мальчикъ-кадетъ 1-го Московскаго корпуса Хайле Маріамъ Уонди, сынъ Ата Уонди, хараpскаго землевладѣльца, абиссинецъ родомъ. Восьми лѣтъ отъ роду онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не зная ни слова по русски, теперь ему 14 лѣтъ, онъ отлично говоритъ по русски, но совершенно забылъ свой родной языкъ. Докторъ Бровцынъ, кандидатъ Кузнецовъ и классный фельдшеръ Сасонъ пытаются воскресить въ его памяти абиссинскій языкъ, но это не всегда имъ удается. На вопросы на абиссинскомъ языкѣ мальчикъ сконфуженно улыбается и отрицательно качаетъ головой.

16-го октября, поздно ночью, проѣхали черезъ Кіевъ. Дулъ пронзительный осенній вѣтеръ. Днѣпръ катилъ свои холодныя волны. «Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь и не знаешь—идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь онъ вылитъ изъ стекла и будто голубая зеркальная дорога рѣетъ и вьется по зеленому

міру»... Желѣзнодорожный мостъ нависъ надъ Днѣпромъ. У берега привязано нѣсколько лодокъ, на нихъ горятъ красные фонари и огни ихъ отражаются длинными алыми полосами по водѣ. Немного выше идутъ улицы. Огненныя точки фонарей паралельными рядами взбѣгаютъ на холмы. Гдѣ-то пожаръ, широкое зарево заняло полъ-неба и на фонѣ его рѣзко вырисовываются силуэты домовъ. Пирамидальные тополи ростутъ здѣсь и тамъ. Вотъ показались фонари, поѣздъ остановился и началась перегрузка на юго-западную дорогу.

За Кіевомъ пейзажъ измѣняется. Становится теплѣе. Въ садахъ много зелени. Пожелтѣли одни дубы и клены, акація же, береза и др. еще зелены. Появились жиды. Съ рыжими, черными и сѣдыми бородами въ длиннополыхъ сюртукахъ съ косматыми волосами толпились они по платформамъ маленькихъ станцій. Виды становятся красивѣй и богаче. Маленькое озерко окружено коричневой дубовой рощей. Група малороссіянокъ граблями сгребаетъ сухіе листья: телѣги, запряженныя мутносѣрыми волами съ широкими развлатыми рогами стоятъ въ линію... Красивая картина парка быстро скрывается изъ глазъ и видна широкая, чуть всхолмленная поляна, а тамъ хуторъ съ бѣлыми домиками, высокая церковь съ зеленымъ куполомъ и снова роща.

Въ Одессу прибыли 17-го октября, около 9-ти часовъ вечера. Толпа коммисіонеровъ гостинницъ окружила съ предложеніями услугъ. Начальникъ миссіи озаботился оставленіемъ комнатъ въ гостинницѣ «Лондонъ». Люди конвоя ночевали въ своемъ вагонѣ на станціи.

18-е октября. Съ ранняго утра команда грузитъ свои вещи, вещи аптеки и подарки на пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Царь». Вагонъ желѣзной дороги поданъ къ самой пристани. Дрягиль въ сѣромъ пиджакѣ, впрочемъ нѣтъ, назвать сѣрымъ это смѣшеніе пятенъ, дыръ заплатанныхъ и незаплатанныхъ — немного смѣло, и такихъ же штанахъ, въ сѣрой шляпѣ, круглой, съ широкими полями, опущенными внизъ, завѣдуетъ нагрузкой. Все лицо его, грязное и загорѣлое, покрыто потомъ. Глубокія морщины избороздили его по всѣмъ направленіямъ. Изъ улыбающагося то и дѣло рта торчитъ единственный зубъ. Такіе типы, кажется, созданы портовой жизнью. Загорѣлые, покрытые потомъ и углемъ, съ обвѣтренными лицами, они день и ночь толкутся на пристани, болтая на всѣхъ языкахъ вообще и ни на одномъ въ особенности. Другой такой же типъ стоитъ на палубѣ «Царя» и распоряжается нагрузкой въ трюмъ.

— «Майна»! кричитъ сѣдой нагрузчикъ.

— «По малу»! мягкимъ басомъ отвѣчаютъ сверху.

Со стукомъ вертится колесо на лебедкѣ и натягиваетъ цѣпь. Цѣпь тянетъ веревочную петлю—«стопъ», тяжелые ящики медленно поворачиваются на покатыхъ доскахъ, перекинутыхъ съ пристани на бортъ судна, ползутъ по ней, еще мгновеніе и они виснятъ надъ моремъ.

Казакъ Изварпнъ съ испугомъ смотритъ, какъ качаются надъ моремъ ящики съ драгоцѣнными Императорскими подарками.

— «А не оборвется?» робко спрашиваетъ онъ нагрузчика. Тотъ отвѣчаетъ взглядомъ глубочайшаго презрѣнія.

Нагрузка длится часа три. Три часа раздаются однообразныя восклицанія.—«Майна!»—и глухой отвѣтъ—«по малу».

Погода довольно теплая. Сѣрыя тучи нависли надъ моремъ. Въ портѣ вода мутно-зеленаго свѣта, дальше Черное море оправдываетъ свое названіе—оно графитоваго цвѣта; вдали сгустились тучи. Семь дней здѣсь свирѣпствовала буря и разведенное ею волненіе обратилось въ мертвую темную зыбь.

Нагрузка кончена. Послѣдніе ящики погребены въ широкомъ темномъ отверстіи трюма. Я иду на берегъ: нужно кое-что закупить; интересно заглянуть на физіономію незнакомаго города. Я подымаюсь по грязной улицѣ, по которой вокругъ трактировъ толпятся дрягили и матросы различныхъ національностей, и попадаю въ городъ. Чистая широкая улица, мощеная каменными брусками, чистый тротуаръ, обсаженный въ два ряда бѣлой акаціей, такіе же чистые однообразные домики съ большими окнами и красивыми дверьми безъ подъѣздовъ. Направо такая же улица оканчивается изящной церковью, дальше видно грандіозное зданіе театра, садъ вокругъ него и въ саду цвѣтникъ. Невольно думаешь о голыхъ деревьяхъ петербургскихъ садовъ и темныхъ клумбахъ, быть можетъ теперь уже запорошенныхъ снѣгомъ.

Я прошелъ Ришельевскую, Дерибасовскую улицы, прошелъ Кузнечный переулокъ, набережную съ ея красивыми грандіозными домами, зашелъ въ громадный подъѣздъ «Crédit lyonnais», размѣнялъ тамъ деньги, присмотрѣлся къ восточнымъ человѣкамъ на улицахъ, къ французамъ въ банкѣ, къ грекамъ въ ресторанахъ, харчевняхъ и парикмахерскихъ, и убѣдился, что Одесса имѣетъ иностранную и даже прямо французскую физіономію.

Видно первый ея губернаторъ, памятникъ которому такъ властно смотритъ на зеленый портъ, обрамленный длинными молами, на тем-

ное, вѣчно волнующееся море положилъ въ основу ея широкую, прямую и просторную планировку городовъ своей изящной родины.

Я гулялъ по Одессѣ и позднимъ вечеромъ. Я смотрѣлъ на намазанныя физіономіи гречанокъ, нѣмокъ и француженокъ, разгуливающихъ по бульварамъ, смотрѣлъ на юркихъ молодыхъ людей неизвѣстнаго званія и профессій, сновавшихъ здѣсь и тамъ, наблюдалъ эту шумную жизнь улицы вечеромъ октябрскаго дня. Немножко напомнила она мнѣ платформы Стрѣльны, Петергофа въ теплые лѣтніе вечера, наводненные толпой учащейся молодежи. И здѣсь преобладали гимназисты въ сѣрыхъ курточкахъ и сѣрыхъ брюкахъ. Незамѣтно я вышелъ къ памятнику Ришелье.

Какой чудный видъ на море открылся предо мною. Повсюду огни. Бѣлые—электрическіе, желтые, красные, зеленые. Море чуть шумѣло; теплымъ вѣтромъ тянуло отъ него. Внизу жизнь еще кипѣла. Здѣсь, наверху, нерѣдка проходили парочки, исчезали въ зеленомъ прибрежномъ саду и веселый южный смѣхъ слышался изъ тѣнистыхъ кустовъ. Я прошелъ къ «Царю». При свѣтѣ электрическихъ фонарей нагрузка продолжалась. Стадо бѣлыхъ быковъ стояло у парохода. По очереди подгоняли одно изъ животныхъ ближе къ пароходу, подводили подъ него стропъ, обшитый снизу парусиной, раздавался крикъ «майна!», глухое «по малу!» отвѣчало съ берега и безпомощно поджавъ короткія ноги свои и низко опустивъ рогатую голову съ самымъ глупымъ выраженіемъ темныхъ глазъ подымался быкъ на воздухъ, поворачивался на кранѣ и медленно опускался въ широкій трюмъ. Первое время послѣ воздушнаго своего путешествія быкъ себя чувствовалъ плохо, но его тянули за рога, крутили ему хвость и онъ кидался въ погруженную уже толпу быковъ... Вся верхняя палуба занята баранами. На крышѣ средней рубки тоже толпятся стада мериносовъ.

Команда моя только что построилась на перекличку.

— «Ну что, хорошій городъ Одесса?»

— «Очень хорошій, послѣдовалъ дружный отвѣтъ».

— «Можно сказать—прекрасный городъ».

— «А моря вы не боитесь?»

— «Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе», раздался дружный отвѣтъ.

Я осмотрѣлъ ихъ помѣщеніе, недурное въ общемъ, на нарахъ, наверху, подъ окнами и ушелъ домой, въ гостинницу «Лондонъ».

Дома я не могъ заснуть: долго слышалось мнѣ скрипѣніе цѣпи лебедки, крики—«майна!» и угрюмый отвѣтъ—«по малу!»

II.

Отъ Одессы до Константинополя.

19-го (31-го) октября, воскресенье. Погода теплая, но пасмурно. Съ утра у парохода необыкновенное оживленіе, спѣшно догружаютъ послѣдніе товары. Знакомые и родные пріѣхали проводить отплывающихъ. На верхней палубѣ толкотня. Командующій войсками Одесскаго округа генералъ-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ пріѣхалъ проститься съ посольствомъ. Явился неизбѣжный фотографъ, конвой построился на ютѣ, сняли фотографію съ начала съ него, потомъ со всей миссіи. Прощаются послѣдній разъ, даютъ послѣднія порученія. Внизу на палубѣ происходитъ трогательное разставаніе нѣсколькихъ стрѣлковъ 15-го стрѣлковаго полка: они провожаютъ фельдшеровъ своихъ на островъ Критъ. На прощаніе выпито было немало и слезы текутъ обильно. Отъѣзжающій кинулъ свой платокъ остающемуся, тотъ бросилъ свой. Но и этого сердечнаго обмѣна платковъ имъ показалось мало. Въ послѣдній моментъ, когда матросы уже взялись за поручни трапа, они бросились на него и крѣпко обнялись на прощанье. Вотъ мать цѣлуетъ сына, худощавая англичанка машетъ платкомъ...

Помощникъ капитана подалъ свистокъ, сняли причалы, скинули трапъ, буксиръ прошелъ впередъ и медленно началъ вытягивать «Царя» изъ-за мола.

Всѣ были наверху. Чудная панорама Одессы открывалась съ палубы. Каменная галерея наверху высокаго берега, статуя Ришелье, группы домовъ, зелень садовъ показались вдали, очертанія начали сливаться, стушевываться, прошелъ еще часъ и только туманная береговая полоса осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ была покинутая Россія.

Свѣжій вѣтеръ скоро согналъ публику съ юта. Въ каютъ-компаніи зазвонили къ завтраку.

Когда я вышелъ снова на ютъ, ничего кромѣ моря не было видно кругомъ. Оно волновалось, это темное, сѣрое море, покрытое мѣстами бѣлыми гребнями, кидало свои волны на бортъ парохода и рябило безъ конца. Началась легкая качка. Стоишь на ютѣ и видишь, какъ медленно подымается кверху носъ и потомъ замретъ на минуту и такъ же осторожно начнетъ опускаться. Тяжелое ощущеніе. Приходитъ весельчакъ фармацевтъ нашъ Б. Н. Л—овъ и говоритъ: «самое

лучшее средство, чтобы не заболѣть морской болѣзнью, это ходить взадъ и впередъ».

И мы ходимъ подъ руку, то подымаясь, то опускаясь, сообразно съ качкой. Иногда качка заставляетъ насъ дѣлать непроизвольные шаги въ сторону.

— «Ого, покачиваетъ», говоритъ К. Н. А—в. «Смотрите, чтобы совсѣмъ не закачало».

— «Это еще что», произноситъ нашъ серьезный докторъ И. П. Б—нъ и смотритъ въ упоръ на васъ сквозь пенснэ. «Какъ только положатъ на столъ скрипки—я готовъ. Я не выхожу больше къ обѣду».

Мы идемъ и смотримъ не кладутъ ли скрипки. Но обѣденный столъ накрытъ по обыкновенному. Перемычекъ, гнѣздъ для тарелокъ нѣтъ. Это насъ успокаиваетъ.

— «Смотрите, дельфины».

Цѣлая стая этихъ морскихъ чудовищъ плыла за пароходомъ. Они прыгали, словно по командѣ, изъ воды и снова ныряли и долго были видны въ прозрачныхъ водахъ ихъ черныя спины. Вотъ они прыгнули снова, показали на минуту изъ воды свое сѣрое брюхо и снова скрылись...

Вечеромъ пароходъ освѣщенъ электричествомъ. Темныя волны видны кругомъ, а качка легкая, утомительная все продолжается. Ложишься на койку и засыпаешь тяжелымъ сномъ подъ однообразный стукъ машины. Сквозь сонъ чувствуешь, какъ то подымаетъ, то опускаетъ качкой вашу голову, потомъ забываешься и видишь себя въ Россіи, среди всѣхъ тѣхъ, кто дорогъ сердцу.

20-го (1-го) октября, понедѣльникъ. Какое тяжелое пробужденіе... А какъ было хорошо во снѣ. Въ круглый портикъ видно желтое небо и сѣрыя тучи надъ нимъ. Волна не убавилась. Качка продолжается. Подниметъ пароходъ кверху, опуститъ и снова поднимаетъ. Всѣ выходятъ недовольные.

— «Покачиваетъ, знаете, того», говоритъ Л—овъ.

— «Не пойти ли лечь», отвѣчаетъ К—ій. Онъ не выноситъ качки.

Голова начинаетъ тупо болѣть. Мысль перестаетъ работать.

— «Кажется укачиваетъ», говорю я, и спускаюсь внизъ. Вотъ одинъ изъ казаковъ съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ, нетвердой походкой прошелъ по палубѣ. Снизу, отъ желудка, что-то поднимается, идешь на верхъ, но и свѣжій вѣтеръ мало облегчаетъ. За кормой бѣжитъ мутно-зеленая полоса, покрытая мѣстами пѣной, дельфины играютъ съ боковъ, а тамъ, вдали, куда только хватаетъ глазъ, видно море.

Гадкое море, ужасное море!! Это еще легкая качка, что же будетъ, когда начнетъ валять по настоящему. Тоскливое чувство увеличивается. Смотришь, какъ мѣрно подымается и опускается палуба, какъ вылетаетъ изъ подъ нея бездна пѣны, смотришь на темно-синее море безразличнымъ взглядомъ и ничто не интересуетъ, ничто не забавляетъ. Начинаешь желать смерти. Если бы пароходъ въ это время сталъ тонуть, то кажется ни малѣйшаго усилія не употребилъ бы, чтобы спастись. Спускаешься внизъ, цѣпляясь за перила лѣстницы и ложишься въ каюту. Лежать легче. Наступаетъ полное равнодушіе ко всему. Время останавливается. Все равно—утонемъ мы, или нѣтъ, видѣнъ берегъ или далеко, усилилась или уменьшилась качка. Лѣнь встать. Одѣяло лежитъ неловко и давитъ подъ бокъ, но вставать не хочется, «пускай лежитъ такъ, все равно...»

Съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, съ самой постыдной слабостью воли я заснулъ, наконецъ, и это было самое лучшее, что могъ я сдѣлать во время качки.

Меня разбудилъ Г. «Вставайте, къ Босфору подходимъ!...»

Я моментально вскочилъ. Качки какъ не бывало. Зеленоватая зыбь шла по неширокому проливу. Съ обѣихъ сторонъ виднѣлись высокіе берега. Мутно-желтая трава покрывала крутые скаты горъ, виднѣлись постройки, стѣны домовъ выростали прямо изъ воды. Вотъ на горѣ видны темно-сѣрыя развалины старинной Генуэзской крѣпости, съ другой стороны—такія же развалины. Поломанныя стѣны сбѣгаютъ къ самому морю. Отъ этихъ стѣнъ когда-то протягивались поперекъ Босфора тяжелыя цѣпи... Теперь, страшнѣе всякихъ цѣпей, глядятъ изъ-за низкихъ земляныхъ батарей большія береговыя орудія. Турецкій, красный съ бѣлымъ полумѣсяцемъ флагъ виситъ надъ башней. Часовой въ черномъ башлыкѣ и накидкѣ стоитъ на батареѣ. Напротивъ расположена такая же батарея. Со своими ярко зелеными скатами спокойными линіями фасовъ и тупыми исходящими углами онѣ выглядятъ такъ невинно. Если бы не эти черныя пушки, не военная правильность очертаній этихъ ровныхъ холмовъ — ихъ не признаешь за грозную защиту пролива.

Пароходъ идетъ мимо Константинополя. На высокой горѣ, ярко озаренная солнцемъ, покрытая бездной домовъ и домиковъ, рисуется столица Турціи. Темно-зеленыя изумрудныя волны Босфора ласкаютъ его берега. Масса пароходовъ, баржъ и шхунъ покрываетъ проливъ. А сколько лодокъ! Вотъ подъ парусами идетъ турецкая шлюпка. Черный косой парусъ ровно надутъ, оборванные загорѣлые турки въ красныхъ чалмахъ сидятъ на кормѣ, а кругомъ нея бездна мелкихъ

фелюкъ. Наша восьмая четверка подходитъ къ «Царю», шлюпка агентства идетъ за почтой, а за ними цѣлая стая шлюпокъ, выкрашенныхъ въ яркіе цвѣта и посланныхъ отъ отелей съ гребцами, одѣтыми въ рубища, въ яркія тряпки, покрытые чалмами и непокрытые, въ фескахъ съ кисточками и въ фескахъ безъ кисточекъ. И все это кричитъ, предлагая свои услуги, выхваляя свои отели, кричитъ, коверкая всѣ европейскіе языки, зазывая жестами, улыбаясь и кивая головами. Спустили трапъ, и они быстро наводнили всю палубу, хватали за рукава, тащили къ себѣ, приглашали на французскомъ и русскомъ языкахъ. Пріѣхалъ одинъ изъ офицеровъ русскаго стаціонера и съ нимъ русскій посольскій кавасъ въ фескѣ, темномъ турецкомъ костюмѣ и съ вызолоченой кривой саблей.

И надъ всей этой безпорядочной толпой шлюпокъ и лодокъ, надъ разноплеменными пароходами всѣхъ флаговъ и всѣхъ національностей царитъ Константинополь. Вотъ старая часть города—Стамбулъ увѣнчанный желтымъ грандіознымъ зданіемъ мечети Айя-Софія, лѣвѣе къ морю спускаются сады султанскихъ гаремовъ сераля. Кипарисы остроконечными вершинами выдѣляются надъ купами южныхъ сосенъ, миртъ и олеандровъ. Среди зелени видны бѣлыя постройки. Это павильоны и дома. А какъ красивъ противоположный берегъ Золотаго Рога—Галата и Пера. Дома лѣзутъ одинъ на другой, узкіе, высокіе, бѣлые, розовые, красные, больше, впрочемъ, бѣлые. Надъ всѣмъ царитъ высокая башня Галата, многоугольная, постепенно съуживающаяся. Дальше видны бѣлыя длинныя постройки султанскаго дворца, еще далѣе, если смотрѣть къ Черному морю — невысокая башенка-скала Леандра и далеко на горизонтѣ, на Мраморномъ морѣ, видны фіолетовые обрисы Принцевыхъ острововъ.

Чудная, ни съ чѣмъ несравнимая картина!

III.

Константинополь.

Константинополь столько разъ описанъ перомъ гораздо болѣе талантливымъ, чѣмъ мое, что я не рискую браться за описаніе его достопримѣчательностей. Разскажу только то, что я видѣлъ, и какъ я видѣлъ. Заранѣе предупреждаю, что видѣлъ я весьма немного, видѣлъ только то, что угодно было толстому рыжеусому проводнику Мустафѣ показать мнѣ.

Я былъ въ Константинополѣ два раза, вечеромъ, 20-го октября, и утромъ, 21-го.

Были сумерки, когда я вышелъ на набережную. Толпа народа ходила взадъ и впередъ; оборванные старые турки сидѣли и стояли по бокамъ грязнаго тротуара. Передъ одними изъ нихъ были высокія круглыя корзины, наполненныя янтарнымъ константинопольскимъ виноградомъ, другіе продавали какіе-то жирные блины, свернутые въ трубку и наполненные творогомъ, у третьихъ были круглые запеченые крендели, четвертые, на маленькихъ деревянныхъ табличкахъ, положенныхъ прямо на землю, торговали сырой рыбой, нарѣзанной кусочками, пятые... И не перечтешь всего, чѣмъ торговали эти кричащіе, суетящіеся во всѣхъ направленіяхъ люди. Всякій выхвалялъ нараспѣвъ свой товаръ, и ихъ гортанные голоса, непривычные для рускаго уха, какъ-то странно его поражали. По тушнелю, проведенному наискось, снизу вверхъ, по электрической желѣзной дорогѣ вы попадаете въ Перу, европейскую часть города. Уже совсѣмъ темно. Рѣдкіе керосиновые фонари тускло освѣщаютъ узкія грязныя улицы, мощеныя каменными плитками. На каждомъ шагу знаменитыя константинопольскія собаки. Онѣ ведутъ себя совершенно беззастѣнчиво въ этомъ городѣ, гдѣ ихъ никто не тронетъ. Вотъ бурая собака со всѣмъ своимъ юнымъ семействомъ разлеглась посреди тротуара, другія возятся на улицѣ, не пугаясь движенія. Пѣшеходы, ихъ большинство, заняли всю улицу. Сквозь толпу пробираются извозчики съ колясками, запряженными парами лошадей въ англійской сбруѣ. Зеленыя конки, пронзительно трубя, тянутся по рельсамъ. На углахъ стоятъ турки съ невысокими лошадьми, осѣдланными англійскими сѣдлами и замундштученными. Лошади эти замѣняютъ нашихъ извозчиковъ.

Турецкій кавалерійскій разъѣздъ проѣхалъ по городу. Лошади въ довольно хорошихъ тѣлахъ, но люди грязно одѣты и посадка разнообразна. Вообще, встрѣчавшіеся со мной турецкіе солдаты и офицеры не имѣли особенно воинственнаго вида. Часовые, которыхъ я видѣлъ и у таможни, и у гауптвахтъ на улицахъ, и у патроннаго погреба, стояли, небрежно оперши съ на ружья, разговаривали съ проходящими, горбились и держали ружья какъ попало. Длинныя брюки турецкихъ солдатъ висѣли, далеко не доходя до сапогъ, напоминая нпыхъ мальчиковъ, выросшихъ изъ штановъ, доставшихся имъ, вѣроятно, отъ старшаго брата. Лица турецкихъ солдатъ по большей части выразительны и красивы.

Поздней ночью спускался я по улицѣ къ набережной. Шелъ про-

ливной дождь. Въ ярко освѣщенныя окна безконечныхъ кофеенъ видны были турки за мраморными столами, ожесточенно игравшіе въ карты. Ассигнаціи, большіе серебряные меджидіе и маленькіе талеры переходили быстро отъ одного къ другому. Игра шла азартная.

На главную улицу выходили узкіе темные переулки. Заблудиться тутъ ничего не стоило. Вотъ арена для уличныхъ дракъ, для всевозможныхъ волненій и пропагандъ.

Босфоръ заснулъ. Сопровождавшій меня кавасъ вызвалъ шлюпку и мы поплыли по Золотому Рогу. Всюду видны были огни судовъ и лодокъ. На пароходѣ работа не прекращалась. Лебедка скрипѣла во всю. Двѣ баржи стояли у причала и при свѣтѣ электрическихъ фонарей разгружались. Люди въ красныхъ фескахъ ходили по палубѣ.

21-го октября (2-го ноября). Проснувшись, я первымъ дѣломъ взглянулъ въ портикъ. Желтыя волны мягко плескались о бортъ парохода. Горизонтъ, золотистаго цвѣта, мѣстами былъ затянутъ темными тучами, погода могла разгуляться, но могла также разрѣшиться дождемъ. Мустафа, въ своемъ черномъ пиджакѣ и темно-красной фескѣ, уже ожидалъ меня на палубѣ. Я прошелъ къ конвою, поздоровался съ людьми, поздравилъ ихъ съ праздникомъ восшествія на престолъ Государя Императора и вызвалъ желающихъ на берегъ; желающими оказались всѣ. Кинули жребій—семерымъ остаться, а съ остальными на двухъ шлюпкахъ я высадился на Константинопольской набережной. Паспортныя формальности оказались очень просты. Я записалъ наши фамиліи и передалъ чиновнику въ фескѣ.

— «Московъ аскеръ», сказалъ онъ солдату, стоявшему у желѣзной рѣшетки.

— «Vous êtes un officier russe?» спросилъ онъ меня.

— «Oui, monsieur».

И мы толпой прошли между двухъ турецкихъ солдатъ и очутились на грязной набережной.

Мнѣ нужно было получить письма изъ Россіи. Письма изъ Россіи получаются, сказали мнѣ на русской почтѣ, въ агентствѣ пароходства. Я отправился въ агентство, но тамъ писемъ не было.

— «Можетъ быть ваши письма шли черезъ Вѣну, тогда вы найдете ихъ на австрійской почтѣ», утѣшилъ меня агентъ.

По кривымъ улицамъ, по которымъ толпились люди въ фескахъ, пробрался я къ зданію австрійской почтовой конторы.

— «Есть письма на имя N?»

Нѣмецъ строго посмотрѣлъ на меня, перебралъ маленькую пачку писемъ, еще строже взглянулъ и сказалъ: «вамъ писемъ нѣтъ».

— «Быть можетъ онѣ на главномъ почтамтѣ», сказалъ я проводнику.

— «О нѣтъ, это невозможно; всѣ русскія письма на русской почтѣ».

Но тѣмъ не менѣе я пошелъ и на главный почтамтъ. Тамъ тоже писемъ не нашли. А между тѣмъ письма были, я въ этомъ увѣренъ.

Гдѣ же получаютъ письма въ этомъ разноязычномъ городѣ, гдѣ столько почтамтовъ, сколько національностей, въ немъ проживающихъ, и гдѣ ни одинъ изъ нихъ не отвѣчаетъ за правильную доставку писемъ.

— «Значитъ не было писемъ», хладнокровно замѣчаетъ Мустафа и тянетъ меня впередъ.

По узкой улицѣ, мощеной плитнякомъ, по которой взадъ и впередъ ходятъ турки и европейцы, ѣздятъ коляски, запряженныя парами маленькихъ тощихъ лошадей, торопливо частымъ шагомъ проходятъ ослики, съ обѣихъ сторонъ нагруженные громадными корзинами съ разной мелочью, мы выбрались къ мосту. Высокіе турки въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ преградили намъ дорогу.

— «Надо платить двѣ копѣйки», объяснилъ намъ Мустафа, и побѣжалъ къ грязному деревянному павильону, гдѣ сидѣли сборщики податей.

Деньги уплачены, насъ пропускаютъ черезъ мостъ. Мостъ страшно грязный. Толстыя, неровныя доски покрываютъ его. Нога скользитъ по липкой грязи. Пѣшеходное движеніе по немъ громадное. Всѣ идутъ куда-то озабоченные, встревоженные, торопливые. Солдатъ въ грязныхъ, сѣрыхъ, суконныхъ панталонахъ съ красными лампасами и въ рваныхъ ботинкахъ бредетъ черезъ мостъ. Выправка неважная, руки болтаются безъ толка, синяя шинель одѣта какъ попало, штыкъ виситъ небрежно сбоку, видъ весьма непредставительный. По мосту мы попали въ старую часть города—Стамбулъ.

Узкія, кривыя улицы подымались кверху. Вотъ показались желтыя стѣны мечети Айа-Софія, мы повернули въ ворота и вошли во дворъ мечети, гдѣ картинно росли у магометанскихъ умывальницъ олеандры и мирты. Заплативъ по полъмеджидіе за входъ, мы поднимаемся по спиральной наклонной площади, мощеной брусками, на хоры мечети.

Когда Мехметъ (Магометъ) II взялъ Константинополь, повѣствуетъ намъ Мустафа, онъ въѣхалъ верхомъ по этому ходу на хоры и смотрѣлъ отсюда на рѣзню въ храмѣ.

Маленькіе глаза Мустафы при этомъ улыбаются, онъ совершенно входитъ въ роль гида и продолжаетъ поясненія безъапеляціонпымъ

топомъ, путая событія, дѣйствительно случившіяся, съ событіями, созданными народной фантазіей.

Вотъ здѣсь, говоритъ онъ, останавливаясь на хорахъ, былъ алтарь. Когда турки ворвались въ соборъ, епископъ, служившій обѣдню, заперся за царскими вратами и турки заложили ему каменьями выходъ.

Казаки со страхомъ смотрятъ на слѣды страшной двери и всѣ снимаютъ фуражки.

«Все-таки, братцы, храмъ этотъ былъ нашъ», говоритъ толстякъ Недодай, какъ бы оправдываясь передъ товарищами.

Теперь посмотримъ общій видъ, и Мустафа ведетъ все общество по хорамъ на середину.

Внизу подъ нами громадное пространство. Полъ устланъ цыновками и цыновки эти, протянутыя не симетрично вдоль храма, перекашиваютъ полъ въ одну сторону. На высокихъ колоннахъ висятъ большіе щиты, грубо сдѣланные изъ дерева, съ золотыми буквами по синему полю. Это священныя изреченія изъ Корана. Щиты эти мнѣ сильно напомнили вывѣски торговаго дома Цзинь-Лунь въ Петербургѣ. Въ глубинѣ мечети, прямо противъ насъ, мозаичныя изображенія шестикрылыхъ серафимовъ. Лица ангеловъ заклеены звѣздами.

Долго стою я и смотрю на обширную площадь мечети, разстилающуюся у моихъ ногъ. Одинъ громадный куполъ царитъ надъ нею. На золотой мозаикѣ этого купола еще виденъ Господь Богъ, распростершій свои руки надъ молящимся народомъ. Штукатурка не стерла слѣды его лица, его рукъ, его хитона.

Дальше на хорахъ могила властителя Византіи венеціанскаго дожа Дандоло и подлѣ нея слѣды прядильнаго станка, за которымъ день и ночь ткала безутѣшная дочь Константина Великаго.

Лицо Мустафы при сообщеніи всѣхъ этихъ подробностей выражаетъ величайшее наслажденіе.

— «Я не простой гидъ», самодовольно говоритъ онъ, «я знакомъ немного съ исторіей, я могу все пояснить исторически».

Съ хоровъ мы спускаемся внизъ. На паперти происходитъ скучная пригонка туфель на большіе казачьи сапоги и, шлепая ими, мы входимъ въ старинный храмъ. Вотъ красныя колонны, окованныя желѣзными обручами, по преданію перевезенныя изъ Соломонова храма, вотъ неподалеко отъ входа, на высотѣ трехъ саженъ, слѣдъ отъ руки и зарубка мечомъ: слѣды того же Магомета II. Онъ въѣхалъ верхомъ во храмъ, поднялся по крутой горѣ убитыхъ и раненыхъ на эту высоту и, омочивши лѣвую руку свою въ крови невѣрныхъ, приложилъ ее къ колоннѣ, а потомъ правою мечомъ засѣкъ колонну.

Страшныя, кровавыя страницы исторіи древней Византіи встаютъ предо мною, когда я гляжу на этотъ бѣлый слѣдъ ладони на темно-красномъ камнѣ колонны.

«...Все утро молились греки у престола св. Софіи. Нѣсколько разъ выходилъ патріархъ со св. дарами благословить народъ. То и дѣло прибѣгали гонцы съ городскихъ стѣнъ, повѣствуя о побѣдѣ турокъ. И вотъ они ворвались въ столицу. Ни цѣпи Босфора, ни стѣны укрѣпленій ихъ не остановили. Широкимъ потокомъ, неся за собою смерть, разлились они по тѣснымъ улицамъ Византіи, и, наконецъ, ворвались въ храмъ. Ни мольбы о пощадѣ, ни покорность судьбѣ, ни борьба на жизнь и смерть не могли спасти отъ турецкаго ятагана. Женщины и дѣти пали первыми на каменныя плиты св. храма. По нимъ пробирались храбрые защитники, но они гибли отъ ударовъ ножей и копій. Груда тѣлъ росла у входа. Не всѣ тутъ были мертвые. Часть еще дышала. Съ перебитыми членами, изуродованные, копошились они въ общей кучѣ труповъ.... Иные съ мольбою просили о пощадѣ, другіе запекшимися устами своими посылали врагамъ проклятія. И вдругъ раздались звуки трубъ, загремѣли литавры. На чудномъ бѣломъ конѣ, съ золотымъ наборомъ, подъ расшитымъ богатымъ вальтрапомъ, сопровождаемый отборнымъ своимъ войскомъ, въѣхалъ Мехмедъ-Али, повелитель правовѣрныхъ. Гора тѣлъ подымалась передъ нимъ— тѣмъ лучше! И благородный конь бережно ступаетъ копытами своими по тѣламъ византійцевъ. Трещатъ черепа женщинъ и дѣтей подъ его твердыми копытами, стонутъ и скрежещутъ раненые, но звуки литавровъ и трубъ заглушаютъ ихъ. И гордо озирается съ полуживого пьедестала своего повелитель правовѣрныхъ!...»

Это ли не торжество побѣдителя!

Съ стѣсненнымъ сердцемъ покидалъ я мечеть Айя-Софія. Всюду грязь. Тусклая позолота мозаики, мѣстами выбитой, не то генуэзцами во время ихъ пиратскихъ набѣговъ, не то просвѣщенными путешественниками, любителями колекціонировать древнія вещи, пыльныя стѣны, грязные щиты со священными изреченіями Корана — все это такъ жалко для столь громаднаго храма.

Въ углу ученикъ муллы нараспѣвъ читалъ свои молитвы, стоя на колѣняхъ передъ маленькой скамеечкой съ книгой. Онъ приподнялъ было голову при нашемъ приближеніи и потомъ снова загнусилъ: «Ла Алла, иль Алла!»...

Погода отвѣчала нашему настроенію. Моросилъ мелкій дождикъ. Холодный вѣтеръ свисталъ по улицамъ. Мустафа распустилъ свой

громадный зонтикъ и при этомъ не преминулъ сообщить, что зонтикъ этотъ онъ купилъ за два съ половиной франка.

Подъ дождемъ мы прошли къ старымъ казармамъ янычаръ и на площади ихъ полюбовались на обелискъ Өеодосія и змѣя Юстиніана.

Большая неровная площадь. Мѣстами она мощена каменными плитками, мѣстами грязное, глинистое шоссе пролегаетъ по ней. Посрединѣ несимметрично стоятъ двѣ колонны. Одна, темнаго гранита обелискъ, на мраморномъ фундаментѣ, другая—бронзовый змѣй, позеленѣвшій отъ времени, съ отбитыми тремя головами. Подъ обелискомъ расположены барельефы, изображающіе постановку обелиска на пьедесталъ. Өеодосій со свитой сидитъ на возвышеніи и смотритъ, какъ тысячи рабочихъ тянутъ веревки колонны. Съ другой стороны изображена раздача хлѣба рабочимъ, далѣе раздача имъ жалованья и, наконецъ, празднества по случаю постановки колонны.

Все это было здѣсь давно, въ тѣ времена, когда боролись цирковыя партіи, когда знатные византійцы бродили по этой площади.

Турецкій солдатъ подозрительно смотрѣлъ теперь на группу казаковъ, живописно расположившуюся вокругъ колонны. Сама колонна на проливномъ дождѣ выглядѣла такой грустной, грязной, заброшенной. Дальше, дальше отъ этихъ памятниковъ прежняго величія, дальше отъ этихъ труповъ славной Византіи.

По довольно широкой улицѣ, обсаженной бѣлыми акаціями, прошли мы мимо гроба Мехмета къ зданію сераскирата и казначейства. Это единственныя постройки, передъ которыми есть достаточно простора, которыя не стѣснены, не задушены грязными домиками и домишками. Все въ Константинополѣ лѣпится одно къ одному, безъ промежутка, безъ двора, безъ лишняго переулка. И если уже гдѣ случайно образовался переулокъ, то онъ такой узкій, что двѣ кареты въ немъ не разъѣдутся. Кривой линіей, между двухъ тѣсно сдвинувшихся рядовъ домовъ, почти безъ оконъ, вьется онъ, чтобы упереться въ другой такой же переулокъ, и образовать съ нимъ глухой темный лабиринтъ. Мало свѣта, мало простора.

Здѣсь же, почти съ самой площади вошли мы на большой константинопольскій базаръ. Это старыя конюшни Юстиніана. Онѣ теперь реставрированы, т. е. заново оштукатурены, и выкрашены грубой синей краской по широкимъ панелямъ.

Какая пестрота красокъ! Какой шумъ и крикъ на всѣхъ языкахъ, по преимущественно на гортанномъ турецкомъ. Маленькія лавчонки тѣсно сбились одна къ другой. Куда нашей толкучкѣ — далеко! Тутъ продаютъ матеріи, далѣе табакъ, рахатъ-лукумъ, туфли, тутъ же на

маленькихъ желѣзныхъ вертелахъ надъ раскаленными угольями жарять шашлыкъ, тамъ ѣдятъ какую-то густую крахмаловидную молочную массу, наложенную въ чашки, торгуютъ оружіемъ, готовымъ платьемъ, кожей, расшитой золотомъ.

Толпа народа идетъ туда и сюда. Негры, арабы, турки въ красныхъ чалмахъ, бедуины въ бѣлыхъ плащахъ, европейцы, греки въ юбочкахъ и опять турки. Молодые, статные, черноусые, красивые и старые, беззубые, съ клочковатой сѣдой бородой, съ тюрбаномъ на головѣ, съ большимъ краснымъ носомъ. Среди этой суетливой мужской толпы рѣдко рѣдко гдѣ попадалась женщина. Простыя, одѣты какъ наши монашенки, съ черными платками на головахъ, съ лицами, завязанными темной кисеей. Дамы высшаго общества ограничивались только тѣмъ, что закутывали бѣлой кисеей подбородокъ и носъ, оставляя глаза открытыми. Тупо и покорно смотрѣли эти глаза, опушенные длинными черными рѣсницами, изъ матоваго фона лица. То и дѣло сквозь толпу шагали маленькіе ослики, нагруженные громадными корзинами. Покорно пробирались они через толпу, выбирая себѣ дорогу.

Узкая улица — коридоръ рынка, спускалась ниже и ниже, давая мѣстами развѣтвленія въ разныя стороны, путаясь въ тѣсномъ лабиринтѣ. Дождь продолжалъ хлестать, промачивая бѣлыя фуражки и желтыя куртки казаковъ; зонтики запрудили улицу. Голова болѣла отъ этого непрерывнаго гама, отъ толкотни и пестроты костюмовъ и лицъ...

Наконецъ, мы спустились къ мосту, снова заплатили пени за переходъ по липкой грязи мокрыхъ досокъ, и вышли на пристань.

Чудный Золотой Рогъ шелъ вправо и влѣво. Желтыя воды его чуть волновались. Масса шлюпокъ, парусныхъ и гребныхъ, скользила по немъ. И какъ онѣ не сталкивались только въ тѣсномъ заливѣ — одному Аллаху извѣстно.

Въ три часа «Царь», буксируемый маленькимъ портовымъ пароходикомъ, медленно сталъ вытягиваться изъ Золотого Рога.

Въ первомъ классѣ много новыхъ пасажировъ. Египетская принцеса Nazle Hanem, сестра жены хедива съ маленькимъ сыномъ, наслѣдникомъ египетскаго престола, прехорошенькимъ мальчикомъ, съ длинными вьющимися бѣлокурыми волосами и громадными черными глазами, сопровождаемая двумя горничными и тремя евнухами, отвратительными неграми съ громадными губами, приплюснутыми носами и тупой физіономіей, стоитъ на ютѣ, возбуждая всеобщее вниманіе.

Она некрасива, но эфектна. Высокаго роста, широкоплечая, полная, съ нѣжнымъ восковымъ цвѣтомъ лица, большими черными гла-

зами и красно-рыжими волосами, съ лицомъ едва закутаннымъ легкой кисейной чадрой, въ темномъ бархатномъ пальто, опушенномъ мѣхомъ. Она стояла у перилъ и смотрѣла на изящный паровой катеръ, привезшій ее къ пароходу. Въ катерѣ, на коврѣ, сидѣли двое турокъ и турецкая дама.

Принцеса махала имъ платкомъ и, казалось, плакала.

«Царь» прибавилъ ходу, турецкій катеръ отсталъ, пронзительно свиснувъ и понесся къ Босфору — мы медленно стали выходить въ Мраморное море.

Волшебная панорама открывалась по обѣимъ сторонамъ, замыкала декорацію сзади. Сквозь обрывки тучъ выглянуло южное яркое солнце. Зеленыя волны Босфора сливались съ желтыми водами Золотого Рога, дѣйствительно золотого. Шлюпки неслись по всѣмъ направленіямъ. Справа по холму подымались зеленые кипарисы, тѣнистыя сосны, олеандры, мирты и лимоны, и среди нихъ нѣжной зелени виднѣлись бѣлыя постройки султанскаго сераля. Слѣва гора домовъ. Они громоздились другъ на друга, подымались выше и выше, образуя непривычную для жителя равнинъ панораму средиземноморскаго города. Сзади, красивый своими изящными европейскими линіями, тянулся надъ самой водой дворецъ султана, совсѣмъ на водѣ бѣлѣлась башня Леандра. А вдали на Мраморномъ морѣ, расплываясь въ прозрачной атмосферѣ, вырисовывались фіолетовыя очертанія высокихъ Принцевыхъ острововъ.

Всѣ пасажиры на ютѣ. Долго всѣ смотрятъ и любуются на постепенно удаляющуюся панораму Константинополя, на домики и мечети, которые становятся меньше и меньше и, наконецъ, сливаются въ общее бѣлое пятно.

Море становится синѣе. Ближайшія волны принимаютъ цвѣтъ ультрамарина. По обѣимъ сторонамъ еще видны берега. Мы держимся ближе къ европейскому берегу. По низкимъ буро-зеленымъ холмамъ раскинулась деревня, дальше опять потянулся мутный берегъ и скрылся, наконецъ, на далекомъ горизонтѣ.

Волны съ легкимъ ропотомъ разбиваются о крутые борты «Царя», начинается мѣрное колыханіе его длиннаго корпуса.

IV.

Отъ Константинополя до Александріи. Лесбосъ, Смирна, Аѳины, Критъ.

22-го октября (3-го ноября), среда. Раннимъ утромъ я вышелъ наверхъ. Мы проходили Дарданеллы. Съ обѣихъ сторонъ тянулись

невысокіе холмы, покрытые кое-гдѣ мелкимъ кустарникомъ, у подножія ихъ стояли турецкія батареи. Група судовъ была у входа. На батареѣ у казармы ходилъ часовой, да трубачъ турецкій игралъ заунывную зорю. Отъ берега отдѣлилась бѣлая шлюпка подъ турецкимъ флагомъ, на ней подняли косой парусъ и она быстро подошла къ пароходу. Повѣрили бумаги, дали пропускъ и пароходъ, замедлившій было ходъ, опять помчался по узкому проливу. Берега стали уходить; вотъ показалась высокая гора, почти голая, мутно-сѣраго цвѣта, у подножія ея лѣпился маленькій городокъ-островъ Тенедосъ. На вершинѣ красивая руина генуэзской крѣпости, памятникъ былого владычества надъ моремъ этихъ англичанъ среднихъ вѣковъ.

И опять море, чуть волнующееся, покрытое сѣтью небольшихъ лазурныхъ волнъ.

На ютѣ собраны пѣсенники. Высокій уралецъ Сидоровъ мягкимъ тенором заводитъ:

«За Авашемъ [1]), за рѣкой
«Казаки гуляютъ
«И каленою стрѣлой
«За Авашъ пускаютъ!

Хоръ дружно подхватываетъ и перефразированная казачья пѣсня звучитъ и переливается надъ голубыми волнами Эгейскаго моря.

Всѣ на ютѣ, начальникъ миссіи съ женою, полковникъ Артамоновъ, офицеры, врачи, абиссинцы-переводчики. Маленькій Хайле Маріамъ смѣнилъ уже свою кадетскую форму на сѣрый пиджакъ. Южное солнце красиво освѣщаетъ групу рослыхъ людей въ верблюжьихъ тужуркахъ и бѣлыхъ фуражкахъ.

Сидорова смѣняетъ лейбъ-казакъ Любовинъ. Нѣжный баритонъ его чаруетъ собравшихся. Египетская принцесса выходитъ на ютъ и, приспустивъ чадру, слушаетъ чуждые ей напѣвы казачьихъ пѣсенъ.

— «Ну ка, казачка̀».

Кругъ пѣсенниковъ разступается. Сидоровъ и Изюминковъ берутъ гармоники, Архиповъ бубенъ, Крынинъ треугольникъ. Звуки веселаго казачка оглашаютъ далекіе берега. Выходятъ танцоры: казакъ Изваринъ, высокій чернобородый мужчина, съ розовыми щеками и голубыми ясными глазами, и невысокій рыжеватый уралецъ Пановъ.

«Ну, Изваринъ, зачинай!»—ободрительно говоритъ вахмистръ.

Изваринъ дѣлаетъ два-три робкихъ шага, пристукиваетъ каблукомъ, поворачивается налѣво кругомъ и становится на свое мѣсто. Это для начала только. Нельзя же сразу выложить все, что знаешь.

Пановъ посмѣлѣе. Онъ кидается впередъ, привскакиваетъ то на

---

[1]) Авашъ—рѣка въ Абиссиніи.

каблукъ, то на носокъ, лихо подбочениваетея и, становясь на мѣсто, смѣло обводитъ казаковъ смѣлымъ взглядомъ — «смотри, дескать, какъ мы!»

Начинается настоящее состязаніе.

Еремипъ выходитъ, мелко сѣменя ногами, привскакивая и притоптывая. Публика, она же и судьи, зорко смотритъ на ноги пляшущихъ. Пановъ не смущается — онъ увѣренъ въ себѣ. Невысокій, юркій, какъ кошка, онъ дѣлаетъ два-три прыжка и пускается въ присядку. Судьи въ полъ-голоса высказываютъ свое одобреніе. Лейбъ-казаки выставляютъ на смѣну длинному и меланхоличному Еремину легкаго Любовина. Этотъ съ мѣста озадачиваетъ противника изящнымъ исполненіемъ, Пановъ скоро стушевывается, нѣсколько секундъ Любовинъ докапчиваетъ соло свои па, дѣлаетъ нѣсколько ловкихъ антраша и выходитъ изъ круга. Гармоники издаютъ плачевную ноту и умолкаютъ. Пора кончать и пѣсни, и пляски: начинаетъ покачивать. Море становится синѣе и синѣе, бѣлые барашки появляются вдали.

Къ вечеру пароходъ подходилъ къ Митиленской бухтѣ. Толпа грековъ въ коротенькихъ юбочкахъ, необыкновенно живописныхъ, собранныхъ въ бездну складокъ, съ лодокъ атаковали пароходъ. Предлагали проводниковъ, отели, болтали на всѣхъ языкахъ и преимущественно на своемъ родномъ греческомъ. Если древніе эллины были такъ же крикливы, какъ эти черномазые, черноусые митиленцы, сильныя уши долженъ былъ бы имѣть аоинянинъ, желающій на Пниксѣ послушать оратора. Пасажировъ прибавилось: молодые супруги, совершающіе брачное путешествіе, съ парой велосипедовъ прошли на бортъ парохода, явилась толстая гречанка, съ формами отнюдь не Аоины Паллады, третій классъ наполнился, въ буквальномъ смыслѣ слова, темными личностями.

Я смотрѣлъ съ юта на маленькій, чистый городокъ. Зеленыя волны съ шумомъ разбивались о каменный молъ. За моломъ видны были мраморомъ обложенные бѣлые дома богатыхъ грековъ. Улица, обсаженная олеандрами, взбѣгала на верхъ, дальше шла сѣрая крутая гора, на круглой вершины которой стояли руины генуэзской крѣпости.

Быть можетъ, на этой скалѣ сидѣла нѣкогда прекрасная Сафо и, перебирая струны лиры, пѣла свои вдохновенныя пѣсни.

Темнѣло. На концахъ мола зажгли красные огни, городъ, восходящій кверху, засверкалъ тысячью огней. Синее небо покрылось звѣздами и таинственно горѣлъ на его фонѣ дивный городъ. Нарочно не спускался я на берегъ. Мнѣ не хотѣлось среди толкотни и брани грязныхъ грековъ, среди попрошайничанья гидовъ потерять очарова-

ніе теплой лѣтней ночи, звѣзднаго неба и бездны огней сверкающаго города.

23-е октября (4-е ноября), четвергъ. Мы вышли изъ Митиленской бухты около полуночи. Эгейское море развозилось не на шутку. Черныя волны подымались, падали и снова вставали съ глухимъ шумомъ и ревомъ, кидаясь подъ пароходъ. Сверкнетъ на минуту на лунномъ свѣтѣ снѣжно-бѣлая пѣна, сверкнетъ и исчезнетъ, разсыпавшись по волнѣ. Пароходъ подымается на волну, скрипитъ въ переборкахъ и падаетъ внизъ. Въ каютѣ качка еще непріятнѣе. Слышишь ровный стукъ машины и глухой шумъ воды, разсѣкаемой винтомъ, и вдругъ винтъ вырвется изъ волнъ и машина застучитъ часто, быстро, непріятно. Вещи начинаютъ оживать. Вотъ мой большой узелъ накреняется на табуретѣ, съ глухимъ шумомъ падаетъ внизъ и ползетъ къ двери. За нимъ летитъ шляпа, шапка дѣлаетъ все большіе и большіе размахи надъ моей головой. Становится плохо. Я не морской волкъ и предпочитаю отлеживать качку. Напрасно нашъ милѣйшій фармацевтъ Б. Г. Л—въ уговариваетъ меня идти на верхъ.

— «Пойдемте», говоритъ онъ, «чудная ночь, наверху отлично, какія волны! Вамъ необходимо посмотрѣть. А небо! А звѣзды!... Одинъ восторгъ».

— «И море видалъ я», говорю я, и звѣзды, «и все. Однообразно, скучно и гадко. Лежать лучше».

Доктора, мои сокаютники, раздѣляютъ мое мнѣніе и отлеживаются, силясь заснуть. Но заснуть удается не скоро. Разныя мысли лѣзутъ въ голову, тяжелыя, нехорошія мысли. То ноги подниметъ, то голову. Боишься открыть глаза—такъ непріятны эти колебанія предметовъ, которые должны быть неподвижны. Наконецъ, засыпаешь тревожнымъ безпокойнымъ сномъ.

Просыпаешься рано, съ головной болью и съ тревогой прислушиваешься, нѣтъ ли качки? Винтъ шумитъ ровно, постель неподвижна, мы входимъ въ Смирнскую бухту.

Съ разрѣшенія начальника миссіи я спускаю казаковъ на берегъ. Съ нами ѣдетъ грекъ, одесситъ, бойко говорящій по русски. По набережной проходятъ поѣзда анатолійской желѣзной дороги и длинные караваны верблюдовъ. Верблюды одногорбые живописно нагружены тюками, покрытыми разноцвѣтными коврами, идутъ длинной чередой, привязанные другъ къ другу. Впереди крошечный осликъ, путеводитель. Иногда, поджавъ босыя ноги, одѣтый въ цвѣтныя охмотья, важно возсѣдаетъ на осликѣ грязный турокъ, арабъ, или негръ, а часто одинъ осликъ покорно тянетъ за собой своеобразную

свиту, а слуги каравана идутъ съ боку и только криками подбодряютъ длинноухаго путеводителя.

Узкія улицы мощены большими каменными плитами. Говорятъ, смирнскія женщины отличаются своей красотой — не знаю — я ни одной красавицы не встрѣтилъ.

Зашли въ греческую церковь. Послѣ недѣльнаго промежутка впервые казаки перекрестились на православныя иконы. Посмотрѣли ковры. Смирна ими славится. Хорошіе ковры дороги — 100 — 200 руб. за коврикъ длиной 2½ аршина и шириной полтора... Цѣнятся прочность шелка и ровность цвѣта по всему ковру. Шерстяные ковры много дешевле. Затѣмъ, предводительствуемые бравымъ одесситомъ, мы поднялись на крутую гору къ развалинамъ опять-таки генуэзской крѣпости, полюбовались чуднымъ видомъ на голубой заливъ и вернулись обратно на шаткую палубу «Царя».

Опять завтракъ на пароходѣ, послѣ завтрака пѣсенники на ютѣ и пляска, а потомъ томительное болтыханіе, головная боль и нетерпѣливое ожиданіе новаго берега.

24-го октября (5-го ноября), пятница. Въ семь часовъ утра «Царь» медленно входилъ въ Пирейскую гавань. Пирей раскинулся въ низкой лощинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженный горами. Влѣво видна возвышенность острова Саламина, у подножія котораго мягко плещутся голубыя волны саламинской бухты. Прямо впереди сѣрыя горы Пинда. Обѣднѣли греки послѣ войны. Толпа гидовъ предлагала свои услуги. За пять франковъ васъ везутъ въ коляскѣ изъ Пирея въ Аѳины (40 минутъ ѣзды), показываютъ все достойное обозрѣнія и привозятъ обратно. Въ эту же плату входитъ и шлюпка на пристань и обратно на пароходъ.

Мы всѣ усѣлись въ двѣ коляски и по пыльному шоссе поѣхали въ Аѳины. Дорогой мнѣ много попадалось греческихъ солдатъ. Мелкіе, неважно выправленные, въ синихъ курткахъ и сѣрыхъ длинныхъ штанахъ, они мало воинственны. На площади, близъ храма Зевеса, я видѣлъ ученье саперъ и санитаровъ. Грустное ученье. Шеренга солдатъ ходила взадъ и впередъ по командѣ капрала. Кругомъ они поворачивались направо и дѣлали при этомъ легкій прыжокъ на правой же ногѣ. Поворотъ былъ не особенно одновременный, изящный съ точки зрѣнія хореграфіи, но нетвердый и невоинственный. Санитары были вооружены маленькими карабинами, какъ мнѣ показалось, системы Гра. Одѣты они довольно чисто. При мнѣ они были распущены для отдыха, причемъ разбрелись по всей площади. Иные сидѣли, отдыхая на ступеняхъ древняго храма, другіе стояли подлѣ ла-

вочки, третьи разгуливали по два, по три. Был подан продолжительный сигнал и они побѣжали на сборъ. Скомандовали ружейный пріемъ—исполненіе вялое, неотчетливое. Взяли «на плечо» и пошли домой. На фонѣ оливковыхъ садовъ и полуразрушеннаго храма, при чудной декораціи Акрополя съ его развалинами, было нѣчто опереточное въ этомъ мелкорослемъ войскѣ. Будто это были не солдаты, а статисты изъ небольшого театра. И рота ихъ была невелика численомъ рядовъ, всего человѣкъ 40, не больше. Бродя по городу, я наблюдалъ ихъ и на улицахъ. Чести офицерамъ солдаты не отдаютъ — они сторонятся, даютъ дорогу, но продолжаютъ такъ же махать руками и не провожаютъ глазами. Офицеры, которыхъ я видѣлъ верхомъ въ городѣ, одѣты прекрасно, видъ немножко отдающій прусской выправкой, лошади полукровныя англійскія, но некрупныя и въ неважныхъ тѣлахъ.

Конечно, на западѣ «печатаніе» съ носка, бойкость пріемовъ признаны излишними, пожалуй и тѣло лошади—понятіе относительное, но лично мнѣ греческія войска не понравились. Въ нихъ слишкомъ много игрушечнаго, напомаженнаго на парадѣ и оборваннаго дома и такъ мало внушительнаго, воинственнаго, дающаго довѣріе.

Быть можетъ отъ ученья греческихъ сапитаровъ въ древній Акрополь—переходъ слишкомъ рѣзкій, почти фельетонный, но на дѣлѣ мы его сдѣлали. По шоссе, обсаженному съ обѣихъ сторонъ алое и вьющемуся по горѣ, мы поднялись на мраморную вершину Акрополя.

Какъ все это должно было быть прекрасно въ тѣ времена, когда здѣсь приносились гекатомбы быковъ богу Зевсу, какъ величественна должна была быть изящная Аѳина Паллада, мѣдный шлемъ которой, отражаясь на солнцѣ, служилъ путеводной звѣздой морякамъ.

Отъ громадной мраморной лѣстницы остались только края. Середина завалилась и пропала, да и кто не разбойничалъ въ этомъ городѣ изящныхъ искусствъ?!

Отъ Аѳины Паллады остались только слѣды скрѣпъ, приковывавшихъ ее къ пьедесталу. Храмъ Тезея съ изъѣденными временемъ колоннами смотритъ такимъ жалкимъ. Хорошо сохранился еще Эректеіонъ съ его шестью каріатидами, да на воротахъ большого храма отчетливо видна чудная тонкая рѣзьба орнамента по мрамору.

Холодный вѣтеръ свисталъ на горѣ и несъ темныя тучи. Современныя Аѳины раскинулись тѣснымъ кругомъ. Оттуда неслись крики разнощиковъ и стукъ колесъ. Внизу видны были развалины римской постройки, а вправо внизъ шли начатыя раскопки древнихъ Аѳинъ. Видны прямоугольные фундаменты, кое-гдѣ цвѣтной полосой

залегла къ стѣнѣ фреска, видны закоулки между домами. Вонь, на горѣ, видѣнъ Кипксъ, далѣе за рѣшеткой чернѣютъ пещеры — это могила Сократа, а вотъ здѣсь на пустынной скалѣ, обставленной желтыми мраморными глыбами, засѣдалъ нѣкогда ареопагъ....

Хочется дольше остаться на этихъ ступеняхъ въ созерцаніи голыхъ колоннъ развалившагося храма, и далекой голубоводной Саламинской бухты. Хочется воскресить далекую старину, увидѣть важныхъ старцевъ, закутанныхъ въ бѣлыя тоги, молчаливо спускающихся съ мраморныхъ ступень, увидѣть стаю триремъ съ косыми реями и цвѣтными парусами....

Вѣдь было же это! Было свѣтлое царство любви и грацій!...

— «Монэты! древни монэты, купы, господине, мосье!» на ломаномъ русскомъ языкѣ тянется ко мнѣ грязный оборванный грекъ.

Скорѣе въ коляску и дальше, дальше, времени мало.

Я видѣлъ еще театръ Діониссія. Полукруглыя мраморныя ступени хорошо сохранились. Въ первомъ ряду, гдѣ засѣдали жрецы, еще видны листья орнамента и цѣлы надписи ихъ именъ. На мѣстѣ для хора паркетъ пола изъ чернаго и бѣлаго мрамора почти цѣлъ... повыше послѣдняго ряда скамей въ пещерѣ часовня. По стѣнамъ мозаичныя изображенія al fresco иконъ византійской работы. Турки выбили лица святымъ, на нихъ изображеннымъ, а милые путешественники расчертили ихъ ризы своими именами: дешевая слава всего дороже.

Въ уголку пріютилась и наша бумажная православная икона со славянской подписью въ простенькой рамочкѣ. Богъ знаетъ, кто и зачѣмъ ее повѣсилъ...

Изъ древняго храма проѣхали въ циркъ, нынѣ заново реставрируемый,—тоже красивая и оригинальная работа изъ мрамора...

Грустно было спускаться съ высокаго Акрополя въ современныя Аѳины... Роскошный національный музей осмотрѣть не пришлось. Заглянули только въ первую залу, роскошно отдѣланную мраморомъ и золотомъ и увѣшанную большими картинами на сюжеты греческаго эпоса.

— «Кто писалъ эти картины?» спросилъ у проводника кто-то изъ насъ.

— «Италіанецъ», былъ краснорѣчивый отвѣтъ, такъ непріятно поразившій насъ на родинѣ Зевксиза и Парразія...

Въ 2 часа мы были на пароходѣ. Оборванные, но живописные греки спѣшно догружали трюмъ. Паровая лебедка трещала во-всю.

— «Вира, по малу!» кричали снизу изъ полутемнаго квадратнаго отверстія.

— «Майна», отвѣчали сверху, и громадные тюки медленно опускались въ глубокій трюмъ.

Едва вышли изъ Пирейской бухты, какъ закачало, и довольно основательно закачало. Къ обѣду положили уже скрипки и число обѣдающихъ за табль-д'отомъ въ каютъ-компаніи дошло до minimum'а. Да и что за удовольствіе тянуться за стаканомъ, который отъ васъ уходитъ, хотѣть взять хлѣбъ и попадать пальцемъ въ горчицу.

Вечеромъ на перекличкѣ уже отсутствовало четверо, остальные имѣли бравый и бодрый видъ, несмотря на то, что шеренга, выстроенная подлѣ машины, то и дѣло подымалась и опускалась. Многимъ море было не въ диковину, не даромъ же еще вчера протяжно заводилъ Сидоровъ: «Мы на Каспіи училась лодкой быстрой управлять...»

25-го октября (6-го ноября), суббота. Весь день на морѣ. Около 12-ти часовъ ночи подошли къ Криту. Въ темнотѣ видны были огни на горѣ и темный силуэтъ горъ. Пріѣзжали офицеры съ нашей эскадры, часть пасажировъ исчезла. Среди ночи хрипѣла лебедка и плескались темныя волны о бортъ парохода.

26-го октября (7-го ноября), воскресенье. День настоящій воскресный. Голубое небо темнаго густаго цвѣта безоблачно. Синія волны мягко плещутся, все море, словно громадная простыня, чуть волнуемая снизу. Тамъ, куда сильнѣе ударяютъ волны, оно блеститъ, какъ алмазъ, какъ алмазъ переливаясь въ зеленый и желтый цвѣта. Пароходъ почти не качаетъ и мы съ К—мъ, не особенные любители качки, наслаждаемся теперь на ютѣ. Въ суконномъ костюмѣ даже жарко. Легкій вѣтерокъ навѣваетъ прохладу, винтъ за кормой бодро шумитъ, а колесо лага бойко вертится, отсчитывая пройденные узлы. Идемъ со скоростью 12-ти узловъ (около 20-ти верстъ въ часъ).

Съ 2-хъ часовъ сталъ видѣнъ Африканскій берегъ. Сначала влѣво отъ носа показались какія-то бѣлыя точки, потомъ вправо потянулась желтая полоса песковъ и на ней стволы и пышныя купы финиковыхъ пальмъ. По самому берегу стали обрисовываться маленькіе бѣлые домики арабской архитектуры съ плоскими крышами. Потянулся длинный каменный молъ, о который разбивались синія волны. Корабли стояли цѣлой стаей, красиво рисуясь на голубомъ фонѣ неба стройными своими такелажами и рангоутами. Еще немного ожиданія и «Царь» подтянулся къ пристани и ошвартовался у берега.

Около 6-ти часовъ вечера я перебрался съ командой на стоявшій рядомъ съ «Царемъ» пароходъ русскаго общества пароходства и тор-

говли «Одесса», который долженъ былъ доставить насъ до Портъ-Саида.

До 8-ми часовъ вечера конвой былъ спущенъ на берегъ.

Въ 9 часовъ на верхней палубѣ «Одессы» конвой былъ построенъ на перекличку. Чудная, ни съ чѣмъ несравнимая, воспѣтая поэтами египетская ночь спустилась надъ городомъ. Полный мѣсяцъ полилъ свои лучи. Какъ молокомъ облитые стоятъ дворецъ хедива и казармы таможни. Тюки хлопка, лежащіе по берегу, въ обманчивомъ лунномъ сіяньи кажутся мраморными изваяніями. Тамъ вдали слышенъ шумъ большаго города — на рейдѣ же тишина: море совершенно зеленое, прозрачное, глубокое. Въ морѣ отражаются мачты кораблей, лунный свѣтъ серебритъ мелкую зыбь. На темно-синемъ фонѣ неба красиво вырисовываются перистые листья финиковыхъ пальмъ, растущихъ въ садахъ у берега. И маякъ какъ-то мягко свѣтитъ, будто не хочетъ нарушать сладкой гармоніи теплой Александрійской ночи.

И среди этой тишины, среди неуловимаго аромата моря, олеандровъ и апельсиновъ, впервые раздались протяжные звуки русской кавалерійской зори. И трубачъ какъ-то особенно старательно выводилъ ея плавныя ноты... Сняли шапки. «Отче нашъ»—высокимъ теноромъ завелъ Любовинъ, «иже еси на небесѣхъ», густыми басами подхватили люди конвоя, и русская молитва пронеслась по волнамъ Средиземнаго моря и коснулась береговъ Африки.

— «Сегодня, братцы», сказалъ я конвою, «впервые русская кавалерійская труба проиграла зорю на африканскомъ берегу. Поздравляю васъ, братцы, съ благополучнымъ переходомъ на ту почву, гдѣ вамъ суждено нынѣ послужить Государю Императору!»

— «Покорнѣйше благодаримъ», дружно отвѣтили казаки и мнѣ показалось, что чудная ночь очаровала ихъ простыя сердца.

А я долго еще стоялъ на палубѣ и старался разобраться въ безднѣ мерцавшихъ звѣздъ и отыскать родную Большую Медвѣдицу. Но ея не было видно.

V.

Отъ Александріи до Портъ-Саида. Александрія.

27-го октября (8-го ноября), понедѣльникъ. Какой чистый и пріятный городъ Александрія: прямыя ровныя и широкія улицы, обстроенныя многоэтажными домами, расходятся въ разныя стороны. Много садовъ, за желѣзной художественной рѣшеткой которыхъ, вмѣсто нашего сѣвернаго кротегуса, или желтой акаціи, спокойно растетъ

прекрасная темнозеленая азалія. Чудные олеандры подымаютъ свои вѣтви высоко къ домамъ и протягиваютъ алые пышные цвѣты прямо въ окна. Иногда изъ купы цвѣтущихъ розъ, безчисленныхъ колеровъ и видовъ, растущихъ прямо на воздухѣ и подымающихъ стебли свои на высоту нѣсколькихъ саженъ, тянется къ небу мохнатый стволъ финиковой пальмы. Высоко надъ домомъ простираетъ она свои нѣжные перистые листья. Отъ ихъ основаній висятъ громадныя бурокрасныя кисти финиковъ. Подъ кистями подтянута грязная тряпка для сбора плодовъ. Иногда вы увидите на вершинѣ карабкающагося съ помощью веревки араба въ его живописной чалмѣ и юбкѣ, сшитой снизу. На самомъ фонѣ дома фикусъ протянулъ свои жирные листья, растетъ рядомъ съ нимъ бананъ, и душистые плоды его, словно стручья, свѣшиваются внизъ.

И надъ всей этой пышной растительностью протянулось высокое голубое небо густого колера, безъ тучи, безъ облачка. Глядишь вдаль и сѣверными очами своими ищешь на горизонтѣ туманной дымки, стушевывающей очертанія смягчающей дали. Но дымки нѣтъ. Предметы становятся меньше, наконецъ, теряются, а голубой воздухъ такъ же прозраченъ и такъ же чистъ и свѣтелъ, какъ и рядомъ по близости. Чудный край!

Казалось бы въ этомъ раю, среди этого благорастворенія воздуховъ и изобилія плодовъ земныхъ, должны были бы жить и люди, составляющіе гармонію съ природой—не такъ на дѣлѣ.

Едва я сошелъ на берегъ и вступилъ въ арабскую часть города, какъ попалъ въ сѣть узкихъ улицъ, застроенныхъ какими-то грязными, наскоро побѣленными балаганами. У раскрытыхъ дверей ихъ кипѣла жизнь. Женщины въ черныхъ платьяхъ, съ черными полотенцами, спускающимися со лба почти до пояса, съ безобразными катушками, обитыми мѣдью, на переносицѣ, сидѣли у входа. Арабы и арабчата, суданцы и негры толпились кругомъ, занятые ничего недѣланіемъ. Едва увидѣли они меня, какъ изъ среды ихъ уже отдѣлились темныя личности. На ломаномъ русскомъ и французскомъ языкахъ они предлагали свои услуги въ качествѣ гидовъ. Уговаривали пойти посмотрѣть danse du ventre, купить фотографіи, магическія карты. Маленькія дѣвочки 12-ти—15-ти лѣтъ предлагали тутъ же, на улицѣ, проплясать танецъ живота. Жизнь лѣзла, какъ и вездѣ на востокѣ, наружу со всѣми своими неприглядными сторонами. Съ крикомъ бѣжитъ по улицѣ арабъ, подгоняя маленькаго ослика; на ослика взгромоздился толстый старикъ въ чалмѣ, совершенно придавившій животное. Повсюду на углахъ стоятъ эти ослы для ѣзды, осѣдланные не-

уклюжими сѣдлами съ длинной передней лукой и безъ задней. Европейцы на нихъ мало ѣздятъ. Къ ихъ услугамъ прекрасныя коляски, запряженныя парами арабскихъ лошадей съ кучерами-арабами.

Въ европейской части города лѣность и попрошайничанье арабовъ не такъ замѣтны. Улицы широки, магазины прекрасны. Всюду газовые фонари, мѣстами въ отеляхъ электричество. На каждомъ углу стоитъ бравый англо-египетскій полисмэнъ-арабъ въ красной фескѣ, синемъ однобортномъ мундирѣ и синихъ брюкахъ, при тесакѣ. Тотъ же арабъ, а какой прекрасный видъ! Въ лицѣ сознаніе своего достоинства и своей англійской «habeas corpus», — если онъ потребуетъ, то потребуетъ тономъ, не допускающимъ возраженія. Извозчикъ, нищій, разнощикъ, чистильщикъ сапогъ—професія, кажется, наиболѣе распространенная на востокѣ, ему повинуются моментально. И притомъ полная вѣжливость и предупредительность. Я обратился къ одному изъ нихъ съ вопросомъ, какъ пройти въ городъ. Онъ не зналъ французскаго языка. Знакомъ пригласилъ онъ меня слѣдовать за нимъ, привелъ въ участокъ и показалъ на сержанта. Сержантъ вѣжливо и предупредительно разсказалъ мнѣ, какъ пройти, но едва я вышелъ, ему, должно быть, пришло въ голову, что я могу заблудиться и онъ послалъ солдата проводить меня. Хороша англійская муштра— она изъ солдата дѣлаетъ джентльмэна.

Я видалъ и территоріальныя англійскія войска. Изящно и эфектно одѣтые въ своихъ ярко красныхъ однобортныхъ мундирахъ съ золотыми пуговицами, въ синихъ шапочкахъ, лихо одѣтыхъ на бокъ, въ рейтузахъ и бѣлыхъ кушакахъ съ золоченой бляхой, съ хлыстикомъ въ рукѣ, красивые и бравые, почти мальчики, большинство безусые, королевскіе солдаты производятъ хорошее впечатлѣніе. То въ нихъ дорого, что каждый изъ нихъ щеголяетъ мундиромъ, гордится имъ, каждый изъ нихъ, какъ будто, съ восторгомъ объявляетъ всему міру— «я солдатъ королевы — смотри на меня!» И есть на что посмотрѣть. Я видалъ, какъ пьяный солдатъ ночью входилъ въ трактиръ. Сколько самоувѣренности, сколько гордости мундиромъ, не допускающей мысли, что онъ можетъ быть грязенъ или смѣшонъ — и онъ не былъ ни грязенъ, ни смѣшонъ, ни жалокъ...

Я видалъ ихъ на гауптвахтѣ при исполненіи караульной службы. Въ красивомъ бѣломъ шлемѣ съ золотымъ шишакомъ на концѣ, затянутый въ свой алый мундиръ, часовой лѣниво ползалъ съ ружьемъ на плечѣ. Потомъ онъ остановился и взялъ ружье къ ногѣ — безъ отчетливаго пріема, но изящно. Видалъ я еще вѣстовыхъ верхомъ на лошадяхъ и солдатъ на работѣ въ лагерѣ. Посадка англійская съ ши-

роко отставленными шенкелями не производить впечатлѣнія прочной посадки. Лошади арабскія, тѣломъ не щеголяютъ, мелкорослы, но чистка доведена до идеала. Не у многихъ офицеровъ у насъ лошади зачищены такъ, какъ здѣсь простыя солдатскія. А какъ блеститъ мѣдь набора, въ какомъ порядкѣ сѣдло. И въ сѣдлѣ солдатъ смотритъ молодцомъ. Рысью ѣздятъ постоянно облегченной, но болтаютъ ногами.

И на работѣ одѣтые въ особыя холщевыя куртки и сѣрые рейтузы солдаты имѣли тотъ же затянутый видъ... Словомъ, они были «англійской» вещью, можетъ быть, и слишкомъ дорогой, но за то добротной и изящной вещью.

Къ достопримѣчательностямъ Александріи относятъ — видъ на Нилъ, памятникъ Магомету-Али, музей, садъ Антоніадеса и арабскій кварталъ.

Смотрѣть на Нилъ и гулять по волшебному саду Антоніадеса я ходилъ со всей командой. Это верстъ восемь ходу. Одѣвши ихъ въ бѣлыя рубашки и бѣлые длинные шаравары, въ бѣлыя фуражки, я вышелъ съ ними рано поутру 28-го октября. По улицамъ города шли маленькими групами человѣкъ по пяти, шагахъ въ 10-ти — 20-ти другъ отъ друга. Когда же вышли на ровное гладкое шоссе, обсаженное сппеватой громадной туйей, я построилъ казаковъ по шести, впередъ сталъ запѣвало и пустынная африканская мѣстность огласилась громкой маршевой солдатской пѣснью. Маленькіе арабчата съ удивленіемъ смотрѣли на групу здоровыхъ бородачей, одѣтыхъ во все бѣлое и маршировавшихъ въ тактъ залихватской казачьей пѣсни. «Ой хмѣль мой хмѣлекъ», отдавалось по берегу Нила, раздавалось въ рощѣ финиковыхъ пальмъ, въ тѣни банановыхъ огородовъ и родныя картины, картины далекаго сѣвера, невольно рисовались въ возбужденномъ пѣснью мозгу.

Прошли мимо кладбища, мимо дачъ французскихъ негоціантовъ съ садами, наносивыми запахомъ розъ, и, наконецъ, подошли къ одному изъ Нильскихъ рукавовъ.

Каналъ Магомета неширокъ—саженъ 15, не болѣе. Берега обведены каменной плитняковой набережной безъ перилъ—по одну сторону идутъ дачи французскихъ и англійскихъ купцовъ, по другую—тянется арабская деревня. Крошечные двухъэтажные и одноэтажные домики построены изъ глины, въ окнахъ тѣсныя рѣшетки. Надъ домомъ живописно склонилась финиковая пальма, отягченная плодами, на маленькомъ тѣсномъ дворикѣ, въ пыли и въ грязи, возятся грязныя смуглыя дѣти, еле покрытые лохмотьями грязной рубашки. Темная женщина сидитъ съ закрытымъ лицомъ и толчетъ въ ступѣ что-

то, громадный буйволъ стоитъ на спускѣ у желтыхъ водъ Нила и на спину его взобрался маленькій, словно изъ шоколада сдѣланный ребенокъ. По Нилу плывутъ какія-то большія утки, и онѣ особенныя, египетскія. На рѣкѣ стоятъ барки причудливой формы съ длинными косыми реями. Такія реи мы видимъ на барельефахъ древнихъ пирамидъ. Жаркое солнце сильно печетъ, кругомъ царитъ тишина. Словно это не люди, не животныя, не птицы, а картина, написанная мастерски въ тѣ далекія времена, когда царили здѣсь фараоны и чудомъ уцѣлѣвшая до нашихъ дней. По эту сторону Нила, по берегу его набережной, вьется тропинка. Громадныя бѣлыя акаціи, фиговыя деревья и туйи обрамляютъ ее. Далѣе идетъ пыльная дорога, въ сторонѣ отъ нея невысокій заборчикъ, полный разсѣлинъ. Ящерицы, длинныя, тонкія съ желтымъ брюхомъ и безобразные толстые хамелеоны вышли погрѣться на каменьяхъ. За заборомъ цѣлыя заросли банановъ. Мѣстами полуобвалившійся каменный заборъ смѣняется изящной желѣзной рѣшеткой. За рѣшеткой видны кусты розъ, изящный цвѣтникъ и маленькій европейскій коттеджъ, но людей почти нѣтъ. Сидятъ у воротъ дворники-арабы, какой нибудь негръ спѣшно проходитъ съ тяжелой корзиной, да полисмэнъ въ своей красной фескѣ молчаливо прогуливается взадъ и впередъ. Но вотъ и садъ Антоніадесъ.

Антоніадесъ—богатый грекъ, родомъ изъ Одессы — русскій подданный. Контрабандой — здѣсь это ремесло, онъ нажилъ себѣ нѣсколько милліоновъ состоянія и развелъ удивительно богатый садъ. Онъ надѣялся, что садъ этотъ будетъ купленъ египетскимъ хедивомъ, но надежды его не сбылись, а состояніе пошатнулось, онъ умеръ и теперь садъ его принадлежитъ его вдовѣ и двумъ сыновьямъ. Несмотря на то, что поддерживать его стоитъ очень дорого, онъ содержанъ въ большомъ порядкѣ.

Мы подошли къ большимъ чугуннымъ рѣзнымъ воротамъ, за которыми въ саду сидѣли арабъ и негръ.

— «Московъ-аскеръ», сказалъ я, «désirent voir le jardin».

— «Антоніадисъ», отвѣчалъ арабъ и улыбнулся, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ.

— «Да, да Антоніадисъ», отвѣчалъ я.

Арабъ засмѣялся, отрицательно закачалъ головой, и махнулъ рукой—проходи дескать. Я повторилъ свою просьбу и обѣщалъ, что ничего не будемъ трогать.

— «Rien toucher?» недовѣрчиво сказалъ арабъ и скривился весь въ гримасу. «Бакшишъ?»

Я уже въ Константинополѣ привыкъ, что безъ бакшиша, т. е. «на

чай», ничего не дѣлается и поэтому полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ и далъ ему меджидіе. Но ему этого было мало. Подъ самое лицо протянулъ онъ мнѣ свои корявые грязные пальцы и смѣялся, и качалъ головой—пришлось набавить и плутоватое животное, наконецъ, отперло калитку.

Мы въ банановой алеѣ. По обѣимъ сторонамъ широкой и гладкой дорожки, усыпанной бѣлымъ пескомъ, растутъ громадные кусты бананъ. Красные—это особенный сортъ, плоды свѣшиваются длинными гроздьями внизъ; за ними внизу цѣлая заросль мандариновыхъ деревьевъ, покрытыхъ еще зелеными плодами. Алея упирается въ площадку, обсаженную олеандрами, туйями, акаціей, мимозой и еще какими-то высокими деревьями, усѣянными громадными желтыми цвѣтами. Нѣжный ароматъ мандариновъ разлитъ въ воздухѣ. По срединѣ площадки растетъ гигантская муза. Просто не вѣрится, что она сидитъ прямо въ грунтѣ, ожидаешь увидѣть подъ нею кадку, или горшокъ. А кругомъ розы магнолія и чудныя бѣлыя лиліи. Изъ чащи деревьевъ бамбукъ кидаетъ тонкіе, будто желѣзные, зеленые стволы, усѣянные массой мелкихъ листьевъ, жасминъ протягиваетъ вѣтку ароматныхъ цвѣтовъ. Не знаешь, что смотрѣть, куда идти. Казаки то и дѣло ахали отъ изумленія и обращались ко мнѣ съ вопросами, какъ какое дерево называется. По галереѣ, увитой виноградомъ, который здѣсь трехсотъ сортовъ, мы прошли въ рощу финиковыхъ пальмъ, и спустились въ катакомбу. Катакомба, вѣроятно, поддѣльная, слишкомъ чисты ея столбы, слишкомъ акуратны стѣны и картинно расположеніе.

Выйдешь изъ нея, войдешь въ садъ и не знаешь, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться. Упиваться ли чуднымъ ароматомъ розъ, олеандровъ, жасмина, банана и мандарина—любоваться ли на оригинальныя причудливыхъ формъ орхидеи, спускающія свои цвѣты съ высокихъ вѣтвей, или замереть на мѣстѣ и смотрѣть на удивительно красивую алею, на перистые листья пальмъ, синее море и темно-синее небо.

— «Это рай земной!», говорили кругомъ меня казаки. «таковъ былъ рай!», «жить бы здѣсь и въ Абиссинію ѣхать не надо бы»... «Я бы вѣкъ здѣсь прожилъ!» блаженно улыбаясь, говоритъ голубоглазый Крышинъ, «и умирать не надо!»...

Проводникъ арабъ оказался гораздо любезнѣе араба-привратника. Каждому казаку онъ передалъ по маленькому пучку дивныхъ розъ, а мнѣ ихъ далъ цѣлый букетикъ и, кромѣ того, поднесъ намъ цѣлую корзину свѣжихъ финиковъ, только что сорванныхъ съ дерева. И мы вернулись на пароходъ, бодро распѣвая пѣсни и имѣя у каждаго за

ухомъ въ густыхъ кудряхъ казачьихъ по нѣжной розѣ. И я скажу, что контрастъ блѣдно-розовыхъ лепестковъ царственнаго цвѣтка и темныхъ кудрей бородача Духопельникова былъ не лишенъ извѣстной оригинальной прелести...

Памятникъ Магомета-Али помѣщается на большой площади. Онъ изображенъ верхомъ на арабскомъ конѣ, идущемъ въ крутомъ сборѣ, въ чалмѣ и широкихъ арабскихъ шараварахъ. Конь стоитъ на высокомъ пьедесталѣ, окруженномъ рѣшеткой. Вокругъ разбитъ цвѣтникъ.

Говоря объ арабской полиціи, я забылъ разсказать о курьезномъ эпизодѣ, бывшемъ съ нашими казаками. Я увольнялъ ихъ командами по звеньямъ въ баню. При возвращеніи изъ бани двое изъ своднаго звена прельстились перспективой доѣхать до пристани на осликахъ, стоявшихъ на площади. Услужливый арабъ за сорокъ копѣекъ (два піастра, на дѣлѣ—піастръ величиной похожъ на двугривенный и люди конвоя называли его постоянно двугривеннымъ) далъ имъ двухъ осликовъ и кавалеры при дружномъ хохотѣ товарищей покатили. Подъѣхавъ къ рѣшеткѣ таможни, они заплатили арабу два піастра и пошли на пристань. Какъ вдругъ къ нимъ привязался другой арабъ, владѣлецъ втораго осла, и потребовалъ за него деньги.

— «Отстань», говорилъ ему разсудительный толстякъ, старшій звена, «мы тому отдали за обоихъ ословъ, чего нудишься?»

Но арабъ не отставалъ. Онъ дергалъ казаковъ за рукава куртокъ и показывалъ угрожающе на полисмэна.

— «А, ты хочешь къ городовому, изволь—наше дѣло правое».

И мой толстый унтеръ-офицеръ въ перевалку направился къ полисмэну-арабу.

— «Вотъ видите, господинъ городовой, резонно заговорилъ онъ, мы рядились вонъ съ тѣмъ извозчикомъ, чтобы онъ далъ намъ двухъ ословъ прокатиться и отдали ему за это сорокъ копѣекъ. Тутъ же является вотъ эта эѳіопская морда и требуетъ еще сорока копѣекъ. Мы съ нимъ не рядились и его мы не знаемъ. За что же намъ еще платить?»

Полисмэнъ внимательно посмотрѣлъ на тяжущихся. Съ одной стороны передъ нимъ было солидное полное, открытое русское лицо фейерверкера, съ другой—кривляющаяся черная морда кричащаго на гортанномъ языкѣ араба. Правда, очевидно, была на сторонѣ «москова» и арабъ получилъ по шеѣ и исчезъ со своими претензіями...

Я уже писалъ, что александрійская ночь нѣчто волшебное, невѣроятное. Писалъ я, что лунный свѣтъ въ этомъ прозрачномъ свѣтломъ воздухѣ даетъ поразительные эфекты. И вотъ въ такую-то див-

ную ночь, когда во фланелевой парѣ только только дышать можно, интересно попасть въ центръ Александріи, въ ея арабскій кварталъ.

Все населеніе наружу. Развратъ самый грязный и въ то же время самый утонченный вылѣзъ на улицу и идетъ совершенно открыто. Вотъ изъ оконъ небольшого дома несется оригинальное пѣніе, сопровождаемое акомпаниментомъ струнныхъ инструментовъ.

— «Danse du ventre», шепчетъ вамъ какая-то черномазая личность, съ самаго входа вашего въ кварталъ неотступно слѣдящая за вами и дающая поясненія съ конечной цѣлью выпросить бакшишъ.

— «Не зайдемъ ли», говоритъ мой товарищъ Ч—овъ, съ которымъ мы уединенно бродимъ уже болѣе часа по чужому городу, прислушиваясь къ біенію чуждой намъ жизни.

— «Идетъ».

Мы платимъ за входъ и попадаемъ въ довольно высокую квадратную комнату. Съ потолка спускается штукъ до 50-ти обыкновенныхъ керосиновыхъ лампъ съ усовершенствованными горѣлками. Лампы пущены во-всю—отчего въ комнатѣ свѣтло и вмѣстѣ съ тѣмъ жарко. Онѣ повѣшены рядами и такъ тѣсно, что широкіе ихъ железные абажуры касаются другъ друга. Въ маленькіе промежутки пропущены цѣпи, висятъ бумажныя украшенія. На стѣнахъ развѣшены большія зеркала въ потертыхъ широкихъ золотыхъ рамахъ. Весь полъ уставленъ рядами простыхъ деревянныхъ стульевъ, между которыми стоятъ грубые столы, обтянутые черной клеенкой. Нельзя сказать, чтобы зрительный залъ блисталъ чистотой. Публики немного. Молоденькій турокъ, повидимому, изъ богатаго дома съ двумя пріятелями. Група безобразныхъ пожилыхъ арабовъ, повидимому, завсегдатаевъ заведенія, толстый, жирный и отвратительный негръ, бедуинъ и еще нѣсколько левантинцевъ.

Задняя часть комнаты занята узкой эстрадой. По стѣнѣ, на эстрадѣ, стоятъ сомнительной чистоты диваны, и на нихъ по-турецки сидитъ хоръ. Арабъ съ громадной цитрой, рядомъ съ нимъ другой съ мандолиной, арабка, далѣе нѣсколько нечистыхъ арабовъ въ пиджакахъ, шараварахъ и фескахъ и нѣсколько женщинъ, некрасивыхъ, одѣтыхъ по восточному, но съ нѣкоторыми претензіями на европейскую моду. Передъ ними стоятъ восьмигранные столики и туда имъ то и дѣло носятъ стаканы съ пивомъ, лимонадомъ и рюмки настоящаго англійскаго виски.

Музыка и пѣніе не прекращаются ни на минуту. Собственно поютъ только арабка и ея сосѣдъ, акомпанируемые цитрой, мандолиной и маленькимъ бубномъ. Остальные молчатъ, или перебрасываются

фразами съ публикой. Мотивъ пѣсни однообразный, нельзя сказать, чтобы непріятный, но немного раздражающій. Время отъ времени къ дуэту присоединяется и хоръ. Хоръ протяжно произноситъ: «а—а» и умолкаетъ: въ этомъ вся его роль. Хору подпѣваетъ и публика, и старый сѣдой арабъ, продавецъ орѣховъ и изюма, играющій въ заведеніи роль шута.

Такое пѣніе длится долго, даже очень долго. Наконецъ, наступаетъ минута антракта. На сцену выходитъ негритянка съ бубномъ, обтянутымъ буйволовой кожей, и садится сбоку. Пѣвецъ и пѣвица заводятъ снова однообразную мелодію своей пѣсни. Бумъ, бумъ, вторитъ имъ бубенъ въ искусныхъ рукахъ гречанки, выдѣлывающій поразительныя ноты. Публика подсаживается ближе. Изъ-за кулисъ выходитъ танцовщица. Мнѣ потомъ говорили, что это лучшая въ Александріи исполнительница танца живота. Смуглая, но не арабка, съ волосами, заплетенными въ нѣсколько десятковъ маленькихъ косъ, усѣянныхъ на концахъ монетами, съ тонкимъ египетскимъ носомъ. Ея костюмъ состоитъ изъ короткой, расшитой золотомъ курточки, едва прикрывающей грудь, и юбки, начинающейся у низа живота. Все остальное прикрыто частой нитяной сѣткой.

Танецъ некрасивъ и неизященъ, онъ только циниченъ. Самое важное въ человѣкѣ то, что придаетъ миловидность самому некрасивому лицу—глаза и улыбка въ немъ не участвуютъ. Условіе хорошаго исполненія танца неподвижность лица и видѣнная нами танцовщица его соблюла. Ноги, обутыя въ грязные, истоптанные башмаки, тоже только изрѣдка дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ или назадъ. Пляшетъ одинъ животъ, да бедра ходятъ то вправо, то влѣво. Костюмъ производитъ уродливое впечатлѣніе отсутствіемъ таліи, а неестественныя движенія мучатъ и утомляютъ глазъ.

«Бумъ», «бумъ», бьетъ и колотитъ буйволовый бубенъ, мандолина и цитра сливаются съ пѣвицей въ одинъ тоскующій напѣвъ. Жутко, страшно среди этой сладострастной толпы въ этомъ жаркомъ и грязномъ балаганѣ. Мы вышли и проѣхались на берегъ Нила. Теперь онъ былъ еще эфектнѣй, еще очаровательнѣй, нежели днемъ. Таинственными силуэтами чернѣли пальмы съ посеребренными вершинами, какъ сверкающая сталь медленно несъ волны свои священный Нилъ и ярко блестѣли бѣлыя стѣны феллахскихъ домовъ. Мандарины и розы благоухали и тишина царила кругомъ, тишина, таившая въ себѣ тысячелѣтія...

28-го октября (9-го ноября), вторникъ. Кромѣ посѣщенія командой сада Антоніадеса въ этотъ день мною, совмѣстно съ поручикомъ

Ч—мъ, были пріобрѣтены въ Александрійскомъ магазинѣ пробковыя шляпы для нижнихъ чиновъ конвоя. Дѣло въ томъ, что описанная мною особая легкая фуражка была сдѣлана по указаніямъ полковника Артамонова, много лѣтъ проведшаго въ нашихъ среднеазіятскихъ владѣніяхъ, учившагося боевому опыту подъ руководствомъ такихъ людей, какъ генералы: Скобелевъ и Куропаткинъ. Эта «туркестанская» фуражка съ назатыльникомъ пріобрѣла себѣ уваженіе среди азіятскихъ кочевниковъ и въ противность англійскому шлему была любима номадами тамошнихъ степей. Въ столицѣ Абиссиніи—Адисъ-Абаба, при климатѣ не слишкомъ жаркомъ, эта фуражка, особенно, какъ національный уборъ, должна была сыграть свою роль, но на переходѣ отъ Джибути до Харрара, въ Сомалійской пустынѣ, весьма рисковано было подвергать нижнихъ чиновъ конвоя опасности солнечнаго удара, вотъ почему, по приказанію начальника миссіи, постоянно отечески заботившагося о конвоѣ и каждый день съ особеннымъ удовольствіемъ выслушивавшаго мой рапортъ: «въ конвоѣ *больныхъ* нѣтъ, арестованныхъ нѣтъ, въ теченіе дня происшествій никакихъ не случилось», было рѣшено купить пробковыя круглыя шляпы, вентилированныя, съ низкими покатыми полями.

Въ этотъ же день пароходъ спѣшно догружали предметами довольствія конвоя и миссіи, пріобрѣтенными въ Александріи: галетами, виномъ, консервами.

Въ 2 часа дня маленькая старуха «Одесса» снялась съ якоря и вышла въ Средиземное море. Дулъ вѣтеръ, грозившій перейти въ штормъ. Ярко зеленыя волны, вспѣненныя на вершинахъ, бѣшено кидались на пароходъ. «Одесса», неправильно нагруженная, скрипѣла, трещала и болтыхалась, какъ поплавокъ. Такая качка даже не укачиваетъ. Бывали минуты, когда пароходъ ложился совершенно бокомъ на волны. Въ каютахъ чемоданы, узлы, сундуки дружной стаей переѣзжали изъ угла въ уголъ. Вода изъ умывальника лилась на постель, мочила подушки и простыни. Никакія «скрипки» не могли за обѣдомъ удержать посуду въ повиновеніи. Супъ лился на колѣни, вино попадало на жаркое. Въ такія минуты самое лучшее спать. Напрасно уговаривалъ меня М. И. Л—ій и Б. И. Л—овъ подняться на верхъ. Усталый отъ ходьбы по городу, утомленный впечатлѣніями этого уголка чуждаго мнѣ міра, я послѣдовалъ примѣру доктора Н. П. Б—на и благополучно заснулъ подъ монотонный скрипъ переборокъ и кряхтѣнье шпангоутовъ, подъ ерзанье чемодановъ по полу и плескъ волнъ. Когда я проснулся, никакой качки не было. На палубѣ раздавались крики и грохотъ цѣпи, въ полупортикъ каюты ви-

дѣлъ былъ желтый берегъ и маленькіе бѣлые домики. Мы медленно втягивались въ Суэцкій каналъ, подходили къ Портъ-Саиду.

VI.

Отъ Портъ-Саида до Джибути.

29-го октября, среда. Портъ-Саидъ — это именно «портъ» и только. «Саидъ» никакого значенія не имѣетъ и не будь онъ вмѣстѣ съ тѣмъ «портъ», онъ былъ бы немыслимъ. Это гостиный дворъ пароходовъ и кораблей, идущихъ изъ Европы и въ Европу. Три большія улицы сплошь заняты магазинами — въ однихъ продаютъ консервы, обувь, бѣлье, шляпы, духи, одеколонъ, вино, банановый ликеръ, печенья—въ другихъ индійскіе шелка, японскія ширмы, божковъ, коробки изъ слоновой кости и перламутра, шкуры, перья страуса, тончайшіе фарфоровые сервизы, мѣдную китайскую посуду, фотографіи...

Все приноровлено ко вкусамъ путешественниковъ, ѣдущихъ на востокъ и съ востока. Часы торговли магазиновъ въ прямой зависимости отъ времени прихода и ухода почтовыхъ пароходовъ. Пришелъ пароходъ ночью и освѣщенные газомъ и электричествомъ магазины торгуютъ всю ночь. Утромъ пароходъ ушелъ и усталые хозяева закрыли магазины, иногда до двухъ часовъ дня. Выйдите за предѣлы этихъ чистыхъ улицъ, обогните маленькій скверъ съ бюстомъ Лессепса, строителя канала, и дальше—бѣдныя жалкія улицы арабскаго квартала, а потомъ пески, о которые съ шумомъ разбиваются волны Средиземнаго моря. Тутъ ничего нѣтъ. Нѣтъ ни финиковыхъ пальмъ, ни банановъ, не растутъ пышные олеандры, не проливаютъ аромата мандарины и померанцы. Песокъ не родитъ ни картофеля, ни капусты, и Портъ-Саидъ живетъ привозомъ: мясо изъ Александріи и Австраліи, овощи изъ Багдада, картофель изъ Аравіи, молоко изъ Яссъ, лѣсъ изъ Одессы, виноградъ и финики изъ Палестины. Явился большой пароходъ, забрали на него всю провизію и городъ голодаетъ до завтрашняго дня, рынки закрыты. Масло, молоко, варенье—все въ консервахъ въ этомъ городѣ, ничего не производящемъ.

Едва «Одесса» стала на якорь, какъ къ ней подъѣхалъ секретарь русскаго консульства А. П. Пчельниковъ. Члены миссіи, вѣроятно, никогда не забудутъ этого милаго и предупредительнаго молодого человѣка, доставившаго пароходъ для перевозки багажа и вещей съ

«Одессы» на берегъ, устроившаго отель, позаботившагося о размѣщеніи людей. Пускай скажутъ — это его долгъ, но многіе ли выполняютъ такъ свой долгъ?

Часовъ до одиннадцати перегружаемся. Команда размѣщена въ двухъ комнатахъ шестого этажа громаднаго «Eastern exchange», англійскаго отеля. Комнаты свѣтлыя, чистыя. Люди расположились такъ, въ одной большой комнатѣ — два первыя звена и въ другой комнатѣ, поменьше — сводное звено. На полъ положены бурки, въ головахъ чемоданы и платье. Командный образъ виситъ въ углу. Комната фешенебельнаго англійскаго отеля обращена въ казачью казарму. Дежурный въ фуражкѣ и при финскомъ ножѣ слѣдитъ за порядкомъ.

Уборка комнатъ кончена. Люди строятся на верандѣ: часъ— пассивная гимнастика, часъ—отданіе чести, часъ—уставы и свѣдѣнія по географіи странъ, которыя проходимъ. Въ 12 часовъ обѣдъ. Послѣ обѣда прогулка за городъ на берегъ моря—конечно, вольной толпой, чтобы не возбуждать лишняго вниманія. Вечеромъ чтеніе про Абиссинію и курсы абиссинскаго языка; перекличка въ девять часовъ и молитва—день конченъ.

На перекличкѣ по обыкновенію опрашиваю людей, всѣмъ ли они довольны?—Мнутся. Что такое? Помѣщеніе не хорошо?

— «Отличное помѣщеніе!» говоритъ Авиловъ.

— «Чего лучше!» подтверждаетъ вахмистръ.

— «Электричество», робко тянетъ Могутинъ.

— «Обѣдъ вамъ не нравится, что ли?» спрашиваю я.

— «Такъ точно», потупясь и стыдливо опуская глаза, говоритъ Духопельниковъ.

— «Что же вамъ даютъ? Мало что ли?»

— «Мало не мало, а ѣсть нечего», замѣчаетъ Терешкинъ.

— «Мы бы сами то лучше», скромно говоритъ командный кашеваръ, мой трубачъ Алифановъ.

— «Какой же обѣдъ былъ у васъ сегодня?»

— «Да кто его знаетъ! Вареные огурцы, сливы какіе то, а мяса почти и не было».

Заглянулъ въ меню. Дѣйствительно, соусы, да фарши, а бефъ только одинъ, блюдъ много, а всего по малу.

— «Что дѣлать, говорю, братцы. Помни присягу, ѣшь, что даютъ!»

— «Мы что жъ! Мы ничего. Такъ только!» послышались голоса. Я распустилъ команду и пошелъ къ себѣ.

«Терпѣть холодъ и голодъ, и всякія нужды солдатскія» имѣетъ

*

смыслъ тогда, когда избѣжать этого нельзя, но когда избѣгнуть можно, и очень легко можно, то всякое лишеніе уже становится подъ отвѣтственность начальника. Я пошелъ къ хозяину отеля и попросилъ удѣлить мнѣ уголокъ плиты, давать мнѣ на обѣдъ то, что я попрошу, и допустить на кухню двухъ казаковъ стряпать.

Съ большимъ сомнѣніемъ въ томъ, что изъ этого выйдетъ какой нибудь толкъ, выслушалъ меня швейцарецъ, управляющій отелемъ, но согласился. Какъ обрадовались за то казаки, когда узнали, что на завтра у нихъ будутъ щи донскія и картофель съ саломъ.

30-го октября, четвергъ. Утромъ занимался гимнастикой, потомъ двухъ отправилъ на стирку бѣлья, двухъ—на кухню готовить обѣдъ и пятнадцать человѣкъ—въ таможню на работы.

Многіе ящики, особенно съ инструментами и съѣстными припасами, закупленными въ Одессѣ, разбились, у другихъ оказались поврежденія. Купили доски и на берегу Суэцкаго канала подъ громаднымъ навѣсомъ французской компаніи устроили плотницкую мастерскую. Застучалъ русскій топоръ и работа закипѣла. Одни строятъ ящики, другіе забиваютъ менѣе поврежденные въ клѣтки, третьи надписываютъ, четвертые увязываютъ, я съ С. Э. С—мъ наблюдаемъ, осматриваемъ, надписываемъ.

По портъ-саидскимъ понятіямъ дьявольскій холодъ, но нашимъ хорошо—градусовъ 16R. въ тѣни и 22°R. на солнцѣ. Работа кипитъ съ двухъ часовъ до восьми вечера непрерывно.

Въ восемь часовъ обѣдъ. У меня такая пробная порція на столѣ, что я думаю, не съѣсть ли мнѣ ее всю и отказаться отъ чопорнаго скучнаго обѣда въ «Dining room'ѣ» отеля. Великолѣпныя щи смастерили Терешкинъ съ Алифановымъ, щи изъ свѣжей капусты съ помидорами и лукомъ. Это можетъ понять только тотъ, кто уѣхалъ давно изъ Россіи, кто пьетъ вареный чай съ перцемъ и ѣстъ, все поливая краснымъ стручковымъ перцемъ и соей.

Итальянскій консулъ спрашивалъ у нашего консула—правда ли, что бѣлые бородатые люди настоящіе казаки и, получивъ утвердительный отвѣтъ, выразилъ крайнее изумленіе, что еще не было скандаловъ, никого не зарѣзали и не ограбили. «Скандалы будутъ», сказалъ онъ съ увѣренностью. «Посмотримъ», подумалъ я.

31-го (12-го ноября) октября, пятница. Съ восьми часовъ утра до пяти часовъ дня вся команда на работѣ въ таможнѣ. Ящики для галетъ вслѣдствіе спѣшности пріемки ихъ въ Александріи оказались необшитыми парусиной, а главное не подписанными, гдѣ лежатъ галеты (для нижнихъ чиновъ) и гдѣ бисквиты—(для офицеровъ). Ихъ двад-

цать большихъ ящиковъ. Каждый надо вскрыть, посмотрѣть, обшить холстомъ, обвязать веревкой и надписать. Но люди соскучились ничего не дѣлать на пароходѣ и работаютъ охотно и весело.

Кругомъ кипитъ портовая жизнь. То и дѣло подходятъ тяжело нагруженныя баржи. Нѣсколько арабовъ и негровъ, въ живописныхъ лохмотьяхъ, бѣгаютъ и суетятся, нося вещи на берегъ. Иной ящикъ величиной аршина четыре въ кубѣ и вѣсомъ до шестнадцати пудовъ. Нѣсколько человѣкъ его едва приподнимаютъ. И вотъ его взваливаютъ на спину несчастному носильщику, на грязную рогожную подстилку, онъ закидываетъ ее поперегъ веревкой, обматываетъ веревку около лба, гдѣ у него тоже грязная подушечка и тащитъ, согнувши сухія волосатыя ноги, эту тяжесть одинъ. Да еще посмѣивается.

Арабы на спорную и веселую работу конвоя смотрятъ съ удивленіемъ.

— «Московъ аскеръ—хорошъ!» говорятъ они и смѣются, скаля свои бѣлые зубы.

Итальянскій консулъ съ опасеніемъ освѣдомляется каждый день у г. Пчельникова о казакахъ.

«Что они дѣлаютъ?»

«Сегодня и вчера работали въ таможнѣ. Чинили ящики, перекладывали грузы».

— «И Царскіе подарки трогали?» съ ужасомъ спрашиваетъ консулъ.

— «Да».

— «И вы это сами видѣли?!»

— «Ну да».

— «При васъ это было?»

— «Да, при мнѣ».

Консулъ волнуется и кипятится.

— «Ну вотъ, сейчасъ видно, что вы молодой человѣкъ, неопытный, да развѣ можно это позволить—растащутъ!..»

За столомъ за табль-д'отомъ я сижу противъ итальянскаго консула, онъ сердито ѣстъ, чавкая толстыми губами. «Бѣдный, бѣдный!» думаю я...

1-го ноябр., суббота. Ночью лилъ проливной дождь, и утромъ еще моросить немного. Это въ Портъ-Саидѣ рѣдкость. Послѣ утреннихъ занятій водилъ людей на прогулку по берегу моря. Собирали раковины, смотрѣли крабовъ. Назадъ вдали отъ города по берегу моря прошли съ пѣснями. Вечеромъ офицеры и врачи, не уѣхавшіе

въ Капръ, собрались въ циркъ. По темнымъ улицамъ пробрались къ палаткѣ, собранной изъ грубаго холста. Народа не видно, музыки не слышно. Французъ, содержатель цирка, объявилъ, что сегодня по случаю холода представленія въ циркѣ нѣтъ. Холода! — когда мнѣ безъ пальто въ одномъ сюртукѣ было слишкомъ тепло.

— «Что же у васъ есть интереснаго», спросили мы у содержателя цирка.

— «О! есть вещи, достойныя вниманія: слонъ, два русскихъ, оселъ, обезьяна, японецъ».

— «Что же они дѣлаютъ у васъ, эти русскіе?»

— «О, они умѣютъ прыгать, кувыркаться — они очень интересны».

Итакъ, на завтра намъ предстояло удовольствіе увидѣть двухъ русскихъ, которые умѣютъ прыгать, кувыркаться наряду съ слономъ и ослами. Пріятная перспектива для русскаго.

Возвращаясь изъ цирка въ отель, мы услышали въ маленькой гостиницѣ чудную игру на скрипкѣ съ акомпаниментомъ арфы. Заглянули въ окно. Небольшая передняя отеля уставлена столиками, два english boy'я валяются на соломенныхъ кушеткахъ, куря папиросы и заигрывая съ бѣлокурой miss, сейчасъ съ картинки на конфектной коробкѣ. Въ самомъ углу скромно пріютились два мальчика итальянца. Старшій, лѣтъ 11-ти, игралъ на скрипкѣ, младшій, лѣтъ семи, блѣдный и худой, очевидно, больной, акомпанировалъ, полулежа въ креслѣ, на арфѣ. Соблазнъ послушать европейскую музыку въ Портъ-Саидѣ въ чудную лунную ночь, въ заснувшемъ городкѣ, играющемъ роль всесвѣтной почтовой станціи, былъ слишкомъ великъ—мы зашли.

Музыканты оживились. И среди ночной тишины въ пустынномъ кафе раздались чудные звуки серенады Брага. Сколько воспоминаній пробудили они! Они перенесли насъ на минуту въ Петербургъ, на родину, въ Россію...

Вернувшись, я прошелъ въ команду. Люди спали на кошмахъ и на буркахъ. Дежурный сидѣлъ въ углу и при свѣтѣ лампы читалъ книгу. Казарма и въ Портъ-Саидѣ была казармой, со всѣми ея аксесуарами...

2-го (14-го) ноября, воскресенье. Вчера вечеромъ по случаю субботы я читалъ подрядъ въ помѣщеніи команды молитвы, псалмы и пѣснопѣнія, положенные для субботней вечерни. Эти молитвы, размѣренное пѣніе «Господи помилуй» въ помѣщеніи шестаго этажа, залитомъ вечернимъ солнцемъ, были и оригинальны, и уми-

лительны для простыхъ казачьихъ сердецъ. Сегодня мы собрались пройдти въ одну изъ церквей прослушать обѣдню. Въ десять часовъ утра команда въ ярко начищенныхъ сапогахъ, въ желтыхъ курткахъ, новыхъ шараварахъ и свѣже вымытыхъ бѣлыхъ чахлахъ на фуражкахъ построилась въ своемъ помѣщеніи.

Пошли въ греческую церковь. Губастый черноволосый монахъ объявилъ, что обѣдня уже окончена: осмотрѣли маленькую церковь съ грубо рѣзаннымъ иконостасомъ и пошли дальше. Толкнулись къ коптамъ—тотъ же отвѣтъ — обѣдня кончена. Тогда я повелъ въ англиканскую церковь. Въ маленькой и чистой, изящно обставленной церкви народу было немного. Капеланъ усадилъ казаковъ рядомъ съ матросами англійскаго военнаго судна и казаки стали внимательно вслушиваться въ чуждое имъ богослуженіе. За органомъ играла и пѣла молодая дѣвица, хоръ матросовъ ей акомпанировалъ. Гимнъ дрожалъ подъ сводами голубого купола и плавной мелодіей разливался по храму.

«Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!» На всѣхъ языкахъ разносится хвала ему... Казаки вставали и садились на свои стулья, сообразно съ тѣмъ, какъ то дѣлали англичане. Ни разговора, ни шопота, полное уваженіе къ чужой религіи.

Служба кончилась. Пошли изъ храма.

— «Ну что», спрашиваю, «понравилась вамъ служба у англичанъ?»

— «Очень понравилась», раздались отвѣты, «умилительно такъ эта дѣвушка пѣла, просто за душу хватала, такъ пѣла», говоритъ Терешкинъ, поэтъ въ душѣ.

— «Хорошо! Особенно хорошо, ваше высокоблагородіе, то, что у каждаго книжка въ рукахъ, значитъ съ сознаніемъ службу слушаетъ—очень это полезно», замѣчаетъ грамотѣй Любовинъ.

Возвращаемся всѣ въ праздничномъ умиленномъ настроеніи. Оно хотя, конечно, и не у настоящей обѣдни были, а все-таки и пѣніе хорошее слыхали, и мысли думали церковныя, воскресныя, значитъ похоже на Россію, а теперь все, что похоже на Россію, такъ дорого намъ...

Въ «Easterne exchange» — новость — итальянскій и австрійскій консулъ выразили желаніе поближе познакомиться съ казаками. Послѣ завтрака въ отелѣ на верандѣ верхняго этажа пѣніе и пляска. Пановъ, Изваринъ, Полукаровъ и особенно Любовинъ превзошли сами себя, хоръ старался изо всей мочи — это былъ настоящій концертъ. Итальянецъ восхищался пѣніемъ, австріецъ пляской. Въ концѣ и того, и другого по русскому обычаю качали.

— «Что-жъ, ваше высокоблагородіе, понравилось имъ?» спрашивали меня съ живѣйшимъ интересомъ казаки.

Имъ такъ хотѣлось произвести хорошее, доброе и лихое впечатлѣніе на иностранцевъ, прославить имя русское, казачье, на берегахъ Средиземнаго моря.

3-го (15-го) ноября, понедѣльникъ. Съ семи часовъ вечера ожидаемъ парохода французскаго общества «Messageries maritimes» «Pei-ho». Всѣ вещи упакованы и сложены на ручныя телѣжки подлѣ отеля. Подлѣ ящика съ деньгами стоитъ часовой, двое бродятъ около имущества, теплая лунная ночь царитъ надъ Портъ-Саидомъ. Съ моря дуетъ сильный вѣтеръ, большія желтыя волны, покрытыя на вершинахъ пѣной, съ глухимъ рокотомъ несутся на берегъ. Ночью при лунномъ свѣтѣ онѣ особенно грозны. Люди конвоя спятъ на буркахъ въ пустомъ номерѣ. Парохода нѣтъ до самаго утра.

4-го (16-го) ноября, вторникъ. Въ шесть часовъ утра ко мнѣ зашелъ г. Пчельниковъ и сказалъ, что пароходъ входитъ въ портъ. Я спустился внизъ. При блѣдномъ свѣтѣ наступающаго разсвѣта я нашелъ все, какъ было: нагруженныя телѣги и часовыхъ въ буркахъ. Пришелъ кавасъ русскаго консульства и привелъ носильщиковъ. Вещи перевезли на пристань и стали грузить на маленькій пароходъ. Было семь часовъ утра, когда 10,000-тонный пароходъ «Pei-ho» величественно взошелъ въ каналъ. На немъ масса пасажировъ. Капитанъ, къ которому я отправился, объявилъ мнѣ, что въ третьемъ классѣ имѣется только 21 мѣсто, тогда какъ у насъ было всего 24 человѣка, считая прислугу начальника; пошелъ смотрѣть.

Помѣщеніе людей сносно: это двѣ маленькія каюты, одна на пять, одна на восемь мѣстъ и восемь мѣстъ въ общей каютѣ. Размѣститься можно. Люди будутъ получать въ девять часовъ утра завтракъ и въ пять часовъ дня обѣдъ.

На пароходѣ около 15-ти французскихъ офицеровъ, направляющихся на островъ Мадагаскаръ. Они всѣ въ формѣ. Для охраны денежнаго ящика, помѣщеннаго въ каютѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Власова, временно выставленъ постъ. Часовому внушено отдавать честь всѣмъ французскимъ офицерамъ.

Кругомъ парохода суматоха, бездна лодокъ, пароходовъ, баржъ, нагруженныхъ углемъ, лодокъ, перегруженныхъ черными, какъ уголь людьми. Наши друзья—музыканты-итальянцы пріѣхали насъ проводить. Арія тореодора несется изъ колеблемой волнами лодки— «Addio!»

Въ $11^1/_2$ часовъ сняли канаты и около 12-ти медленно потяну-

лись по каналу. Вскорѣ пустыня залегла по азіатскому берегу. Безконечные пески, ровные, какъ доска, безъ признака растительности, скучные и томительные.

По африканскому берегу показались мелкія озера, громадная стая пеликановъ бѣлѣла на одномъ изъ нихъ.

Пароходъ движется съ томительною медленностью. Вправо безконечная пустыня, влѣво тѣ же пески, мѣстами покрытые мелкой зеленой травкой.

Въ два часа ночи вошли въ Суэцъ. При свѣтѣ электрическихъ фонарей погрузили палатки и ящики съ винами, идущіе изъ Бомбея. Какъ только кончилась нагрузка, тронулись дальше.

5-го (17-го) ноября, среда. Мы въ Суэцкомъ заливѣ. Погода довольно холодная, градусовъ 12 R. тепла не больше. О тропическихъ костюмахъ и думать нечего, не пришлось бы одѣвать пальто. Время на пароходѣ проходитъ въ ѣдѣ. Отъ 6—9 ч.—утренній чай, кофе, или шоколадъ, отъ 9—11—завтракъ, блюдъ изъ четырехъ, въ 1 часъ—lunch, блюдъ изъ четырехъ же, въ 6½—обѣдъ изъ восьми блюдъ и въ 9—чай. Несмотря на свѣжую погоду, всѣ на палубѣ. Да и какъ не любоваться на причудливыя очертанія береговъ. Розовато желтыя горы вздымаются ломаной линіей на горизонтѣ. То и дѣло торчатъ остроконечныя ихъ вершины, утопая въ прозрачномъ лиловомъ воздухѣ. Вонъ, доминируя надъ длинною цѣпью высокихъ горъ, высится гора Синай. Она совсѣмъ затянута синевой дали и вторымъ планомъ декораціи рисуется на небѣ. Дика и своеобразна картина первозданной страны. На этихъ голыхъ утесахъ, среди высокихъ песчаныхъ скалъ, одиноко вздымающихъ къ небу вершины свои, въ ровномъ песчаномъ подъемѣ пустыни безъ признака растительности на многія версты зародился Богъ мстительный, Богъ евреевъ Саваофъ. Здѣсь резверзлось Красное море передъ толпой евреевъ, здѣсь въ голубой глубинѣ его поглощены таинственными волнами колесницы египетскія. Страна фантазіи, страна волшебныхъ замысловъ. Развѣ не позади этихъ страшныхъ горъ, залитыхъ розовыми лучами полуденнаго солнца, стоятъ роскошные сады и цвѣтутъ невиданные цвѣты: развѣ не здѣсь въ роскошныхъ дворцахъ томятся черноокія красавицы—награда отважному мореплавателю: не на Красномъ развѣ морѣ арена дѣйствія арабскихъ сказокъ?

Горы уходятъ дальше и дальше—ниже спускается солнце. Азіатскій берегъ подернулся дымкой. Тѣнь земли закрыла его. Исчезъ рельефъ горъ и скалъ, осталась плоская декорація синеватыхъ зубцовъ. Африканскій берегъ еще освѣщенъ. Розовый закатъ задернулъ полъ неба,

тамъ выше онъ побѣлѣлъ, перелився перламутромъ, поспѣлъ и темнѣе, выше и выше слился съ чернотой аравійскихъ горъ. Ниже спустилось солнце. Уже только одинъ край его видѣнъ за горами, пропалъ рельефъ высокихъ горъ, еще минута и на розоватомъ небѣ еле рисуются ихъ сѣрые зубцы. Быстро темнѣетъ. Сумерекъ почти нѣтъ. Не прошло и получаса, какъ зажглись уже таинственныя звѣзды юга, загорѣлись тысячью мелкихъ огоньковъ въ чернотѣ неба и розлили свой кроткій свѣтъ по морской зыби. Берега исчезли—море и небо: небо, сверкающее чужими звѣздами, море таинственное, съ мелкими искорками фосфоресцирующихъ животныхъ...

Начинается легкая качка.

На бакѣ слышу веселое пѣніе. Подхожу ближе. Толпа казаковъ, матросовъ, вольныхъ третье-классныхъ пасажировъ, негровъ, занзибарцевъ въ ихъ красныхъ плащахъ-одѣялахъ тѣсно обступила поющихъ и танцующихъ матросовъ. Это все молодой и веселый народъ — бретонцы по происхожденію. Босые, въ фуражкахъ своихъ и нашихъ казаковъ, они съ увлеченіемъ отплясывали матросскій танецъ—среднее между кадрилью, полькой и канканомъ. Танцовало четыре пары. Одинъ затягивалъ куплетъ про какую-то Віолетту, другіе хриплыми, усталыми, запыхавшимися голосами подхватывали и всѣ кружились.

— «Интересно, ваше высокоблагородіе», говоритъ тутъ же стоящій вахмистръ, давая мнѣ дорогу.

— «Что же, подружились вы съ ними?» спрашиваю я.

— «Такъ точно. Только чудной народъ, ваше высокоблагородіе. Подойдетъ онъ къ тебѣ, кивнетъ головой и засмѣется, ну и самъ кивнешь головой и тоже смѣешься. Рюсъ-франсе, говоритъ, и пожимаетъ руку. И хочется съ нимъ объясниться и нельзя, потому онъ ничего по нашему, а мы по ихнему не разумѣемъ. Давѣ взялъ гармонику и «Боже, Царя храни» сыгралъ—мы имъ «Марсельезу» пропѣли, всѣ въ ладошки такъ и захлопали: здорово обрадовались они. Все къ нашимъ пристаютъ—сыграйте, дескать, на гармоникѣ, только больше имъ протяжныя пѣсни нравятся».

Увидѣвъ, что я разговариваю съ казакомъ, толпа дала мнѣ мѣсто и веселый молодой матросъ, весело подмигнулъ мнѣ и сказалъ— «russe bon...»

Такъ на бакѣ происходило франко-русское сліяніе на почвѣ музыки и пѣнія и въ то же время на ютѣ въ кают-компаніи при посредствѣ женщины, офицеры дружественныхъ націй знакомились между собой.

Съ офицерами ѣхала жена одного капитана, служащаго на Ма-

дагаскарѣ, молодая еще женщина въ эфектномъ костюмѣ парижанки. Вечеромъ Ю. В. К—ій подошелъ къ піанино и заигралъ. Французская военная дама оказалась пѣвицей. Сейчасъ одинъ изъ офицеровъ представился К—ому и представилъ его пѣвицѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ перезнакомились и въ каютъ-компаніи раздались звуки французскихъ романсовъ.

6-го (18-го) ноября, четвергъ. Что за скучная, надоѣдливая исторія—качка. Неужели она продолжится всѣ пять дней нашего перехода, неужели нельзя къ ней привыкнуть, неужели еще пять дней будетъ эта томительная головная боль, эта пустота желудка, отсутствіе апетита, воли, полная апатія....

Въ конвоѣ трое больныхъ.

Я лежу въ душной каютѣ и тяжелыя мысли идутъ въ голову. Смотрю газеты изъ Россіи и, какъ на зло, натыкаюсь на всякія непріятности. «Новое Время», по поводу гибели Гангута, ополчается на современный типъ судовъ изъ желѣза и находитъ его небезопаснымъ для плаванія, и нашъ «Pei-ho» весь изъ желѣза... Чортъ возьми, скучно. Вагнеръ убилъ ни въ чемъ неповинную жену, и судъ смакуетъ по обыкновенію интимныя подробности дѣла. На сушѣ—это все пустяки, но на морѣ, да особенно въ качку, это порождаетъ черныя тягостныя мысли...

Выйдешь на палубу. Кругомъ море и небо. Небо свѣтло-синее, прозрачное, море, покрытое грядами волнъ; по большимъ синимъ волнамъ разсыпаны маленькія волнышки, онѣ налетаютъ на бортъ, ударяются объ него, шумятъ и разсыпаются въ тысячу брызгъ. Скучная однообразная картина.

Вчера французы угощали насъ шампанскимъ, сегодня вечеромъ мы зовемъ ихъ къ себѣ. Позднѣе на ютѣ, на палубѣ, подъ тентомъ, подъ ласкающимъ дыханіемъ пассата, слышно пѣніе «Si tu m'aimais», звучитъ надъ волнами Краснаго моря извѣстный романсъ, слышны мягкіе аккорды—и воспоминанія далекой родины толпятся въ мозгу.

Тепло. Половина конвоя ночуетъ на палубѣ. Тропики даютъ себя чувствовать, не даромъ сегодня въ полдень мы были подъ 24° 13′ сѣверной широты и 34°00′ восточной долготы (отъ Парижа).

7-го (19-го) ноября, пятница. Сегодня всѣ съ утра облачились въ фланелевые костюмы и пробковыя каски. Термометръ показываетъ 25° R. въ тѣни. Море, покачавшее было насъ третьяго дня, успокаивается. Большія волны улеглись, осталась только одна мелкая безвредная зыбь. Въ полдень мы прошли 19° 16′ сѣверной широты и 36°44′ восточной долготы. Каждый день приходится переводить

часы—мы быстро подаемся на востокъ. Днемъ всѣ на палубѣ. Тепло, какъ въ самый жаркій день у насъ въ Петербургѣ. Хорошая погода заставляетъ общество немного скучать, приходятъ въ голову неожиданныя остроты, французы придумываютъ развлеченія.

— «Вы будете представляться?» спрашиваютъ офицеры у нашего секретаря А. А. О—ва: рѣчь идетъ о знакомствѣ съ французскими офицерами.

— «Зачѣмъ же мнѣ представляться, я могу и натуральнымъ быть»—слѣдуетъ быстрый отвѣтъ. Французскіе офицеры придумываютъ устроить на ютѣ «une soirée de bienfaisance». Къ намъ является депутація съ просьбой пожертвовать какую либо вещь для лотереи-томбола въ пользу сиротъ французскихъ моряковъ, въ пользу вдовъ устраивается концертъ. Жена мадаскарскаго офицера подъ акомпаниментъ К—аго исполнитъ нѣсколько романсовъ, одна французская и одна англійская дамы сыграютъ на піанино, нашъ Л. К. А—въ споетъ романсъ Чайковскаго: «То было сонъ»; одинъ французскій офицеръ продекламируетъ стихи на несчастную belle-mère, кандидатъ на классную должность К—овъ, пропоетъ подъ гитару русскую пѣсню, японецъ продекламируетъ японское стихотвореніе,—словомъ, вечеръ ничѣмъ не хуже, чѣмъ тѣ благотворительные вечера, которыми порой развлекаетесь и вы, глубокоуважаемые читатели.

Надо отдать справедливость французамъ: они умѣютъ веселиться. Въ 8 часовъ вечера ютъ былъ неузнаваемъ. Электрическія лампы освѣщали чисто вытертый полъ, корабельные цвѣтные сигнальные фонари горѣли по борту. Подъ тентомъ висѣли цвѣтные флаги, красиво подобранные. Все общество, дамы въ бальныхъ туалетахъ, мужчины въ темномъ, собралось наверху. Концертъ прошелъ блестяще. Порою можно было бы и позабыть, что нѣжный голосъ французской пѣвицы звучитъ подъ тентомъ парохода, чуть видной точкой затерявшагося въ Красномъ морѣ. Концертъ конченъ. Веселый, черноусый французъ, острякъ, приступаетъ къ лотереѣ. Большинство отказывается отъ выигранныхъ вещей и изъ нихъ устраиваютъ аукціонъ.

— «Une machine à coudre!» восклицаетъ аукціонеръ, потрясая надъ головой акуратно завернутымъ и завязаннымъ шелковой ленточкой ящикомъ. Цѣна быстро растетъ и доходитъ до 20-ти франковъ.

— «Une machine à coudre pour vingt francs, c'est très bon marché», говоритъ аукціонеръ, «personne ne donne plus, un, deux, personne ne renonce, personne ne veut pas, c'est fait, trois—adjugée!...»

Купившій «machine à coudre» за 20 франковъ развязываетъ лен-

точку и находитъ подъ бумагой деревянный ящикъ изъ подъ сигаръ и въ немъ иголку съ ниткой. Общій смѣхъ. И развѣ не хорошо придумано? Чѣмъ иголка съ ниткой не швейная машина....

Лотерея и таночный сборъ даютъ тѣмъ не менѣе вдовамъ и сиротамъ французскихъ моряковъ 1,010 франковъ.

Концертъ конченъ. К—ій играетъ вальсъ. Хорошенькая англичанка кружится по скользкому полу съ французскимъ офицеромъ, кругомъ сидятъ дамы и кавалеры, балъ въ полномъ разгарѣ.

Подойдешь къ борту, подъ ногами черная бездна. Маленькими пятнами разбѣгается бѣлая пѣна изъ подъ парохода, изрѣдка въ темныхъ волнахъ сверкнетъ маленькая искорка, еще и еще... Такъ точно ночью, зимой изъ подъ желѣзнаго полоза быстро несущихся саней вылетитъ порой искорка и горитъ одну секунду. Такъ и тутъ покажется яркое пятнышко и исчезнетъ, за нимъ другое, третье— это фосфоресценція моря, таинственныя, мелкія существа, свѣтящія во мракѣ.

Ночь не несетъ съ собой прохлады. Тѣло выдѣляетъ массу испареній. Бѣлье намокаетъ и липнетъ къ нему. Дышать нечѣмъ. Идешь въ ванну, но и ванна не приноситъ облегченія. Погружаешься въ густой полугнилый растворъ соли, будто масломъ обдающій, свѣжести никакой—одно тепло. Идешь и ложишься въ каютѣ, иллюминаторъ открытъ, теплый пассатъ едва освѣжаетъ. Тѣло измучено этой жарой, разварено, мысль не работаетъ, сонъ бѣжитъ отъ глазъ. Наконецъ, забываешься, чтобы подъ утро проснуться мокрымъ отъ пота и сразу почувствовать, что жара не убавилась, а прибавилась.

8-го (20-го) ноября, суббота. Небо совершенно бѣлое отъ водяныхъ испареній, мелкая зыбь покрываетъ волны. И кругомъ это небо, кругомъ эти волны. Пароходъ громадный «Pei-ho» тонетъ въ этомъ водномъ просторѣ, исчезаетъ среди безконечной воды безпредѣльнаго моря. Это крошечный кусокъ дерева, на которомъ, какъ инфузоріи въ каплѣ воды, копошатся люди. Здѣсь и русскіе, и французы, англичане и американцы, испанскій патеръ и група занзибарскихъ негровъ—это интернаціональный городъ, плывущій въ безпредѣльномъ просторѣ громаднаго моря... Мы проходимъ 15°23′ сѣверной широты и 39°28′ восточной долготы. Море становится болѣе разнообразнымъ. Вдали на горизонтѣ появляются туманныя очертанія острововъ и скалъ. Отвѣсными, блѣдножелтыми стѣнами вздымаются они вверхъ, принимаютъ самыя разнообразныя, самыя причудливыя формы. Иной будто громадный столъ вздымается кверху, другой вытянутъ въ длину болѣе чѣмъ въ ши-

рину, третій—совершенно узкій; вершина одного образуетъ ровное плато, у другаго всхолмлена и изрыта, третій имѣетъ остроконечный пикъ. Несомнѣнно, это вершины горнаго кряжа, тянущагося подъ водой. Подлѣ нихъ разбивается бѣлымъ поясомъ прибой. Пароходъ проходитъ недалеко отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, тотъ же голый песокъ, никакой растительности, никакого движенія—мертвые острова. Словно безмолвные стражи пустыннаго моря то появляются, то исчезаютъ они на безпредѣльной синевѣ водъ. Испаренія пропитываютъ воздухъ и дали чуть покрыты молочной дымкой. Но это не туманъ далекаго сѣвера, густой и плотный—это нѣчто прозрачное, неуловимое, нѣжное, какъ все въ этомъ климатѣ, полномъ контрастовъ.

Между офицерами нашей миссіи и французскими офицерами, ѣдущими на Мадагаскаръ, начинается настоящая дружба. На палубѣ всѣ перемѣшались, говорятъ другъ другу самые отборные комплименты. Ихъ удивляетъ, что всѣ наши говорятъ по французски. Вечеромъ пьемъ шампанское за ихъ здоровье, желаемъ взаимно счастливаго пути.

На бакѣ сцены происходятъ тоже самыя мирныя и дружественныя. Депутація матросовъ и пасажировъ является ко мнѣ съ просьбой устроить угощеніе нашимъ казакамъ, роспить съ ними бутылочку вина. Съ разрѣшенія генерала имъ позволено устроить въ каютѣ маленькій праздникъ. Любовинъ готовитъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Надо полагать, что эта рѣчь имѣла успѣхъ, потому что въ 10-мъ часу вечера буфетчикъ таинственно вызываетъ изъ-за стола кают-компаніи Г. Г. Ч—ова и проситъ его перевести на русскій языкъ и написать французскими буквами отвѣтный спичъ пасажировъ 3-го класса. При этомъ выпито шесть бутылокъ коньяку и столько же вермута. Надо отдать справедливость казакамъ, они почти не пили ни того, ни другаго. Имъ не нравился ароматъ коньяка и мягкая крѣпость французскаго вина. Вообще, насколько французы своей любезностью понравились казакамъ, настолько кухня ихъ пришлась не по вкусу ихъ желудкамъ. «Кормятъ хорошо, даютъ много, а все какъ-то не того, лучше бы меньше блюдъ было, да ѣсть было что», вотъ отвѣтъ на мой вопросъ объ обѣдѣ. Интересно взглянуть на дневники, описывающіе ихъ время препровожденіе на французскомъ пароходѣ.

...«Въ 9 часовъ утра насъ пригласили къ завтраку и, къ удивленію нашему», пишетъ артиллеристъ 6-й батареи Щедровъ, «намъ подали устрицъ (мулекъ), недавно вынутыхъ изъ воды, но не менѣе удивились и французы, когда обратно убрали цѣлыми, мы ихъ не

только, чтобы ѣсть, но даже съ отвращеніемъ на нихъ смотрѣли. Могу сказать, что французы съ нами обходились очень хорошо, мы съ ними тоже. Они намъ показывали свои танцы и вообще относились любезно, но одно мѣшало то, что ни они, ни мы не могли объясняться на какомъ-либо изъ двухъ языковъ, но постепенно мы научали нѣкоторыя фразы, какъ-то: поздороваться, пригласить къ табаку, назвать нѣкоторые предметы, за что они оставались довольны и часто пожимали намъ руки, особенно, когда скажешь: «ле франце э ле русъ сонъ де комара, т. е., французъ и русскій товарищи...»

9-го (21-го) ноября, воскресенье. Ночью проходили Бабъ-эль-Мандебскій проливъ. Въ темнотѣ видны были огни маяковъ, разставленныхъ въ этомъ самомъ опасномъ мѣстѣ Краснаго моря. Ночь была душная. Большинство спало въ креслахъ на палубѣ. Сильный вѣтеръ развелъ толчею въ проливѣ и пароходъ покачивало. Съ утра мы входили въ Таджурскій заливъ. Море было синее, слегка взволнованное, мѣстами съ чуть зеленоватымъ отливомъ. На горизонтѣ видна полоса песчанаго берега, дальше громоздятся такія же пустынныя, унылыя, невысокія горы. Нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ невысокими куполами вздымаются кверху, между ними залегаетъ невысокій кряжъ.

Мы подходимъ къ Джибути. Послѣднія прощанія съ французами. На ютѣ французскій поручикъ снимаетъ франко-русскую группу. Въ серединѣ, рядомъ съ супругой начальника миссіи г-жей Власовой—французскій полковникъ, а съ полковникомъ А—мъ—г-жа де-Кудрэ (пѣвица), дальше наши офицеры въ перемежку съ французскими.

Вчера рѣчь французовъ произвела только половинное впечатлѣніе на нашихъ казаковъ.

— «Чувствуемъ», докладывалъ мнѣ сегодня старшій, «что говорятъ по нашему, а что говорятъ, не поймемъ никакъ».

Надо полагать, тоже впечатлѣніе вынесли и французы отъ рѣчи Любовина.

Въ 10 часовъ утра пароходъ подошелъ къ Джибути.

На нѣсколькихъ лодкахъ къ нему подъѣхали около 50-ти сомалійскихъ мальчишекъ отъ 7-ми—18-ти лѣтъ. Одѣтые... нѣтъ, это будетъ смѣло сказать, «одѣтые», повязанные небольшими платками кругомъ бедеръ, темно-шоколаднаго цвѣта, то съ курчавыми волосами на черепѣ, то гладко выбритые, они кинулись съ лодокъ въ воду, цѣлой стаей черныхъ головъ окружили «Peï-ho», громко крича: «à la mer! à la mer».—«О-хо! о-хо!»

Стонъ стоялъ отъ этихъ пронзительныхъ криковъ. Черныя го-

ловы улыбались, обнаруживая ряды сплошныхъ бѣлыхъ зубовъ, глаза съ чуть коричневатымъ зрачкомъ лукаво подмигивали, въ прозрачной зеленой водѣ видны были ихъ темныя руки и ноги, дѣлавшія лягушечьи движенія, а они все кричали: «à la mer, un sous, deux sous, trois sous, à la mer, о-хо! о-хо!»

Кто нибудь изъ пасажировъ кинетъ съ борта мѣдную монету и десятокъ черныхъ тѣлъ исчезнетъ подъ водой. Только видны бѣлыя пятки. Пройдетъ нѣсколько секундъ и они снова появятся на поверхности воды. Кто нибудь уже поймалъ монету, показалъ ее вамъ, прячетъ въ ротъ и снова кричитъ: «à la mer», «à la mer»...

Больше часа держатся они на поверхности воды, то ныряя, то снова всплывая на поверхность моря. Иные, цѣпляясь за веревки, карабкаются по отвѣсному борту парохода, взбѣгаютъ на палубу, бѣгаютъ между пасажирами, сопровождаемые шлепками матросовъ, и предлагаютъ кинуться за монетой съ высоты пароходнаго тента.

На первый взглядъ они отвратительны своимъ темнымъ цвѣтомъ, своей наготой. Особенно ужасны тѣ, у которыхъ черепа гладко выбриты, или покрыты желтовато-бурыми выгорѣлыми волосами. Но присмотришься къ худощавымъ, довольно стройнымъ тѣламъ сомалей и начинаешь примиряться. Тѣ, которые хотя какъ нибудь одѣты, даже недурны. Вотъ мальчикъ сомаль Фара, бывшій слуга одного изъ членовъ экспедиціи «Краснаго Креста», одѣтый въ бѣлые штаны, бѣлую рубашку и лиловую безрукавку. Его ласковые глаза, почти женскій пріятный голосъ, французскій съ акцентомъ говоръ—даже пріятны. Чистая бѣлая одежда смягчаетъ отвращеніе передъ чернымъ тѣломъ: въ своемъ родѣ—онъ недуренъ.

Къ пароходу подошли лодки. Начинается погрузка багажа. Еще часъ, два и наше морское путешествіе кончено. Можно свести итоги этому 2-хъ-недѣльному пребыванію на водѣ. Кромѣ двухъ, трехъ казаковъ низовыхъ станицъ, дома занимавшихся рыбачествомъ, море не оставило по себѣ пріятнаго воспоминанія. Всѣ рвались скорѣе покинуть бортъ парохода, безпредѣльную синеву океана и ступить на почву, хотя и унылой, но родной стихіи...

VII.

Джибути.

Джибути находится подъ 43°10′ восточной долготы и подъ 11°35′ сѣверной широты, у начала Таджурскаго залива. Схваченная

съ двухъ сторонъ каменными молами, бухта залива доступна баржамъ лишь въ часы прилива, поэтому судамъ приходится останавливаться верстахъ въ полутора отъ берега въ самомъ Таджурскомъ заливѣ. Выгрузка производится при помощи большихъ желѣзныхъ понтоновъ, находящихся въ распоряженіи французской компаніи «Messageries maritimes», а также мѣстныхъ парусныхъ лодокъ, довольно примитивной постройки. Понтоны приняли нашъ крупный трюмовой багажъ и отвезли его къ дальнему молу, гдѣ находятся склады компаніи и гдѣ воздвигается портъ Марабу. Ручной багажъ и мы сами высадились на маломъ молѣ, у самого Джибути.

На молѣ миссія была встрѣчена туземной полиціей, черными людьми въ бѣлыхъ холщевыхъ рубашкахъ и такихъ же панталонахъ, маленькихъ фуражкахъ изъ холста, безъ козырька и съ желтыми околышами. Этотъ своеобразный конвой, вооруженный ружьями, оказался весьма небезполезнымъ въ виду того, что прибытіе парохода заставило выйти все черное населеніе города на пристань. Съ несмолкаемымъ крикомъ на сомалійскомъ и арабскомъ языкахъ эта полуобнаженная толпа обступила пасажировъ съ предложеніями своихъ услугъ. По французски вызывались они отнести наши ящики, достать намъ лодки и пр. Ихъ черныя кудлатыя головы не были ничѣмъ прикрыты, тѣло до пояса у большинства было обнажено, у другихъ же мотались длинныя пестрыя тряпки. Встрѣтившія насъ французскія власти провели въ каменный сарай съ отверстіями, затянутыми циновками, или прямо забитыми переплетомъ изъ драни. Въ сараѣ былъ поставленъ столъ, покрытый алымъ сукномъ и надъ дверьми висѣла вывѣска съ громкой надписью: «Gouvernement du protectorat». Городъ, если только можно назвать этимъ европейскимъ именемъ двѣ песчаныя улицы съ площадью, всего домовъ въ двѣнадцать, былъ убранъ французскими флагами, а надъ «Hôtel des Arcades», долженствовавшимъ открыть передъ нами гостепріимныя свои двери, висѣлъ даже русскій флагъ и краснорѣчивая надпись черными буквами по бѣлому холсту: «Vive la Russie» и «Vive la France». Этимъ собственно и выразилась симпатія дружественной намъ націи.

Въ «Hôtel des Arcades» подъ начальника миссіи и гг. офицеровъ и врачей были отведены комнаты во второмъ этажѣ, конвой помѣстился на галереѣ внизу, имѣя одинъ постъ у денежнаго ящика на верхней галереѣ и одинъ на берегу моря, у сложеннаго тамъ имущества. Жара была неособенно сильная, не болѣе 30° R. на солнцѣ. Голубое небо млѣло надъ заливомъ. По заливу скользили шлюпки съ

большими косыми парусами, мѣрный приливъ тихо надвигался по рыхлому илистому дну.

Обойти Джибути можно въ полчаса, изучить нѣсколько труднѣе. Европейская часть города начинается отъ стараго мола, гдѣ на небольшомъ возвышеніи стоитъ бѣлое зданіе съ широкой крышей, какъ и всѣ здѣшніе дома безъ стеколъ въ громадныхъ окнахъ, съ верандой кругомъ. Домъ этотъ выстроенъ изъ кирпича сырца на известкѣ и оштукатуренъ известкой же. Кругомъ дома деревянная рѣшетка, а за рѣшеткой—четыре молодыя финиковыя пальмы—это дворецъ губернатора. Шагахъ въ двухъ стахъ отъ дворца начинается городъ. Уже издали, доминируя надъ бѣлыми домами съ плоскими крышами и широкими арками верандъ, видна черная вывѣска нашего отеля. Напротивъ пріютился «Hôtel de Paris», еще далѣе «Hôtel de France», затѣмъ два, три дома французскихъ комиссіонеровъ, «gouvernement», вмѣщающая въ себя и почту, гостинный дворъ, сильно напоминающій своими бѣлеными арками ряды какой-нибудь станицы, или малороссійскаго мѣстечка, затѣмъ хаты сомалійской деревни изъ камыша и вѣтвей, окруженныя такимъ же заборомъ, вотъ и все Джибути. Дальше къ сѣверу, верстахъ въ трехъ отъ города, на мысу, отдѣляющемъ Таджурскій заливъ отъ Индійскаго океана, стоятъ громадные склады «Messageries», сараи желѣзной дороги, станція ея, каменный, неоконченный еще докъ, словомъ, портъ—порта Марабу. Желѣзная дорога протянута версты на три отъ Марабу. Отъ большихъ ея рельсовъ проложены маленькіе деконвилевскіе, по которымъ перетягиваютъ ручной тягой платформы отъ одного мола къ другому и по проектированному полотну желѣзной дороги верстъ на пять вглубь страны къ Харрару.

Всѣ дома однотипной постройки, приноровленные къ здѣшнему жаркому климату. Каждый домъ состоитъ изъ большого арочнаго футляра, окруженнаго широкимъ каменнымъ тротуаромъ. Въ серединѣ находится собственно домъ, состоящій изъ ряда комнатъ безъ оконъ, но съ дверьми въ обѣ веранды. Дверныя отверстія занавѣшены гардинами изъ камыша и бусъ; кромѣ того имѣютъ тонкія двустворчатыя двери. Жители домовъ мало работаютъ въ комнатахъ, предпочитая быть на дворѣ, на верандѣ и даже на улицѣ. Зайдите въ любой изъ трехъ отелей днемъ, или ночью, загляните въ двѣ, три «brasseries», разсѣянныя по площади,—внутри никого. За то на верандѣ вы всегда увидите человѣкъ пять, шесть французовъ, въ легкихъ чи-чун-човыхъ «педжамахъ», пьющихъ пиво, или лимонадъ, или ѣдящихъ сочный консервъ ананаса. Ночью прямо на улицѣ

близъ домовъ стоятъ столики и при свѣтѣ стеариновыхъ свѣчей маленькія компаніи играютъ въ карты. Въ раскрытыя настежъ двери комнатъ видишь постель и на ней весьма легко одѣтаго субъекта, читающаго газету, или просто мечтающаго со взоромъ, устремленнымъ въ голубую даль неба на мелкія яркія звѣзды.

Убійственная скука царитъ кругомъ въ городѣ, вѣчно залитомъ почти отвѣсными лучами солнца. Придетъ и уйдетъ приливъ, обнаживъ черное прѣлое дно, покрытое бездной маленькихъ крабовъ съ красной клешней, раками отшельниками въ ихъ богатыхъ раковинахъ, налетятъ на эту добычу сѣрые кулики и бѣлыя цапли, снова наступитъ море, затопивъ сѣрый илъ съ его разнообразнымъ населеніемъ, а также безоблачно небо, также душенъ и тепелъ раскаленный воздухъ. Смотришь вдаль, а даль колеблется — то идутъ переливы воздуха. Быстро восходитъ солнце, затопитъ оно лучами своими бѣлыя стѣны каменныхъ домовъ и сѣрыя огорожи сомалей и висптъ, жаркое, часовъ до 6-ти. Въ 6 час. также быстро темнѣетъ. Словно изъ мѣшка по темносинему небу насыпаются звѣзды, а жара все та же. Раскаленный песокъ согрѣваетъ землю. Подъ утро соберутся на небѣ облака, составятъ завѣсу стыдливому солнцу, но подымется оно и опять голубое небо чисто и мерцаютъ и переливаютъ въ знойномъ воздухѣ синеватыя дали. На этой почвѣ кромѣ особаго вереска съ мясистыми листочками ничего не растетъ. Посадить финики, бананы, гранаты, мимозы—можно, но тогда нужно рыть арыки, проводить воду нужно работать, а работать не принято. Да и къ чему все это—когда грязное полотенце вполнѣ достаточный костюмъ для мущины, два, три банана, грязная лепешка изъ дурры—пища и круглая хижина изъ хвороста, обвязаннаго веревками—кровъ воинственнаго сомаля. Водить караваны, бродить по пустынѣ ища добычи, не разбирая какой, будетъ-ли то леопардъ, крадущійся за антилопой, стадо козловъ дигъ-диговъ, пучекъ сухой мимозы на топливо, или, наконецъ, одинокій европеецъ съ ружьемъ—его ремесло. За поясомъ у него торчитъ большой кривой ножъ, въ рукѣ легкое копье съ плоскимъ остріемъ, которымъ онъ поражаетъ на 60 шаговъ, и такъ идетъ онъ маленькими шайками изъ оазиса въ оазисъ, пробираясь по унылымъ пескамъ Сомалійской пустыни. Они находятся подъ протекторатомъ французовъ, но и Таджурскій султанъ имъ страшенъ. За «бакшишъ» онъ ведетъ караванъ, распѣвая свою пѣсню, гдѣ всѣ вскрикиваютъ «бура-ма-бурумъ руси ой нага де тана-гуйю», за «бакшишъ» служитъ въ полиціи, за «бакшишъ» ведетъ караванъ, защищая его отъ себѣ подобныхъ. Какъ слуга, онъ честенъ и акуратенъ. Раскидайте

свой чемоданъ въ гостинницѣ и онъ соберетъ его снова и ни одна вещь не пропадетъ у него. Дома у него оселъ, да быкъ съ горбомъ, да жена съ ребенкомъ, котораго она таскаетъ сзади на полотенцѣ.

Сомалійскія женщины болѣе одѣты, нежели мужчины. Ихъ ноги закрыты длинной пестрой тряпкой, на подобіе малороссійской плахты, грудь прикрыта чѣмъ-то вродѣ рубашки и, конечно, болѣе ничего. По виду онѣ сильно напоминаютъ нашихъ чухонокъ, но только выкрашенныхъ въ темную краску.

Въ Джибути ихъ живетъ около 5,000. Цифра колеблется постоянно въ зависимости отъ прихода и ухода каравановъ. То и дѣло по дорогѣ подходятъ сомали, отдаютъ въ караулкѣ свою пику и ножъ и исчезаютъ въ городѣ, а потомъ снова идутъ назадъ, получая при выходѣ вооруженіе.

Днемъ на площади передъ управленіемъ разбитъ базаръ. Желтые, какъ песокъ верблюды, песокъ желтый, какъ верблюды, тростникъ, верблюжьи сѣдла, дурро и пучки мимозы для топлива — вотъ чѣмъ торгуютъ на немъ. Иногда принесутъ леопардовую шкуру, повѣсятъ ее у входа, потолчется около нее толпа черныхъ и виситъ она до тѣхъ поръ, пока какой нибудь европеецъ не купитъ ее, заплативъ за нее 10 франковъ.

Джибути только передаточный пунктъ между Абиссиніей и Краснымъ моремъ: это окно въ Африку, которое прорубаютъ французы, окно еще не обработанное, безъ рамы, безъ стеколъ съ однимъ грязнымъ переплетомъ изъ драни, какъ то и полагается окну въ Сомалійской пустынѣ.

Тихо идетъ дѣло въ этомъ зноѣ. Агентъ «Messageries», обвѣваемый «панкà» сидитъ и пишетъ отчеты въ конторѣ, черные люди толпятся и ходятъ изъ угла въ уголъ, съ мѣста на мѣсто, не то съ дѣломъ, не то безъ дѣла. Наступаетъ темная ночь, на столикахъ у «brasseries» горятъ свѣчи, гарсоны въ «пиджамахъ» и безъ оныхъ, сверкая лишь своимъ темнымъ тѣломъ, разносятъ ананасъ и лимонадъ, гдѣ нибудь хлопаетъ бутылка съ симпатичной надписью «Veuve Cliquot», слышенъ французскій говоръ—вечеринка идетъ часовъ до 10-ти—11-ти, кое-гдѣ еще работаютъ на пристани, пользуясь приливомъ, а затѣмъ городъ погружается въ мертвый сонъ. Спятъ французскіе инженеры, спятъ комиссіонеры, спятъ арабы-солдаты у «gouvernement de protectorat», спятъ сомали въ своихъ хатахъ, темная ночь сверкаетъ бриліантами своихъ звѣздъ, море немолчно шумитъ, да дико и неустанно кричатъ ослы и мулы, фыркаютъ верблюды, да съ окраины пустыни несется протяжный вой шакала или гіены.

10-го (22-го) ноября, понедѣльникъ. Послѣ вчерашней тяжелой работы по перегрузкѣ багажа сегодня у насъ дневка. Коню дан отдыхъ.

Я брожу по желтымъ пескамъ улицы, смотрю, какъ французъ въ пробковой шляпѣ съ широчайшими полями кирпичъ за кирпичемъ складываетъ стѣну дома, а арабъ ему помогаетъ, выхожу по рельсамъ Декопвилевской дороги къ берегу моря, вижу на илѣ отлива массу бѣлыхъ точекъ—то крабы повылѣзали на сушу. Смотрю, какъ при приближеніи моемъ они спѣшатъ укрыться въ илѣ, въ особыхъ круглыхъ трубчатыхъ норкахъ, прихожу въ Марабу, съ мола вмѣстѣ съ А—и и Д—ымъ наблюдаю, какъ крабъ и стая маленькихъ рыбешекъ борятся за хвостъ громадной рыбы. Смотрю, какъ крабъ, размахивая клешней, пытается отогнать рѣзвую стаю рыбокъ, какъ онѣ храбро щиплютъ куски хвоста, наконецъ, крабъ перестаетъ махать клешней и маленькими лапками кидаетъ пищу себѣ въ животъ. А яркое солнце все также свѣтитъ, кидая перпендикулярные лучи свои на раскаленный песокъ. Смотрю, какъ насытившійся крабъ бокомъ укатился, словно плоская коробка, въ глубину и зарылся въ песокъ, а отливъ обнажилъ рыбій хвостъ и прогналъ рыбешекъ, смотрю на синее море и фіолетовыя дали Таджурскихъ горъ и понимаю, что только жажда наживы загоняетъ сюда немногочисленныхъ жителей.

Я исчерпалъ весь репертуаръ здѣшнихъ удовольствій. Стрѣлялъ куликовъ на берегу, ловилъ рыбу сѣтью, собиралъ раковины и кораллы, купался въ Индійскомъ океанѣ, ѣздилъ на верблюдѣ и пилъ лимонадъ съ ананасомъ въ какой-то «brasserie».

А затѣмъ оставалось любоваться на голубое море, на небо бирюзоваго цвѣта, на застывшія на немъ облака, на чудный жаркій «ноябрьскій» день...

Подобно тому, какъ лѣниво застыли облака на небѣ, какъ недвижно солнце и спокойно море въ часы отлива, такъ спокойны, лѣнивы и неподвижны арабы и сомали, формирующіе караванъ.

— «Намъ нужны мулы», говоримъ мы поставщикамъ муловъ.

— «Муловъ нѣтъ», флегматично отвѣчаетъ арабъ.

— «Но они намъ нужны».

— «Ихъ нѣтъ».

Идутъ разспросы. Оказывается, что расъ Мангаша пошелъ будто бы войною на негуса негусти Менелика, расъ харрарскій Маконенъ пошелъ ему на помощь и забралъ всѣхъ муловъ подъ войско.

— «Можно достать въ Аденѣ»?

— «Дороги—100 талеровъ за мула».

— «А въ Зейлѣ—тоже и доставка возьметъ много времени».

— «Но, поймите, намъ мулы нужны».

— «Ихъ нѣтъ».

Обращаемся къ губернатору, мосье Manigot, но и онъ не въ состояніи помочь. Приходится ждать, когда раскачаются неподвижные африканцы, когда, наконецъ, дойдутъ они до того, что «нѣтъ», иногда должно быть обращено въ «есть».

Мулы есть, но хитрые сомали и арабы подняли на нихъ цѣну, зная, что ихъ нужно много. Нужно ждать, когда волненіе отъ ожиданія легкой наживы уляжется.

Нужно ждать долго, по крайней мѣрѣ двѣ недѣли, когда приведутъ хотя бы часть муловъ. Конвой поѣдетъ до Харрара на верблюдахъ. Надо разбирать грузъ, разбивать лагерь. Я иду на съемку мѣстности.

Лагерь будетъ разбитъ въ пяти верстахъ отъ города по дорогѣ къ Харрару, у губернаторскаго сада. Когда-то этотъ садъ среди пустыни замышлялся въ широкихъ размѣрахъ. Большія ворота имѣли каменный фундаментъ, легкая деревянная изгородь охватила десятинъ восемь земли; повсюду нарыты арыки и канавки, сдѣланы колодцы, устроены водокачки. Групы финиковыхъ пальмъ, гранатовыя деревья въ цвѣту, съ маленькими зелеными плодами, ажурныя мимозы съ крупными бѣлыми цвѣтами, похожими на увеличенный разъ въ десять горохъ, кактусы и тимаринды еще образуютъ здѣсь и тамъ алеи и даютъ нѣкоторую тѣнь. Но изгородь мѣстами повалилась, а большія площади между арыками заполнены сухимъ пескомъ. Этотъ песокъ летитъ съ пустыни, сушитъ молодыя пальмы, губитъ нѣжные листы мимозы, свертывающіеся отъ одного прикосновенія. За этимъ садомъ, на чуть покатомъ берегу рѣки, покрытомъ галькой и пескомъ подъ раскаленными лучами африканскаго солнца, солнца пустыни, и становился нашъ лагерь. Другаго мѣста не было. Здѣсь хотя мѣстами былъ намекъ тѣни, здѣсь былъ просторъ, гдѣ можно было распаковать тюки, подѣлать ящики, грузить верблюдовъ; при томъ рельсы Декопвилевскаго пути облегчали перевозку багажа; здѣсь же были колодцы, а въ пересохшемъ руслѣ мѣстами были водомоины, откуда можно было поить муловъ и верблюдовъ и стирать бѣлье.

Мѣсто для лагеря соединялось съ городомъ широкой каменисто-песчаной дорогой, по одну сторону которой пролегали узкіе рельсы вагонетной дороги. Съ ранняго утра и до вечера по этой дорогѣ возятъ воду для города. Уже издали слышно своеобразное частое покрикиванье сомалійскихъ мальчишекъ, сопровождающихъ ословъ.

Маленькіе сѣренькіе ослики съ обѣихъ сторонъ нагружены большими же четыреугольными жестянками съ водой. Они идутъ партіями по 10—15 штукъ, подгоняемые тремя, четырьмя мальчиками.

— «Алé-алэ, Алé-алэ́, оля-ля́», часто нараспѣвъ повторяютъ они, и покорныя животныя мелкой трусцой спѣшатъ къ городу.

Иногда, вмѣсто мальчишекъ,ословъ сопровождаетъ черная женщина, съ красиво обтянутыми пестрымъ шарфомъ грудями, стройной упругой ногой и безобразнымъ чернымъ лицомъ съ грязными курчавыми волосами.

Трудно привыкнуть къ этому черному тѣлу сомалей, трудно смотрѣть на нихъ спокойно. Все утро разбиваю лагерь, въ тоже время нанятые арабы возятъ вагонетки съ нашимъ багажомъ.

А солнце печетъ немилосердно весь день.

Усталый и измученный возвращаюсь я домой въ «Hôtel des Arcades», ѣмъ то, что нашему достопочтенному monsieur Albrand, хозяину отеля, угодно было намъ преподнести, и ложусь спать.

Ставни открыты, дверь открыта, а тѣло все-таки изнемогаетъ отъ жары. Нѣтъ ночной свѣжести, нѣтъ вѣтерка, раскаленный воздухъ неподвиженъ. Подъ окномъ рычатъ верблюды и немилосердно стонетъ овца.

11-го (23-го) ноября, вторникъ. Съ 5-ти часовъ утра идетъ энергичная работа на мѣстѣ бивака. 3-е сводное звено и часть 1-го переѣхали изъ «Hôtel des Arcades» въ пустыню. Кашеваромъ у нихъ назначенъ Терешкинъ, провизію ежедневно отправляю на вагонеткахъ изъ Джибути. Это дробленіе конвоя вызвано необходимостью работы въ лагерѣ и содержанія караула при свезенномъ въ лагерь имуществѣ. Разбиваемъ и разсортировываемъ палатки лагеря, а въ промежуткѣ наблюдаю за жизнью около сада.

У самаго колодца стоитъ высокая бѣлая башня, укрѣпленіе — одна изъ первыхъ построекъ, сдѣланныхъ французами на Сомалійской территоріи. Въ этомъ закоулочкѣ, бѣдномъ и грязномъ, среди самой неприхотливой обстановки, живутъ два молодыхъ француза-колониста. На глинобитной стѣнѣ виситъ ружье Гра, въ углу револьверъ, грязное ложе и грязный столъ—вотъ обстановка первыхъ колонистовъ. Кругомъ торчатъ сухія мимозы, сзади колодцы, гдѣ день и ночь шумятъ и кричатъ арабы, гдѣ ревутъ верблюды и мулы. Еще далѣе—сомалійскій огородъ. Въ губернаторскомъ саду въ круглой хижинѣ изъ вѣтвей мимозы и камыша живутъ арабы, сторожа сада. Въ самомъ саду чирикаютъ и свистятъ хорошенькія птички—ткачи. Ихъ гнѣзда, связанныя изъ тонкой нитки, образуютъ грушевидные, искусно

вытканные мѣшки, которые свѣшиваются внизъ съ концовъ вѣтвей. Желтые съ сѣроватой спинкой ткачи и сѣренькія ткачихи то и дѣло перелетають съ мимозъ на гранаты и обратно. Сѣрые съ чернымъ хохолкомъ и черной грудью воробьи съ такимъ же рѣзвымъ пискомъ, какъ и у насъ на огородѣ, порхають изъ конца въ конецъ. Изрѣдка пролетитъ надъ рѣкой сѣрый голубь съ розоватой грудью, да громадная черная ворона, величиной вдвое больше нашей. Все дышетъ въ саду тишиной запустѣнія, но, и не смотря на это, пальмы и тамариды съ ихъ нѣжной листвой, громадные бѣлые цвѣты мимозъ и пурпурные колокольчики гранатовыхъ деревьевъ имѣютъ своеобразную прелесть. Смотришь вдаль въ пустыню на сѣрыя крыши сомалійскихъ хатъ у Джибути, на всхолмленное поле песковъ, покрытыхъ мелкимъ верескомъ, на далекое море, на высокія горы у бухты, и чувствуешь, что это что-то новое, невѣданное, не европейское, не русское...

Русь далека. Кругомъ незнакомый пейзажъ. Верблюдъ бѣжитъ подъ почтаремъ, бредутъ ослы, сопровождаемые черными женщинами, сзади мчатся съ крикомъ мальчишки. Краски рѣзки, контрасты тяжелы. Черное тѣло сомаля на желтомъ верблюдѣ, сѣровато-зеленый пейзажъ пустыни, красный плащъ женщины и зелень деревъ посреди чистаго желтаго песка...

12-го (24-го) ноября, среда. Быть можетъ придется конвой посадить на «бѣговыхъ» верблюдовъ и идти такъ до Харрара: муловъ нѣтъ. На верблюдовъ накладывается здѣсь грубый ленчикъ изъ дерева съ двумя луками изъ сучковъ длиною два, три вершка. Ленчикъ этотъ обшитъ рогожей и грубымъ холстомъ, подбитымъ травою такъ, что образуется довольно мягкое сидѣнье. Арабы ѣздятъ, садясь бокомъ, опуская лѣвую ногу свободно и ставя правую на шею верблюда. Попробовалъ этотъ способъ—сидѣть отвратительно. Верблюдъ вышибаетъ изъ сѣдла, покатость котораго впередъ не даетъ возможности сохранять равновѣсіе, нога, поставленная на шею верблюда, все время скользитъ и не даетъ опоры корпусу. Сѣсть верхомъ и ѣхать безъ стремянъ тоже не особенно удобно, потому что верблюжье сѣдло слишкомъ широко вверху и узко книзу, чтобы можно было съ удобствомъ держаться на немъ колѣнами. Оставалось одно—попытаться положить казачій ленчикъ поверхъ верблюжьяго сѣдла. Чтобы смягчить для сѣдока покатость отъ горба впередъ, подушку положили наоборотъ, болѣе толстой стороной къ переду. На посѣдланномъ такимъ образомъ верблюдѣ ѣхать можно. Стремена даютъ упоръ ногамъ и когда верблюдъ идетъ полной рысью, то можно кое-какъ идти англезомъ. Доѣхалъ на верблюдѣ до губернаторскаго сада (пять

верстъ), усталости никакой. Садишься на верблюда, заставляя его лечь, слѣзаешь, соскакивая съ боку сѣдла. Оставалось испытать, насколько такое положеніе удобно для верблюда, но для этого опытъ былъ еще слишкомъ малъ.

Въ лагерѣ я засталъ все въ прежнемъ положеніи. Сомали возили на маленькихъ вагонеткахъ ящики съ пристани и сгружали ихъ у лагеря. Одна партія ихъ, предводительствуемая длиннымъ, худощавымъ парнемъ, въ бѣломъ плащѣ, дѣлала выгрузку довольно примитивнымъ способомъ. Подведя вагонетку къ лагерю, они опрокидывали ящики на землю, не особенно заботясь о томъ, что они могли разбиться.

— «Ваше высокоблагородіе», обратился ко мнѣ мой толстякъ фейерверкеръ Недодаевъ въ своей большой круглой шляпѣ съ широкими полями, бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ штанахъ, удивительно похожій на Санчо-Панхо, «и постоянно они такъ дѣлаютъ. Никакъ ихъ не вразумишь. Скажите имъ пожалуйста».

— «Попытаюсь».

Но вразумить черную сволочь было не такъ-то легко.

Они отрицательно качали головой на мои разъясненія по французски, смѣялись и иронически заболтали по своему, когда я имъ показалъ на примѣрѣ, что они должны бережно брать каждый ящикъ и сносить его на то мѣсто, какое я имъ укажу. Дескать, какой, молъ, дуракъ, чего захотѣлъ!

Это меня разсердило. «Et bien je vous batterai . . . », сказалъ я имъ, показывая на палку. Эта угроза привела ихъ совсѣмъ въ веселое настроеніе. Недодаевъ не вытерпѣлъ, онъ взялъ палку и пошелъ къ нимъ, всѣ быстро разбѣжались и, усѣвшись въ 100 шагахъ отъ насъ, смѣялись, какъ шалящія дѣти. Недодаевъ по колючей мимозѣ предпринялъ обходъ и вскорѣ пригналъ, какъ стадо барановъ, трехъ изъ нихъ, четвертый бѣжалъ.

Нехотя принялись сомали за работу по переноскѣ ящиковъ. Какой это слабосильный народъ! тѣ сундуки, которые въ Портъ-Саидѣ несъ совершенно свободно одинъ кули и которые два казака поднимали легко, они и въ четверомъ не могли сдвинуть съ мѣста. Ихъ черныя руки безъ всякихъ признаковъ мускулатуры мотались, какъ плети, ноги едва держали ихъ подъ тяжестью пакетовъ. Грустный видъ ихъ вызвалъ сожалѣніе у казаковъ.

— «Ваше высокоблагородіе, ужъ оставьте ихъ такъ, просто болѣзно на нихъ смотрѣть», говоритъ уралецъ Шломинковъ, «мы сами лучше потаскаемъ».

Но я настоялъ на своемъ. Они кончили работу подъ моимъ наблюденіемъ и явились просить бакшишъ. Конечно, я имъ ничего не далъ.

Возвращался я домой поздней ночью. Вдали горѣли огни въ Джибути, пустыня окутана была мракомъ. На темной дорогѣ изрѣдка вырѣзывалась бѣлая фигура сомалійскаго воина, она мелькала мимо и утопала во мракѣ.

Отъ города несся равномѣрный рокотъ моря и чудилось разстроенному воображенію, что то поѣзда ходятъ вдали...

13-го (25-го) ноября, четвергъ. Сегодня приводили муловъ. Просятъ 80 талеровъ за побитаго крошечнаго мула. Стачка арабовъ не прекращается. Они узнали, что мулы нужны намъ въ большомъ количествѣ, что нужны они также французскимъ инженерамъ и подняли цѣну. Придется посылать въ сосѣднія деревни. Въ городѣ событіе: пришелъ пароходъ изъ Китая и забралъ нашу почту. Теперь такихъ дней, когда можно перебросится словечкомъ съ далекой родиной, мало, очень мало.

Вчера, въ 10 часовъ утра, вся наша миссія дѣлала визитъ губернатору Manigot. Мы были одѣты въ кителяхъ при оружіи и орденахъ. Г. Manigot принялъ насъ во второмъ этажѣ «gouvernement». Это невысокій, крѣпкій человѣкъ съ черными усами и черной бородкой, съ умными, быстрыми глазами. Одѣтъ онъ въ кителѣ съ серебряными жгутами и съ шитьемъ министерства колоній на бархатныхъ обшлагахъ. Разговоръ шелъ о Джибути. Это городъ, которому предстоитъ въ будущемъ стать рынкомъ Харрара и Абиссиніи. Кругомъ идетъ стройка—поспѣшная, спекулятивная. Лишь бы устроить себѣ кровъ, куда бы укрыться, гдѣ бы сложить накупленное сырье. Ни богатыхъ отелей, ни чиннаго порядка англійской колоніи, ни аллей, ни садовъ. Пустыня, ничѣмъ не скрашенная. Бѣлые дома на желтомъ пескѣ.

Купилъ двухъ муловъ за 120 талеровъ—это еще хорошо. Одинъ цѣльный, другой побитый. Рѣшилъ называть ихъ по днямъ покупки, начиная съ буквы А. Перваго назвали «Арбузомъ», втораго, мулиху, «Аріей». Конвойные сильно обрадовались тому, что, наконецъ, у нихъ явились животныя. Муловъ выкупали въ морѣ, вычистили и завтра отправляемъ въ лагерь. Въ добрый часъ.

Джибути изучено и исхожено вдоль и поперегъ. Охота на куликовъ прискучила даже самымъ заядлымъ охотникамъ. Остается море съ его богатыми дарами. К—ій и докторъ Л—ій пропадаютъ на цѣлые дни и къ вечеру возвращаются съ морскими звѣздами, ежами, раками, кораллами, бѣлыми и красными, съ массой всякой склизкой,

обжигающей при прикосновеніи гадости, которая разбѣгается потомъ по нашей комнатѣ, вызывая во мнѣ отвращеніе, а въ другомъ нашемъ сожителѣ, докторѣ Б—нѣ, хладнокровное философское созерцаніе звѣздъ, распростершихъ свои щупальцы по умывальному тазу, раковъ, щиплющихъ за ногу ночью, ежей, занявшихъ кувшинъ. Не въ чемъ умыться, неоткуда взять воды: ужасный народъ эти зоологи.

Завтраки въ 11½ часовъ утра и обѣды въ 7½ часовъ вечера не совпали съ моими занятіями въ лагерѣ и въ Джибути, пришлось отказаться отъ первыхъ и пользоваться днемъ чаемъ и сладостями, которыми меня любезно снабжаетъ нашъ фармацевтъ Л—овъ.

Ананасъ уже вышелъ у офицерства изъ моды, теперь пьютъ вино и неперментъ—зеленый мятный ликеръ, освѣжающій ротъ. Вино отзываетъ черниломъ, подается теплое и его вяжущій вкусъ не оставляетъ пріятнаго впечатлѣнія.

14-го (26-го) ноября, пятница. День рожденія Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны. Все утро переѣзжалъ съ конвоемъ въ Амбули, мѣстечко у губернаторскаго сада, гдѣ разбитъ нашъ лагерь. Въ 5 часовъ вечера въ большой палаткѣ читали молитвы, положенныя для утрени. Съ сегодняшняго дня опять начали играть зорю и пѣть молитву—мы въ пустынѣ и никому не мѣшаемъ. Я остаюсь въ Амбули, прочіе офицеры миссіи и начальникъ ея переѣзжаютъ сюда на дняхъ...

Ѣдучи сегодня въ Амбули, встрѣтилъ двухъ арабовъ съ ослами, нагруженными бутылками съ лимонадомъ—это «шакалы» сомалійской пустыни. Одинъ изъ нихъ недурно говорилъ по французски. Я воспользовался его знаніемъ языка, предложилъ ему по два талера за каждаго поставленнаго имъ мула бакшиша и поѣхалъ съ нимъ въ сосѣднія деревни. На завтра онъ обѣщалъ доставить мнѣ шесть муловъ...

VIII.

Бивакъ у Амбули.

15-го (27-го) ноября, суббота. Въ виду рѣшительнаго отказа французовъ снабдить въ скоромъ времени миссію мулами и верблюдами, генералъ Власовъ рѣшилъ воспользоваться услугами находившихся въ его распоряженіи офицеровъ и собрать потребное для каравана количество животныхъ въ окрестныхъ городахъ, пославъ

туда на развѣдку членовъ экспедиціи. Полковникъ Артамоновъ еще 12-го ноября выѣхалъ на лодкѣ съ четырьмя верблюдами и казаками Могутовымъ и Щедровымъ въ Таджуру, для осмотра имѣющихся тамъ животныхъ. Сегодня, въ 7 часовъ вечера, на бѣговыхъ верблюдахъ, осѣдланныхъ казачьими ленчиками, описаннымъ мною выше способомъ выѣзжаетъ поручикъ Чертковъ съ казакомъ Пановымъ въ Зейлу для найма тамъ каравана. Поручикъ Коховскій заключилъ контрактъ съ французомъ monsieur Labordi на поставку отъ 20-ти — 30-ти муловъ въ теченіе 14-ти дней.

Я съ Магометомъ-Гасаномъ и Абдулъ-Магометомъ, двумя плутоватыми и юркими, какъ жиды, арабами, рыскаю по городу, по сомалійской деревнѣ, хожу въ грязные сомалійскіе дворы и ищу, ищу.

Каждое утро я ѣзжу съ рапортомъ о благополучіи къ начальнику миссіи въ Джибути. Подъѣзжаешь къ отелю «des Arcades» и уже видишь смуглое хитрое лицо Магомета въ его маленькомъ бѣломъ колпакѣ, бѣлой кофтѣ и юбкѣ. Онъ прикладываетъ руку ко лбу и таинственно говоритъ:

— «Aujourd'hui soir trois bons mulets... Pour toi».

— «Bien».

Лицо Магомета выражаетъ какую-то необыкновенную хитрость.

— «Toi—n'a pas venir içi... Toi il ne faut pas. Moi — tout»...

Я понимаю изъ этого, что покупка идетъ будто не для меня, а для него.

— «Allons, comme nous promenons. Toi dois regarder»... и онъ тащитъ меня за собой въ сомалійскую деревню, мы проходимъ мимо высокихъ заборовъ, хижинъ, своими мохнатыми крышами напоминающими наши захолустныя деревушки. Тамъ у одной хаты привязано три мула.

— «Toi n'a pas toucher, seulement regarder», поясняетъ мнѣ Магометъ, и мы тихо проходимъ мимо. Два мула недурны, костисты и широки, третій мулъ худоватъ. Мы возвращаемся—Магометъ наверху блаженства.

— «Bons mulets... C'est d'Obok».

Начинается торговля. Магометъ всѣми святыми заклинаетъ меня, что такихъ муловъ я меньше какъ по 80 талеровъ имѣть не могу. Я смѣло даю 40.

— «Тайбъ» (хорошо), грустно говоритъ Магометъ. «Я переговорю съ хозяиномъ. Но это невозможно».

— «Какъ хочешь».

Онъ уходитъ разочарованный и возвращается черезъ полъ-часа,

прося меня посмотрѣть ихъ и говоритъ, что онъ уже уладилъ дѣло за 70 талеровъ.

Я накидываю 10 и даю по 50 за штуку.

— «Тайбъ, тайбъ». говоритъ Магометъ, и мы снова идемъ за городъ.

Близокъ полдень. Солнце поднялось высоко и печетъ нестерпимо. Потъ течетъ градомъ съ моего лица, рейтузы прилипаютъ къ ногѣ. Теперь я смотрю муловъ уже оффиціально. Важный сомаль сидитъ на крыльцѣ и хотя бы съ мѣста тронулся при моемъ приближеніи. Выводитъ и показываетъ муловъ самъ Магометъ. На улицѣ, куда ихъ выводятъ, собирается толпа полураздѣтыхъ сомалей. Они громко разсуждаютъ между собой. Муловъ выводятъ на веревкахъ, накинутыхъ глухой петлей на шею. Я осматриваю спины. Есть старые побои, но они заросли, ноги твердыя, цѣлыя, года не очень большіе. Въ общемъ мулы недурны—они только очень забиты.

Начинается отчаянный торгъ. Я упорно держусь на 50-ти. Магометъ настаиваетъ на 60-ти. Наконецъ, сходимся на 55-ти — мулы взяты.

— «Soir a Ambouilli encore cinq», показываетъ пальцами Магометъ, «bons mulets, forts»...

Вечеромъ онъ является въ лагерь верхомъ на гнѣдой арабской клячѣ, посѣдланной абиссинскимъ сѣдломъ, и пригоняетъ съ собою пять посредственныхъ муловъ. Опять отчаянный торгъ, наконецъ сходимся на 50 за каждаго. Доходитъ дѣло до расплаты. Зову разводящаго, вскрываемъ ящикъ и достаю талеры.

Странный народъ абиссинцы, сомали и арабы. У нихъ въ ходу только австрійскіе талеры чеканки 1780 года съ изображеніемъ императрицы Маріи-Терезіи. Ихъ спеціально съ этой датой чеканятъ въ Австріи. Они не примутъ стараго талера, имъ подавай новенькій, чистый. съ тонкимъ изображеніемъ профиля австрійской императрицы. Видъ нашихъ новыхъ талеровъ прельстилъ Магомета и онъ сталъ покладистѣе.

— «Demain matin huit mulets—plus bon marché. Mahomed a dit».

Потомъ, взглянувъ на наши 23 ящика, воздвигнутые пирамидой позади еще мало населенной коновязи, онъ даетъ мнѣ добрый совѣтъ:

— «Dix achkers (ашкеръ—солдатъ) regarder argent. Arabes et Somalis tuer achker et prendre argent».

— «Et vois tu les fusils?...». и я показываю грозныя винтовки караула.

— «Bon, bon», говоритъ Магометъ. и забираетъ деньги.

Новые мулы поступаютъ въ распоряженіе казаковъ. Казаки сначала относятся къ нимъ скептически. «Неужели, дескать, такая маленькая скотина сможетъ вести. И гдѣ у нея сила».

Но муловъ чистятъ въ двѣ щетки, обдираютъ съ нихъ клещей и кормятъ отборнымъ ячменемъ. Мулы сначала относятся подозрительно къ чисткѣ и сердито щурятъ свои длинныя красивыя уши, но ячмень ихъ смягчаетъ. Съ коновязи слышно мѣрное жеваніе и издали видѣнъ рядъ мотающихся хвостовъ. Чѣмъ не наша коновязь въ деревнѣ Николаевкѣ?

Въ 9 часовъ вечера перекличка. Трубачъ играетъ зорю, поютъ молитвы, читаютъ приказъ. «Послѣ завтра, отъ 7—8 часовъ утра, манежная ѣзда на новыхъ мулахъ»... Военная жизнь входитъ въ свои права. Часовые подъ темно-синимъ пологомъ африканскаго неба смѣняются такъ же, какъ и подъ холоднымъ небомъ далекаго Петербурга. «Постъ у денежнаго ящика и царскихъ подарковъ охранять обязанъ, подъ сдачей...», бормочетъ часовой. Смѣна кончена. Люди угомонились въ своей палаткѣ, блѣдный серпъ луны скрылся за далекими горами, стало темнѣе, въ сосѣдней сомалійской деревнѣ умолкъ шумъ и крики. Надъ коновязью раздается уханье гіены и визгливый лай шакаловъ. Громадный звѣрь проходитъ неподалеку отъ коновязи. Я съ Духопельниковымъ беремъ ружья и идемъ къ кухнѣ, гдѣ брошены внутренности барановъ. Но никто не приходитъ. Мы лежимъ около часа и уходимъ домой, никого не видавши...

16-го (28-го) ноября, воскресенье. Дика, неріютна и уныла сомалійская пустыня. По мелкому зыбучему песку поросли крупный можжевельникъ и колючія мимозы. Ихъ сѣроватые листики еле видны среди острыхъ бѣлыхъ колючекъ. Иныя изъ нихъ стелются по землѣ, другія подымаютъ кверху безобразные изломанные стволы свои; кое-гдѣ кактусъ выставилъ изъ кустовъ мимозы блѣдные и мясистые листья, да сухая сѣдая травка, пища верблюдовъ, муловъ и ословъ, поросла между мимозъ. А кругомъ песокъ, то мелкій, летучій, то крупный, пересыпанный гравіемъ. Вотъ русло рѣки сбѣгаетъ внизъ. камнями усыпано дно. Пустыня подымается кверху и мѣняетъ свой характеръ. Пески смѣняются камнемъ. Камни круглые, то шлифованные, ровные, гладкіе, то ноздреватые, какъ губка, черные и темносѣрые, мелкіе съ голубиное яйцо и крупные, съ большаго барана, навалены въ безпорядкѣ. Мимозы становятся рѣже и, наконецъ, совсѣмъ исчезаютъ, голая каменистая пустыня, безъ признака жизни, безъ растительности кругомъ. Камни громоздятся выше и выше и горы отъ ихъ черноты кажутся такими мрачными, такими

унылыми. Безжалостное солнце раскаляетъ песокъ, сверкаетъ на гладкой сторонѣ камня, переливается въ знойномъ голубомъ небѣ.

Возьметь ружье и бредешь среди мимозъ и камней наблюдать жизнь пустыни. Стадо верблюдовъ вытянуло кверху свои глупыя безобразныя морды и, слегка посапывая, бредетъ, погоняемое арабомъ въ красной чалмѣ и бѣлой курткѣ, съ винтовкой Гра за плечами — здѣсь безъ оружія не ѣздятъ. Вотъ козы пасутся, подъ присмотромъ черной сомалійки въ венцѣ и юбкѣ, далѣе стадо сѣрыхъ ословъ бредетъ по дорогѣ, помахивая ушами; свернешь съ дороги, выйдешь въ пески и тишина мертвая кругомъ. Смотришь внимательно по сторонамъ и видишь, какъ маленькая сѣрая бѣлка пустыни, вытянувъ кверху пушистый хвостъ, напоминающій щетку для чистки ламповыхъ стеколъ, перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто и при шумѣ шаговъ поспѣшно прячется въ норку, вырытую въ землѣ у развѣсистыхъ корней мимозы. Зайцы красные, какъ лисы, или сѣрые, какъ мыши, съ широкими прозрачными ушами прыгаютъ по песку. Они почти вдвое меньше своихъ сѣверныхъ собратьевъ, шерсть ихъ короче, пушистѣе, шкурка нѣжнѣе, лапы тоньше, хрупче. Маленькія птички чирикаютъ въ кустахъ, сѣрые голуби безстрашно садятся между колючекъ мимозъ и надъ всѣмъ паритъ громадный бѣлый съ черными крыльями орелъ... И чѣмъ они питаются, гдѣ живутъ шакалы, что визжатъ по ночамъ, гдѣ укрываются гіены? Кажется голый камень, сыпучій песокъ, колючія мимозы, и только, а между тѣмъ между камней кипитъ своеобразная жизнь пустыни.

Лагерь устроенъ. Среди этихъ песковъ, подлѣ камней, подъ которыми таятся скорпіоны, протянута коновязь, за нею идутъ: одна палатка конвоя, четыре индійскихъ офицерскихъ палатки, вмѣщающихъ въ себя пять офицеровъ миссіи, секретаря и двухъ врачей, одна большая круглая абиссинская палатка для фармацевта и классного фельдшера, одна круглая египетская палатка для абиссинцевъ-переводчиковъ, одна громадная столовая палатка, пріемная начальника миссіи и далѣе въ жалкомъ подобіи кустовъ ставятъ три палатки генерала. Въ тылу лагеря помѣщаются кухни въ аллеяхъ губернаторскаго сада. Таковъ видъ нашего лагеря, окруженнаго сомалійскими деревнями, въ которыхъ всю ночь бьютъ барабаны и протяжно визжатъ сомалійскія женщины...

17-го (29-го) ноября, понедѣльникъ. Приличный и благообразный полувоенный видъ нашего лагеря сегодня нарушился прибытіемъ толпы черныхъ слугъ сомалійцевъ и абиссинцевъ, на голой землѣ расположившихся возлѣ палатокъ своихъ господъ. Одѣтые въ бѣлыя

куртки и бѣлые панталоны съ непокрытыми головами и босыми ногами, они цѣлыми сутками лежатъ, какъ собаки, возлѣ палатокъ, или собираются вмѣстѣ и поднимаютъ крикливый разговоръ между собой, разговоръ, болѣе похожій на брань.

— «Тасси!» слышу я утромъ нетерпѣливый голосъ Д—ва, сосѣда по палаткѣ.

— «Тасси!» повторяется крикъ еще и еще разъ; наконецъ, самъ хозяинъ высовывается изъ палатки и тогда получаетъ отвѣтъ — «мосьё?..» и курчавая голова Тасси вылѣзаетъ изъ-подъ бѣлаго плаща, подъ которымъ онъ спитъ.

Тасси утромъ лѣниво чиститъ сапоги и платье, неохотно сметая съ него пыль, бѣжитъ за хозяиномъ, когда онъ на рысяхъ ѣдетъ въ городъ купаться, несетъ его покупки. Этимъ и ограничивается его служба. Остальное время онъ спитъ. Ему не придетъ въ голову почистить мула, или вытереть сѣдло своего барина, это не его дѣло — онъ нанимался слугою, а муловъ пусть чиститъ Арару, Эмми и другіе, которые для того приставлены. Заставьте его это сдѣлать — онъ или не исполнитъ приказанія, или пойдетъ жаловаться своему старшему, держащемуся съ большимъ достоинствомъ чернобородому абиссинцу, и грозится, что уйдетъ въ Джибути. И это за 10 талеровъ (1 талеръ=2½ франка=1 рубль), т. е. за ту сумму, за которую вамъ въ Петербургѣ и моютъ полы, и готовятъ обѣды, и стираютъ бѣлье, и ходятъ на рынокъ! Удивительные лѣнтяи эти сомали и абиссинцы. Цѣлыми днями толкутся они по лагерю, избѣгая работы. Да и что имъ поручишь, когда они ничего не умѣютъ. У меня ихъ пять для чистки муловъ. Обращеніе съ мулами заведено самое гуманное. Каждый мулъ имѣетъ свое имя, знаетъ свое мѣсто на коновязи, чистится три раза въ день, ѣстъ овесъ и пшеницу три раза и получаетъ отъ хозяина корочки ситнаго хлѣба послѣ обѣда и послѣ чая. Конвойные мои, какъ настоящіе кавалеристы, это дѣло тонко понимаютъ. Совсѣмъ не то черные. Онъ уже издали замахивается на мула, норовя его ударить локтемъ въ самое больное мѣсто спины; мулъ щуритъ свои большія уши и бьетъ его сзади ногой, тогда черный обрушивается на него съ чѣмъ попало... Дашь имъ повести муловъ на водопой, распустятъ ихъ и потомъ съ крикомъ и смѣхомъ гоняются за ними по песку или сядутъ и скачутъ, размахивая локтями и болтая ногами.

Я объявилъ имъ, что если они побьютъ мула, я прикажу ихъ высѣчь—они пожаловались старшему, я повторилъ старшему свое приказаніе, они успокоились и легли подлѣ коновязи. Погонишь ихъ

на чистку, идутъ нехотя, ломаясь, чистятъ кое-какъ, раза два принудилъ ихъ вычистить и выходить мула, объявили, что уйдутъ въ Джибути. Богъ съ ними, пускай уходятъ. Однако, не ушли: 10 талеровъ на полу не подымешь.

Интересно смотрѣть, какъ они работаютъ подъ присмотромъ казака. Человѣка четыре ихъ назначены разстелить большой коверъ; расторопный Архиповъ поставленъ надъ ними. Послѣ долгихъ увѣщаній на русскомъ языкѣ, оставленныхъ черной командой безъ вниманія, они начинаютъ нехотя сгибаться и трогать коверъ.

— «Ну, ну, живѣе, черномазые», ласково, ободрительно говоритъ широкій и коренастый старовѣръ Архиповъ, поталкивая за плечо одного изъ нихъ, но работа отъ этого впередъ не идетъ, черномазые только больше болтаютъ между собой.

— «Экъ вы, народъ какой глупый!», презрительно говоритъ Архиповъ, и двумя, тремя мощными движеніями разстилаетъ коверъ. «Черномазые» смотрятъ и улыбаются, а потомъ расходятся съ такимъ видомъ, какъ будто они цѣлый домъ наработали...

За то чуть стемнѣетъ въ тылу лагеря, неугомонно урчитъ безобразный мотивъ волынки и слышенъ ихъ непріятный говоръ до поздней ночи...

У сомалей и абиссинцевъ, проживающихъ въ Джибути, своеобразная посадка, своеобразныя понятія о ѣздѣ, о выѣздкѣ лошади, о пикѣ. Тѣ лошади, которыхъ они приводили ко мнѣ, всѣ безъ исключенія были плохо кормлены, отвратительно содержаны. У всѣхъ побитыя абиссинскимъ сѣдломъ спины, кости, выдавшіяся впередъ, ощипанные хвосты, косматыя гривы, обломанныя копыта. Съ узкой грудью и свислымъ задомъ, онѣ только умными глазами своими говорили о тѣхъ голодовкахъ и тѣхъ истязаніяхъ, которыя онѣ вынесли. Абиссинцы, какъ всѣ народы востока, ѣздятъ на мундштукахъ. Мундштукъ ихъ—это орудіе пытки для лошади. Желѣзо его почти остро, рычагъ длинный, впивающійся въ губы съ боковъ, вмѣсто цѣпки кольцо, пропущенное подъ нижнюю челюсть. Къ усикамъ мундштука привязанъ страшно короткій круглый поводъ, едва достигающій середины шеи. На спину лошади положенъ потникъ изъ козьей шкуры шерстью на шерсть лошади и сѣдло съ двумя громадными луками. Подпруги подтянуты небрежно, сѣдло ерзаетъ деревянными нашпами по спинѣ и третъ крупъ ремнемъ подъ задомъ. Показывая лошадь, сомалiецъ съ тысячью предосторожностей садится съ правой стороны на нее, пропуская для этого большой палецъ въ маленькое круглое стремя: сѣлъ, дернулъ за мундштукъ,

такъ что бѣдная лошадь закрутилась, какъ змѣй, ударилъ ее палкой и поскакалъ, болтая руками и впиваясь голыми черными шенкелями въ бока лошади. Бѣлый плащъ развѣвается по вѣтру, физіономія выражаетъ удовольствіе. Проскакалъ, осадилъ на мѣстѣ такъ, что лошадь сѣла на заднія ноги и туча пыли поднялась къ небу.

— «Assey toi, assey toi»! кричитъ онъ мнѣ.

Я сажусь и ѣду шагомъ и рысью. Зацуканная, задерганная лошадь топочетъ на мѣстѣ, абиссинецъ машетъ плащемъ и кричитъ: «Sauter, sauter...» Но куда тутъ скакать, когда слабыя ноги еле несутъ, а усталая грудь съ трудомъ дышетъ.

И въ пустынѣ встрѣтишь коннаго сомаля или араба, всегда онъ скачетъ во всѣ стороны, или, когда конь его окончательно устанетъ, плетется шагомъ, свѣсившись на бокъ и натирая спину... Наша холя лошади имъ незнакома! Съ трехъ лѣтъ она уже подъ сѣдломъ, съ трехъ лѣтъ она уже скачетъ по камнямъ и песку пустыни, обламывая копыта и ослабляя заднія ноги. И это почти на родинѣ арабской лошади!...

18-го (30-го) ноября, вторникъ. Лагерь принялъ окончательно жилой видъ. Пріѣхали доктора и офицеры. Поваръ начальника миссіи началъ готовить обѣды, словомъ, жизнь въ палаткахъ вступила въ свои права.

Мулы пріобрѣтены почти всѣ. Ихъ 44,— 41 подъ составъ миссіи и три запасныхъ. 24 изъ нихъ доставлены monsieur Labordi. пять куплены у одного богатаго абиссинскаго купца и 15 пріобрѣтены при посредствѣ Гассанъ Магомета. Мулъ, потомокъ лошади и осла, въ достаточной степени сохранилъ умъ и того и другого. Это длинноухое, пугливое, кроткое созданіе, ростомъ немного больше осла. Грудь у мула узкая, шея широкая, переднія ноги тонкія и прямыя. Мулъ растянутъ нѣсколько въ длину, представляя своимъ тѣломъ усѣченный конусъ, основаніе котораго у заднихъ ногъ; вслѣдствіе этого, весьма трудно пригнать на него подпруги такъ, чтобы онѣ не скатывались къ переднимъ ногамъ. Казенныя сѣдла конвоя пришлось почти всѣ передѣлать, подпруги оказались слишкомъ длинны, пахвы узки и неприспособлены.

Пріобрѣтенные мулы, за малымъ исключеніемъ, были въ очень плохихъ тѣлахъ, съ клочьями торчащей шерстью и острымъ хребтомъ. Они никогда не знавали щетки и плохо кормились. Если бы не драгоцѣнная способность мула быстро набирать тѣло и принимать гладкій и блестящій видъ, намъ пришлось бы съ ними плохо. Но, при тщательномъ военномъ уходѣ и усиленномъ кормѣ, они уже

на третій день приняли бодрый и почти щегольской видъ. Косматыя гривы ихъ подстригли щеткой, хвосты подравняли, клещей повыдергивали, шерсть пригладили... Начали выѣзживать ихъ, заставляя принимать поводъ и отжевывать. Жизнь въ лагерѣ закипѣла.

19-го, 20-го, 21-го и 22-го октября. Какъ скучно стоять на мѣстѣ, не имѣя возможности сдвинуться съ него, безъ опредѣленной работы, въ полной неизвѣстности, когда можно будетъ покинуть знойное, пыльное Амбули.

Въ 4 часа утра подъемъ. Отъ 5-ти—6-ти чистка и первая задача корма, отъ 6-ти—7-ми чай, отъ 7-ми—8-ми ѣзда первой смѣны муловъ, отъ 8-ми—9-ти ѣзда второй смѣны муловъ, отъ 9-ти—11-ти работы по лагерю и упаковкѣ вещей, въ 11 обѣдъ, отъ 12-ти—12½ водопой и вторая задача корма, отъ 12-ти—4-хъ отдыхъ, отъ 4-хъ—5-ти работы по лагерю, въ 5 чистка, въ 6 обѣдъ и въ 8—заря, молитва и чай. Въ 9 всѣ, кромѣ караульныхъ, должны спать. Ночью стоятъ два поста, одинъ у денежнаго ящика, другой—въ тылу лагеря, у имущества. Сегодня идетъ, какъ вчера, завтра будетъ, какъ сегодня. 19-го пріѣхалъ изъ Зейлы Ч—овъ и привезъ контрактъ на поставку верблюдовъ. Онъ сдѣлалъ тяжелый переходъ по пустынѣ, съ однимъ казакомъ и однимъ арабомъ проводникомъ. Цѣлую ночь ѣхалъ онъ до Зейлы на непривычномъ казачьемъ сѣдлѣ, день провелъ въ городѣ въ хлопотахъ по поставкѣ и въ ночь вернулся въ Амбули. Дѣло улаживается, но здѣсь, чтобы дѣло шло, нуженъ постоянный глазъ и 21-го Г. Г. Ч—овъ на парусной лодкѣ отправляется черезъ заливъ въ Зейлу. На этотъ разъ одинъ, безъ казака съ одними арабами и съ 3,000 талеровъ. Смѣлое предпріятіе...

Здѣсь въ пустынѣ, среди нахальныхъ арабовъ, среди воинственныхъ сомалей, бродящихъ по пескамъ съ копьемъ, кинжаломъ и щитомъ—только оружіе, только сила отряда въ состояніи противостать жаждѣ добычи. Но долгъ русскаго офицера—не знать боязни, презирать страхъ и Г. Г. Ч — овъ наотрѣзъ отказался отъ конвоя и одинъ ночью отбылъ изъ Амбули.

Пустѣе стало въ моей палаткѣ безъ Г. Г. Если бы не занятія, не хлопоты съ мулами, къ которымъ невольно привязываешься, быть можетъ было бы и очень скучно. Во время стоянки живешь мелкими событіями. Д—овъ на ночь ставитъ ружье, заряженное дробью, на сошки, на высоту морды шакала, къ ружью привязываютъ мясо, отъ мяса веревка идетъ къ антабкѣ ружья. Ночью по лагерю гудитъ выстрѣлъ. Дневальный, Д—овъ бѣгутъ къ ружью, ничего. Опытъ возобновляютъ, снова выстрѣлъ, на этотъ разъ сопровождаемый воемъ

раненаго шакала. всѣ бѣгутъ туда, но шакалъ ушелъ. По утру два сомалійца изъ сосѣдней деревни приносятъ на палкѣ связаннаго шакала. Передняя лопатка у него перебита и мясо виситъ клочьями. Онъ еще живъ, коричневые глаза его вяло смотрятъ по сторонамъ, пушистый, какъ у лисы, черный съ сѣдиною хвостъ протянутъ вдаль, онъ тяжело дышетъ. Кто-то изъ офицеровъ приканчиваетъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Въ общемъ шакалъ похожъ на лису. Онъ только немного крупнѣе, спина у него черная съ густой просѣдью, брюхо рыжевато-бѣлое, шерсть грубая, жесткая.

Крупнымъ и радостнымъ событіемъ является прибытіе парохода изъ Европы. Съ утра ходятъ на холмъ смотрѣть на рейдъ. Парохода нѣтъ. Наступаетъ вечеръ, море темнѣетъ, а на рейдѣ только и видны, что французскій бѣлый стаціонеръ, да черный англійскій угольщикъ... За то, когда передъ восходомъ расчистились дали и на сѣверѣ стало видно бѣлое сонное море, ясно опредѣлился трехъ-мачтовый бѣлый громадный пароходъ «Messageries» —пароходъ съ письмами изъ Россіи. Всеобщая суматоха, поспѣшно сѣдлаютъ муловъ, иные идутъ пѣшкомъ.

Весь день въ лагерѣ тихо. Читаютъ письма, пишутъ отвѣты. За обѣдомъ разговоръ не вяжется. Каждый думаетъ о покинутомъ домѣ, о далекой родинѣ. Странно читать о морозахъ, гололедицѣ, о томъ, что гдѣ-то холодно, скверно, сыро. Странно думать, что все это такъ далеко и надолго далеко...!

Въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы въ большой палаткѣ читаются молитвы, казаки молятся по заведенному обычаю на свой конвойный образъ.

Дни идутъ за днями тихіе, спокойные, однообразные. Въ палаткѣ предметы все болѣе и болѣе покрываются пылью, ружья ржавѣютъ въ одну ночь, тоска закрадывается въ сердце. Ко всему этому присоединяется безпокойство о Г. Г. Ч — овѣ и все болѣе и болѣе увеличивающееся заболѣваніе желудкомъ отъ гнилой воды среди обитателей лагеря. Болѣютъ казаки и офицеры. Казакъ Изваринъ 1-го звена настолько плохъ, что, быть можетъ, его придется отправить изъ Амбули домой...

Выше я писалъ, что Г. Г. Ч — овъ выѣхалъ 21-го числа одинъ съ двумя арабами на шлюпкѣ въ Зейлу, имѣя съ собою 3.000 талеровъ. Онъ долженъ былъ вернуться утромъ въ субботу, 23-го числа. Но насталъ вечеръ субботы, а Г. Г. не было. Не разъ подходилъ къ окну начальникъ миссіи и его супруга, глядя на голубой рейдъ— Ч — ова не было. Въ этомъ чужомъ краю, среди безшабашнаго на-

родоселенія, не имѣющаго твердыхъ понятій о законѣ и правѣ, все возможно...

Около 6-ти часовъ вечера отъ Ч—ова пришелъ курьеръ съ письмомъ. Г. Г. извѣщалъ, что онъ прибылъ въ Зейлу двумя днями позже, вслѣдствіе штиля: верблюды будутъ, но не ранѣе какъ черезъ пять дней...

Оставалось вооружиться терпѣніемъ и ждать, когда Провидѣнію угодно будетъ даровать намъ возможность сняться съ бивака у Амбули.

23-го октября (4-го ноября), воскресенье. Сегодня, въ 9 часовъ утра, его превосходительство, начальникъ миссіи, прибылъ вмѣстѣ со своею супругой изъ Джибути въ лагерь у Амбули. Конвой былъ выставленъ въ почетный караулъ для встрѣчи. Начальникъ поздоровался съ карауломъ, поздравилъ съ походомъ на субботу и приказалъ распустить людей по палаткамъ. Впереди лагеря, на высокой мачтѣ взвился русскій посольскій флагъ, а затѣмъ началась тихая покойная жизнь на бивакѣ. Я не стану описывать событія недѣли съ 23-го по 27-е ноября, по той простой причинѣ, что ихъ не было. Въ Амбули жили и стояли, какъ стояли бы на дневкѣ въ Киненѣ, распѣвая по вечерамъ пѣсни, а днемъ починиваясь и подчищаясь. Среди недѣли доктора осмотрѣли казака Изварина и признали его неспособнымъ продолжать службу въ конвоѣ, почему рѣшено его отправить въ Петербургъ съ первымъ же пароходомъ. 24-го ноября, вечеромъ, пріѣхалъ изъ своей поѣздки полковникъ Артамоновъ. Путь, совершенный казаками въ эти 13 дней пѣшкомъ по пустынѣ, является настолько интереснымъ въ исторіи африканскаго похода казачьяго конвоя, что я позволю себѣ посвятить нѣсколько строкъ описанію его, составленному со словъ полковника Артамонова и по дневникамъ казаковъ, ѣхавшихъ съ нимъ.

IX.

Поѣздка въ Рахэту.

Было 3 часа ночи 12-го ноября, и темныя волны океана медленно прибывали на берегъ, когда на небольшой парусной фелюкѣ отбыла изъ Джибути экспедиція полковника Артамонова. Ее составляло четыре европейца: полковникъ Артамоновъ, кандидатъ на классную должность Кузнецовъ и казаки лейбъ-гвардіи Казачьяго Его

Величества полка Могутовъ и лейбъ-гвардіи 6-й Донской батареи Щедровъ, одинъ данакиль, одинъ абиссинецъ, проводники и три араба-лодочника. Итого на крошечной лодкѣ помѣщалось четыре верблюда, уложенные на днѣ фелюки, и девять человѣкъ. Снаряженіе людей было самое легкое. Каждый имѣлъ пробковую каску, рубашку, синіе шаровары, одну пару сапогъ, двѣ смѣны бѣлья, бурку, шапку, 3-хъ-линейную винтовку и 30 патроновъ. 3-хъ-линейная винтовка была у полковника Артамонова и берданка у Кузнецова. Пока шли Таджурскимъ заливомъ, лодку мало качало, но едва выбрались въ Аденскій проливъ и берегъ скрылся изъ вида, маленькая хрупкая фелюка начала переваливаться съ волны на волну, верблюды стали подниматься, лодка каждую минуту теряла равновѣсіе и черпала воду. Сидѣть, опустивъ ноги на дно, уже было невозможно. Оба араба выбрасывали воду черпаками въ то время, какъ казаки, оба низовые—рыболовы, управляли весьма искусно парусомъ. Въ $10^1/_2$ часовъ утра вдали показались бѣлыя постройки Обока. Обокъ—это первый пунктъ, гдѣ основались французы и откуда завязали они сношенія съ восточной Африкой. Неудобная бухта, жара, не спадающая никогда, часто дующій хамсинъ дѣлали жизнь колонистовъ Обока адомъ и онъ былъ покинутъ и замѣненъ Джибути. Теперь въ Обокѣ осталось нѣсколько пежилыхъ покинутыхъ домомъ, одинъ губернаторъ, онъ же и телеграфистъ и начальникъ 15-ти наемныхъ солдатъ сомалей, онъ же и вся французская колонія Обока, да група бѣдныхъ сомалійскихъ хижинъ. Губернаторъ радушно принялъ полковника Артамонова, помѣстилъ его и его людей въ одномъ изъ покинутыхъ домовъ, угостилъ обѣдомъ, но въ главномъ отказалъ—въ Обокѣ нельзя было найти верблюдовъ. Имѣвшіеся въ сомалійской деревнѣ нѣсколько верблюжниковъ просили громадныя деньги за доставку груза внутрь страны, да и тѣ не хотѣли скоро подниматься.

Все 14-е число прошло въ поискахъ за верблюдами. Когда выяснилось отсутствіе животныхъ въ Обокѣ, рѣшено было двинуться вглубь страны пѣшкомъ, погрузивъ оружіе, галеты, консервы и запасъ воды на имѣвшихся верблюдовъ.

Путь предстоялъ длинный, тяжелый, по каменистой и мѣстами песчаной пустынѣ, безъ воды на остановкахъ, путь по компасу, почти безъ тропинокъ. Впервые казакамъ приходилось проходить пѣшкомъ такія пространства.

Съ утра, 15-го ноября, стали собираться въ путь и, долго провозившись съ вьючкой, только въ 10 часовъ утра бодро выступили пѣшкомъ. Съ непривычки этотъ первый день пути показался ужас-

нымъ. Солнце палило африканскимъ зноемъ, подъ ногами были черные камни пустыни, дали безотрадно сливались съ синимъ небомъ, жажда мучила казаковъ. Тропинка то вилась между камней, то пропадала и тогда шли на-угадъ. Неправильно навьюченные верблюды то и дѣло останавливались, нужно было поправлять и перетягивать вьюкъ. Въ 2 часа дня подъ небольшимъ чахлымъ кустомъ мимозы отрядъ остановился. Разогрѣли чай и утолили имъ немного жажду. Въ 3½ часа пополудни тронулись дальше. Пустыня не измѣнила своего характера, лишь вдали показались кое-гдѣ козы, но убить ихъ не представлялось возможности—онѣ убѣгали, завидѣвъ вдали путниковъ. Къ 6-ти часамъ вечера переходъ былъ конченъ—стали, гдѣ шли, среди камней пустыни, безъ воды и безъ тѣни. Не смотря на усталость, на побитыя непривычнымъ маршемъ пѣшкомъ ноги, казаки хлопотали съ постановкой палатки, заварили чай и сварили незатѣйливый походный ужинъ. Вскорѣ, оставивъ часоваго, легли, подостлавъ на землю бурку, легли одѣтые, имѣя подлѣ заряженную винтовку: предосторожность не излишняя въ пустынѣ, гдѣ еще недавно одному уснувшему въ пути французскому купцу гіена выкусила носъ, щеки и оба глаза...

Жажда казаковъ была такъ сильна, что они выпили всю воду, какъ этого дня, такъ и запаса...

Въ воскресенье, 16-го ноября, выступили съ разсвѣтомъ въ походъ. Путь былъ еще тяжелѣе. Камень постепенно исчезъ и начавшіеся пески затрудняли движеніе. Шли шагъ за шагомъ, полковникъ и Кузнецовъ впереди, сзади казаки и верблюды. Въ раскаленномъ пескѣ, нога, обутая въ смазные сапоги, сильно нагрѣвалась и мучила кожу. Температура къ полудню поднялась до 31°Ц. въ тѣни. Воды не было. Шли непрерывно въ продолженіи 11-ти часовъ. Къ вечеру вдали показалось море, свернули по его берегу и вскорѣ явились въ сомалійскую деревню. Близъ нѣсколькихъ солоноватыхъ колодцевъ стояли хижины кочевниковъ-сомалей. Нечего было и думать найти у нихъ ужинъ, разогрѣли чай, переночевали кое-какъ на пескѣ и со свѣтомъ тронулись дальше. Этотъ третій переходъ въ понедѣльникъ 17-го былъ сдѣланъ значительно легче. «Нужно сказать», пишетъ урядникъ Щедровъ, «что сегодня мы нисколько не устали, потому что сдерживали себя, чтобы не пить воды, а во-вторыхъ, немного привыкли, такъ что походъ намъ былъ совершенно не въ тягость...»

Во вторникъ стали подходить къ селенію Рахэта. Данакилецъ-слуга былъ высланъ впередъ предупредить старшину о прибытіи

русскихъ путешественниковъ. Съ полу-перехода были высланы для полковника и Кузнецова два мула, «украшенные сбруею по вкусу дикой страны», какъ выразился Щедровъ въ своемъ дневникѣ, и два верблюда съ мѣхами воды. Это нѣсколько облегчило движеніе отряда впередъ. Самъ старшина рахэтскій встрѣтилъ у выхода изъ своей деревни, въ парадномъ своемъ одѣяніи. Обмѣнявшись привѣтствіями, старшина повелъ путниковъ въ круглую хижину, ничѣмъ особенно не отличавшуюся отъ хижинъ другихъ данакилей. Внутри стояло четыре кровати, убранныя коврами—ложе для усталыхъ путешественниковъ.

Старшина селенія, да и все селеніе, не представили для казаковъ конвоя ничего замѣчательнаго. Оно напоминало имъ калмыцкое кочевье на Дону, напоминало и грязью своихъ хижинъ, и кривыми улицами, не симетрично расположенныхъ домовъ. Около полудня среды пришелъ въ гости къ полковнику старшина съ знатнѣйшими данакилями. Впереди его два дикаря несли барабаны и били въ нихъ все время разговора. За гостепріимство старшина получилъ отъ полковника Артамонова подарки и, между прочимъ, часы съ изображеніемъ Государя Императора. Когда дикарю объяснили, кто изображенъ на часахъ, онъ сказалъ:

— «Мы много слышали про Великаго Московскаго Государя. Когда въ Габешѣ (Абиссиніи) была война, никто не помогъ исцѣлять раненыхъ абиссинцевъ, только Царь Московскій прислалъ своихъ врачей. Да будетъ славно имя Его»!

Часы переходили изъ рукъ въ руки и всѣ съ любопытствомъ разсматривали изображеніе того, чья великая рука въ минуту нужды простерлась надъ далекой и чужой страной и осыпала ее благодѣяніями.

— «Царь Московъ!... Царь Московъ!» говорили данакили, передавая другъ другу часы.

Старшина прислалъ барана и верблюжье сѣдло въ подарокъ; его угостили бараниной, приготовленной по русски, и завели съ нимъ разговоръ о доставкѣ верблюдовъ и муловъ...

Это оказалось невозможнымъ. Животныя были въ горахъ и согнать ихъ къ Обоку нельзя было ранѣе восьми дней. Пришлось отказаться отъ этого и подумать о возвращеніи.

Назадъ выступили, сопровождаемые всѣмъ селеніемъ. Дѣти и взрослые старались выразить чѣмъ-либо свое сочувствіе. Худые, какъ всѣ черные, данакильскіе воины съ удивленіемъ разсматривали мощ-

ныя фигуры русскихъ гвардейцевъ и все время повторяли: «ашкеръ малькамъ», т. е. хороши солдаты.

Назадъ шли тѣмъ же путемъ. Та же пустыня была кругомъ, тѣ же сыпучіе пески, раскаленные камни. Къ жарѣ и безводію присоединилась еще непріятность отъ комаровъ и мошекъ. Когда шли туда ровный SO хотя и срывалъ временами шляпы и стѣснялъ движеніе, но за то облегчалъ зной, теперь этотъ вѣтеръ дулъ въ спину, жара не смягчалась ничѣмъ и тучи мелкихъ мошекъ облѣпляли лицо, забивались въ глаза, ноздри, сквозь отверстія шляпы попадали на голову. Но казаки шли бодро. По временамъ, завидѣвъ стадо антилопъ, или дикихъ козъ, кто-либо отдѣлялся въ сторону и стрѣлялъ по нимъ. Убитая дичь вечеромъ шла на ужинъ и была украшеніемъ походнаго стола. Пребываніе въ Рахэтѣ было омрачено слѣдующимъ событіемъ. Одинъ изъ черныхъ слугъ, воспользовавшись общимъ утомленіемъ послѣ тяжелаго перехода, открылъ сумку съ деньгами и укралъ изъ нее 130 талеровъ, половину денегъ, взятыхъ полковникомъ Артамоновымъ. Сильно тужили объ этомъ казаки. Нельзя видно было полагаться на черную стражу. Укравшій деньги въ ночлегъ передъ Обокомъ, ночью порѣзалъ путы муламъ и верблюдамъ и разогналъ ихъ по пустынѣ. Первыми бросились искать ихъ черные и, дойдя до Обока, скрыли слѣды своей кражи.

23-го ноября на двухъ парусныхъ лодкахъ отплыли изъ Обока и 24-го, къ утру, прибыли въ Джибутти. За восемь дней пути по пустынѣ было пройдено 240 верстъ по жарѣ, безъ воды, питались консервами и охотой. Камни пустыни обдирали сапоги, песокъ затруднялъ движеніе и увеличивалъ усталость. На ночлегѣ приходилось хлопотать возлѣ огня, приготовляя ужинъ и чай. Не всегда разбивали палатку. Иногда ложились въ повалку, прямо на голые камни пустыни, не боясь ни скорпіоновъ, ни змѣй. Усталость превозмогала страхъ укушенія. Шакалы и гіены каждую ночь сбѣгались, привлекаемые запахомъ жаренаго мяса и тревожный сонъ нарушался частыми выстрѣлами часового. Стояли на часахъ всѣ—офицеры и казаки, безъ различія. Быстро установилась между людьми та нравственная спайка, которой сильны русскія войска, гдѣ всѣ за одного, одинъ Богъ за всѣхъ. Вернулись всѣ здоровыми и бодрыми, не поддавшись унынію ни среди голой пустыни, ни въ открытомъ морѣ на маленькой лодкѣ. Офицеры были впереди, подавая примѣръ. На далекихъ переходахъ отрывались еще въ сторону, ради охоты. Порученія, которыя имѣлъ полковникъ Артамоновъ, были имъ выполнены при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

24-го ноября люди прибыли въ Амбули и вошли въ составъ конвоя.

Прибытіе каравана.

X.

29-го ноября (11-го декабря). суббота. Верблюдовъ!... Верблюдовъ!... Я думаю, никто такъ жадно не желалъ, не ожидалъ такъ страстно верблюдовъ, какъ мы эти дни. Вѣдь было сказано, что они придутъ въ субботу, т. е. сегодня, что условіе заключено..., но верблюдовъ не было. Напрасно смотрѣли вдаль, принимая поднятую вѣтромъ пыль за пыль отъ стада, напрасно люди конвоя торопливо раскладывали багажъ по вьюкамъ, снося ихъ на чистую площадку бивака—верблюдовъ все не было.

Только тотъ пойметъ это страстное ожиданіе каравана, это стремленіе выбраться, какъ можно скорѣе, кто просидѣлъ въ бездѣйствіи цѣлыхъ три недѣли на бивакѣ, среди песковъ пустыни, кто пилъ плохую воду, погрязалъ по щиколку въ пескѣ, спалъ на походной кровати, накрывшись простынею, а днемъ изнемогалъ отъ жары, съ трудомъ передвигаясь и увязая всякій разъ въ раскаленной почвѣ, кто дѣлалъ все это, сознавая, что это даромъ потерянное время.

Разложиться, устроиться, какъ на квартирахъ?... А завтра придутъ верблюды и снова укладывайся, видя, какъ всѣ вещи испорчены ржавчиной и пылью.

А тутъ еще эта однообразная природа. Это солнце, что вдругъ выплываетъ изъ моря ровно въ 6 часовъ и съ мѣста въ карьеръ жаритъ градусовъ на 30° R., эта темная ночь, что въ двѣ минуты становится въ 6 часовъ вечера, это голубое небо—такое же голубое сегодня, какъ было вчера, какъ будетъ и завтра, какъ будто съ такимъ же рисункомъ облаковъ, помѣщенныхъ на тѣхъ же мѣстахъ; эти пальмы со своей яркой зеленью, и пыльныя, грязныя мимозы... Тоска...

Сегодня, въ 4 часа ночи, на почтовомъ верблюдѣ прибылъ изъ Зейлы поручикъ Чертковъ.

— «Что верблюды»? спросили у него первымъ дѣломъ.

— «Когда же верблюды»? раздался сонный голосъ изъ другой палатки.

— «Ну, какъ верблюды»? говорили изъ третьей.

Верблюды будутъ—сегодня, завтра, или послѣ завтра. Придетъ ихъ сначала 104, потомъ остальные.

Все оживилось. Спѣшно начали собираться, заканчивали корреспонденцію, я сдалъ больного казака Изварина на пароходъ, докончилъ сортировку багажа. подошелъ вечеръ. наступила ночь, а верблюдовъ все не было.

Прошло воскресенье, наступилъ понедѣльникъ 1-го (13-го) декабря, мы уже третій мѣсяцъ захватывали своимъ путешествіемъ, а верблюдовъ еще не было. Тяжелое подозрѣніе начало закрадываться въ душу каждаго. Положимъ, Черткову обѣщали и составили контрактъ, положимъ, резидентъ Зейлы написалъ начальнику миссіи записку съ обѣщаніемъ выслать къ вечеру, воскресенья, верблюдовъ. Но вѣдь контрактъ здѣсь не писаный и туземцы племени Исса легко могли отказаться, ничѣмъ не рискуя. Здѣсь все возможно...

Наконецъ, около 9-ти часовъ утра понедѣльника они явились.

Я стоялъ въ это время съ начальникомъ миссіи у его палатки. Вниманіе наше было привлечено группой чернокожихъ, которые важно приближались къ лагерю со стороны Джибути. Впереди всѣхъ шелъ высокій, худощавый старикъ съ гладко выбритымъ черепомъ, съ клочкомъ сѣдыхъ волосъ на бородѣ, въ бѣлой рубахѣ съ плащемъ, перекинутымъ черезъ плечо и какими-то грязными тряпками возлѣ ногъ. Въ лѣвой рукѣ у него былъ большой бѣлый зонтикъ, въ правой длинное копье, за поясомъ у него была заткнута кривая сабля въ кожаныхъ ножнахъ, обернутыхъ тряпочкой, съ серебрянымъ эфесомъ безъ дужки. Сзади него шло человѣкъ шесть сомалійцевъ съ копьями и круглыми щитами въ рукахъ.

Это былъ начальникъ верблюдовожатыхъ, абанъ, и его помощники.

Абанъ—это дикарь въ полномъ смыслѣ слова, начальникъ дикихъ номадовъ, но въ тоже время это очень важное лицо, которое нельзя ни раздражить, ни обидѣть.

Они привели съ собою 104 верблюда, которые придутъ къ вечеру, остальные верблюды прибудутъ во вторникъ, или среду.

Абана и его помощника провели въ столовую и предложили имъ по чашкѣ кофе и леденцовъ. Кофе они выпили, а отъ леденцовъ отказались, подозрѣвая отраву.

Прихожу я черезъ нѣсколько минутъ въ палатку и застаю слѣдующее. Абанъ въ самой безцеремонной позѣ развалился на покой на моей койкѣ, на моихъ простыняхъ, положивъ свою лысую голову на мое полотенце, а грязныя вонючія ноги на сафьянную мою по-

душку. Приближенные его сидѣли на койкѣ Ч—кова, на моихъ чемоданахъ, осматривали мое оружіе. Согнать ихъ нельзя: обидятся и не возьмутъ караванъ. Пришлось звать переводчика и просить ихъ въ другую палатку. Неохотно поднялся абанъ и, разминаясь и почесываясь, пошелъ въ палатку переводчика и К—цова. Черезъ нѣсколько минутъ ихъ пришлось просить объ выходѣ и оттуда. Абанъ занялъ постель К—цова, а его провожатые, сидя кругомъ, сплевывали, не глядя, куда попадетъ, на подушку, на сѣдло, одѣяло—все равно... Разбили имъ особую палатку и тогда успокоились.

Вечеромъ пришли верблюды съ провожатыми. Это было такое зрѣлище, полное фантастической необыкновенной прелести, что врядъ ли слабое перо мое съумѣетъ передать чудную гармонію красокъ и звуковъ, изящества и дикости, красоты и безобразія. Ни одинъ балетъ, ни одна феерія, никакая самая блестящая, самая волшебная постановка не дадутъ даже жалкаго подобія сомалійской «фантазіи».

Жаркій безоблачный день догоралъ. Солнце тихо спускалось за горы, дали синѣли. На востокѣ потянулись тона перламутра, они слились съ чуть фіолетовымъ тономъ неба и вдругъ потемнѣли. Пустыня готовилась ко сну. Саранча умолкла, птицы перестали чирикать, кусты темнѣли и сливались въ длинныя темныя массы, вѣтви мимозъ принимали видъ чудовищъ, распростершихъ свои руки.

И вотъ изъ дали этой пустыни, изъ-за холмовъ и кустовъ, изъ лиловатаго неба послышалось стройное хоровое пѣніе. Это пѣлъ большой мужской хоръ, съ преобладающими басовыми нотами, съ переливами тоновъ, то встающихъ, идущихъ кверху и потомъ падающихъ до низкихъ, густыхъ звуковъ. Поющихъ не было видно. Слышны были лишь голоса все приближающіеся и приближающіеся. Вотъ на горизонтѣ показалась тонкая дымка пыли и за ея пеленою неясныя очертанія каравана.

Абанъ и его свита вышли на край бивака и стали у куста мимозы. Величественна и важна была стройная фигура старика абана. Бѣлый плащъ изящными складками ниспадалъ книзу: онъ опирался на свою саблю; отступя отъ него, стали другіе сомали.

Караванъ приближался. Справа показались большіе грузовые верблюды, которые медленно выступали, высоко неся свои безобразныя головы, покачиваясь горбами, мотаясь длинными палками рогожныхъ сѣделъ.

Лѣвѣе въ двѣ шеренги шла толпа верблюдовожатыхъ. Черные, съ непокрытыми головами, то гладко выбритыми, то покрытыми кур-

чавыми черными, или рыжеватыми волосами, то цѣлой копной вьющихся волосъ, они были одѣты въ бѣлыя рубахи; въ рукахъ у нихъ были копья и круглые щиты, за поясомъ торчали длинные, чуть кривые кинжалы. Они подвигались медленно, шагъ за шагомъ, съ пѣніемъ торжественной пѣсни. Ихъ бѣлые плащи красиво рисовались на декораціи пустыни, на темныхъ кустахъ мимозы.

Голоса становились громче, слышнѣе. Уже на фонѣ стройнаго хороваго пѣнія можно было различить отдѣльные дикіе возгласы, уже можно было видѣть передъ фронтомъ сомалей двухъ, трехъ воиновъ, которые носились взадъ и впередъ, размахивая копьями, присѣдая и подпрыгивая. Ихъ взвизгиванія—это военный кличъ сомалей, прыжки и возня—это изображеніе боя. Подойдя шаговъ на сто къ намъ, они пріостановились и, поднявъ на насъ копья, съ дикимъ визгомъ «і-йу-гу-гухъ» кинулись на насъ и, пробѣжавъ шаговъ пятьдесятъ, разомъ остановились. Передніе пали на колѣни и сейчасъ же вскочили. Постоявъ съ минуту, они снова съ такимъ же точно крикомъ кинулись и теперь уже добѣжали до группы офицеровъ и казаковъ и окружили ихъ. Впечатлѣніе отъ такой атаки не страшное, но непріятно чувствовать совсѣмъ близко эти черныя тѣла, видѣть улыбки, обнажающія рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ.

Теперь они отхлынули отъ насъ, хоръ перестал пѣть, абанъ, поднявъ шашку и не вынимая ее изъ ноженъ, заговорилъ что то, его перебилъ другой, тамъ затрещалъ третій и черезъ минуту ихъ толпа напоминала рынокъ во время перебранки. Прыткій и юркій сомаліецъ со щитомъ и кинжаломъ въ рукахъ, въ пестромъ плащѣ перебѣгалъ тѣмъ временемъ вдоль линіи, устанавливая и уравнивая вожаковъ каравана въ кругъ. Въ одномъ мѣстѣ кругъ раздался и мы увидѣли рядъ черныхъ головъ, копья надъ ними и круглые щиты, плотно приставленные одинъ къ другому. Абанъ махнулъ нѣсколько разъ шашкой, голоса смолкли, кто-то сказалъ еще одно, два слова и наступила тишина. И вотъ хоръ снова запѣлъ, отчетливо выговаривая каждое слово.

— «Бýра мà бурý румъ си, энъ ни гадá тальхà гуйý», и затѣмъ, приплясывая и притоптывая въ тактъ босыми ногами, они закричали: «йухъ», «йухъ», «йухъ»—йййй-ухъ, причемъ кинулись всѣ въ середину, размахивая копьями, щитами и кинжалами.

Во все время продолженія пѣсни по кругу бѣгало два молодыхъ сомалійца, одинъ съ мечемъ и щитомъ, другой съ копьемъ: они прыгали, кидались одинъ на другого и пронзительно взвизгивали. И вотъ одинъ упалъ, а другой сталъ надъ нимъ, замахнувшись на него

кинжаломъ. Какая поза! Сколько пластики было въ этой согнутой и запрокинутой за голову рукѣ, въ упругомъ торсѣ, сильныхъ ногахъ; сколько экспрессіи въ звѣрски улыбающемся лицѣ! Секунда молчанія и опять мѣрное пѣніе хора: «бýра мà бурý румъ си, энъ нигадо тальха, чуйý», таже пляска, тѣ же визги. И такъ до трехъ разъ.

Отойдешь къ ящикамъ, смотришь на нихъ и невольно восхищаешься.

Небо стало темнѣе—южная ночь близка. Послѣдніе лучи прячущагося за горы солнца сверкаютъ на копьяхъ. Бѣлые, красиво задрапированные плащи развѣваются, мечи сверкаютъ, темные глаза горятъ вдохновеніемъ, а тутъ еще мѣрный дикій мотивъ хора, бѣготня воиновъ въ серединѣ. Черныя ноги прыгаютъ въ тактъ, поднимая легкую пыль, а сзади стоятъ желтые, спокойные верблюды, лѣсъ палокъ отъ сѣделъ, желтый песокъ и синяя даль востока.

«Фантазія» кончена. Съ говоромъ и шумомъ расходится толпа по верблюдамъ и гонитъ ихъ на водопой.

Абанъ и свита его просятъ бакшишъ...

2-го (14-го) декабря, вторникъ. Проснувшись въ 3 часа ночи, я ожидалъ увидѣть верблюдовъ, разведенныхъ по нашимъ вьюкамъ, и черныхъ сомалей, торопливо грузящихъ караванъ. Но все было тихо. Верблюдовъ не было видно, абанъ со свитой спалъ мертвымъ сномъ въ палаткѣ, лагерь былъ тихъ и только наши часовые медленно бродили по сыпучему песку. Небо было покрыто тучами, собирался дождь. Прошло три часа, на востокѣ появилась желтая полоска, казачья труба пропѣла подъемъ и ящики и тюки все лежали на мѣстѣ, а абанъ задумчиво ковырялъ у себя въ ногахъ.

Двинуть караванъ раньше чѣмъ вздумается этимъ дикарямъ невозможно. Развѣ дадите имъ хорошій «бакшишъ». Вольные сыны пустыни, они не признаютъ надъ собой ничьего авторитета. Пригрозите имъ палкой, нагайкой, револьверомъ, скажите имъ рѣзкое слово и они уйдутъ и уведутъ съ собой верблюдовъ. Номады Азіи лѣнивы, номады Африки еще лѣнивѣе. Но номадъ Азіи привыкъ покоряться своему султану, его лѣнь смѣшана съ раболѣпствомъ, онъ боится насилія надъ собой. Сомаль никого не признаетъ. Это капризный ребенокъ, котораго надо уговаривать, упрашивать, покажите ему палку—онъ обидится и его не скоро успокоишь. Абанъ и его помощники обошли разложенные нами и нами приспособленные вьюки.

— «Хорошо», сказали они, вьюки вѣрны, и пошли за своимъ племенемъ.

Съ шумомъ и крикомъ подошли сомали къ вьюкамъ, стадо верблюдовъ окружило ихъ, еще минута и все это кинулось на вьюки, на ящики и на свертки: ни уговариванія абана, ни сопротивленіе часовыхъ, ни угрозы, ничто не могло остановить ихъ. Какъ враги, завоевавшіе станъ, кидаются на добычу, такъ кинулись люди нашего каравана на ввѣренный имъ грузъ. Каждый хваталъ, что хотѣлъ. Въ минуту наши вьюки были разрознены, легкія вещи спѣшно грузились на верблюдовъ, тяжелыя въ безпорядкѣ валялись по песку. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Вызвали казаковъ конвоя, вернули слабо нагруженныхъ верблюдовъ и втолковали сомалійцамъ, что каждый верблюдъ долженъ нести четыре ящика.

— «Арба, арба»! говорили имъ, показывая четыре пальца.

Они смѣялись, скаля бѣлые зубы и отрицательно качали головами: «мафишь».

Но вѣдь было же условіе, что они должны везти не менѣе восьми пудовъ на спинѣ верблюда, что они должны дойти до Гильдессы (300 верстъ) въ 12 дней и что они получать тогда по 18 талеровъ за верблюда, а абаны, кромѣ того, хорошій бакшишъ—ружья, сабельные клинки и часы. Три ящика вѣсятъ только шесть пудовъ!

— «Мафишь»! энергично кричитъ какой-то остроносый сомаль съ длинными вьющимися коричневатыми кудрями, кладетъ своего верблюда и начинаетъ разгружать. За нимъ, какъ по командѣ разгружаются и остальные. Люди уходятъ въ сторону. Что такое?

— «Пойдемъ посидѣть», объясняетъ абанъ и идетъ къ людямъ. При его приближеніи шумъ и крики усиливаются. Мнѣ такъ и слышится въ ихъ гортанномъ говорѣ ругательства на абана: наконецъ, голоса немного утихаютъ, начинаетъ говорить абанъ, его сейчасъ же перебиваетъ другой, третій и снова сомалійское вѣче принимаетъ характеръ толкучаго рынка.

Совѣщаются больше часа. Наконецъ, абанъ возвращается и сообщаетъ, что люди отказываются вести караванъ, они оставляютъ намъ верблюдовъ, а сами уходятъ въ Зейлу. Дорогой, въ горахъ верблюдамъ нечего ѣсть, они не могутъ нести большаго груза.

Начинаются опять переговоры.

— «Скажи ему», говоритъ С—нъ, «что мы прибавимъ тѣмъ верблюдовожатымъ, которые возьмутъ по четыре ящика».

— «Сколько прибавишь»? хитро спрашиваетъ абанъ и все лицо его сжимается въ комокъ морщинъ.

— «Твои верблюды, ты и назначь».

Опять переговоры.

— «Надо спросить у людей—по талеру на верблюда».

— «Хорошо».

Абанъ идетъ къ людямъ и тѣ снова идутъ къ верблюдамъ. Опять среди ящиковъ бѣгаютъ обнаженные черные люди, приподнимаютъ, взвѣшиваютъ, пробуютъ. Особенно имъ не хочется брать короткіе ящики съ виномъ, неудобные къ погрузкѣ. Въ дѣло нагрузки вмѣшиваются казаки и наши черные слуги, дѣло кипитъ.

Атаманецъ Крынинъ затянулъ веревкой верблюду шею на правый бокъ и подгибаетъ ему лѣвую ногу, думаетъ повалить, какъ лошадь. Верблюдъ не понимаетъ въ чемъ дѣло и идетъ впередъ, наступая на веревку.

— «Да ты не такъ», кричитъ ему уже бывалый въ походахъ на верблюдѣ Щедровъ, «ты по ихнему, смотри, онъ тянетъ, верблюда впередъ и энергично говоритъ «ахръ», «ахръ».—верблюдъ ложится». Казаки подносятъ ящики, казаки указываютъ грузы, наши черные увязываютъ веревки. Сомали въ отчаяніи.

Вотъ одинъ молодой и курчавый, закинувъ руки кверху жестомъ, достойнымъ хорошаго корь-де-балетнаго танцовщика, взываетъ о пощадѣ и отталкиваетъ толстяка Недодаева.

— «Да ты постой», ласково говоритъ ему хохолъ фейерверкеръ, «ты зря не ершись, сказано четыре, а ты три хочешь, экой ты, какой супротивный. «Ну ка Арару», обращается онъ къ нашему слугѣ абиссинцу, ни слова не знающему по русски, «какъ бы ты веревочкой поджился, а, другъ милый»!

Смотрю: Арару ему несетъ веревку и вдвоемъ они начинаютъ вьючить. Тяжелые ящики подвязаны съ боку, легкіе стали на горбу. Сомаль хозяинъ съ трагическими жестами бѣгаетъ къ абану, потомъ назадъ, слезы начинаютъ капать изъ его глазъ, грязные черные кулаки лѣзутъ къ глазамъ, все лицо сморщено, онъ не такъ плачетъ, какъ дѣлаетъ видъ, что плачетъ. Такъ въ балетѣ опытный мимикъ изображаетъ сцену отчаянія.

— «Экой ты право», ласково говоритъ ему Недодаевъ, «ну кто тебя обидѣлъ? тебѣ же дураку помогли, а ты ревешь, какъ бѣлуга. Нехорошо. Не маленькій вѣдь».

И сомаль успокаивается.

Между дикарями верблюдовожатыми и нашими казаками устанавливается невидимая связь и они понимаютъ другъ друга лучше чѣмъ насъ съ переводчикомъ.

— «Арба, арба», кричитъ Сидоровъ, уралецъ, показывая четыре пальца.

— «Тайбъ, тайбъ», отвѣчаетъ сомаль, и четыре ящика подвязаны къ бокамъ.

— «Ваше высокоблагородіе», мягко обращается ко мнѣ Крыпинъ, «вотъ этотъ — вотъ не желаетъ грузить четыре ящика, говоритъ, что онъ полу-верблюдка и что онъ возьметъ по два ящика на каждаго изъ своихъ верблюдовъ».

— «Да какъ же ты понялъ?»

— «Объяснились, ваше высокоблагородіе», широко улыбаясь говоритъ Крыпинъ.

Иные сомали пришли съ женами. Вотъ немного поодаль мужъ и жена, молодые сомалійцы, грузятъ верблюда.

Кругомъ разгромъ полный. Часть верблюдовъ уже вытянулась въ пустыню, остальные спѣшно нагружаются. Около 4-хъ часовъ пополудни первый эшелонъ 112 верблюдовъ, считая въ томъ числѣ и полуверблюдковъ, вытянулся въ пустыню. Подняли всю аптеку, часть съѣстныхъ припасовъ, мебель, ковры и домашнюю утварь.

30 мѣстъ, вопреки условію, не было взято и приходится молчать: возмущаться и молчать. Ничего нельзя подѣлать съ этими дикарями, которыхъ только бакшишъ двигаетъ впередъ, только бакшишъ заставляетъ грузить вещи.

Трудно формировать здѣсь караваны, трудно идти впередъ съ этими людьми, не признающими ни дисциплины, ни порядка, но лишь личную выгоду. Употребить силу — они обидятся и уйдутъ. Насиліе—бросятъ караванъ среди пустыни.

Много нужно терпѣнія, спокойствія, выдержки, чтобы разговаривать съ этими людьми, чтобы имѣть съ ними дѣло. Мы потеряли сутки, не догрузили 30 мѣстъ (10 верблюдовъ) и все-таки выступили счастливо. Могли просидѣть двое сутокъ, ожидая, когда переговорятъ, когда согласятся везти. Африка — страна, гдѣ можно или научиться терпѣнію, или потерять послѣднее...

5-го (17-го) декабря, пятница. 3-е, 4-е и 5-е декабря проходятъ въ тихой бивачной жизни. Поручикъ Ч—въ уѣхалъ съ казакомъ Архиповымъ въ Зейлу за вторымъ эшелономъ верблюдовъ. Тѣмъ временемъ разложили вьюки и съ грустью убѣдились, что, при обычныхъ капризахъ сомалей при нагрузкѣ, заказанные 120 верблюдовъ не поднимутъ этого груза. Положеніе тяжелое. Остались все такія вещи, которыя кинуть нельзя. Остались царскіе подарки, казна, продовольствіе людей и муловъ, палатки, имущество членовъ миссіи... Все это поднять рѣшительно невозможно — остается, или оставить часть

вещей какому либо довѣренному лицу изъ французовъ, обязавъ его собрать третій караванъ и послать его намъ вслѣдъ, или раздѣлиться...

Раздѣлиться, это значитъ оставить двухъ, или трехъ офицеровъ, одного врача и часть провіанта. Раздѣлить кухню, столовую, раздѣлить вещи, по существу недѣлимыя. Наконецъ, раздѣлить конвой. Отдать двухъ или трехъ казаковъ въ остающуюся часть, а съ пятнадцатью, шестнадцатью казаками взяться охранять и личность Императорскаго посланца, и казну, и подарки. Какой разсчетъ на службу можно сдѣлать при такихъ условіяхъ? сколькимъ ночью придется отдыхать и сколькимъ придется стоять на стражѣ послѣ дня, проведеннаго въ хлопотахъ по нагрузкѣ и разгрузкѣ каравана, въ путешествіи на мулѣ въ теченіи 6 — 8 часовъ при 30° жарѣ, при отсутствіи воды!... А какъ пойдетъ остальная часть отряда, имѣя только двухъ нижнихъ чиновъ на охрану для вьючки верблюдовъ, для надзора за караваномъ. А охрана безусловно необходима и охрана сильная и внимательная. Не говоря уже про опасность отъ хищныхъ звѣрей, отъ гіенъ и шакаловъ, могущихъ утащить кожаные предметы, сапоги, сѣдла, чему имѣлись прецеденты, или изуродовать спящихъ, нужно считаться и съ сомалійскими разбойниками. Цѣлыя племена сомалей, до 2,000 человѣкъ, поднимаются иногда на грабежъ по Сомалійской пустынѣ. Издали слѣдятъ за бивакомъ ихъ востроглазые развѣдчики—они высматриваютъ время, когда все засыпаетъ, когда усталый, изнуренный походомъ часовой, склонившись на ружье, задумается о далекой родинѣ и сонъ невольно смежитъ его очи, когда стражъ абиссинецъ, подстеливъ свою шаму, разляжется между камней, звѣзды потухнутъ, а разсвѣтъ еще не заблеститъ—тогда, раздѣвшись до-нага, слившись съ черными камнями и темнымъ пескомъ, съ копьями въ рукахъ и кинжалами въ зубахъ, они кидаются со всѣхъ сторонъ на бивакъ, какъ змѣи скользятъ между камней и рѣжутъ сонныхъ путешественниковъ, рѣжутъ стражу, рѣжутъ верблюдовожатыхъ. Когда они прикончатъ со всѣми—они кидаются на багажъ и дѣлятъ добычу...

Такъ былъ зарѣзанъ французскій купецъ съ женой, такъ было зарѣзано еще шестеро туристовъ. Мы получили анонимное письмо на имя начальника миссіи съ извѣщеніемъ, что на насъ весьма вѣроятно будетъ произведено нападеніе. И при такихъ условіяхъ приходилось охранять караванъ съ 16-ю казаками, караванъ изъ 111 верблюдовъ съ крайне упрямыми верблюдовожатыми. И еще тяжелѣе, еще болѣе жутко придется тому каравану, который пойдетъ съ двумя казаками.

Вечеромъ пришелъ караванъ изъ 111 верблюдовъ и ясно стало, что дѣленіе необходимо.

Начальникъ миссіи собралъ подъ вечеръ совѣтъ изъ офицеровъ и врачей, и въ виду крайняго неудобства раздѣленія рѣшено было сдѣлать все возможное къ тому, чтобы погрузить всѣхъ верблюдовъ, если же это окажется немыслимымъ, оставить поручиковъ А — и и Д — ва, кандидата Кузнецова и казаковъ Могушина и Демина, а съ остальными двинуться во что бы то ни стало съ бивака. Съ вечера мною были отданы распоряженія для похода. Назначенъ караулъ къ денежнымъ ящикамъ и Царскимъ подаркамъ, оцѣпленіе вокругъ бивака, люди для снятія палатокъ и для наблюденія за вьюченіемъ. Въ восемь часовъ вечера протрубили зарю, пропѣли молитвы и гимнъ, я поздравилъ казаковъ съ походомъ на завтра и, полные надеждъ на выступленіе, мы заснули въ палаткахъ Амбули.

6-е октября, день тезоименитства Государя Императора, долженъ былъ быть для насъ вдвойнѣ радостнымъ днемъ: мы должны были выступить, наконецъ, съ бивака. Въ четыре часа утра проиграли подъемъ, почистили муловъ и начали собирать палатки. Черезъ два часа нашъ лагерь являлъ изъ себя полную картину разрушенія. Всюду кипѣла работа: здѣсь валили палатки, тамъ укладывали чемоданы, собирали вьюки. Увязая въ пескѣ, бродили люди по биваку, торопливо собирая вещи. И въ то время, какъ эта суета, эти свернутыя и упакованныя палатки показывали наше намѣреніе скоро двинуться въ путь, ни одного верблюда не было приведено изъ стада, ни одного сѣдла не положено имъ на спину. Абаны беззаботно валялись на пескѣ, а сомалійцы, верблюдовожатые, сидѣли въ кругу на корточкахъ, поднявъ кверху свои копья и думали крѣпкую думу. Имъ словно дѣла не было до насъ, будто не мы имъ платили, не на наши будто деньги они были наняты, не для нашихъ грузовъ.

Люди собрались на молитву, потомъ пропѣли гимнъ, прокричали за здоровье Императора «ура», все что могли сдѣлать въ этотъ высокоторжественный день, заставшій насъ за работой, и были распущены для отдыха. Около десяти часовъ утра пришли первые шесть верблюдовъ, абаны, арабъ Саидъ-Магометъ, получившій вчера за хлопоты по устройству каравана для «Краснаго Креста» орденъ Станислава 3-й степени и теперь пришедшій помочь намъ, нѣсколько верблюдчиковъ обступили наши ящики и пробуютъ ихъ тяжесть, обдумывая способъ ихъ погрузки. Повторяется исторія перваго каравана. Того не хочу, другаго не желаю — ящики съ деньгами такъ тяжелы, что больше двухъ ихъ класть на верблюда нельзя (въ каж-

домъ ящикѣ 1,500 талеровъ Маріи-Терезіи 1780 г.), ящики съ подарками громоздки, ихъ и совсѣмъ брать не желаютъ, словомъ, по испытаніи выходитъ, что болѣе четырехъ пудовъ на каждаго верблюда класть не приходится и мы можемъ поднять меньше половины всего груза. И все это заявляется съ нахальнымъ сознаніемъ собственной силы и нашей зависимости отъ нихъ. Споры длятся долго. Саидъ-Магометъ и молодой, юркій абанъ каравана съ исхудалымъ лицомъ и видомъ голоднаго актера изливаютъ трескучія рѣчи на сомалійскомъ языкѣ, — но тщетно, старые сомали съ удрученнымъ видомъ подходятъ къ нашимъ ящикамъ и сильно пыжась, чтобы показать, насколько они тяжелы: съ неимовѣрными силами подиимаютъ ихъ. Напрасно я съ С—мъ сейчасъ же поднимаю ихъ и показываю, что они ошибаются, они отрицательно качаютъ головами и отходятъ. Такъ пересмотрѣли всѣ ящики и объявили, что, чтобы поднять всѣ грузы, нужно заплатить вдвое. Это нахальное заявленіе вывело генерала изъ себя. Онъ вышелъ къ абанамъ и приказалъ сказать имъ, что такъ какъ они наняты черезъ посредство англійскаго резидента Зейлы, съ уплатой по 18-ти талеровъ за каждые восемь пудовъ груза, которые они доставятъ въ Гильдессу, а они не желаютъ брать и шести пудовъ, то начальникъ миссіи предлагаетъ имъ возвратить деньги обратно, оставить, если у нихъ денегъ нѣтъ опредѣленное количество верблюдовъ въ залогъ и отвѣчать за нарушеніе контракта передъ англійскимъ резидентомъ Зейлы, который за нихъ поручился. «Я сказалъ—и это рѣшено», закончилъ свою рѣчь генералъ и отошелъ отъ старшинъ. Быстро перевелъ его слова абанамъ переводчикъ. Между абанами поднялся страшный шумъ и крикъ, очевидно, заявленіе на нихъ подѣйствовало. Они ушли и собрали верблюдчиковъ въ сторону на совѣщаніе. Мы стали ставить палатки, чтобы показать имъ, что наше рѣшеніе неизмѣнно. Прошло еще три часа. Отвѣсные лучи солнца начали падать нѣсколько косвеннѣе, день склонялся къ вечеру. Абанъ вернулся съ совѣта и объявилъ, что завтра съ утра начнутъ грузить верблюдовъ такъ, какъ мы укажемъ.

Для найма верблюдовъ для остальныхъ тяжестей былъ выписанъ арабъ Гасанъ-Магометъ, бывшій нашъ поставщикъ муловъ, и ему поручено къ ночи собрать до 40 верблюдовъ. Онъ обѣщался поискать, но сказалъ, что дешевле, какъ по 21 талера за верблюда до Гильдессы, онъ врядъ ли достанетъ. Нужда вынудила принять и эти условія.

Эту ночь половина офицеровъ и конвой ночевали безъ палатокъ. Мы собрались вечеромъ у поручиковъ К — го и Д — ва по случаю ихъ батальоннаго праздника и пили за здоровье стрѣлковъ.

7-го (19-го) декабря, воскресенье. Съ четырехъ часовъ утра все на нашемъ бивакѣ было на ногахъ. Казаки чистили муловъ, черные слуги помогали офицерамъ укладывать по ящикамъ и чемоданамъ вещи. Послѣдняя четверть луны и звѣзды юга проливали мягкій свѣтъ надъ разбросаннымъ бивакомъ. Почти одновременно на бивакѣ черныхъ, среди верблюдовъ началось движеніе. Женщины сомалійки надѣвали на горбатыя спины животныхъ цыновки изъ соломы и шерсти, навязывали на нихъ четыре палки, крестъ на крестъ, и прикручивали это все къ верблюду.

Очевидно, караванъ серьезно готовился къ выступленію. Старыхъ абановъ, испортившихъ намъ столько крови вчера и третьяго дня, смѣнилъ молодой сомаліецъ, по имени Аббахъ—что значитъ—Левъ—онъ насъ и поведетъ. Аббахъ человѣкъ акуратный и знающій свое дѣло. Онъ ходитъ между ящиковъ со стариками, осматриваетъ ихъ и формируетъ вьюки.

Дѣло тянется томительно долго. Отъ шести часовъ и до 11½ погружено только 20 верблюдовъ съ подарками, казной и патронами. Изъ-за каждаго ящика происходятъ споры — иныхъ никто не хочетъ брать, тогда на помощь казакамъ является абанъ. Усиленно жестикулируя, онъ говоритъ пламенную рѣчь сомалямъ, хватаетъ ихъ за рукавъ, трогаетъ ящики, доказываетъ, что они нетяжелы, что ихъ удобно можно умѣстить на боку верблюда, подноситъ ихъ къ сѣдлу и вьючитъ, не обращая вниманія на протесты хозяина, а потомъ бѣжитъ къ слѣдующему и тамъ продѣлываетъ тоже. Погрузка идетъ все далѣе и далѣе, подняли палатки офицеровъ, подняли ихъ имущество, не сѣна, принялись за галеты и консервы. Уже число непогруженныхъ верблюдовъ стало ничтожно, а груза все еще оставалось много. Оставалось одно, или вернуть часть каравана назадъ и остаться на неопредѣленное время въ Амбули, или тронуться съ тѣмъ, что поднято на верблюдовъ, и оставивъ часть отряда наблюсти за погрузкой ящиковъ. Метнули жребій, оставаться пришлось поручикамъ К—му, А—и и Д—у, классному фельдшеру Сасону и кандидату Кузнецову...

Въ 2½ часа пополудни 7-го декабря сѣли на муловъ и тронулись изъ Амбули на Хараръ...

XI.

По Сомалійской пустынѣ.

Дорога отъ Амбули до Гумаре идетъ по каменистой пустынѣ, кое-гдѣ поросшей сухой мимозой. Это не дорога въ европейскомъ смыслѣ слова, а лишь проходъ, расчищенный между камней, проходъ, шириною около двухъ саженъ, усыпанный каменьями, иногда настолько крупными, что мулъ едва, едва можетъ перешагнуть черезъ нихъ. Путь поднимается все выше и выше: на протяженіи двухъ верстъ отъ Амбули видиѣются брошенныя рельсы Дековилевской дороги. Верстахъ въ $2^1/_2$ стоитъ сторожевая башня, первый оплотъ французовъ на Сомалійской территоріи: подлѣ — нѣсколько бѣдныхъ хижинъ сомалей за соломенной стѣнкой, а дальше прямая пустынная дорога между черныхъ камней. Оглянешься назадъ— видны бѣлые домики Джибути, да млѣетъ, ласкаясь на вечернемъ солнцѣ, голубой заливъ, блестящій и тихій. Впереди цѣпь горъ самыхъ причудливыхъ очертаній. То торчатъ почти остроконечные шпили, вершины рѣзки и обставлены прямыми, почти отвѣсными линіями, то вершины округлы, или совершенно прямоугольны, словно гигантскій столъ стоитъ въ отдаленіи. Черные загорѣлые камни, результатъ вывѣтриванія и дѣйствія солнечныхъ лучей, видны всюду, куда только глазъ хватаетъ.

Усилія мои организовать движеніе каравана хотя въ какомъ-нибудь порядкѣ не увѣнчались успѣхомъ. Верблюды, нагруженные подарками, шли въ перемѣшку съ верблюдами съ галетами и имуществомъ членовъ отряда. Одни шли по десяти, связанные другъ съ другомъ и ведомые одной женщиной, другіе медленно ступали по одиночкѣ. Въ одномъ мѣстѣ образовался интервалъ почти съ версту, въ другомъ ихъ скопилось нѣсколько десятковъ. Впередъ я послалъ кашевара съ котлами, въ тылу шло шестеро казаковъ, караулъ слѣдовалъ при верблюдѣ, погруженномъ канцеляріей и документами, нѣсколько человѣкъ было при начальникѣ миссіи, остальные были распредѣлены при караванѣ. Мы выѣхали послѣдними. На всемъ протяженіи пути слѣдованія каравана намъ попадались развьюченные верблюды. Изъ-за одного какого-нибудь свертка останавливалась иногда цѣлая цѣпь верблюдовъ. Я назначалъ здѣсь казака, которому вмѣнялъ въ обязанность наблюсти за быстрой погрузкой и приказывалъ отсталаго верблюда отводить въ сторону.

Такъ, то спускаясь, то поднимаясь съ горы на гору, шли мы все дальше и дальше.

Около пяти съ половиной часовъ мы пришли на ночлегъ, пройдя въ этотъ день всего 18 верстъ, и остановились верстахъ въ 20-ти отъ Гумаре, подъ горой, на песчаной площадкѣ между камней. Часть каравана, казна и подарки прибыли раньше и въ страшномъ безпорядкѣ были свалены по пустынѣ. Здѣсь же лежали верблюды, вытянувъ свои безобразныя морды. Въ ожиданіи коновязи, привязали муловъ къ камнямъ, зачистили ихъ и стали сносить денежные ящики, подарки и воду подъ сдачу часоваго.

Только къ ночи стянулся весь караванъ. Переходъ былъ ничтожный, но утомленіе казаковъ было велико. Съ 4-хъ часовъ утра, весь день, при страшной жарѣ работали они, собирая караванъ, грузя вещи, ссорясь и бранясь съ сомалями изъ-за каждаго свертка. На вечерней перекличкѣ казаковъ арьергарда еще не было. Скудный обѣдъ и чай въ небольшомъ количествѣ подкрѣпилъ ихъ силы для тяжелой ночи.

Два поста стали на ночь: одинъ — у денежнаго ящика и одинъ постъ — у палатки начальника миссіи. Для обхода я съ Ч—ковымъ разбили ночь на двѣ смѣны. До полуночи дежурилъ Ч—ковъ, а послѣ полуночи до утра я.

Вечеромъ пришелъ къ намъ Абэхъ за приказаніями.

— «Demain quatre heures du matin commencer»...

— «Bon».

— «Tout sera prêt vers six heures. Six heures en route, le soleil couchant a Bajadé».

— «Bon».

Абанъ помолчалъ немного, посмотрѣлъ на меня своими смышлеными усталыми глазами и сказалъ:

— «Bagage faut pas toucher. Moi garder tout. Ma tête malade— je tiens dans ma tête tout. Faut pas toucher bagage—moi arranger tout».

Онъ ушелъ, я легъ на постель, подъ открытымъ небомъ, чтобы отдохнуть немного. Бивакъ засыпалъ. Подъ камнями въ повалку спали люди: офицеры и врачи расположились на пескѣ дороги. Бурка служила мнѣ матрацомъ и одѣяломъ, сложенная одежда подушкой, а темное небо, усѣянное яркими звѣздами юга, роскошнымъ пологомъ. Тишина царила кругомъ. Слышно было мѣрное жеванiе верблюдовъ, да тяжелые вздохи бѣдныхъ муловъ, оставшихся безъ

воды на ночлегѣ. И вотъ среди этой ночной тишины раздался звучный гортанный говоръ Лнбэхь.

— «Орiа», по самалiйски вскричалъ онъ, «завтра за два часа до восхода будемъ грузиться».

И ровнымъ гуломъ, какъ театральная толпа, прогудѣли сомали.

— «Слушаемъ; верблюды будутъ готовы».

— «Пойдемъ прямо до Бояде. У Гумаре остановимся на два часа».

— «Правильно, надо накормить верблюдовъ».

— «Осмотритесь и приготовьтесь».

— «Будемъ готовы»...

И снова все смолкло.

Въ тишинѣ темной волшебной ночи, на таинственной декорацiи каменистыхъ горъ—этотъ голосъ абана и дружные отвѣты сомалей на гортанномъ никому непонятномъ языкѣ звучали торжественно. Невольный страхъ закрадывался въ душу. А что, какъ этотъ невинный приказъ для похода, не приказъ, а заговоръ, приказанiе зарѣзать насъ и овладѣть грузомъ, а дружные голоса верблюдовожатыхъ казались отвѣтами хорошо организованной и дисциплинированной шайки разбойниковъ...

Такъ получали, надо думать, приказанiя отъ своихъ военачальниковъ легiоны Цезаря, такъ должно быть сообщалась воля вождя въ войскахъ, едва ознакомленныхъ съ цивилизацiей.

Въ полночь меня разбудилъ Ч—ковъ и я, взявъ ружье, пошелъ въ обходъ. Тихо было въ пустынѣ. Здѣсь не визжали подъ самымъ бивакомъ шакалы, не ухали гiены, не слышно было пѣнiя сомалiйскихъ женщинъ и лая собакъ, но тишина мертвая, тишина пустыни. Трудно было ходить въ этой темнотѣ, ежеминутно натыкаясь на камни, цѣпляясь за колючки мимозы. Бивакъ, разбитый, повидимому, въ крайнемъ безпорядкѣ, однако, имѣлъ свой смыслъ. Сомали, проводники верблюдовъ, ли за чтобы не отдали своего груза для устройства изъ него ограды, потому что каждый зналъ свои ящики, каждый устроилъ изъ нихъ и изъ цыновокъ, составлявшихъ верблюжье сѣдло, нѣкоторое подобiе дома. Подлѣ него тлѣлъ костеръ, на которомъ жена его вечеромъ приготовила ему рисъ. Правда, за то весь лагерь былъ перемѣшанъ. Верблюды, ящики, черные слуги, офицеры, мулы все это было скучено между камней, все спало мертвымъ сномъ въ эту прохладную сырую ночь. Я сидѣлъ за походнымъ столикомъ и набрасывалъ впечатлѣнiя этого перваго дня нашего пути... Сырость проникала сквозь сукно мундира, смачивала бумагу и трудно было писать при такихъ условiяхъ.

Кругомъ спалъ бивакъ, охранителемъ котораго являлся я со своими людьми. Невеселыя мысли шли мнѣ въ голову. Какъ охранить эти драгоцѣнные грузы, какъ охранить личность царскаго посла, его супруги и женщинъ лагеря въ эту темную ночь. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Нѣсколько разъ я выходилъ изъ предѣловъ бивака и, спотыкаясь о камни и падая, уходилъ далеко въ пустыню. Тамъ, затаивъ дыханіе, я прислушивался. Какая тишина была кругомъ! Какое поразительное отсутствіе жизни на многія версты вокругъ. Абиссинецъ-слуга окликнулъ меня при моемъ возвращеніи и приложился въ меня изъ своего Гра.

— «Московъ ашкеръ» — отвѣтилъ я, и прошелъ на бивакъ. Часовой въ верблюжьей курткѣ сталъ предъ мной смирно.

— «Крыпинъ?»

— «Такъ точно».

— «Тебѣ холодно?»

— «Никакъ нѣтъ».

Имъ никогда не бываетъ холодно, они никогда не устаютъ, эти славные бородачи, лихіе наѣздники, охотники африканскихъ пустынь.

8-го (20-го) декабря, понедѣльникъ. Отъ Гумарэ до Баядэ 42 версты. Въ 4 часа утра мой трубачъ Терешкинъ протрубилъ подъемъ, изображавшійся у насъ сигналами: «слушай», «всѣ» и «сборъ», и бивакъ зашевелился. Было совершенно темно, сыро и прохладно. Винтовки и ружья были покрыты легкимъ налетомъ ржавчины, сырость легла на бурки, на шляпы, на все. Заварили чай, а остатокъ воды роздали муламъ. Каждый получилъ по 1/4 ведра. Бѣдныя животныя страшно намучились. Надо было видѣть ихъ оживленіе, когда разливали воду. Мой «графъ», балованный мулъ съ ушными, какъ у лошади, глазами жалобно ржалъ и топалъ хорошенькой тоненькой ножкой, прося еще и еще воды. Но воды было всего шесть жестянокъ на всѣхъ муловъ. Въ полной темнотѣ вьючили сомали своихъ верблюдовъ, бѣгали, разыскивая чемоданы съ личнымъ имуществомъ офицеровъ, и отправляли ихъ партія за партіей. Абанъ Либэхъ сердился, когда кто-либо изъ офицеровъ напоминалъ ему что-либо, или давалъ указанія.

— «Laisse moi, laisse. Je suis malade . . . si grand bagage, je prends tout à moi».

И онъ шелъ резониться съ сомалями, произносилъ имъ рѣчи, топалъ на нихъ ногой, размахивалъ руками и убѣждалъ и настаивалъ.

Въ 6 часовъ изъ-за горъ показалось солнце, а въ 7 тронулся последній верблюдъ, а за нимъ и мы.

Опять тѣ же камни, та же черная пустыня. Мѣстами дорога такъ узка, такъ тѣсно протоптана, что верблюдъ еле умѣщаетъ свои ноги. мѣстами круглые камни навалены одинъ на другой, какъ петербургская мостовая во время ремонта. Невольно удивляешься здѣсь муламъ и нашимъ слугамъ. Отпустишь поводъ мулу и онъ нагнетъ голову. распуститъ уши по бокамъ и внимательно приглядывается. какъ и куда ему поставить ногу, и никогда не споткнется, никогда не покатится съ круглаго камня. А слуги идутъ сзади, неся ружья. неся фляги съ водой, идутъ босыми ногами по камнямъ, бѣгутъ сзади васъ, если вы поѣдете рысью.

Какія нужно имѣть ноги. какія имѣть подошвы, чтобы бѣжать по раскаленнымъ камнямъ пустыни. Мы подымаемся постепенно все выше и выше, изрѣдка проходимъ ущелья и снова подъемъ. Около полудня мы были на обширномъ плато. усыпанномъ камнями и поросшимъ кое-гдѣ жидкой и чахлой мимозой. Изрѣдка алоэ протягивало свои длинныя мясистые листья и стебель съ пучкомъ мелкихъ красныхъ цвѣтовъ. Говорятъ, на этомъ плато водятся страусы. Здѣсь былъ сдѣланъ привалъ на полчаса. Фармацевтъ Л—въ и трубачъ Терешкинъ быстро сготовили чай и на буркѣ въ жидкой тѣни сухой мимозы мы освѣжили пересохшее горло.

Въ $2^1/_2$ часа мы были въ Баядэ.

Когда вы слышите, или читаете эти названія, быть можетъ вамъ рисуется поселокъ, раскинувшійся въ горахъ. стадо барановъ, щиплющихъ сухую полынь, маленькое общество людей, у которыхъ вы можете пріобрѣсти курицу, или козьяго молока.

Гумарэ—это груда камней, сложенныхъ неправильнымъ четыреугольникомъ среди пустыни, со слѣдами костровъ внутри него. Баядэ—французскій постъ. состоящій изъ двухъ соломенныхъ хижинъ, обнесенныхъ заборомъ, и флагштока съ мотающимся на немъ французскимъ флагомъ. Здѣсь дорога круто спускается внизъ въ песчаное русло рѣки, кое гдѣ поросшее мелкой туйей. Берега этой рѣки, саженъ 15 вышиною, состоятъ изъ черныхъ, почти отвѣсныхъ скалъ, за которыя цѣпляются сухія колючія мимозы. Дно этой рѣки и было избрано для ночлега. Вода была въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ бивака въ песчаныхъ копанкахъ. Вода чистая, свѣжая, но съ чуть солоноватымъ вкусомъ. Наученные горькимъ опытомъ вчерашняго дня, когда пришлось держать муловъ въ рукахъ до прибытія верблюда съ коновязью, мы отправили теперь коновязный канатъ

съ первой партіей и черезъ полчаса уже протянули коновязь, разложили сѣдла, зачистили животныхъ и вышли встрѣчать верблюдовъ и направлять каждаго къ своему мѣсту. Подарки, деньги и вода были сложены въ одно мѣсто подъ сдачу часовому, имущество офицеровъ складывалось подлѣ мѣста, избраннаго для палатки. Становище сомалей располагалось на флангѣ.

Въ Баядэ къ намъ присоединился лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка поручикъ А. К. Булатовичъ съ тремя абиссинскими слугами и двумя вьючными животными, прошедшій въ 11 дней отъ Энтото до Баядэ. Онъ передалъ намъ о нетерпѣніи, съ которымъ ожидаютъ въ Энтото прибытія нашей миссіи.

Къ вечеру бивакъ установился. Мы сидѣли за ужиномъ, когда къ Ч—ву, завѣдующему у насъ караваномъ, подошелъ абанъ и доложилъ, что грузъ дошелъ благополучно.

— «Demain n'est pas marcher. Chameaux fatigués, chameliers fatigués, moi malade—grand bagage».

Дневка входила въ нашъ разсчетъ: намъ нужно было дождаться оставшейся части каравана.

9-го (21-го), 10-го (22-го) декабря. Дневки въ Баядэ. Утро. Близъ коновязи обыденныя казачьи занятія на дневкѣ — чистка ружей, стирка бѣлья. Къ полудню управились.

— «Ваше высокоблагородіе! дозвольте на охоту пойтить?» —обращается ко мнѣ мой столяръ и сапожникъ, и записной охотникъ Кривошлыковъ. Работъ на бивакѣ не предвидится—я разрѣшаю.

Черезъ полчаса является уралецъ Сидоровъ: «дозвольте ваше вышокоблагородіе дигъ-диговъ попстрѣлять»: отпускаю и его, бросаю писаніе, беру винтовку и выхожу съ бивака.

Я иду около версты русломъ рѣки въ громадномъ каменномъ коридорѣ, образованномъ высокими черными отвѣсными скалами. Наконецъ, скалы разрываются справа и въ рѣку круто спускается узкая кривая балка. Дно этой балки усѣяно громадными сѣрыми кругловатыми камнями. Эти камни громоздятся одинъ на другой, образуютъ уступы и подымаются вверхъ. Засохшій стволъ мимозы, дикая азалея, олеандръ, хлопчатникъ, вдругъ подымаются изъ-за камней. Мѣстами съ трудомъ идешь, цѣпляясь за камни руками, всползаешь на животѣ на почти отвѣсныя скалы. Какія силы природы, какіе перевороты, какіе бѣшеные потоки воды нагромоздили эти скалы одна на другую, раскидали ихъ по ущелью. Здѣсь водятся, говорятъ, кабаны. По отвѣснымъ скаламъ видна жизнь. Большіе сѣрые сурки хлопотливо бѣгаютъ по обрывистымъ ступенямъ, поднимаются на

заднія лапы, осматриваются и скрываются въ норахъ. Я убилъ одного сурка. Трехлинейная пуля на 250 шаговъ прошла сквозь его бокъ и нанесла страшное пораженіе: часть внутренностей вышла наружу. Сурокъ еще былъ живъ, когда я къ нему подошелъ. Ударомъ камня по головѣ я прекратилъ страданія животнаго. Это толстый, круглый звѣрекъ, поросшій густой жесткой сѣрой шерстью. Ростомъ онъ съ молодую кошку, безъ хвоста, съ короткими мягкими лапами.

Поднимаюсь выше и выхожу, наконецъ, на обширное плато, усѣянное камнями. Кое-гдѣ между камнями маленькими пучками пробивается сѣрая травка, горькая на вкусъ, жесткая и ломкая. Мѣстами мимозы, столпясь въ маленькомъ острову, образовали сѣрую заросль, дальше видѣнъ желтый песокъ и черные, загорѣлые камни. Общій колоритъ пустыни свѣтло-сѣрый. Далеко на самомъ горизонтѣ чернѣютъ горы. Ихъ то круглыя, то остроконечныя вершины красивымъ узоромъ легли по сѣрому небу. Погода лѣтняя, петербургская. Совсѣмъ не жарко. Свѣжій вѣтеръ обдуваетъ лицо. Небо покрыто тучами. Тамъ, далеко на горизонтѣ, льютъ дожди. Вотъ дождь подошелъ и сюда и заморосилъ мелкій и свѣжій. Онъ продолжался не болѣе десяти минутъ, тучи разсѣялись, распались, словно черныя думы, развѣянныя ласковымъ словомъ, и голубое небо и ясное солнце освѣтили равнину.

Изрѣдка среди сѣрыхъ кустарниковъ выпрыгнетъ парочка стройныхъ козъ—дигъ-диговъ. Дигъ-дигъ ростомъ съ молодаго козленка, строенъ и изященъ. Рубашка его серебристо-сѣрая, нѣжная и мягкая, по цвѣту напоминающая пухъ цесарки, брюшко бѣлое, на ногахъ, подъ мышками желтоватыя подпалины. На головѣ у него двое маленькихъ черненькихъ рожекъ, большія уши и черные любопытные глаза напоминаютъ нашу лань.

Дигъ-диговъ я встрѣчалъ всегда парами. Они подпимались изъ кустовъ очень далеко, шаговъ на 300, на 400, и рѣзвымъ галопомъ бѣжали по пустынѣ, дѣлая саженные прыжки черезъ камни и скалы. Стрѣлять ихъ чрезвычайно трудно. Пробѣжавъ шаговъ сто, они останавливаются гдѣ-либо среди кустовъ и серебристо сѣрое тѣло ихъ едва видно на сѣромъ фонѣ мимозъ. Цѣлишься почти наугадъ, по впечатлѣнію.

Казаки принесли 9-го двухъ дигъ-диговъ, а 10-го шесть и одну дрофу. Дичи хватило на обѣдъ и на ужинъ: въ эти дни совсѣмъ не рѣзали барановъ.

Кругомъ убитыхъ козочекъ собралась толпа.

— «Какія у нихъ ножки, ваше благородіе», говоритъ Крыпинъ, «словно резинкой подложеныя».

Дѣйствительно, пятка ноги дигъ-дига образуетъ мягкую и необыкновенно упругую сѣрую мозоль, очевидно, и способствующую дигъ-дигу дѣлать прыжки.

Мы ждали нашъ остальной караванъ 9-го послѣ полудня, но онъ не явился. Подъ вечеръ послали съ письмомъ къ поручику К—му, старшаго черной прислуги Ато-Демесье. Онъ взялъ свое ружье Гра на плечо, укутался шамой и бодро зашагалъ въ Джибути. Вернулся онъ 10-го рано утромъ и сказалъ, что онъ нашелъ караванъ близъ Гумаро и что завтра, послѣ полудня, К—ій и его спутники присоединятся къ каравану. Ато-Демесье въ эту ночь прошелъ по тяжелой каменистой дорогѣ, со многими спусками и подъемами, около 60-ти верстъ. Онъ ни минуты не отдыхалъ на пути.

Начальникъ миссіи рѣшилъ еще раньше сдѣлать вторую дневку, чтобы собрать весь караванъ. Со вторымъ эшелономъ шла большая часть зерна для муловъ, много ящиковъ сахару и вопросъ прибытія каравана былъ немаловажный.

10-го, около полудня, прибыли наши офицеры К—ій, А—ли, Д—овъ, классный фельдшеръ С—онъ и кандидатъ К—овъ.

Они не могли выступить, какъ предполагали, 8-го, потому, что, не смотря на всѣ хлопоты Гасанъ-Магомета, онъ могъ собрать вмѣсто 50-ти всего 23 верблюда, да и тѣ пришли къ вечеру 8-го. Пришлось обратиться къ французскому купцу Монату съ просьбой забрать неподнятый грузъ и доставить его въ Гильдессу. Монатъ согласился не сразу и, пользуясь безвыходнымъ положеніемъ отряда, запросилъ за комисію громадныя деньги. Пока сторговались, пока заключили контрактъ, былъ вечеръ среды. За-темно 9-го выѣхали офицеры и врачи изъ Амбули и ночью прибыли на бивакъ у Гумаро. У нихъ не было ни свѣчей, ни мыла, ни воды. Темно было и палатку не разбивали. Положивъ подъ голову сѣдла, а на землю бурки, они заснули крѣпкимъ сномъ. Одинъ сидѣлъ по-очереди, охраняя жизнь своихъ товарищей. Офицеры и казаки несли сторожевую службу наряду. Силы были такъ малы, что, въ случаѣ нападенія, защита свелась бы къ самооборонѣ.

Съ большою радостью увидали они на другой день русскій флагъ надъ Баядо и услыхали сигналъ къ завтраку, повторенный эхомъ въ ущельяхъ горъ. Ихъ опасныя скитанья по пустынѣ кончились.

По утру 10-го заболѣлъ у меня въ конвоѣ казакъ Любовинъ. Съ нимъ сдѣлалась тошнота и рѣзь въ желудкѣ. Человѣкъ съ повышен-

ной нервной системой, богатый помѣщикъ дома, писарь на службѣ въ Петербургѣ, онъ плохо переносилъ невзгоды военно-походной жизни. Все и среди природы, и среди чуждаго населенія, поражало его, било по нервамъ сильнѣе, чѣмъ другихъ его товарищей. Онъ и Изваринъ, уже уволенный изъ конвоя, оба нестроевые, оба низовые, оба богатые, плохо переносили непривычный климатъ, постоянный физическій трудъ. Другое дѣло атаманцы Крынинъ, Архиповъ, Кривошлыковъ, Алифановъ, Авиловъ и Деминъ—лапотники [1], какъ ихъ презрительно зовутъ «гвардейцы», другое дѣло уральцы-моряки, малоросъ Недодаевъ, толстякъ, съ массой природнаго юмора, рязанецъ Полукаровъ—они весело работали, шутили на безводномъ переходѣ, находили время охотиться, ежедневно стоя полъ ночи на часахъ. И не худѣли, не томились, но, памятуя присягу, терпѣливо сносили и голодъ, и холодъ, и жару, шли пѣшкомъ по камнямъ пустыни, чинили ящики, вьючили верблюдовъ, ради общей пользы, ради общаго дѣла. Я приказалъ накрыть Любовина бурками и положить въ тѣнь, а ночью забинтовать ему желудокъ. Доктора отряда не нашли въ его положеніи ничего опаснаго для жизни.

Въ 12 часовъ дня насъ покинулъ А. К. Булатовичъ. Онъ ѣхалъ черезъ Эрреръ на Энтото съ письмомъ начальника миссіи къ Менелику.

Подъ вечеръ 10-го, я съ двустволкой пошелъ на охоту на дикъ-диковъ. Вмѣстѣ со мной вышли А—и и Д—овъ и два казака. Мы скоро разошлись по пустынѣ. День склонялся къ вечеру, солнце спускалось къ горамъ. Я былъ въ это время въ незнакомой мнѣ балкѣ, поросшей свѣжими мимозами, алоэ и еще неизвѣстными мнѣ деревами съ ярко-зелеными мелкими листиками. Пара стройныхъ дикъ-диковъ выскочила шагахъ въ шестидесяти отъ меня и, отскочивъ немного въ сторону, стала за кустами. Мнѣ видны были ихъ тонкія мордочки, ихъ розоватыя на солнцѣ уши и любопытные глаза, устремленные на меня. Я выцѣлилъ одного изъ нихъ, выстрѣлилъ и увидѣлъ, что оба кинулись прочь. Одинъ быстро скакалъ черезъ камни, другой бѣжалъ, прихрамывая на трехъ ногахъ. Я перебилъ ему ногу. Я кинулся за нимъ. У меня не было патроновъ, снаряженныхъ картечью, я выстрѣлилъ дробью, но дикъ-дикъ продолжалъ уходить отъ меня все дальше и дальше. Увлеченный погоней, я и не

[1]) Низовые казаки называютъ верховыхъ за ихъ привязанность къ земледѣлію и бѣдность «лапотниками». Лейбъ-казаковъ на Дону иначе не называютъ, какъ «гвардейцами», лейбъ-гвардіи атаманцевъ—просто атаманцами и остальныхъ—армейцами.

замѣтилъ, какъ солнце скрылось за высокими горами и пустыня быстро начала темнѣть. Я бросилъ дигъ-дига и пошелъ, поспѣшно шагая через камни, спотыкаясь о нихъ, накалываясь на иглы мимозы къ сторонѣ высокихъ горъ, окружавшихъ Баядэ. Африканская ночь наступила сразу. Желтый отблескъ заката догорѣлъ, по темному своду неба проступили незнакомыя мнѣ яркія звѣзды. Не было еще полярной звѣзды, этого компаса сѣвернаго кавалериста, и я почувствовалъ себя жутко въ пустынѣ. Я помнилъ, что за Баядэ были двѣ высокія горы, соединенныя между собой въ видѣ буквы «М»: я помнилъ, что правѣе меня должна была быть дорога изъ Харрара на Джибути. Я оглянулся кругомъ. Цѣпь черныхъ горъ лежала и впереди, и влѣво, и сзади. Горы въ видѣ буквы «М» были видны повсюду. Темное небо ничего не говорило. Я пошелъ наугадъ. То и дѣло спотыкался я о камни, иногда дѣлалъ непроизвольные шаги внизъ, шелъ долго. Мнѣ казалось, что вотъ-вотъ появится передо мной крутой обрывъ ущелья Баядэ. Но его не было. Вдругъ камень прекратился. Нога ступала по ровному песку, поросшему сухой травкой, шелестившей у меня подъ ногами.

Я понялъ, что окончательно заблудился. Нигдѣ подлѣ Баядэ не было этой травки, не было ровнаго песчанаго пространства. Жутко стало на сердцѣ, тоскливо, одиноко. Вспомнилось, какъ сегодня еще нашъ переводчикъ Габро Христосъ говорилъ, что у Баядэ «побыръ-бузу» много леопардовъ, вспомнилъ разсказы про громадныхъ гіенъ и зарядилъ ружье пулей, сѣлъ подлѣ камня и рѣшилъ провести темную ночь въ пустынѣ, а утромъ искать вѣрнаго направленія. Но тутъ я вообразилъ, какая поднимется тревога въ лагерѣ, если я не приду къ обѣду, каково будетъ безпокойство, если и къ утру я не вернусь. Пожалуй не снимемся съ бивака, а каждый день такъ дорогъ!

Я поднялся и, взявъ приблизительное направленіе, какъ мнѣ казалось, къ дому, скорымъ шагомъ пошелъ по пустынѣ. Я шелъ такъ около получаса. Наконецъ, шагахъ въ десяти отъ меня показалась тропинка. Другой дороги быть не могло, какъ только дорога изъ Джибути на Харраръ. Слава Богу, подумалъ я, я на вѣрномъ пути и, закинувъ ружье за плечо, бодро зашагалъ по дорогѣ. Теперь, каждую минуту ожидая придти домой, я шелъ очень скоро. Я прошелъ уже болѣе четверти часа, а дома все не было. Вотъ какой-то крутой, каменистый спускъ, мимоза зацѣпила меня за ногу: у Баядэ спускъ сворачивалъ вправо, здѣсь онъ шелъ влѣво, значитъ бивакъ еще дальше, я напрягалъ послѣднія силы и шелъ, шелъ. Я поднялся

опять на гору и опять спустился; по сторонамъ дороги показались какія-то громадныя деревья. Я понялъ, что я не на вѣрномъ пути.

Но куда же идетъ эта дорога? По пустынѣ такъ мало проложено тропинокъ, что врядъ ли это дорога не на Джибути...! А что, какъ въ Зейлу?... Что жъ. Падать духомъ нечего. Придется собрать послѣднія силы и безъ пищи и питья идти до Зейлы, тамъ явиться англійскому резиденту и просить его помощи отправиться въ Отто-то... А тѣмъ временемъ на бивакѣ?!... Отчаянное, скверное положеніе. У меня оставалось еще три патрона съ бекасинникомъ и два съ разрывной пулей. Я выстрѣлилъ на воздухъ одинъ разъ, потомъ еще и еще. И вотъ далеко въ горахъ, въ сторонѣ отъ дороги, я услышалъ голоса.

Люди!... какъ я обрадовался имъ, этимъ людямъ. Кто бы ни были они, но они могутъ меня провести въ Баядэ. Если даже это дикій Гадебурси и тогда, съ одной стороны, два патрона съ пулей, съ другой законъ гостепріимства—порука въ моемъ спасеніи.

И я сталъ кричать. Изъ горъ мнѣ слышались отвѣты. Я свернулъ съ дороги и, шагая черезъ мимозы, побрелъ по каменистому склону въ гору. Но какъ убѣдить дикаря, чтобы онъ шелъ навстрѣчу, какъ вызвать его на помощь. По сомалійски я зналъ только два слова: «орія»—господинъ, человѣкъ и «аўрка» — верблюдъ. По счастью есть одно слово, общепонятное для всѣхъ народовъ востока Азіи и Африки и для всѣхъ одинаково заманчивое. Слово это «бакшишъ», «на чай».

И вотъ я сталъ кричать: «орія сомаль, бакшишъ! бакшишъ»!!.

Слово произвело магическое дѣйствіе. Отвѣтный голосъ приближался и, наконецъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня показался сомаліецъ съ копьемъ и щитомъ и маленькой деревянной бутылкой въ рукѣ. Бѣлая шама, украшенная черными квадратиками, расположенными въ шахматномъ порядкѣ, была живописно закинута черезъ плечо. Подойдя почти вплотную ко мнѣ, онъ протянулъ руку и сказалъ: «бакшишъ».

— «Бакшишъ Баядэ», отвѣчалъ я. «Московъ аншкеръ Баядэ, бакшишъ».

— «Оуэ»! дикарь открылъ свою гомбу и предложилъ мнѣ козьяго молока, я отрицательно закачалъ головой и упрямо повторялъ «Баядэ, Баядэ».

Дикарь показалъ, что ему нужно отнести гомбу съ молокомъ домой, взялъ меня за руку и повелъ въ гору. Онъ велъ меня осторожно, указывая на каждый камень, на каждую мимозу. Въ полу-

горѣ показался костеръ. Онъ горѣлъ передъ маленькой круглой хижиной, сплетенной изъ камыша и изъ соломы, съ конической крышей. Хижина имѣла не болѣе сажени въ діаметрѣ и аршина два вышины. Стадо козъ и овецъ, сбившись подлѣ въ кучу, стояло въ маленькомъ загонѣ изъ мимозъ. Молодая сомалійка въ красномъ платкѣ и пестромъ платьѣ сидѣла подлѣ костра и подбрасывала въ него сухія вѣтки. Двое маленькихъ, совершенно голыхъ дѣтей, стояли у дверей хижины.

Сомалійка предложила мнѣ молока—я опять отказался, но мужъ ея настаивалъ и, чтобы не обидѣть ихъ, я сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, а потомъ, попрощавшись съ женой, я протянулъ мужу руку и снова сказалъ: «Баядэ!»

— «Оуэ»! Сомаль задрапировался въ шаму и пошелъ, положивъ копье на плечо. Я пошелъ за нимъ. Онъ вывелъ меня на ту же дорогу, по которой я шелъ, и мы бодро зашагали въ противоположную сторону.

— «Джибути», сказалъ сомаль, указывая въ одномъ направленіи — «Харраръ», махнулъ онъ рукой въ другую сторону.

Мы шли долго. Онъ указывалъ мнѣ рукой на камни, на вѣтви мимозы, иногда даже отводилъ ихъ рукой.

Почти часъ прошагали мы такъ. И вотъ вдали послышались выстрѣлы.

Я отвѣтилъ, за выстрѣлами стали слышны голоса, показались, наконецъ, огни и я увидѣлъ на вершинѣ холма доктора Л., фармацевта Л—ва, нѣсколькихъ казаковъ, вышедшихъ мнѣ навстрѣчу. Оказывается, отсутствіе мое изъ лагеря произвело весьма сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Абанъ Либэхъ подлилъ масла въ огонь безпокойства.

— «Içi somal mechant», сказалъ онъ, «içi on peut pas marcher seul la nuit».

Сейчасъ же разослали искать меня всю абиссинскую прислугу, подняли казаковъ, жгли бенгальскіе огни, стрѣляли залпами.

Я наскоро пообѣдалъ и легъ спать. Усталость была слишкомъ сильна, а съ 12-ти часовъ ночи нужно было заступать на дежурство.

11-го (23-го) декабря. Отъ Баядэ до Дусе-Кармунэ 34 версты. Съ утра начали грузиться. Дѣло пошло, казалось, такъ скоро и удачно, что можно было думать о скоромъ выступленіи, однако, мы ошиблись. Не прошло и получаса, какъ абанъ уже ходилъ съ лицомъ, облитымъ кровью. Всѣ верблюдовожатые наши вооружены маленькими топориками на длинныхъ рукояткахъ, копьями и кинжа-

лами. Вотъ такимъ-то топорикомъ одинъ изъ сомалей разсѣкъ правую бровь абану. Оказалось, что абанъ принуждалъ брать правильный грузъ, а верблюдовожатые отказывались, произошла драка и схватились за ножи. Часть груза была брошена и валялась среди пустыни, для нея надо было возвратить верблюда. Со всѣми этими проволочками, недоразумѣніями и драками едва могли выступить въ 8 часовъ утра.

Порядокъ слѣдованія былъ такой: впереди—начальникъ миссіи, его супруга, доктора, офицеры и одно отдѣленіе казаковъ, затѣмъ арабскій караванъ, вышедшій съ К—нымъ, потомъ сомалійскій караванъ. Казаки конвоя были разбросаны вдоль по каравану для побужденія сомалей къ скорѣйшему движенію, для помощи при нагрузкѣ и для обороны, въ случаѣ нападенія. Сзади каравана шли два казака и офицеръ. Все время двигались шагомъ.

Дорога изъ Баядэ—это узкая тропинка, мѣстами заваленная камнями, пробитая среди усѣяннаго гравіемъ плато. Тропинка эта на шестой верстѣ отъ Баядэ сбѣгаетъ въ лощину, идетъ нѣкоторое время по ней, потомъ подымается, опять опускается, попадая въ цѣлую систему горъ. То желтыя отвѣсныя, словно полированныя колонны базальта нагромождены по сторонамъ тропинки, образуя коридоръ, то плитами навалены этотъ горный массивъ, шлифованный мѣстами, какъ хорошій тротуаръ, всѣхъ оттѣнковъ отъ блѣдно-желтаго до краснаго, мутно-зеленаго и, наконецъ, совершенно чернаго. Мѣстами дорога сбѣгаетъ внизъ и идетъ песчанымъ русломъ рѣки. Сѣрыя вѣтви мимозы, покрытыя маленькими листиками, здѣсь смѣняются блѣдно-зелеными пушистыми туіями, большими деревами молочая съ его раздутыми круглыми плодами, полными блѣдной молочной жидкостью. Особая порода вьющихся растеній съ ягодами, похожими на виноградъ, подымается по деревьямъ, свѣшиваетъ свои гроздя внизъ, обманывая жаждущаго путника своимъ пріятнымъ видомъ.

Цѣлыя рощи кустовъ зеленѣютъ на голомъ пескѣ по краямъ русла. А по сторонамъ отвѣсныя скалы, горы, кончающіяся почти остроконечными вершинами, полузакрытыми сѣрыми тучами. Жара не достигаетъ на этихъ вершинахъ болѣе 20° R., мулы бредутъ между камней, тщательно обходя мимозы, шагая черезъ каменья. Смотришь по сторонамъ и видишь на скатахъ горъ среди сѣренькихъ кустиковъ пары дигъ-диговъ. Испуганныя караваномъ эти граціозныя животныя скачутъ по скаламъ, скрываются на минуту за кустомъ и смотрятъ оттуда, вытягивая свои тонкія мордочки.

Мы идемъ около $5^1/_2$ часовъ. Отъ Баядэ до Дусе-Кармупэ считается 34 версты. Въ половинѣ втораго, пройдя мимо громаднаго пика, мы вошли въ долину рѣки, опять таки одного русла безъ воды, и прибыли на станцію. Вода оказалась въ $3^1/_2$ верстахъ отъ стоянки. И, не смотря на это крайнее неудобство, приходилось мириться съ нимъ и становиться тамъ, гдѣ «привыкли» становиться караваны. Вода была въ двухъ глубокихъ колодцахъ, прокопанныхъ въ пескѣ и окруженныхъ маленькой оградой изъ вѣтокъ мимозы. Вода была коричневаго цвѣта, мало прозрачная и солоноватая на вкусъ. Муловъ разсѣдлали, растерли имъ спины, почистили и выпустили въ кустарники щипать листочки. Едва только начали располагаться въ кустахъ туйи, чтобы напиться чаю, и нашъ бивачный кормилецъ, трубачъ Терешкинъ, началъ съ искусствомъ любителя разводить костеръ, какъ вижу, что состоящій при генералѣ конвоецъ Чабѣевъ съ крикомъ «левъ!... левъ!...», съ винтовкой въ рукахъ, побѣжалъ въ кусты. Въ минуту всѣ расхватали ружья. Казаки, офицеры, абиссинцы все бросилось за нимъ, на бѣгу расходясь, чтобы оцѣпить зеленя, куда, по указанію Чабѣева, скрылся левъ.

— «Швиньи, дикія швиньи»!, слышу изъ кустовъ возгласъ уральца Изюмникова.

— «Да сколько ихъ?» — «Цѣлое стадо»...

Однако, свиней оказалось только двѣ. Одну убилъ поручикъ Д—овъ, другую казакъ Могутинъ. Это были громадные кабаны пудовъ по шести вѣсомъ, жирные и сочные. Они доставили большое разнообразіе нашему столу.

Казаки третій день уже не рѣжутъ барановъ. Козы, зайцы, кабанъ—даютъ и вкусную похлебку, и холодный завтракъ.

Въ этотъ день къ нашему отряду присоединился докторъ Щусевъ, прибывшій въ Джибутти 9-го декабря и на почтовомъ верблюдѣ догнавшій насъ сегодня утромъ въ Баядэ.

Бивакомъ стали довольно раскинуто. Офицерскія палатки сбились въ одномъ мѣстѣ, столовая отошла въ кусты. Охранять пришлось двумя постами и охранять серьезно. На ночь назначаются два офицера—одинъ сидитъ съ 8-ми до 12-ти часовъ ночи, другой—съ 12-ти—4-хъ часовъ утра. Сидѣть каждому приходится черезъ день.

Сомалійская пустыня вся имѣетъ характеръ скалистыхъ горъ, перерѣзанныхъ песчаными руслами рѣкъ, на днѣ которыхъ, на глубинѣ двухъ, трехъ саженъ, можно найти воду. Отъ воды до воды располагаются переходы. Русла эти поросли кустарникомъ туйи, мо-

лочаемъ. высокими мимозами и боабабами. По сторонамъ расходятся кряжи скалистыхъ горъ. Среди этихъ горъ, въ ущельяхъ, въ первобытной простотѣ живутъ сомалійскія племена. Двѣ, три хижины, стадо овецъ, иногда нѣсколькоословъ и верблюдовъ—все ихъ богатство. Ихъ пища—козы и бараны, питье—козье молоко. Кочуя съ мѣста на мѣсто, ища пропитаніе своимъ стадамъ, они проводятъ всю свою жизнь среди дикихъ и угрюмыхъ скалъ пустыни. Бѣлая рубашка и пестрая тама—ихъ костюмъ, копье и кривой ножъ—оружіе для нападенія, круглый щитъ—оружіе защиты. Съ копьемъ и щитомъ идетъ сомаль на льва, копьемъ поражаетъ леопарда, копьемъ бьетъ шакала и гіену. Европейское просвѣщеніе ему незнакомо. Даже спичекъ онъ не видалъ никогда и добываетъ огонь посредствомъ тренія двухъ деревянныхъ брусковъ. Есть гдѣ-то у нихъ старшины, но они не имѣютъ большаго значенія, и всѣ болѣе важные вопросы рѣшаются общимъ совѣтомъ—«вѣчемъ», или кругомъ. Караванъ европейца, особенно, если онъ невеликъ и плохо охраняемъ—богатая добыча для номада, сомаля. Особенно прославилось подвигами такого рода воинственное племя «гадебурцевъ». Въ 1890 году они вырѣзали подъ Дусе-Кармунэ караванъ француза Пино, и теперь горе тому каравану, подлѣ котораго не имѣется всю ночь бивачный огонь и часовой арабъ, или европеецъ не ходитъ, мурлыкая пѣсню при заревѣ костра.

А при нашемъ караванѣ 26 тяжелыхъ ящиковъ, въ которыхъ побрякиваютъ новенькіе талеры, а сколько еще сундуковъ и тюковъ съ дорогими подарками «Царя Москова». Для этого стоитъ собраться большою партіей, поднять все племя, 2,000—3,000 человѣкъ.

Вотъ почему всю ночь горятъ кругомъ бивачные огни, вотъ почему часовые бродятъ взадъ и впередъ по его угламъ, а время отъ времени дежурный офицеръ съ винтовкой на-готовѣ обходитъ кругомъ бивака.

Но холодная (около 14°R), сырая ночь тиха. Звѣзды блещутъ съ темносиняго неба, пустыня безмолвна. Поутру арабы затягиваютъ молитву. Сначала одинъ голосъ заводитъ мотивъ, къ нему пристраиваются другіе и въ просторѣ долины звучитъ однообразная мелодія востока, такая же мѣрная, плавная, безъ порывовъ страсти, безъ зноя юга, безъ холодной граціи сѣвера, однообразная, какъ и жизнь востока, идущая день за днемъ. Молитва кончена. Востокъ пожелтѣлъ, звѣзды погасли, свѣтлое солнце выходитъ на голубое небо и капли росы сверкаютъ бриліантами на вѣтвяхъ кустовъ. на сухой травѣ...

6 часовъ утра—время снимать палатки.

12-го (24-го) декабря. Отъ Дусе-Кармунэ до Аджина 20 верстъ.

Переходъ пустяшный, какихъ нибудь 20 верстъ. Можно разсчитывать прибыть къ завтраку на бивакъ, а послѣ и поохотиться.

Съ такими мечтами я вышелъ въ 6 часовъ утра къ нашимъ столамъ, подлѣ которыхъ хлопоталъ буфетчикъ Дмитрій съ чаемъ. Едва я успѣлъ сѣсть, какъ къ столу, поддерживаемый двумя сомалями, подошелъ абанъ Либэхъ и безпомощно опустился на колѣни. Все лицо его было въ крови. Густыя капли ея текли изъ ноздрей, падали на губы, кровянили песокъ. За нимъ бѣжала его жена, молодая женщина съ округлыми плечами и красивыми руками, въ клѣтчатой юбкѣ и платкѣ, кокетливо завязанномъ на плечахъ и прикрывающемъ тѣло. Она сѣла подлѣ него и стала вытирать ему лицо. Позвали доктора. Пришелъ Н. П. Б—нъ, осмотрѣлъ его и серьезныхъ поврежденій не нашелъ. Лицо ему обмыли, приложили вату на раны и онъ, шатаясь, пошелъ къ каравану.

Оказалось слѣдующее. Сомали отказались идти далѣе и потребовали дневки. Абанъ сталъ уговаривать, кричать, его ударили, онъ далъ сдачи, завязалась драка и сомали схватились за ножи. По счастью, это было неподалеку отъ нашихъ денежныхъ ящиковъ. Часовой здоровый казакъ Могутинъ, косая саженъ въ плечахъ, кинулся къ нимъ и ударомъ кулака сбилъ трехъ нападавшихъ сомалей съ ногъ и, отнявъ ножъ, освободилъ абана.

Г. Г. Ч—овъ, завѣдующій у насъ караваномъ, пошелъ на переговоры. Рѣшили дать верблюдамъ пастись до 11-ти часовъ утра и въ полдень выступить. Для того, чтобы не оставили, какъ вчера, вещей, придумали слѣдующую мѣру: я съ двумя казаками всталъ поперегъ дороги и пропускалъ верблюдовъ. Первымъ погрузился и пошелъ арабскій караванъ, нашъ «лейбъ-гвардіи караванъ», какъ мы прозвали его за его образцовый порядокъ. Впереди шелъ арабъ въ красной чалмѣ съ ружьемъ на плечѣ, сзади всѣ 23 верблюда, одинъ за однимъ въ полномъ порядкѣ. Отрядъ замыкалъ абанъ арабскаго каравана.

Ихъ я пропустилъ безпрепятственно.

Первый же сомалійскій караванъ былъ мною задержанъ. Сомаліецъ сталъ что то говорить мнѣ.

— «Мàфишь!», коротко отвѣтилъ я.

Онъ опять чѣмъ то резонился—«мафишь», было моимъ отвѣтомъ.

Верблюды подходили одинъ за однимъ, я никого не пропускалъ. Скоро ихъ собралось здѣсь порядочное стадо. Сомали стали соби-

раться толпой, поднялся шумъ, разговоръ, всѣ побросали верблюдовъ и пошли толпой въ сторону. Начинались обычные сомалійскіе капризы. Оставивъ двухъ казаковъ спереди, я на рысяхъ проѣхалъ впередъ толпы и преградилъ ей путь.

— «Аўрка!», крикнулъ я имъ и пригрозилъ плетью. Они остановились и указали на ножи. Докторъ Щ—евъ, переводчикъ и казаки скакали на мулахъ ко мнѣ.

— «Аўрка! (къ верблюдамъ), иначе нагайка!», крикнулъ я имъ; начались переговоры. Они жаловались, что ихъ останавливаютъ, что имъ не даютъ идти впередъ. Имъ сказали, что задерживаютъ ихъ потому, что они неакуратно берутъ грузы; «если вы пойдете хорошо, васъ никто не задержитъ».

Они поворчали немного, но пошли. Караванъ началъ вытягиваться и опять пошли эти горы, синѣющія причудливыми очертаніями, манящія въ даль, неизвѣстную человѣку, даль неизслѣдованную, полную чудесъ, хищныхъ звѣрей невиданныхъ минераловъ. Отойти версты на двѣ отъ тропинки и кончится изслѣдованная, знакомая земля, начнутся новыя страны. Оттого то такъ и манятъ эти фіолетовыя горы, тонущія въ голубомъ небѣ, стушевывающіяся въ синеватой дали. Хребты громоздятся одинъ на другой, уходятъ въ небо, то остроконечными пиками, то плоскогорьями, съ крутыми обрывистыми краями, и что за ними—никому неизвѣстно.

Мы выступили около полудня и къ темъ часамъ дня подошли къ водной станціи Аджинъ. Опять песчаное русло рѣки, сбитое, стѣсненное между утесовъ, между крутыхъ отвѣсныхъ горъ. Бивакъ ставится быстро и кучно. Палатки разбиты въ три шеренги, по двѣ въ каждой. Вода мутная, солоноватая, въ колодцѣ верстахъ въ полутора отъ стоянки. Едва разобрались, какъ кругомъ уже послышались выстрѣлы. Охотники принесли дикихъ куръ, зайцевъ и дигъдиговъ. Къ вечеру опять стала стража, опять пошелъ патруль и въ утесахъ загорѣлись костры. Ночь прошла благополучно.

13-го (25-го) декабря. Отъ Аджина до Феррада. Выступленіе было назначено въ 7 часовъ утра. Около этого времени я замѣтилъ между сомалійскими старшинами движеніе. Всѣ сомали стали собираться около абана Ширдона, невысокаго человѣка съ курчавой черной бородкой, и вслѣдъ за нимъ съ кольями, ножами и щитами въ рукахъ пошли къ палаткѣ начальника миссіи. Я, Ч—овъ, переводчикъ Габро Христосъ и Щ—евъ подоспѣли къ нимъ на встрѣчу. Они подошли къ самой палаткѣ и сѣли полукруглой кучкой, на кор-

точкахъ у палатки. Лѣсъ копій поднялся надъ ними. Ширдонъ выступилъ впередъ и изъявилъ желаніе говорить.

— «Говори, я слушаю», сказалъ Ч—овъ.

— «Ты большой человѣкъ», началъ Ширдонъ, и тотъ, кто меня послалъ изъ Зейлы (англійскій резидентъ), тоже большой человѣкъ. Я говорю съ большимъ человѣкомъ».

Переводчикъ передалъ дословно эту рѣчь. Сомали, сидя на корточкахъ, молча слушали съ полнымъ вниманіемъ.

— «Я слушаю»,—было отвѣтомъ.

— «Вчера, ты не хорошо поступилъ. Твои ашкеры задержали караванъ; мы очень этимъ обижены. Мы идемъ каждый день и не имѣемъ даже барана. Ты намъ долженъ дать бакшишъ».

— «Бакшиша я вамъ не давалъ и задерживалъ васъ ашкерами потому, что вы сами нехорошо поступали. Какъ вы будете со мной поступать, такъ и я буду поступать съ вами. Въ Баядэ вы бросили ящики и вотъ, чтобы вы этого не сдѣлали въ Дусе-Кормунэ, я задержалъ солдатами караванъ. Потомъ вы избили абана, который намъ служитъ и стоитъ за насъ».

— «Съ абаномъ мы поступили неправильно. Но мы это дѣло покончили. Человѣкъ, побившій абана, присужденъ нами и заплатилъ абану одного барана. Бросать вещей мы больше не будемъ и пойдемъ такъ, какъ ты укажешь».

— «Если вы пойдете такъ, какъ я укажу, я дамъ вамъ завтра барана и ашкеры мои вамъ мѣшать не будутъ».

Абанъ передалъ эти слова сомалямъ; они поговорили между собой, потомъ начали вставать и уходить къ верблюдамъ.

— «Будетъ такъ, какъ ты сказалъ», проговорилъ Ширдонъ, поклонился и вышелъ.

Караванъ быстро погрузился и около девяти часовъ утра мы покинули Аджинъ.

Мѣстность все та же. Та же узкая тропинка, среди горъ тѣ же мелкіе кусочки камня, то отшлифованные и круглые, то квадратные съ рѣжущими острыми краями. Мулы идутъ не такъ смѣло: видно ѣзда по этимъ скаламъ отозвалась и на ихъ, почти желѣзныхъ, копыткахъ. Горы подымаются выше и выше, въ гору идемъ въ поводу, слѣзаемъ также каждый часъ на четверть часа, чтобы дать отдохнуть нашимъ муламъ. Мѣсто обычной стоянки каравановъ въ Феррадѣ оказалось занятымъ большой круглой абиссинской палаткой мосье Мандона, французскаго неоффиціальнаго консула въ Энтото, ѣдущаго лечиться во Францію. Но вода была и далѣе, въ какой нибудь

верстѣ отъ дороги. Оставивъ казака на мѣстѣ поворота, мы спустились съ крутаго монолита въ русло рѣки и нашли здѣсь два прѣсныхъ колодца съ довольно чистой водой. Муловъ, какъ и раньше на водныхъ стоянкахъ, пустили пастись, а сами, въ ожиданіи каравана, напились чаю съ галетами, лежа на пескѣ, а потомъ разбили палатки.

На этой стоянкѣ появились колибри. Докторъ Б—нъ убилъ одну, маленькую птичку, вдвое меньше, чѣмъ нашъ воробей, стальнаго цвѣта, съ бѣлой грудкой и розоватымъ горломъ. Вечеромъ за обѣдомъ у насъ сидѣлъ Мандонъ, только что получившій орденъ св. Анны 2-й степени. Его поздравляли бокаломъ шампанскаго съ полученіемъ отличія, а онъ въ изящной рѣчи благодарилъ и желалъ намъ скорѣйшаго и вполнѣ благополучнаго возвращенія. Мандонъ замѣчательный человѣкъ. Много, много лѣтъ провелъ онъ въ Энтото, составилъ грамматику абиссинскаго языка, лучшее описаніе Абиссиніи, изучилъ ея исторію, ея бытъ. Абиссинія для Мандона стала второй родиной. Безвыѣздно провелъ онъ 23 года на ея территоріи, полюбилъ ея языкъ, ея нравы. Онъ просидѣлъ у насъ до 9-ти часовъ вечера и, распростившись съ нами, уѣхалъ въ темную ночь, сопровождаемый нашими благими пожеланіями.

Наступила холодная сырая ночь. Казаки проводили ее въ палаткѣ. Между ними было два случая заболѣванія, по счастью весьма незначительныхъ, но несомнѣнно простуднаго характера; а какъ не простудиться, лежа на сырой холодной землѣ студеными африканскими ночами. Ночь эта прошла спокойно безъ тревоги.

14-го (26-го) декабря, воскресенье. Отъ Феррада до Мордалэ. День начался шакаломъ. Едва забрезжилъ свѣтъ, погасли звѣзды и желтый отблескъ разсвѣта охватилъ полъ неба, какъ ко мнѣ въ палатку заглянулъ разводящій и сказалъ, что на горѣ бродятъ шакалы.

Я вышелъ въ лагерь. На крутомъ каменистомъ скатѣ, шагахъ въ полутораста, стоялъ крупный шакалъ и внимательно осматривалъ лагерь. Я и казакъ Крынинъ взяли винтовки и двумя выстрѣлами уложили его на мѣстѣ. Выступать надо было поздно. Сомали хотѣли выкормить верблюдовъ, да и переходъ до Мордалэ, какихъ нибудь 18 верстъ, невеликъ. Тронулись безъ недоразумѣній около полудня. Я оставилъ при аріергардѣ пять казаковъ въ распоряженіи поручика Ч-ова, а съ остальными съ громкими пѣснями тронулся въ походъ.

И опять пошли перевалы съ одного скалистаго хребта на дру-

гой. Мы поднимались по каменнымъ ступенямъ изъ нагроможденныхъ одинъ на другой камней на высокія горы, спускались въ долины, шли по плоскогорьямъ. И всюду и вездѣ, куда только хватаетъ глазъ, былъ разбросанъ мелкій черный камень. Онъ покрывалъ склоны горъ, валялся на вершинахъ, попадался поперегъ дороги. Высокіе монолиты отъ солнца и песку разсѣдались, давали трещины, разсыпались на отдѣльныя скалы, эти скалы падали внизъ, образуя утесы и пещеры, разсыпались опять и становились все мельче и мельче. А полуденное солнце пекло ихъ и они чернѣли, загорая и вывѣтриваясь, принимая черный, тусклый цвѣтъ.

Тропическое солнце обжигало лицо и руки. Носъ, щеки и губы потрескались и болѣли. У многихъ на губахъ появились язвы. Кожа слѣзала съ лица. А солнце пекло сильнѣе и сильнѣе. Лучи его отражались отъ темныхъ, будто шлифованныхъ, скалъ, падали сбоку, падали сверху.

Было безъ четверти три часа, когда мы, поднявшись на высокую полукруглую возвышенность, увидѣли передъ собой русло рѣки, заросшее кустарниками мимозъ, туйей и другими растеніями. Мягкая зеленая травка пробивалась сквозь песокъ, образуя пріятный для глаза газонъ. Въ этой травѣ въ глубокихъ ямахъ была свѣжая прозрачная вода. И такихъ ямъ, большихъ и малыхъ, было шесть. Муловъ сейчасъ же пустили на траву, разбили бивакъ и въ ожиданіи каравана разбрелись на охоту. Кругомъ воды была масса слѣдовъ дигъдиговъ, гіенъ и обезьянъ. Не прошло и двухъ часовъ, какъ уже, обремененные добычей, стали возвращаться охотники. Кандидатъ К-овъ принесъ трехъ дигъ-диговъ, одного зайца и нѣсколько дикихъ куръ. Казаки тоже нанесли дичи.

Сегодня за обѣдомъ мы имѣли прекрасныя кислыя щи, приготовленныя изъ консервовъ; не смотря на жару, запахъ и вкусъ ихъ вполнѣ сохранился.

Мордалэ пользуется наиболѣе плохой репутаціей между всѣми стоянками. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него кочуютъ сомалійскія племена: воровство и грабежъ составляютъ ихъ цѣль существованія.

Охрана каравана была усилена, яркіе костры горѣли по угламъ бивака и непрерывно.

Было около $1^1/_2$ ч. пополуночи, когда меня разбудилъ дежурный по отряду поручикъ Д-овъ. Я вышелъ изъ палатки и увидѣлъ конвой, собранный въ ружье. Гг. офицеры выходили изъ палатокъ, всюду зажигались огни.

Оказалось слѣдующее. Около часу ночи поручикъ Д-овъ услыхалъ на скалѣ надъ собою тихій разговоръ, будто бы совѣщаніе. Онъ пошелъ на гору и увидѣлъ двухъ черныхъ людей, которые при его приближеніи бросились бѣжать. Онъ выстрѣлилъ по нимъ, а самъ сошелъ въ лагерь и доложилъ о видѣнномъ полковнику А-ву. Тихо и безъ шума, безъ лишнихъ разговоровъ, казаки собрались у столовой. Офицерскіе патрули были посланы по горамъ. Они вернулись черезъ полъ-часа. Поручикъ А-и доложилъ, что видѣлъ трехъ черныхъ, тоже пустившихся въ бѣгство. Дальше въ горахъ, по словамъ казаковъ, видны были силуэты людей. Конвой былъ распущенъ. Одинъ секретъ былъ заложенъ въ лощинѣ у тропинки.

Ночь не принесла ничего новаго.

Очевидно, это была рекогносцировка. Сомали убѣдились въ нашей бдительности и отошли въ свои кочевья: они нападаютъ только навѣрняка на сонныхъ, которыхъ можно спокойно зарѣзать. Но имѣть дѣло съ громадными бородачами «аскерами московъ» они не посмѣли.

15-го(27-го)декабря, понедѣльникъ. Отъ Мордалэ до Гагогинэ—безводный переходъ. Изъ Мордалэ въ Гагогинэ выступили въ 10 часовъ утра. Караванное дѣло, благодаря заботамъ Г. Г. Ч-ова и доктора Щ-ва, начинаетъ налаживаться. Сомали изучили свои вьюки, каждый беретъ то, что ему нужно, ссоръ и недоразумѣній становится меньше и меньше.

Отъ Мордалэ до Гагогинэ считается 25 верстъ. На 5-й верстѣ отъ Мордалэ мѣстность начинаетъ мѣнять свой характеръ. Между горъ образуются большія площадки, усѣянныя мелкими каменьями. Мѣстами изъ этихъ камней сложены четыреугольные валы—защита козъ и овецъ самолей отъ хищныхъ звѣрей. Горы разступаются и широкая даль развертывается передъ путникомъ.

Мы спускаемся на нѣсколько ступеней внизъ по каменистому спуску и попадаемъ на обширное плато. Грунтъ мягкій, песчаный. Клочки сухой сѣрой травки покрываютъ эту пустыню здѣсь и тамъ. Раскаленный воздухъ дрожитъ и переливается, и чудится, будто тамъ, на далекомъ горизонтѣ, синѣетъ лазурное море; въ море окунулись высокія горы, отдѣльныя скалы торчатъ изъ воды. Густой темный лѣсъ растетъ на берегу голубаго озера, совсѣмъ недалеко отъ дороги. А впереди песокъ и клочки травки по немъ. Оглянешься назадъ и видишь, какъ медленно уходятъ скалистыя горы, смотришь впередъ—голубое море манитъ прохладой береговъ, лѣсъ очаровываетъ своей тѣнью.

Миражъ... Знойный воздухъ дрожитъ, съ нимъ дрожитъ и море, и голубыя горы.

Ни куста, ни дерева—одинъ песокъ. Дорожка утрояется, учетверяется, караванъ идетъ въ двѣ колонны. Мои казаки построились въ двѣ шеренги и мягкій баритонъ Сидорова заводитъ:

> Въ битвахъ крѣпко закалены
> Мы, лихіе моряки,
> Своимъ жребіемъ довольны,
> Мы, уральски казаки.

Хоръ подхватываетъ и по далекой пустынѣ звенитъ лихая морская пѣсня рыбаковъ уральцевъ.

Въ пустынѣ солнце печетъ еще больше, чѣмъ въ горахъ. Лицо начинаетъ болѣть, губы ссыхаются и лопаются. Ни вѣтерка, ни звука. И такъ идемъ три часа. Съ двухъ часовъ по сторонамъ дороги начинаютъ появляться невысокіе песчаные холмики—это постройки термитовъ. Почти подлѣ каждаго муравейника видны ямы, прокопанныя муравьѣдомъ. Чахлые кустики мимозы растутъ по сторонамъ, они становятся чаще и чаще и, наконецъ, покрываютъ всю пустыню. Горы слѣва, крутыя и утесистыя, подступаютъ ближе и ближе, среди кустарниковъ видны деревья, сплошная заросль мимозъ и зеленыхъ вьющихся растеній покрываетъ песокъ. Эта мѣстность называется «Сарманъ»...

То и дѣло изъ кустовъ выпрыгиваютъ зайцы и дигъ-диги; они смотрятъ испуганно на караванъ, а затѣмъ несутся, прыгая черезъ кочки, черезъ колючіе кусты мимозъ. Въ 3 часа по полудни пришли въ Гагогино и стали бивакомъ среди кустовъ мимозы, правѣе дороги. Палатокъ здѣсь не разбиваемъ, завтра выступимъ чуть свѣтъ, чтобы попасть къ полудню на воду и напоить муловъ. Сами обходимся 16-ю жестянками съ водой, взятыми на верблюдахъ изъ Мордалэ. При такихъ условіяхъ, умыванье рукъ и лица является такой роскошью, какую мы не можемъ себѣ позволить.

Устроивъ бивакъ, я пошелъ на охоту. Отойдя версты три отъ Гагогино и приблизясь къ горамъ, я увидѣлъ на горномъ кряжѣ подъ сѣнью высокихъ мимозъ стадо антилопъ, головъ въ двѣнадцать, и правѣе ихъ двухъ страусовъ. Прикрываясь кустами, я подползъ къ нимъ шаговъ на 600 и выстрѣлилъ по страусу, но попасть не удалось. Все стадо всполохнулось и насторожилось, я успѣлъ дать еще выстрѣлъ, опять безрезультатно—все стадо исчезло за горой во мгновеніе ока. Напрасно я перебрался черезъ гору и спустился

внизъ, отыскивая ихъ, напрасно прошелъ въ зеленую рощу на днѣ глубокой балки, ни антилопъ, ни страусовъ я не нашелъ. Я выгналъ только парочку дигъ-диговъ, которыхъ и положилъ на мѣстѣ двумя удачными выстрѣлами изъ трехлинейной винтовки. Сарманъ и Гагогинэ—это звѣринецъ среди сѣрыхъ кустовъ мимозы. Вы стрѣляете по куропаткамъ, а изъ куста выбѣгаетъ пятнистая гіена; зайцы то и дѣло прыгаютъ изъ-за травы, срываются съ мѣста дигъ-диги, а на горизонтѣ бродятъ стада антилопъ и страусовъ.

Благословенная страна для охотника.

Вернувшись домой, я нашелъ въ конвоѣ громадную (аршина два вышиной и столько же длиной) антилопу, убитую урядникомъ Авиловымъ, зайца, дикую курицу; пріобщивъ къ этому мою пару дигъ-диговъ, мы съ кашеваромъ Алифановымъ порѣшили, что на завтра для конвоя ни консервовъ, ни барана не нужно. Обойдемся своей охотой.

Холодная, сырая ночь прошла благополучно. Всю ночь кругомъ бивака визжали шакалы, какіе то большіе звѣри приближались къ коновязи и снова бросались въ кусты. Среди ночи, когда звѣзды еще высоко горѣли на небѣ и Большая Медвѣдица выплыла на небосклонъ, зазвенѣла казачья труба и при свѣтѣ костровъ въ сырости холодной ночи сталъ подниматься караванъ.

16-го (28-го) декабря, вторникъ. Отъ Гагогинэ до Біа-Кабоба (28 верстъ). Въ 4 часа утра караванъ началъ грузиться и въ 6 часовъ мы покинули голую степь Гагогинэ. Солнце еще не поднялось изъ-за горъ, было сыро и очень холодно. Въ кителѣ и въ рубашкѣ съ трудомъ можно было ѣхать. Мулы бодрымъ шагомъ подавались впередъ. Тропинка шла прямо на югъ. Кругомъ до самыхъ горъ видны были сѣдыя заросли мимозъ и мѣстами купы ярко-зеленыхъ цвѣтовъ. Дичь срывалась ежеминутно. Громадныя дрофы показывались между кустовъ на прогалинахъ, а вдали виднѣлись большія красныя антилопы, съ любопытствомъ разглядывавшія нашъ караванъ. Охотникамъ было раздолье. Около 8-ми часовъ утра мы перешли черезъ маленькую цѣпь холмовъ и спустились въ песчаное русло рѣки—это Дагаго. Мимозы по берегамъ достигали высоты нѣсколькихъ саженъ, съ нихъ навѣсами падали ліаны и весь берегъ привѣтливо зеленѣлъ на яркомъ солнцѣ. Темносиніе стальные дрозды, маленькія колибри, особый видъ сорокъ носились среди колючихъ вѣтвей мимозы.

Въ пескѣ былъ вырытъ колодезь; мы напоили здѣсь муловъ и тронулись дальше. Мѣстность отъ Мордалэ до Біа-Кабобы образуетъ

три террасы. Поверхность плато покрыта мелкимъ ровнымъ пескомъ, чахлыми кустиками сѣренькой травки, мимозами и молочайными растеніями, терраса оканчивается цѣпью горъ, то круглыхъ, холмообразныхъ, то почти четыреугольныхъ, по виду напоминающихъ столъ. По мѣрѣ приближенія къ ней, почва мѣняетъ свой характеръ. Мимозы растутъ рѣже и рѣже, мягкій песокъ смѣняется круглой галькой, начинаютъ попадаться и болѣе крупные булыжники и, наконецъ, тропинка вздымается на монолитовую гору. Поднимешься на верхъ и опять песчаное плато и густо населенный звѣремъ и дичью перелѣсокъ мимозъ.

Съ третьей террасы, на которую мы прибыли въ одиннадцатомъ часу утра, стали видны высокія горы—это горы у Біа-Кабобы. Тропинка поднялась на верхъ, опять опустилась и мы были въ широкомъ песчаномъ руслѣ.

На коническoй вершинѣ стоитъ каменное зданіе съ маленькой башней. Изъ окна башни высунута палка и на ней развѣвается красный, желтый съ зеленымъ флагъ Абиссинской имперіи—это пограничный ея постъ. Два абиссинскихъ солдата, оба босые, по одинъ въ синемъ однобортномъ мундирѣ съ желтыми пуговицами, напоминающемъ куртки турецкаго низама, а другой въ бѣломъ національномъ костюмѣ, одинъ въ чалмѣ, а другой съ непокрытой головой, съ ружьями въ рукахъ отдали намъ честь, приложивъ правую руку къ головѣ.

Какъ и большинство водныхъ станцій Сомалійской пустыни, Біа-Кабоба пустое песчаное русло рѣки. Нѣсколько глубокихъ колодцевъ прокопано по руслу и въ нихъ набирается мутная прѣсная влага. Это не вода, это настой песку и минеральныхъ примѣсей, чрезвычайно легкихъ, трудно отстаивающихся. Но и эта вода доставила намъ большое удовольствіе.

Берега рѣки густо поросли высокими колючими мимозами, блѣднозелеными кустами съ листьями, похожими на восковыя свѣчи и вся эта гущина мимозъ и кустовъ обвита ліанами. Тонкія нити ихъ свѣшиваются внизъ, образуя тѣнистые навѣсы, упадаютъ до земли стелются по ней. Мѣстами кусты разрослись такъ густо, что трудно пройти. Эта роща, на чистомъ и твердомъ пескѣ, кажется искусственно взращеннымъ садомъ. Недостаетъ среди этихъ деревьевъ только зеленаго газона. Бѣлый песокъ убиваетъ зелень и съ сѣроватымъ тономъ стволовъ, сухихъ вѣтокъ и листьевъ даетъ грустный, унылый тонъ. Но посмотришь на верхъ, на переплетъ зеленыхъ ліанъ, на блѣдную зелень мимозъ, на листву молочаевъ, на прозрач-

ное голубое небо, бездонное и безконечное, вдохнешь теплый аромать листвы и отрадно станетъ на душѣ и забудешь про унылую пустыню.

Птицы всевозможныхъ породъ, формъ и цвѣтовъ летаютъ и чирикаютъ по всѣмъ направленіямъ. Маленькія колибри медососы, сѣрые попугаи, особыя сѣрыя длиннохвостыя птицы, дикіе голуби, куры и цесарки видны повсюду. Стада маленькихъ дигъ-диговъ, спугнутыя шумомъ шаговъ, выскакиваютъ изъ кустовъ и скрываются снова. Кажется, будто находишься въ звѣринцѣ, а не въ дикой пустынѣ.

Вокругъ колодцевъ цѣлый день кипитъ жизнь. Изъ окрестныхъ сомалійскихъ кочевьевъ подходятъ черныя женщины въ пестрыхъ платкахъ на плечахъ, съ бусами на шеѣ, съ маленькими ребятами за плечами. На головахъ онѣ несутъ деревянныя гомбы, украшенныя раковинами. Медленно наполняютъ онѣ кувшины и идутъ далѣе, а на смѣну ихъ приходятъ громадныя стада барановъ, бѣлыхъ съ черными головами, стада пестрыхъ козъ и сѣрыхъословъ. И все это толпится кругомъ кожъ, растянутыхъ на палочкахъ. Подъ вечеръ — все русло полно этими стадами.

Глядишь на эти пестрыя тряпки женскихъ юбокъ, на широкіе кувшины, на бѣлыхъ барашковъ, и вспоминаешь библейскія времена. Такъ кочевали къ колодцу овцы Лавана, такъ паслись стада богача Іова въ первобытной простотѣ костюма, среди однообразной величественной природы пустыни.

Передъ закатомъ солнца, когда отъ нашихъ палатокъ, кустовъ и деревъ потянулись длинныя тѣни, изъ лагеря сомалійцевъ раздалось торжественное пѣніе.

— «Бура ма, буру румъ сй», пѣли сомали, и дикая «фантазія» готовилась разыграться передъ нашими глазами.

И опять эта пляска съ копьями и мечами, этотъ топотъ босыхъ ногъ, вздымающій столбъ пыли, опять эти дикіе возгласы и киданья съ горящими глазами, съ поднятыми на насъ копьями и съ улыбкой на лицѣ — и опять просьба «бакшиша».

Имъ дали двухъ барановъ. Барановъ они взяли, даже не поблагодаривъ за нихъ, а на наше предложеніе идти послѣ завтрашней дневки въ Дебаасъ, а потомъ въ Арту — отказались.

Снова начались безконечные переговоры, упрашиванія этихъ взрослыхъ дѣтей сдѣлать такъ, какъ того хотимъ мы...

17-го (29-го) декабря. Дневка въ Біа-Кабоба. Отъ Біа-Кабоба до Арту на протяженіи почти 100 верстъ идетъ песчаная пустыня,

поросшая рѣдкимъ лѣсомъ мимозъ. У Арту̀ она подымается по крутому склону, образуетъ террасу, затѣмъ идутъ опять каменистыя горы, спускающіяся круто внизъ, въ ущелье Арту̀. На всемъ протяженіи этихъ 100 верстъ нигдѣ нѣтъ воды. Караваны обыкновенно дѣлятъ его на четыре части—до Орджи, Дебааса, Буссы и Арту̀, дѣлая три ночлега безъ воды. Нашъ караванъ, состоящій изъ 53-хъ муловъ, почти сотни людей, считая съ черными, и 136 верблюдовъ, долженъ былъ въ такомъ случаѣ поднять на себя около 150 ведеръ воды и, кромѣ того, подвергнуть себя всѣмъ лишеніямъ и неудобствамъ безводныхъ ночлеговъ.

Вотъ почему рѣшено было сдѣлать въ Біа-Кабоба дневку съ тѣмъ, чтобы дать отдыхъ верблюдамъ и муламъ, а затѣмъ идти во что бы то ни стало первымъ переходомъ въ 48 верстъ до Дебааса и вторымъ—около 45-ти, черезъ горы до Арту̀.

Дневка прошла тихо. Близъ полудня прибылъ на верблюдѣ почтовый французскій курьеръ, двумя выстрѣлами изъ винтовки возвѣстилъ о своемъ прибытіи, забралъ письма и уѣхалъ далѣе. Эти курьеры послѣдняя связь съ цивилизованнымъ міромъ время отъ времени передаютъ наши вѣсти въ Европу. Днемъ почти всѣ разошлись на охоту. Около восьми дрофъ было добычей офицеровъ, казаки убили двухъ дигъ-диговъ, пять дрофъ и одну вонючку. Кандидатъ К—овъ видѣлъ издали льва, но подойти къ нему не было возможности. Полковникъ А—овъ, составляющій точное описаніе пути, разслѣдовалъ и разрылъ колодецъ съ чистой прѣсной водой и сдѣлалъ опредѣленіе мѣста по солнцу. Днемъ шли переговоры съ сомалями верблюдовожатыми. Угрозами бросить ихъ и обратиться къ Гильдесскому губернатору Ато-Маршá, удалось заставить ихъ идти завтра въ Дебаасъ и послѣ завтра въ Арту̀.

18-го (30-го) декабря. Отъ Біа-Кабоба до Дебааса. Мы выступили изъ Біа-Кабоба въ 8 часовъ утра. Въ виду возможныхъ недоразумѣній съ караваномъ, конвой почти цѣликомъ былъ оставленъ въ аріергардѣ. При конвоѣ, кромѣ меня, находился поручикъ Ч—овъ. Шагъ за шагомъ подавались мы впередъ за послѣднимъ верблюдомъ. Казаки пѣли пѣсни, протяжныя, унылыя, казачьи пѣсни, что поются въ донской степи, что тянутся съ кургана до кургана, переливаются въ тепломъ воздухѣ, напоенномъ запахомъ полыни и травъ: теперь звучали онѣ, такія же переливистыя, въ рѣдкомъ лѣсу мимозъ, отдавались эхомъ отъ далекихъ горъ, разносились по пескамъ африканской пустыни.

Свѣжее утро смѣнилось жаркимъ полуднемъ. Пекло, какъ въ

банѣ. лицо горѣло и кожа шелушилась отъ этого зноя отвѣсныхъ лучей. Жажда мучила все сильнѣе и сильнѣе. Умолкли казаки. Шедшіе сбоку дороги охотники принесли пять дрофъ и одного стрепета и привьючили ихъ арабамъ. Арабы повыдергивали длинныя перья и украсили ими свои чалмы—дикій, но красивый видъ.

Около 2-хъ часовъ у дороги, въ тѣни мимозы, показался костеръ, бѣлый мулъ привязанъ у дерева, бурка раскинута по песку, на вѣтвяхъ сверкаетъ серебряная сигнальная труба—это Терешкинъ ожидаетъ насъ съ чаемъ.

— «Постойте, ваше благородіе», кричитъ онъ издали. «чай по порціямъ, понемногу, по двѣ кружки».

— «Откуда же ты воду досталъ?»

— «Изъ поросеночка, ваше благородіе. У черныхъ висятъ поросеночки съ водой, я за двѣ «анны» и добылъ воды. Все думаю господамъ офицерамъ напиться съ дороги хорошо».

«Поросеночкомъ», на языкѣ Терешкина, назывался козій бурдюкъ, который постоянно возятъ при себѣ сомали.

Чай на водѣ изъ поросеночка оказался прекраснымъ.

— «А вамъ, ваше благородіе», обратился ко мнѣ Терешкинъ, «я и клюквы досталъ».

Мы утолили жажду, угостили аріергардъ и поѣхали догонять караванъ.

Послѣ вчерашней дневки, по ровной песчаной тропинкѣ, мулы идутъ весело. Синіе, стального цвѣта дрозды съ красной шеей то и дѣло перелетаютъ съ куста на кустъ. Верблюды шагаютъ медленно, чуть колыхаясь съ боку на бокъ. По сторонамъ идутъ арабы лейбъ-каравана, въ цвѣтныхъ чалмахъ, съ ружьями Гра за плечами. Итакъ, мы двигаемся за ними шагъ за шагомъ, часъ верхомъ, полчаса пѣшкомъ, ведя муловъ въ поводу.

Солнце стало склоняться книзу, заалѣлъ западъ, красные лучи потянулись по зеленоватому небу, тѣни мимозъ стали длиннѣе, жаръ меньше. Солнце подошло къ горамъ, отбросило длинныя тѣни изъ-за нихъ, нѣсколько столбовъ лучей поднялись наверхъ, разошлись по бокамъ, потомъ и они погасли, пурпуръ заката сталъ блѣднѣть, перешелъ въ оранжевый, потомъ въ желтый цвѣтъ, наконецъ, потухъ совсѣмъ. Стало темно, тѣни исчезли, лѣсъ мимозъ слился въ одну черную стѣну, небо стало синее, на востокѣ загорѣлась одна звѣзда, за ней другая и вотъ выплылъ мѣсяцъ. Ночныя неясныя тѣни пошли отъ верблюдовъ, отъ людей, отъ мимозъ. Песокъ сталъ бѣлѣе, яркіе серебряные блики появились на чалмахъ арабовъ, перья стали

еще фантастичнѣе и длинная вереница верблюдовъ съ ящиками и тюками по бокамъ, озаренная луннымъ свѣтомъ на фонѣ ажурныхъ мимозъ и далекой пустыни озаренной фантастическимъ свѣтомъ луны, была чуднымъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Безобразныя головы и длинныя ноги, все уродство контура верблюда скрадывалось полусумракомъ ночи, а пестрыя краски арабскихъ костюмовъ были мягче и изящнѣе. Мягкая прохлада легла съ этимъ сумракомъ; она освѣжила наши тѣла, вольнѣе дышалось, легче было идти. Ароматъ мимозъ, неясный, едва уловимый, наполнилъ воздухъ и еще волшебнѣе стала картина. Эта пустыня ночью, эти мягкія тѣни мимозъ, просторъ, окруженный едва видными горами, эта ночная мягкость воздуха, этотъ слабый запахъ, эти пестрыя тряпки, эта красота природы, только безъ женщины, безъ человѣка, какъ дѣятеля, но лишь какъ статиста, дополняющаго декорацію—не эти ли ночи пустыни создали цвѣтистый арабскій языкъ, бездну эпитетовъ, подобно тому, какъ жаръ, раскаленной днемъ пустыни, придали знойный колоритъ арабскимъ сказкамъ.

Около 10-ти часовъ вечера мы прибыли къ засохшему руслу рѣки, протекающей по жидкому лѣсу мимозъ, и вошли въ Дебаасъ. Палатокъ не разбивали. Каждый задочевалъ, гдѣ сбросили его вещи, подъ открытымъ небомъ. До полуночи казаки рыли колодцы, но воды найти не удалось. Пришлось примириться съ мыслью не умываться, пить въ мѣру, не поить муловъ. Ночь прошла спокойно и тихо.

19-го (31-го) декабря. Отъ Дебааса до Арту. Говоръ и крики въ станѣ сомалійцевъ, недовольное ворчаніе верблюдовъ, на которыхъ накладывали сѣдла, разбудили отрядъ на песчаномъ привалѣ. Было свѣжо. Солнце вставало изъ-за горъ. Караванъ медленно грузился.

Мы выступили около 9-ти часовъ утра. Выйдя изъ песчанаго русла Дебааса, тропинка вошла въ лѣсъ мимозъ и тянулась по этому лѣсу на протяженіи пяти верстъ. Здѣсь мимозы стали рѣже, сухая сѣрая травка исчезла совсѣмъ, между кустовъ стали попадаться черные булыжники. Они становились все чаще и чаще, кусты исчезали и вскорѣ дорога пошла по крутому подъему на гору. Большія скалы громоздились ступенями одна на другую, между ними лежали мелкіе камешки, по сторонамъ громоздились еще большія глыбы камня, образуя мѣстами довольно тѣсный коридоръ. Дорога вилась между скалъ, поднимаясь выше и выше. Оглянешься назадъ и вся однообразная желтая съ синеватымъ отливомъ отъ мимозъ сомалійская пустыня видна какъ на ладони. Хочется увидѣть море, которое оста-

лось тамъ въ той сторонѣ, но горизонтъ закрытъ синими горами, горы громоздятся одна на другую, уходятъ дальше и дальше и сливаются съ синевой неба.

Мы поднялись еще на террасу. Опять кусты мимозы, сухая травка между ними, плато, покрытое пескомъ. Около 4-хъ часовъ вечера мы снова стали подниматься на каменистый кряжъ. Здѣсь дорога теряла всякое право на наименованіе пути сообщенія. Только большіе камни были оттянуты въ сторону, мелкій же круглый булыжникъ покрывалъ всю тропинку. Бѣдные мулы подбились. Они едва переступали по острымъ камешкамъ, катившимся изъ подъ ихъ ногъ. Усталые верблюды ложились среди дороги и ревомъ давали понять, что они не хотятъ дальше идти. Удары веревкой, вытягиваніе губы заставляло ихъ подняться и идти, идти впередъ.

Около 7-ми часовъ вечера мы начали опускаться. Растительность стала богаче, мимозы выше. При неясномъ свѣтѣ луны кусты алоэ казались таинственными зарослями, въ которыхъ скрываются хищные звѣри. Спускъ шелъ постепенный, покатый, усѣянный мелкими камнями, и вотъ за ними показались громадныя отвѣсныя скалы, у подножія которыхъ протекалъ теплый ручей—это и было Арту̀.

Арту̀—горячій ручей и нѣсколько холодныхъ минеральныхъ ключей. Вода въ ключахъ насыщена содой и глауберовой солью. весьма непріятна на вкусъ. Теплая вода ручья тоже противна. Хорошую свѣжую воду можно найти въ двухъ верстахъ отъ Арту̀, въ Гаразлѐ. При неясномъ свѣтѣ луны маленькими партіями подходили верблюды, разбивались палатки, лагерь устраивался.

Аріергардъ привезъ антилопу, убитую поручикомъ Ч—вымъ, и двухъ дрофъ.

Послѣдній верблюдъ пришелъ около 10-ти часовъ вечера, и усталые, и голодные, обожженные солнцемъ, мы сѣли за обѣдъ изъ консервовъ, подъ акомпаниментъ визжанья шакаловъ.

На завтра назначена дневка.

20-го декабря (1-го января). Дневка въ Арту. Дневка въ Арту̀ была необходима для мытья людей, стирки бѣлья и поправленія муловъ и верблюдовъ. Овесъ, взятый на муловъ въ Джибутти, почти весь вышелъ. Послѣдніе дни несчастныя животныя, не имѣя воды, весь день проводя подъ сѣдломъ, получали всего по двѣ горсти ячменя. Въ Арту̀ изъ Гильдессы, по приказанію начальника миссіи, переданному черезъ Щ—ева. было прислано три мѣшка ячменя и три мѣшка дурры (машиллы). Муловъ накормили и напоили. Люди

были посланы на купанье въ горячій ручей: тамъ же устроена была прачешная.

Около полудня отъ доктора Щ—ева пришло донесеніе о томъ, что къ начальнику миссіи ѣдетъ съ дурго Ато-Маршà, губернаторъ Гильдесскаго округа.

Вся Абиссинія раздѣлена на нѣсколько округовъ, и въ каждомъ округѣ, по повелѣнію Менелика, поставленъ генералъ-губернаторъ, или расъ. Въ рукахъ раса сосредоточена какъ военная, такъ и административная власть надъ ввѣреннымъ ему округомъ. Пограничнымъ съ сомалійской пустыней является Харрарскій округъ раса Маконена. Округа дѣлятся на меньшіе отдѣлы, управляемые губернаторами. Въ рукахъ губернатора сосредоточивается власть уѣзднаго воинскаго и земскаго начальника. Гильдесскимъ округомъ вѣдалъ Ато-Маршà.

Въ полдень въ мимозномъ лѣсу, недалеко отъ бивака, раздались частые выстрѣлы, возвѣстившіе о прибытіи губернатора. Пять ашкеровъ, въ цвѣтныхъ чалмахъ и пестрыхъ курткахъ, сидя на бѣгунахъ верблюдахъ, ѣхали въ рядъ и стрѣляли боевыми патронами вверхъ. Позади нихъ шелъ абиссинецъ въ бѣлой рубашкѣ и панталонахъ и бѣлой шамѣ и велъ худую гнѣдую лошадь, плохо зачищенную, посѣдланную пестрымъ абиссинскимъ сѣдломъ. Еще далѣе ѣхалъ на большомъ мулѣ самъ Ато-Маршà, рядомъ съ нимъ докторъ Щ—евъ и еще далѣе человѣкъ тридцать абиссинцевъ. Знатнѣйшіе жители Гильдессы были верхомъ на мулахъ, ашкеры шли пѣшкомъ; сзади всего гнали двухъ козъ и двухъ барановъ и несли большія корзины — это «дурго», приношеніе Ато-Маршà русскому послу.

Вся эта процесія съ ашкерами въ красныхъ чалмахъ, въ бѣлыхъ и бѣлыхъ съ красной полосой шамахъ, съ ружьями Гра на плечахъ, съ мулами, посѣдланными разубранными пестрыми тряпками-сѣдлами, съ верблюдами впереди и козами и овцами сзади, съ группой черныхъ людей, одѣтыхъ въ бѣлые плащи — на фонѣ песка, лѣса мимозъ и глубокаго синяго неба была процессіей богатой феэріи, была иллюстраціей волшебной сказки тысячи и одной ночи.

Подъѣхавъ къ лагерю, Ато-Маршà и его спутники спѣшились.

Секретарь миссіи А. А. О—овъ вышелъ на встрѣчу и провелъ Ато-Маршà къ начальнику миссіи. Аудіенція у русскаго посланца длилась пять минутъ. Послѣ аудіенціи губернатора пригласили къ офицерскому столу и угостили водкой. Тѣмъ временемъ люди, несшіе дурго, подошли къ палаткѣ начальника миссіи и положили приношеніе на пескѣ. Правѣе поставили барановъ, рядомъ съ ними козъ, за-

тѣмъ положили пять живыхъ куръ, лукошко съ полсотней яицъ, двѣ большія чашки «инжиры», мягкихъ, тонкихъ, черныхъ блиновъ изъ дурры и два громадныхъ папельмуса. Начальникъ миссіи приказалъ дурго взять, кромѣ козъ и барановъ, которыхъ передать ашкерамъ Ато-Марши.

Ато-Марша мужчина лѣтъ пятидесяти, высокій, коренастый, толстый. Мясистое лицо его съ толстыми губами не имѣетъ ни усовъ, ни бороды. Только маленькій клочекъ сѣдыхъ волосъ торчитъ на подбородкѣ. Черные волосы его острижены подъ гребенку. На головѣ онъ носитъ круглую, мягкую фетровую шляпу свѣтло-сѣраго цвѣта съ широкими полями. На немъ одѣта бѣлая рубашка и бѣлые панталоны, а поверхъ онъ носитъ шаму бѣлую же, съ широкой красной полосой. На кожаномъ ремнѣ у него въ желтой кобурѣ револьверъ Смита и Вессона. Онъ ходитъ безъ сапогъ.

Ашкеры его одѣты въ бѣлые панталоны и бѣлыя рубашки и шамы. Всѣ босы. У иныхъ на головѣ чалма, иные съ непокрытыми головами, наконецъ, у одного италіанское кепи и шпага въ желѣзныхъ ножнахъ—трофей недавней кампаніи.

Солдаты ходятъ не въ ногу, толпой. Ружья несутъ, какъ попало, на плечѣ, за плечомъ, въ рукахъ. Выправки въ европейскомъ смыслѣ слова у нихъ нѣтъ, но держатся они свободно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Ружья у нихъ въ порядкѣ, хорошо вычищены и исправны. По большей части это однозарядныя французскія ружья системы Гра, образца 1874 года, но у нѣкоторыхъ есть и старыя италіанскія ружья системы Ветерли. Патроны носятъ открытыми въ кожаныхъ широкихъ поясныхъ патронташахъ, украшенныхъ шитьемъ по сафьяну.

Ато-Марша выразилъ удовольствіе снова видѣть въ управляемомъ имъ краю русскихъ. Онъ охотно, не закусывая, выпилъ водку, къ завтраку же, состоявшему изъ языка, изъ консервовъ и жареной антилопы, отнесся весьма скептически. Казалось, употребленіе ножа и вилки его стѣсняло. Онъ бралъ вилку, то въ правую, то въ лѣвую руку, и съ трудомъ управился съ языкомъ, отъ антилопы же наотрѣзъ отказался. Ему нравилось, что мы охотно ѣли инжиру, которая послѣ галетъ намъ показалась очень вкусной. По окончаніи завтрака Ато-Маршу, слегка охмѣлѣвшаго отъ непривычки къ водкѣ, отвели въ палатку О—ва для отдыха.

Тѣмъ временемъ казаки угощали его свиту и ашкеровъ водкой, чаемъ и галетами. Водку и чай они выпили спокойно, а галеты расхватали «какъ индюшки», по выраженію вахмистра Духопельникова.

Около 4-хъ часовъ дня Ато-Марша̀ уѣхалъ изъ лагеря обратно въ Гильдессу. Вечеромъ д-ръ Б—нъ, ходившій на охоту, убилъ верстахъ въ трехъ отъ лагеря антилопу. Нести ее было очень тяжело; онъ предложилъ двумъ сомалямъ, проходившимъ неподалеку, отнести дичь въ лагерь.

— «Бакшишъ»? дружно отвѣтили черные, протягивая руки Б—ну.

— «Бакшишъ вамъ будетъ въ Арту̀, со мной нѣтъ денегъ».

Но сомали не хотѣли вѣрить въ то, что будетъ, и Б—ну пришлось нести на себѣ 4-хъ-пудовую антилопу до тѣхъ поръ, пока его не встрѣтили посланные изъ лагеря люди.

Кто виноватъ въ этомъ? Жадные ли до бакшиша черные, или бѣлые, обманывавшіе ихъ и не внушившіе довѣрія къ своему слову.

Вечеромъ доложили мнѣ, что казакъ Паповъ боленъ. Оказалось, что купанье подъ тропическимъ солнцемъ не прошло ему даромъ. Онъ получилъ ожогъ обѣихъ ногъ выше колѣна. Кожа вздулась и покраснѣла, но, по счастью, опасности для здоровья не было никакой. Едва стемнѣло, какъ вокругъ лагеря начался дружный концертъ шакаловъ, къ нимъ вскорѣ присоединилось свирѣпое уханье гіены. Начальникъ абиссинскихъ слугъ Демесье пошелъ на охоту и двумя выстрѣлами ранилъ гіену. Ее нашли на другой день и принесли на бивакъ. Это былъ прекрасный самецъ, ростомъ болѣе полутора аршина и аршина два длиною. Громадная голова и богатая мускулатура выказывали въ ней большую силу. Кожа покрыта рѣдкой, желтоватой шерстью съ темными круглыми пятнами. Ни кожа, ни шерсть ея никуда не годятся—трупъ ея былъ брошенъ на бивакѣ.

21-го декабря (2-го января). Отъ Арту̀ до Гильдессы. Мы выступили съ бивака въ 7½ часовъ утра. Дорога шла между мимозныхъ деревьевъ то по песчаному грунту, то по каменистымъ спускамъ. Большія купы деревьевъ, обвитыя зелеными ліанами, казались искусственно насажденнымъ садомъ. Синіе дрозды, красноносые туканы, голуби и сѣрые попугаи то и дѣло перелетали съ дерева на дерево. Кругомъ видна была жизнь—пустыня кончилась. Черныя женщины стерегли стада барановъ и козъ, которыя паслись въ тѣни кустовъ, то и дѣло попадались верблюды и ослы, нагруженные кофеемъ и кожами. Около 10-ти часовъ утра въ лощинѣ между горъ раздался ружейный залпъ, а затѣмъ частая трескотня ружей, то Ато-Марша̀ встрѣчалъ русскаго посланника близъ границы своихъ владѣній. Онъ выѣхалъ впередъ въ бѣлой съ краснымъ шамѣ,

на мулѣ, посѣдланномъ нараднымъ сѣдломъ. Человѣкъ тридцать ашкеровъ сопровождали его. Трое наѣздниковъ на верблюдахъ, трое на арабскихъ коняхъ гарцовали вокругъ. И опять я видѣлъ, какъ вдругъ, пригнувшись къ передней лукѣ, помчится всадникъ въ сторону отъ отряда. Пестрая шама развѣвается по вѣтру, конь распустилъ свой пышный хвостъ, а всадникъ воинственно потрясаетъ копьемъ. Проскакавъ саженей тридцать, всадникъ вдругъ дергаетъ за короткій поводъ, острый мундштукъ впивается въ нёбо лошади, давитъ языкъ и ошеломленная лошадь быстро останавливается, поджавъ красивыя ноги, колесомъ подобравши умную голову. А съ другой стороны уже скачетъ, гарцуя, другой. Вотъ и наѣздники на верблюдахъ, усиленно размахивая локтями, поскакали на своихъ животныхъ, отставивъ хвостъ, неуклюже перебиваясь ногами, скачетъ верблюдъ, вотъ перешелъ на рысь и пошли снова шагомъ. Красныя чалмы мотаются между зелеными вѣтвями лѣса, а бѣлыя шамы сверкаютъ на яркомъ солнцѣ. Абиссинскій трубачъ на изогнутомъ пѣхотномъ рожкѣ наигрываетъ настоящую нашу «козу», ашкеры шагаютъ за нимъ, дальше группа всадниковъ на мулахъ, наши офицеры и врачи красивой толпой, а затѣмъ конвой по четыре, въ бѣлыхъ рубашкахъ, новыхъ погонахъ, съ вынутыми шашками. Кругомъ толпа нашихъ черныхъ слугъ, мальчишекъ, женщинъ, любопытныхъ. Мулы идутъ въ этой толпѣ торопливымъ шагомъ и вся эта процессія, залитая жаркимъ полуденнымъ солнцемъ на фонѣ яснаго голубаго неба, желтыхъ скалъ и песка, зелени садовъ, быстро подвигается къ мѣсту бивака.

Мы стали за Гильдессой, на вершинѣ горы, покрытой деревами различныхъ породъ. Внизу подъ обрывомъ видна была ярко зеленая лужайка, ручей бѣжалъ подъ горой, высокая трава росла по краямъ, а за ручьемъ, за зеленой поляной, были опять высокія, крутыя, каменистыя горы.

Ато-Маршà опять обѣдалъ у насъ. Вечеромъ пришли галласы, которые насъ поведутъ до Харрара, и устроили свою «фантазію». Утомительно однообразенъ мотивъ ихъ хоровой пѣсни, прерываемой шипѣніемъ, подъ тактъ котораго они кидаются другъ на друга съ ножами. Ихъ костюмъ однообразнѣе костюма сомалей. На всѣхъ одинаковыя желтовато-сѣрыя рубашки и шамы, ихъ волосы у всѣхъ курчавые висятъ по сторонамъ, закрываютъ уши и капли пота отъ напряженія пляски, словно бриліанты, горятъ на вечернемъ солнцѣ. Сомалійское «йухъ» у нихъ замѣнено шипѣніемъ, менѣе грознымъ,

и вооруженіе ихъ бѣднѣе, у многихъ даже вовсе нѣтъ копій, пляска проще и нѣтъ въ нихъ той назойливости, какъ у сомалей.

Пришедшіе подъ вечеръ съ охоты казаки принесли убитаго павіана. Они видѣли ихъ цѣлое стадо въ нѣсколько сотъ головъ.

На другой день поутру абанъ Нюхъ явился за бакшишомъ. Ему дали 15 талеровъ и по четыре піастра [1]) на каждаго верблюда. Сомалійскій караванъ покинулъ насъ, оставивъ по себѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Мы переходили въ руки и на попеченіе абиссинскаго правительства...

XII.

Взглядъ назадъ.

Сомалійская пустыня пройдена. 300 верстъ по каменистому грунту, нѣсколько горныхъ переваловъ остались за нами. За нами осталась безводная пустыня, кое-гдѣ лишь населенная бродячими черными племенами, хищными и опасными. Сдѣлано 11 переходовъ, изъ нихъ три безводныхъ, было три дневки. Не утомленіе людей и муловъ заставляло идти такъ медленно отъ станціи до станціи, иногда совершая всего 3-хъ-часовые переходы, останавливаясь, то совсѣмъ безъ воды, то на водѣ плохой, дурно дѣйствующей на органы пищеваренія, но постоянные капризы каравано-вожатыхъ, а главнымъ образомъ обычай, рутина, которую трудно преодолѣть.

Для подъема всего нашего груза намъ требовалось 250 верблюдовъ, считая ношу каждаго въ восемь пудовъ. Европейскія державы, занимая сомалійское побережье, прельщали народонаселеніе легкостью заработка путемъ вожденія каравановъ, разведенія и утилизаціи верблюдовъ. Дикіе, почти никогда не видавшіе европейца, жители африканскихъ плоскогорій легко прельщались на эти предложенія и съ теченіемъ времени создали особую, своеобразную организацію каравана. Старшина кочевья, или просто богатый человѣкъ, владѣющій многими верблюдами, принимаетъ на себя хлопоты по снаряженію каравана, по сбору верблюдовъ, распредѣленію груза— это «абанъ» каравана. У него есть помощники, есть меньшіе абаны, которыхъ онъ посылаетъ при караванѣ. Абанъ, или прямо живетъ въ европейскомъ центрѣ, подобномъ Зейлѣ, Джибутти и проч., или имѣетъ тамъ своихъ агентовъ, которые своевременно извѣщаютъ

[1]) Талеръ=12 піастрамъ=23 аннамъ.

когда и сколько нужно верблюдовъ. Абанъ у довѣреннаго лица резидента, губернатора, или богатаго, популярнаго въ краѣ негоціанта, заключаетъ съ нанимателемъ предварительный контрактъ, приблизительно договаривается о вѣсѣ груза на верблюда, о числѣ ихъ, о платѣ за каждаго верблюда. Но, не передавъ этихъ условій своему племени и не переговоривъ съ нимъ предварительно, онъ не можетъ дать окончательнаго отвѣта.

Абанъ уходитъ въ горы, въ знакомыя ему кочевья, собираетъ владѣльцевъ верблюдовъ, говоритъ съ ними, получаетъ ихъ согласіе. Проходятъ недѣли, пока онъ соберетъ караванъ. Караванъ собирается не спѣша. Идутъ цѣлыя семьи, мужья и жены, надо запасти рисъ, отдать распоряженія по дому, пригнать верблюдовъ. Въ ближайшемъ селеніи отъ мѣста расположенія грузовъ караванъ, наконецъ, собирается. Иногда всѣ деньги должны быть уплочены тутъ же впередъ. Сомаль не рискуетъ везти назадъ эти деньги и притомъ онъ не вѣритъ европейцу: бывали случаи, что ихъ обманывали. Деньги получены, караванъ собранъ, онъ сходится непремѣнно подъ вечеръ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ грузовъ и идетъ на ночлегъ. Абаны съ выборными верблюдо-владѣльцами выходятъ передъ караванъ и осматриваютъ вьюки. Подъ вечеръ: — вечеромъ фантазія эфектнѣй; онъ подходитъ съ пѣніемъ и пляской къ грузамъ и тѣшитъ васъ фантазіей. Нужно давать бакшишъ, но дадите бакшишъ, съ мѣста рискуете избаловать ихъ и поставить себя въ такое положеніе, что дальше они не пойдутъ безъ бакшиша. Дайте имъ двухъ, трехъ барановъ.

На другой день съ утра начинается разборка вашего груза. Нужно, чтобы ящики были извѣстной формы, такого вѣса, чтобы по сторонамъ верблюда были хорошо уравновѣшены. При помощи абана это наладится въ концѣ концовъ, но изъ вышепомѣщеннаго описанія видно, чего это стоитъ.

Вьюкъ разобранъ. Если караванъ идетъ безъ васъ, то этимъ дѣло покончено. Всякій взялъ свой грузъ, всякій его запомнилъ и будетъ хранить отъ мѣста и до мѣста. Но если вы сами идете съ караваномъ, если у васъ есть вещи перемѣннаго груза, тогда на каждой стоянкѣ выходитъ недоразумѣніе, перемѣна верблюдовъ и ссоры. Выступили съ водой, но дорогой воду выпили, нѣсколько верблюдовъ освободилось; зорко слѣдите, чтобы эти верблюды не ушли домой, тогда на слѣдующемъ переходѣ вы останетесь безъ воды.

Караванъ идетъ, не обращая никакого вниманія на вашу личность. Удобно вамъ, или неудобно, это имъ все равно. По ихъ разсчетамъ, нужно кормить верблюдовъ и дѣлается дневка, нужно

отдохнутъ людямъ и выступаете въ 12 часовъ дня, въ самую жару. Вы назначаете часъ выступленія, продолжительность марша, но ваше назначеніе подвергается критикѣ абана, а иногда и всего караваннаго вѣча. Заставить перемѣнить рѣшеніе этого вѣча можно бакшишемъ, угрозой, но не силой. Вы можете бить ихъ; если хотите, вы можете, безнаказанно застрѣлить нѣсколькихъ: пустыня законовъ не знаетъ, но тогда васъ въ первую же ночь покинетъ вашъ караванъ и въ глухой пустынѣ вы останетесь со своими грузами, безъ верблюдовъ и проводниковъ. Лучше въ мѣру дѣйствовать бакшишемъ, иногда мириться съ обстоятельствами, а за Біа-Кабобой, на абиссинской территоріи, гдѣ всегда (если у васъ есть разрѣшеніе Негуса идти въ Абиссинію) вамъ могутъ помочь изъ Гильдессы— угрозой.

Большой караванъ, такимъ образомъ, употребляетъ на проходъ отъ Джибутти до Гильдессы отъ 12-ти до 14-ти дней. Маленькій караванъ изъ 30-ти — 50-ти верблюдовъ пройдетъ это разстояніе въ 8—10 дней, одиночные люди и курьеры—4—6 дней.

Во время слѣдованія каравана, на ночлегахъ охранять имущество своими людьми нѣтъ необходимости. Каждый сомаль бережетъ свой грузъ на пути, на ночлегѣ складываетъ изъ своихъ ящиковъ стѣнки, покрываетъ ихъ цыновками верблюжьяго сѣдла и ночуетъ тамъ. Нужно только имѣть людей въ аріергардѣ для того, чтобы подпирать караванъ сзади, помогать нагружать развьючившихся верблюдовъ, при выступленіи съ бивака внимательно осматривать, не забыто ли что. Отъ двухъ до шести вооруженныхъ людей для этого совершенно достаточно. Остальнымъ лучше идти вмѣстѣ, подчиняясь опредѣленному для проѣздокъ кавалерійскому режиму, чѣмъ сохраняются силы муловъ и людей.

Багажъ идетъ на верблюдахъ и стоимость каждаго верблюда съ восьми-пудовой ношей отъ 18—20 талеровъ (съ бакшишами)—17—20 рублей [1]). Нужно полагать, что если протекторатами караванное движеніе не будетъ упорядочено, цѣна эта будетъ быстро выростать, въ виду все болѣе и болѣе частыхъ сношеній европейцевъ съ Харраромъ и Абиссиніей.

Сомалійскій верблюдъ высокъ ростомъ, но не силенъ. Онъ въ высшей степени выносливъ. По нѣсколько дней онъ обходится безъ питья, питается нерѣдко одними мимозами, пережевывая колючки,

---

[1]) Цѣна зависитъ отъ того: 1) багажъ это, или грузъ; 2) формы и вѣса въ каждой отдѣльной верблюжьей ноши.

свободно протыкающія толстую подошву. Сѣдло верблюда состоитъ изъ 5-ти—6-ти цыновокъ, которыя накладываются ему на спину и подвязываются веревками къ животу. Съ обѣихъ сторонъ цыновокъ крестъ на крестъ привязываютъ двухъ-аршинныя палки, къ нимъ вьючится багажъ. Веревки для вьючки положено имѣть отъ грузоотправителя. Бакшишъ изъ двухъ-трехъ барановъ, выданныхъ два три раза на пути, да небольшой запасъ риса, пищи сомалей; сами они идутъ пѣшкомъ.

Для передвиженія бѣлаго состава экспедиціи необходимы мулы. Цѣна на муловъ растетъ съ каждымъ днемъ. Хорошій мулъ теперь уже стоитъ до 70-ти талеровъ; въ недалекомъ будущемъ цѣна эта дойдетъ до ста талеровъ (95 рублей) за животное. Хорошій мулъ долженъ обладать крѣпкой непобитой спиной (рѣдкость), не быть сподпруженнымъ и имѣть широкій частый шагъ. Всѣ мулы у туземцевъ-сомалей и у арабовъ очень плохо содержаны. Кромѣ сухой травки пустыни и небольшой порціи пшеницы, не больше гарнца, они не получаютъ ничего: поэтому передъ походомъ необходимо подкормить и почистить муловъ.

На мула, какъ и на лошадь, самымъ лучшимъ сѣдломъ является англійское, съ чуть приподнятой холкой, вообще такое, какое кладется на небольшую лошадь. Казаки конвоя ѣхали на казачьихъ сѣдлахъ и если они не побили спинъ муламъ, то только потому, что были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы этого не случилось. Каждыя шесть верстъ муловъ вели въ поводу, всѣ болѣе или менѣе значительные подъемы и спуски проходили въ поводу. Вообще, набитыхъ спинъ было очень мало: только у вольнонаемной прислуги, никогда раньше не ѣздившей верхомъ. Для путешествія англійское сѣдло безусловно легче и пріятнѣе казачьяго. Черная подушка сѣдла накалялась на солнцѣ, ноги, вкладенныя въ узкій ленчикъ, согнутыя въ колѣнѣ, страдали гораздо болѣе, нежели при естественной и свободной посадкѣ на англійскомъ сѣдлѣ. Тяжелый каменистый грунтъ подбилъ копыта почти 10% муловъ, но въ общемъ мулы вынесли эту первую половину похода прекрасно. Не смотря на недостатокъ въ зернѣ, на недостатокъ въ водѣ и кормѣ, они бодро шли впередъ и послѣдніе тяжелые переходы совершили легко. Въ Дусе-Кармуно, Аджинѣ, Феррадѣ, Мордало, Гагогино, Біа-Кабобѣ и Арту они имѣли, кромѣ ячменя, еще и подножный кормъ.

Обмундированіе людей днемъ — пробковый тропическій шлемъ, бѣлая гимнастическая рубаха, синіе шаровары и высокіе сапоги чернаго товара при обычномъ походномъ снаряженіи (безъ пикъ), не

стѣсняло казаковъ. Ночью одѣвали верблюжьи куртки и накрывались бурками, что для ночей съ температурой не ниже 8°R болѣе чѣмъ достаточно. Сильно пострадала обувь. Новыя подметки уже на 10-й день пути пришли въ полную негодность. Пришлось дорогой подбивать подошвы, а у нѣкоторыхъ и подборы. Желтые, нечерненые сапоги не даютъ особаго облегченія ногѣ. За все время пути у людей замѣчалось прѣніе ногъ, но это скорѣе слѣдуетъ приписать отсутствію воды для купанья, а не сапогамъ. Купаться было можно только въ Мордалэ, на 8-мъ днѣ пути, въ Арту — на 12-мъ днѣ и въ Гильдессѣ, и то съ большими неудобствами. Люди довольно сильно страдали желудкомъ, причемъ являлся упадокъ силъ, потеря энергіи и тошнота. Это происходило отъ того, что ни на одномъ ночлегѣ не было воды совершенно свѣжей, пріятной на вкусъ и безъ минеральныхъ примѣсей; вода же въ Арту такъ насыщена послѣдними, что прямо можетъ служить, какъ слабительная минеральная вода.

Остается сказать нѣсколько словъ о черныхъ слугахъ. Это народъ безусловно полезный, но лѣнивый и безпечный. Тамъ, гдѣ ихъ учили, гдѣ за ними былъ постоянный надзоръ, они служили усердно, но, предоставленные самимъ себѣ, они предпочитали спать. На нихъ лежала обязанность собирать и разбирать вещи своего господина, чистить его платье, носить воду, на походѣ нести сзади него ружье.

Караванъ дошелъ вполнѣ благополучно, но этимъ мы обязаны не только честности сомалей, но и искусной лавировкѣ между угрозой и уступкой, извѣстному такту завѣдующаго караваномъ, а въ рѣшительныя минуты—начальника миссіи. Какъ только неоднократно битый сомалями абанъ Либэхъ терялъ голову, завѣдующій караваномъ самъ говорилъ съ сомалями и то угрозой, то посуломъ бакшиша побуждалъ ихъ идти впередъ. Одинъ день наши казаки силой преграждали имъ путь, сомалямъ оказывалось полное недовѣріе, а на другой день они грузились почти безъ присмотра. Извѣстный тактъ, наблюденіе за настроеніемъ умовъ караваннаго вѣча, лучшая гарантія въ успѣхѣ дѣла.

«Никогда не горячись и никогда не выказывай равнодушія. Разсердись и возвысь голосъ, если найдешь нужнымъ, но всегда сознательно.

«Помни, что ты бѣлый, человѣкъ высшей расы, и не теряй своего достоинства рукоприкладствомъ и суетой. Олимпійское спокойствіе внушитъ къ тебѣ уваженіе.

«Угрожай чѣмъ можешь и властно, но помни, что ни одной угрозы привести въ исполненіе не имѣешь возможности.

«Никогда не доводи дѣла до крайности, такъ какъ, если не выполнишь угрозы—признаешь свое безсиліе.

«Помни, что ссора съ караваномъ для сомалей невыгодна, для тебя гибельна.

«Давай бакшиши, всегда предоставляя выборъ между угрозой и посуломъ.

«Не балуй бакшишами, давая ихъ только за дѣло, иначе требованіямъ не будетъ границъ.

«Обѣщая награду, точно обусловь, за что дашь и по исполненіи свято исполни обѣщанное.

«Съ абаномъ говори много и часто. Допускай къ себѣ и сажай, давая подачки, табакъ, чай и т. п.

«Поддерживай абана передъ караваномъ, но давай ему чувствовать свое презрѣніе къ нему и превосходство надъ нимъ.

«Внимательно гляди за настроеніемъ каравана, подмѣть наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ верблюжниковъ.

«Если увидишь, что абанъ не пользуется авторитетомъ, собери верблюжниковъ и переговори съ ними лично.

«Говоря съ ними терпѣливо, выслушивай ихъ, требуя, чтобы одинъ говорилъ, а остальные молчали.

«Самъ говори ясно, по частямъ и внушительно, излагая свою мысль во всей ея логической послѣдовательности. Помни, что говоришь съ дѣтьми.

«Говоря черезъ переводчика, требуй, чтобы онъ переводилъ отдѣльныя, короткія фразы, иначе слова будутъ искажены.

«Не позволяй верблюжникамъ уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ на твои вопросы.

«Помни, что, ради твоего бакшиша, ни одинъ сомаль не зарѣжетъ верблюда».

Вотъ краткія правила веденія каравана, которыя естественно выработались у нашего завѣдующаго караваномъ.

XIII.

Черезъ Гильдесскія горы.

Въ понедѣльникъ, 22-го декабря (3-го января), вечеромъ, нашъ бивакъ, садъ у Гильдессы, вдругъ наводнился толпой галасовъ,

ослами и верблюдами. Галасы трещали на своемъ гортанномъ нарѣчіи, верблюды стонали и хрипѣли, ослы кричали, пронзительно икая. Ато-Марша́ медленно и величественно, кутаясь въ свою бѣлую съ краснымъ шаму, прохаживался между ними, помахивалъ тоненькой палочкой-жезломъ и самъ приподнималъ вьюки и назначалъ кому что везти. Его адъютантъ, въ зеленой, расшитой узоромъ курткѣ, съ серебряной цѣпочкой у карманчика на груди, ходилъ, какъ тѣнь; сзади него, наблюдая, чтобы приказанія Ато-Марши были точно исполнены. Галасы подъ присмотромъ своего начальника работали усердно. Ихъ курчавые волосы покрылись серебристой росой пота, тѣла заблестѣли и запахъ пота заглушилъ на нѣкоторое время вечерній ароматъ тѣнистой рощи. Грузилась на Харраръ первая часть нашего каравана, которую мы должны были нагнать на другой день. Болѣе рослые и сильные верблюды галасовъ поднимали большій грузъ противъ сомалійскихъ, люди работали покорно, а гдѣ раздавался недовольный голосъ, туда направлялся самъ губернаторъ, сурово сдвигались тамъ его брови и грузъ поднимался безъ критики. Цѣлое стадо ословъ, безъ недоуздковъ, безъ ничего подгоняли къ мелкимъ вещамъ, два дюжихъ галаса поспѣшно накидывали имъ на спину цыновки, поверхъ цыновокъ валили два, три ящика, прикручивали ремнями и пускали осла на волю. Бѣдное животное качалось подъ тяжелымъ грузомъ и не въ состояніи будучи идти шагомъ бѣжало рысью или жалось въ стадо, гдѣ другіе ослы не давали ему упасть.

На завтра съ утра была назначена погрузка второй партіи, палатокъ и ручнаго багажа. Эти караваны пойдутъ уже подъ присмотромъ абиссинскихъ ашкеровъ и за ихъ отвѣтственностью. Около десяти часовъ вечера мы проводили поручика К—го и секретаря миссіи О — ва, посланныхъ гонцами въ Харраръ предупредить о днѣ нашего прибытія и заготовить муловъ подъ багажъ.

Полная луна сіяла на голубомъ, усѣянномъ звѣздами небосклонѣ, внизу, подъ обрывомъ, клубился надъ рѣкой туманъ, кусты мимозы стояли уснувшія, неподвижныя, гдѣ то неподалеку ухала гіена и таинственныя тѣни бродили въ лѣсу, когда два всадника удалились, сопровождаемые абиссинскими слугами.

23-го декабря (4-го января), вторникъ. Съ возней съ укладкой, погрузкой, при обычномъ недохватѣ животныхъ, мы выступили поздно. Передъ самымъ выступленіемъ два выстрѣла въ чащѣ мимозныхъ вѣтвей, окутанныхъ ярко-зеленой ліаной, возвѣстили о прибытіи курьера изъ Джибутти. Не прошло и минуты, какъ уже послышалось

урчанье верблюда, опускающагося на колѣни, и у лагеря показался смуглый арабъ въ красной чалмѣ. Онъ развязалъ свои сумы и передалъ пакетъ съ письмами и газетами, адресованный въ миссію. Если въ Джибутти, среди французовъ вѣсть изъ далекой родины радовала и волновала насъ, то какое же сильное впечатлѣніе произвела она на насъ горами и пустынями, отдѣленныхъ отъ всего цивилизованнаго міра. Читаешь про концерты и балы, про крушенія и наводненія, узнаешь, что стали морозы, что рѣки сковало льдомъ, что нѣмцы и италіанцы наводнили Петербургъ, что кто то съ кѣмъ то поругался, кого то судятъ, что сумерки стали въ Петербургѣ съ 12-ти часовъ дня, читаешь, обливаясь потомъ подъ жаркими лучами полуденнаго солнца, подъ небомъ, не знающимъ ни облаковъ, ни тучъ, подъ яркой зеленью ліаны, и съ удивленіемъ прислушиваешься къ этой ключемъ бьющей тамъ далеко на родинѣ жизни. Тамъ танцуютъ подъ звуки бальнаго оркестра дамы, закутанныя въ шелки и бархатъ, тамъ ждутъ производства, орденовъ, наградъ, трепещутъ и волнуются, мерзнутъ и скучаютъ, а здѣсь полуголые галасы съ унылымъ говоркомъ грузятъ сѣрыхъ ословъ, верблюды протягиваютъ свои апокрифическія головы и медленно жуютъ колючки мимозъ, а всѣ интересы сосредоточены на томъ, когда и гдѣ будемъ ѣсть, поспѣемъ ли дойти до Белацали, продвинемся еще дальше къ Харрару. Тамъ фантазія художника и декоратора въ зимній вечеръ подъ ласкающій темпъ балетнаго оркестра переноситъ васъ въ иной сказочный міръ, здѣсь сама сказка развернулась передъ вами широкимъ необъятнымъ голубымъ небомъ и пестрой толпой властителей востока и чудной декораціей скалистыхъ горъ. Тамъ хлопоты и заботы проводятъ морщины на челѣ, жизнь горитъ, какъ солома, здѣсь все уснуло въ спокойномъ міросозерцаніи, нервовъ нѣтъ, они вынуты, жизнь тлѣетъ такъ медленно и тихо, что съ трудомъ замѣчаешь ея проблески. Письма даютъ толчекъ, письма напоминаютъ, что тамъ все идетъ иначе, чѣмъ здѣсь, на свѣжемъ морозцѣ лишь бодрѣе работается.

Съ массой мыслей, воспоминаній, разбуженныхъ почтой изъ Россіи, выѣхали мы изъ нашего лагеря подъ Гильдессой и направились по Харрарской дорогѣ. Опять по тому же лѣсу мимозъ, по которому проходили третьяго дня, мы спустились къ Гильдессѣ. Подобно сомалійской деревнѣ въ Джибутти, Гильдесса состоитъ изъ ряда хижинъ, построенныхъ изъ хвороста и обнесенныхъ такимъ же заборомъ съ тѣсными, перекрещивающимися улицами. Народонаселеніе Гильдессы, около 1,500 человѣкъ, состоитъ изъ галасовъ, со-

малийцевъ и небольшаго числа абиссинцевъ-ашкеровъ, губернатора Ато-Марши и купцовъ. Гильдесса раскинулась у подножія крутой горы, на берегу ручья. На маленькой площадкѣ она вся скучилась съ торговымъ рынкомъ, съ безобразными черными старухами со сморщенными грудями, висящими наружу изъ-подъ темныхъ тряпокъ платка. У ногъ ихъ круглыя корзиночки, наполненныя зернами машиллы, перцемъ, красными томатами, зелеными бананами. Здѣсь же продаютъ маленькихъ куръ и мелкія куриныя яйца. Мальчишки-галасы и абиссинцы бѣгутъ за вами при проѣздѣ, да абиссинскій воинъ съ ружьемъ за плечомъ, въ бѣлой шамѣ и панталонахъ смотритъ на васъ равнодушнымъ взглядомъ.

Отъ Гильдессы дорога поворачиваетъ направо и входитъ въ Гильдесское ущелье. Высокія, крутыя, почти отвѣсныя базальтовыя скалы тѣснымъ коридоромъ обступаютъ узкое русло рѣки. Мулъ бредетъ уже по мелкой прозрачной водѣ, а съ боковъ торчатъ отвѣсныя глыбы минерала. Чахлая травка лѣпится по горамъ, мѣстами изъ маленькой каменной насыпи торчитъ сухая мимоза. Каменный гротъ задернутъ прозрачной зеленью ліаны, дорога раздалась и желтое поле сжатой машиллы видно у склона горы. Ущелье даетъ развѣтвленія, принимаетъ вправо, животворящая влага даетъ себя чувствовать, появляются травы и чаще и чаще видны желтыя поля сжатаго злака. Еще часъ пути по галькѣ русла и тропинка подымается на узкій карнизъ, лѣпящійся по горной кручѣ—густая заросль канделябровидныхъ кактусовъ, ползучія растенія, касторовое растеніе съ своими звѣздообразными темными листьями и шариками цвѣтовъ, и кусты, покрытые, словно сирень, кистями ароматныхъ цвѣтовъ отдѣляютъ обрывъ отъ тропинки. Съ другой стороны такая же густая заросль травъ, кустовъ и цвѣтовъ. Громадные, черные иркумы, съ двойнымъ клювомъ, съ рѣсницами на глазахъ, величаво сидятъ на камняхъ. Выстрѣломъ изъ винтовки я снялъ одного изъ нихъ, другого убилъ Кривошлыковъ. Казаковъ такъ поразила величина этихъ птицъ и сходство ихъ издали съ индюками, что они долго не хотѣли вѣрить, что это птицы «дикія», а не «свойскія». Маленькія трясогузки съ желтой шеей и желтымъ задомъ прыгаютъ по камнямъ. Голубые дрозды перелетаютъ, сверкая металломъ своихъ крыльевъ съ куста на кустъ. А сквозь ароматный переплетъ цвѣтовъ и листьевъ видны по скатамъ горъ круглыя, черныя хижины съ коническими крышами, раскинувшіяся среди полей машиллы, большія стада барановъ и козъ, и громадные, и сытые горбатые абиссинскіе быки-зебу съ громадными, болѣе аршина длиной, рогами. На поляхъ и

между хижин сидятъ и ходятъ черные люди въ желтовато-сѣрыхъ шамахъ — это осѣдлые, трудолюбивые галасы, крѣпостные богатаго Ато-Марши. По краямъ полей съ уступа на уступъ бѣгутъ арыки, одни полны свѣжей водой, другіе на сжатыхъ поляхъ высохли и только каменное русло показываетъ ихъ направленіе. А дальше крутыя высокія горы, цѣлая цѣпь горъ, уходящихъ дальше и дальше, подымающихся округлыми вершинами одна надъ другой, тонущихъ въ голубой перспективѣ. Каждый шагъ мула открываетъ вамъ новые виды, одинъ богаче, одинъ совершеннѣе другого. Вотъ по крутымъ гранитнымъ ступенямъ, нагроможденнымъ самой природой, спускаешься внизъ и идешь по руслу. Кусты протянули свои ароматныя кисти цвѣтовъ вамъ навстрѣчу, ручей звенитъ подъ ногами у мула. Крутая отвѣсная скала, вышиной саженей пять, преградила путь руслу и дорогѣ и оттуда прямо навстрѣчу вамъ падаетъ прозрачная струя студеной воды. Кругомъ размытаго водоема стѣснились кусты и травы, они глядятся въ прозрачную глубину, любуются другъ на друга, смотрятъ на нависшія надъ ними скалы и слушаютъ таинственную сказку, что разсказываетъ горный ручей. Однообразная скучная пустыня кончилась, пастуховъ-сомалей смѣнили земледѣльцы-галасы, появились зародыши культуры. Словно шагнули мы на нѣсколько вѣковъ впередъ отъ первобытнаго человѣка и попали въ зачатокъ дикой культуры. Крутыя горы поросли мелкимъ кустарникомъ, болѣе пологіе скаты разбиты на площадки изъ наносной земли, на площадкахъ, словно высокій камышъ, торчатъ длинные стволы зеленовато-желтой машиллы, большой баобабъ растетъ среди поля и подъ тѣнью его тѣснятся стада бѣлыхъ козъ и барановъ. Навстрѣчу идутъ женщины въ черныхъ юбкахъ, съ волосами, убранными въ черные чепцы, съ круглыми корзинами на головахъ—это харраріянки спѣшатъ въ Гильдессу со своими товарами. Вотъ ослы несутъ мѣшки кофе на спинѣ, встрѣтились съ нами, столкнулись, заторопились и распустили свои уши по сторонамъ, растерянно глядя на нашихъ муловъ.

— «Мать, мать!», коротко кричитъ галасъ и длинной хворостиной отгоняетъ ословъ въ сторону.

Жизнь кипитъ въ этой благодатной странѣ, кипитъ жизнью, а не нервами, кипитъ дѣйствительностью, а не вымысломъ неврастеничнаго декадентства. Вотъ куда, на этотъ ручей «Белау», посылать нервно-больныхъ, чтобы жизнь мѣрная, какъ колебанія маятника, погасила порывы страстей, чтобы ровная природа, тишина высокихъ горъ уняла жаръ крови...

Но какая дорога! Иногда камни въ $^3/_4$ аршина вышиной, на самомъ краю карниза пересѣкали узенькую тропинку, нужно было удивляться, какъ взбирался на эти камни мулъ, какъ не скользилъ и не падалъ онъ на шлифованной поверхности гранитной глыбы. Мѣстами круглые валуны величиной съ большую тыкву, нагроможденные одинъ на другой, поднимались на саженную вышину. Возьмешься за гриву, пригнешься къ передней лукѣ, а терпѣливый, выносливый мулъ уже вскарабкался на верхъ, ни разу не подскользнувшись, ни разу не сдѣлавъ невѣрнаго шага. Имъ не нужно управлять, да онъ и не послушаетъ тутъ никакого повода, онъ самъ своимъ инстинктомъ, своимъ животнымъ чутьемъ, опытомъ и умомъ, свѣтящимся въ кроткихъ глазахъ, знаетъ куда поставить тонкую ногу свою, гдѣ перешагнуть черезъ камень, гдѣ на него подняться.

Мы поднимались выше и выше. Чаще попадались канделяброобразные кактусы, больше было цвѣтовъ, сильнѣе ароматъ.

Вечерѣло. Солнце пряталось за горы. Прозрачныя тѣни тянулись отъ кустовъ и домовъ. Синяя дымка кутала ущелье—мы приближались къ ночлегу у «Белау».

Беляу—по абиссински значитъ ножъ, это наименованіе присвоено цѣлой групѣ галасскихъ деревень, расположенныхъ на ручьѣ того же имени и составляющихъ имѣніе правителя гильдесскаго округа, Харрарской провинціи, Ато-Марши. Галасская деревня состоитъ изъ пяти, шести хижинъ, раскинувшихся на протяженіи нѣсколькихъ десятинъ, окруженныхъ маиселовыми полями и нѣсколькими банановыми кустами. Было около 6-ти часовъ вечера, когда мы подъѣхали къ перекрестку дорогъ. Направо дорога вела въ имѣніе Ато-Марши, прямо—къ деревнѣ Белау, у которой стоялъ нашъ отрядъ. При свѣтѣ луны мы разбили палатки. Конвой на ночь помѣстился въ просторномъ каменномъ сараѣ. Нужно было почиститься, приготовиться къ завтрашнему въѣзду въ Харраръ.

24-го декабря (5-го января), среда. Отъ Беляу до Харрара. Было 4 часа утра и полная луна свѣтила изъ-за горъ, когда рѣзкій звукъ кавалерійской трубы поднялъ нашъ отрядъ. При свѣтѣ костровъ напились мутнаго чаю, поѣли холоднаго мяса антилопы и начали собираться въ путь. Галасы накладывали сѣдла на верблюдовъ и ословъ, грузили ихъ багажемъ и чуть загорѣлась блѣдная заря на востокѣ, какъ пошли первые верблюды и ослы по горной кручѣ. Въ $6^1/_2$ часовъ выѣхалъ начальникъ миссіи, за нимъ всѣ офицеры—въ кителяхъ при шашкахъ, а сзади конвой въ полномъ составѣ, въ чистыхъ рубашкахъ съ погонами при караульной аму-

ницін. Я ѣхалъ на бѣлой абиссинской лошади, подаренной мнѣ въ Баллэ поручикомъ Б—мъ. Она за время путешествія черезъ сомалійскую пустыню подбилась на острыхъ камняхъ и еле шла передними ногами. Въ Гильдессѣ, на дневкѣ, я подковалъ ее на передъ и теперь хотѣлъ испытать, возможна ли ковка на этихъ кручахъ—лошадь шла прекрасно. Подъемъ начался съ самаго мѣста бивака: вскорѣ мы опять втянулись въ горное ущелье. Узкая тропинка шла по горному карнизу, состоящему изъ гладкихъ и крупныхъ обломковъ горной породы. Мѣстами проходъ былъ такъ узокъ, что лошадь еле помѣщала ноги между камнями. Горный кряжъ густо поросъ мшистой, сѣроватой травкой, высокими кактусами, ліанами, пихтой и туйей. Только что вставшее солнце еще не проникло въ ущелье и зеленая сырость лежала по пути. Внизу на страшной глубинѣ струился ручей, то ниспадая съ груды камней небольшимъ потокомъ, то припадая къ песку и разливаясь узкимъ разливомъ. Кругомъ была зелень. Дорога, достигнувъ почти вершины горы, вдругъ по крутымъ каменнымъ ступенямъ сбѣгаетъ внизъ, мы бредемъ черезъ ручей и снова поднимаемся по узкимъ карнизамъ, по уступамъ скалъ, на страшную высоту. Не смотря на то, что солнце печетъ немилосердно—въ тѣни здѣсь прохлада. Пихты и туйи поросли между сѣрой травой и желтымъ пескомъ разложившейся каменной породы и весь пейзажъ напоминаетъ здѣсь унылые, хвойные пустыри Финляндіи. Мы на высотѣ 1,260 метровъ надъ уровнемъ моря. Оглянешься назадъ—длинныя цѣпи горъ уходятъ въ голубую даль, далеко на горизонтѣ чуть синѣютъ горы Арту̂. За ними уже, невидная больше, лежитъ сомалійская пустыня. Теплый воздухъ дрожитъ и переливается внизу, а верхи чисты необыкновенно...

Широкій горизонтъ холмовъ, покрытыхъ полями, убѣгаетъ передъ нами. Узкая тропинка, обсаженная съ обѣихъ сторонъ высокими кактусами, вьется по холмамъ. Камень смѣняется пескомъ, супескомъ и черноземомъ, еще дальше синѣютъ громадныя горы, влѣво полная таинственности, столовидная высокая гора Джарсо̀. На вершинѣ ея лежитъ озеро. Ни одинъ бѣлый не былъ на этой горѣ. Львы, леопарды и носороги гнѣздятся на ея вершинѣ—это заповѣдная охота вице-короля Харрара, раса Маконена.

У спуска съ горы начальника миссіи встрѣтило два абиссинца съ недурной темно-сѣрой лошадью. Вершковъ трехъ росту, правильно сложенная, съ тонкой серебристой шерстью, гладко прилегающей къ кожѣ, съ роскошнымъ отдѣломъ темно-сѣраго хвоста, съ челкой въ одинъ волосъ, съ тонкой серебристой гривой, небольшой

головой, съ маленькими ушами и глазами на выкатѣ, она была типичнымъ представителемъ абиссинской лошади. Узкая грудь и развинченная походка, характерные ея признаки. Начальникъ миссіи предложилъ мнѣ ее испытать. Эта лошадь создана лишь для гарцованія—да абиссинская кавалерія только и гарцуетъ. Задерганная, зацуканная на чрезвычайно строгомъ мундштукѣ, она не идетъ, а танцуетъ въ крутомъ сборѣ лебединой шеи. Рыси она не знаетъ, пустишь рысью—она выбрасываетъ впередъ свои ноги, нетвердо, неувѣренно становитъ ихъ, бросаетъ совершенно поводъ и отказывается принять его. Но подберите ей голову, дайте ей шенкель, и вся она сожмется и пойдетъ короткими скачками, раздувъ хвостъ по вѣтру, картинно согнувшись; дайте поводъ, толкните еще, и вихремъ вынесется она впередъ и только начнете собирать поводъ, она снова идетъ шагомъ, бросая ногами, прядая ушами.

У подножія послѣдней высокой горы, подъ тѣнью раскидистаго баобаба, пріостановились на минуту, начальникъ миссіи пересѣлъ на параднаго мула, осѣдланнаго малиновымъ бархатнымъ сѣдломъ, расшитымъ золотомъ, мы поднялись на невысокій холмъ къ деревнѣ Кальбоджѣ—здѣсь насъ ожидала встрѣча...

XIV.

У стѣнъ Харрара.

Широкая полевая дорога, испорченная немного промоинами бѣжавшихъ по ней ручьевъ, спускалась съ невысокаго холма въ долину, покрытую полями сжатой машиллы. У въѣзда въ долину съ лѣвой стороны дороги стояла неранжированная толпа людей, человѣкъ около полутораста. Босые, съ непокрытыми головами, въ бѣлыхъ панталонахъ, и бѣлыхъ съ краснымъ шамахъ, съ ружьями Гра, Вѣтерли и Кропачека, поднятыми на караулъ — люди эти не имѣли воинственнаго вида. А между тѣмъ это была прекрасная пѣхота геразмача Урадда, выѣхавшаго намъ навстрѣчу.

Сзади линіи пѣхоты и нѣсколько на флангѣ ея стояли богато осѣдланные рослые мулы и лошади офицеровъ «башей» и наѣздниковъ кавалеріи.

Геразмачъ Урадда сѣдой, бодрый старикъ, подъѣхалъ къ начальнику миссіи и, прикрывая ротъ шамой, тихимъ голосомъ, согласно абиссинскаго этикета, привѣтствовалъ начальника миссіи въ преддверіи Харрара. Всѣ спѣшились; геразмачу передали наше удо-

вольствіе встрѣтиться съ нимъ на территоріи абиссинской имперіи и затѣмъ тронулись. Впереди начальникъ миссіи, за нимъ геразмачъ Урадда, сзади три абиссинскихъ дворянина, помѣщика, въ сѣрыхъ фетровыхъ шляпахъ, еще немного позади нашъ переводчикъ, потомъ офицеры и конвой въ колоннѣ справа по шести. Едва только мы прошли мимо линіи войскъ, геразмачъ сдѣлалъ чуть замѣтный взмахъ палочкой и пѣхота пристроилась сзади нашего конвоя. Они шли толпою, безъ равненія, не въ ногу. Большинство имѣло ружье на погонномъ ремнѣ, на правомъ плечѣ, но нѣкоторые несли его на плечѣ, нѣкоторые за плечами. У каждаго на панталонахъ подъ шамой былъ одѣтъ широкій кожаный ремень съ патронами, а у иныхъ еще италіанская сабля въ жестяныхъ ножнахъ. Легко и свободно шли они по дорогѣ и по краямъ ея, презирая камни, канавки и болотистые ручьи. Подходя къ болоту, черезъ которое повсюду перекинуты узкіе горбатые мосты, обсыпанные землей, безъ перилъ, они сами безъ толкотни и шума перестраивались въ узкую колонну. Кавалеристы сѣли на коней и мимо насъ по выгону, поросшему мелкой травкой по сжатымъ нивамъ началась абиссинская джигитовка.

На чудномъ пѣгомъ, бѣломъ съ черными пятнами конѣ, съ уздой, богато украшенной монетами и бляхами, съ бубенчикомъ на подбородномъ ремнѣ, съ двумя тоненькими палочками въ рукахъ, съ круглымъ щитомъ на локтѣ, съ длиннымъ мечомъ съ правой стороны, вылетаетъ всадникъ картиннымъ галопомъ. Лошадь не идетъ ни съ правой, ни съ лѣвой ноги, она бросаетъ переднія ноги одновременно впередъ, подбираетъ упругій задъ и скачетъ звеня монетами и бубенцомъ уздечки. Пестрыя тряпки сѣдла мотаются по сторонамъ, леопардова шкура развѣвается вѣтромъ, а подъ ней видна пестрая куртка, расшитая серебромъ. Чудный, эфектный видъ!! Всадникъ скачетъ откинувшись назадъ держась шенкелями, заложивъ большіе пальцы ногъ въ маленькія, овальныя стремена. Онъ оглядывается назадъ, грозитъ кому то своими дротиками, онъ слился съ лошадью, его гибкое тѣло дѣлаетъ тѣ же движенія, что и конь его. За нимъ изъ групы всадниковъ отдѣляется другой. Гнѣдой конь его свился клубкомъ, мохнатая шкура барана, словно грива льва, ожерельемъ легла около шеи, красная шама огненнымъ языкомъ мотается сзади. Онъ ударилъ быстро плеткой лошадь и она легла на землю, разостлалась на карьерѣ, по характерному французскому выраженію «ventre à terre» и, потрясая въ рукѣ дротикомъ, угрожая имъ врагу, онъ несется впередъ. Леопардова шкура осадила коня и изогнувшись назадъ ждетъ противника. И вотъ чуть колеблясь, со

свистомъ, шаговъ на шестьдесятъ, летитъ тоненькій дротикъ. Упалъ подлѣ леопардовой шкуры, а тотъ уже скачетъ впередъ по склону холма, у хижинъ деревни описываетъ широкій вольтъ и кидаетъ свой дротикъ, за нимъ и другой. Послѣ этого, онъ подъѣзжаетъ къ мѣсту паденія дротиковъ, останавливаетъ лошадь и, ловко склонясь впередъ, поднимаетъ дротикъ, не слѣзая съ сѣдла.

А на смѣну имъ уже летятъ новыя пары. Зеленое поле покрыто этими скачущими наѣздниками. Сѣрые, бѣлые, гнѣдые кони со звономъ набора скачутъ впередъ и назадъ. Красныя, пестрыя шамы, шкуры леопардовъ и дикихъ котовъ, гривы барановъ, зеленые и розовые вальтрапы мотаются на фонѣ зелени, сверкаютъ восточной пестротой на яркомъ синемъ небѣ, горятъ и переливаются подъ лучами жгучаго солнца. Волшебная, фееричная картина!

Дорога мягкая, ровная, пыльная идетъ между полей, проходитъ мимо холмовъ съ раскинувшимися на нихъ деревнями, женщины и дѣти въ сѣроватыхъ шамахъ бѣгутъ навстрѣчу отряда. Среди полей на зеленомъ лугу выросъ баобабъ. Цѣлая рота можетъ отдыхать подъ его тѣнью. Стадо козъ и барановъ бродитъ тамъ, мѣшаясь съ съ большерогими зебу. Мирныя картины обработанныхъ полей, сытыхъ стадъ и черныхъ пастуховъ и черныхъ земледѣльцевъ служатъ фономъ этой джигитовкѣ пестро одѣтыхъ наѣздниковъ. Кеньазмачъ Абанадà, дядя раса Маконена подъѣзжаетъ ко мнѣ и видя прекраснаго сѣраго коня подо мной предлагаетъ свой дротикъ—попробовать свое искусство въ метаніи копій. Я отказываюсь, вынимаю свою шашку и показываю ее ему.

— «Малькàмъ?» (хороша) спрашиваю я.

Старый воинъ бережно беретъ лезвее въ руки, звенитъ по нему ногтемъ, пробуетъ пальцемъ.

— «Màляфья» (отлично), говоритъ онъ и передаетъ мнѣ клинокъ.

Я рублю, проскакивая мимо кактуса, нѣсколько вѣтокъ сразу и старикъ кень-азмачъ снова произноситъ свое одобрительное «màляфья».

Дорога спускается внизъ, мы переходимъ въ бродъ черезъ мутный ручей, по крутому утесу поднимаемся въ гору, затѣмъ идемъ нѣкоторое время узкимъ ущельемъ между отвѣсныхъ скалъ и выходимъ на высокій горный кряжъ.

Полдень. Усталые мулы неохотно бредутъ впередъ. Сейчасъ откроется дорога на Харраръ.

И онъ показался въ тѣсной лощинѣ между холмовъ и горъ, темный, шеколаднаго цвѣта. Черные квадраты домовъ подымались и

опускались по скатамъ холмовъ, крѣпостная стѣна вилась кругомъ, бѣлый храмъ съ жестянымъ куполомъ сверкалъ посрединѣ, и неподалеку отъ него видѣнъ былъ въ арабскомъ стилѣ построенный бѣлый, съ статуями по угламъ, дворецъ раса Маконена.

На высокомъ и крутомъ утесѣ, доминирующемъ надъ городомъ, виднѣлись три абиссинскихъ флага. Оттуда вылетѣлъ клубъ бѣлаго дыма и громкій выстрѣлъ раздался въ привѣтствіе намъ и эхомъ перекатился въ горахъ и ущельяхъ. Абиссинскіе солдаты бѣжали впередъ прямо въ гору, легко отталкиваясь отъ камней голыми пятками. Кавалеристы слѣзли съ лошадей и ведя ихъ въ поводу тоже легкой рысью выбѣгали впередъ, все торопилось опередить насъ, бѣжали по тѣсной дорогѣ, толпились, упирались руками въ бока нашихъ муловъ, въ наши ноги и обгоняли одинъ за другимъ. Дорога поднималась къ городу мимо громадныхъ банановыхъ садовъ, обнесенныхъ каменными завалами, обросшими кофейными кустами. Теперь стали видны громадныя толпы солдатъ, спѣшно собиравшіеся у воротъ. Скоро бѣлые ряды ихъ стали по обѣимъ сторонамъ дороги у темныхъ воротъ города. Съ горы стрѣляли изъ пушекъ, наши казаки ружейными залпами салютовали абиссинскому флагу. Еще нѣсколько минутъ и мы смѣшались съ толпой солдатъ и ихъ начальниками.

Ато Уонди, отецъ кадета Хейле Маріама на прекрасной громадной и, что рѣдко, широкой сѣрой лошади выѣхалъ къ намъ навстрѣчу. Красная шама его развѣвалась по вѣтру, глаза его горѣли счастьемъ увидѣть сына и онъ поѣхалъ рядомъ съ нимъ здороваясь со своими старыми знакомыми докторами Б—мъ и С—мъ. Трудно описать эфектное зрѣлище, развернувшееся передъ нами.

Около тысячи солдатъ толпами стояло по сторонамъ дороги. Яркими бѣлыми пятнами горѣли ихъ шамы и среди нихъ пестрѣли желтыя, красныя, синія и зеленыя куртки начальниковъ. Черныя лица, руки и ноги, разнокалиберное вооруженіе ихъ, пестрота цвѣтныхъ плащей—все производило впечатлѣніе вооруженной толпы, да оно такъ и было, такъ какъ абиссинская армія есть нечто иное, какъ совершеннѣйшее воспроизведеніе вооруженнаго народа. Городская стѣна была передъ нами...

Библейскими временами, временами, когда амаликитяне и моавитяне сражались, побиваемые каменнымъ градомъ, когда стѣны Іерихона падали отъ трубныхъ звуковъ, пахнуло отъ этихъ неровныхъ двухъ-саженной высоты коричневыхъ стѣнъ. Ворота съ темными досчатыми дверьми съ надписью на нихъ на абиссинскомъ

языкѣ, суковатая палка-кривуля была привязана на ихъ вершинѣ и тряпочка абиссинскаго флага моталась на ней.

Правителя Харрара не было дома. Расъ Маконенъ ушелъ съ войскомъ на югъ, оставивъ управлять своей провинціей преданнаго геразмача Бáнти. Онъ и встрѣтилъ насъ въ бѣлой съ пурпуромъ шамѣ у воротъ города.

Банти около пятидесяти лѣтъ. Онъ женатъ, у него двое дѣтей—оба мальчики, лѣтъ около 12-ти—14-ти. Жена его живетъ въ Аддисъ-Абебѣ. Въ молодыхъ годахъ Бáнти сражался въ рядахъ Маконеновыхъ дружинъ, отличился храбростью, былъ произведенъ въ офицеры и усердной службой достигъ званія начальника Маконенова праваго крыла—геразмача. Это крѣпкій коренастый старикъ, съ застывшимъ выраженіемъ сонливости на лицѣ. Онъ слушаетъ съ легкимъ напряженіемъ, будто старается усвоить то, что ему говорятъ, отвѣчаетъ коротко, односложно. Это старый солдатъ, чуждый политики, и плохой придворный. Черные короткіе волосы его чуть вьются, глаза его усталые и спокойные смотрятъ будто не видятъ. Послѣ привѣтствій мы поднялись по каменнымъ ступенямъ къ воротамъ, вошли въ нихъ и очутились въ узкой вонючей улицѣ, между двухъ стѣнъ домовъ. Въ домахъ, построенныхъ изъ коричневаго, слегка ноздреватаго камня, оконъ на улицу нѣтъ. Мѣстами маленькія квадратныя отверстія выводятъ со двора нечистоты прямо на улицу. Иногда окажется небольшое окно, но и оно заложено сѣрой ставней. Городъ тихъ, городъ мертвъ своими домами.

Но бойкая жизнь кипитъ на улицѣ. Коричневыя того же цвѣта, какъ и стѣны домовъ женщины, въ сѣровато-желтыхъ шамахъ жмутся къ стѣнамъ и смотрятъ на насъ любопытными глазами. Бѣлые армяне, смуглые арабы, коричневые абиссинцы, черные сомали, сидятъ, стоятъ и лежатъ на низкихъ и плоскихъ крышахъ. Ослы, нагруженные камышомъ, идутъ навстрѣчу, но аскеры загоняютъ ихъ палками въ сосѣдніе переулки. Всюду говоръ большаго города, большаго торговаго центра. Вотъ коричневый домъ побольше другихъ, зеленая дверь увѣнчана арабской зеленой рѣшеткой съ бронзовымъ полумѣсяцемъ—это старый дворецъ раса Маконена. Вотъ площадь у круглаго храма, опять тѣсная узкая улица по камнямъ, какъ по ступенямъ подымающаяся кверху—мы у дома геразмача.

Черезъ узкую дверь мы вошли на небольшой квадратный дворъ. Два фаса его образованы двухъ-этажными коричневыми домами и два фаса—высокими каменными стѣнами. Прямо противъ двери крыльцо, обвитое виноградомъ, зеленыя гроздья котораго свѣши-

ваются сквозь деревянную рѣшетку. Подъ крыльцомъ узкая дверь, ведущая въ небольшую комнату, и въ ней столъ, накрытый по европейски бѣлой, съ розовой каймой скатертью, фаянсовыми тарелками, стеклянными гранеными стаканами, ножами и вилками. Буковые соломенные стулья окружали этотъ столъ. Въ глубинѣ комнаты было широкое ложе, покрытое цыновками и коврами. Стѣны комнаты, бѣленыя когда-то, были украшены лишь пылью да гвоздями. Въ стѣнахъ были сдѣланы выемки въ формѣ равносторонняго треугольника для свѣчей. Единственнымъ украшеніемъ было зеркало въ широкомъ золотомъ багетѣ, стоявшее въ небольшой выемкѣ стѣны.

Геразмачъ отъ имени Маконена просилъ насъ сѣсть и откушать хлѣба-соли. Шесть бутылокъ пива и большіе бѣлые хлѣбы были серьезной приманкой для насъ, не ѣвшихъ ничего съ четырехъ часовъ утра. Мы усѣлись за столъ. Абиссинецъ Маркъ, бывшій переводчикъ г. Леонтьева, прекрасно говорящій по русски, а лицомъ удивительно напоминающій Н. Н. Фигнера въ роли Отелло, отецъ Уонди, еще два, три знатныхъ абиссинца ходили кругомъ и угощали насъ. Черные слуги принесли громадные черные (около полу-аршина въ діаметрѣ) круги инжиры изъ лучшей пшеницы, налили намъ стаканы «тэча» и пива.

Обѣдъ, приготовленный армянкой-кухаркой, состоялъ изъ капусты съ жареной бараниной, бульона, жаренаго съ чеснокомъ бараньяго сѣдла и чудныхъ банановъ. Двое слугъ едва могли нести громадную банановую гроздь, сплошь усѣянную крупными желтыми плодами. Такихъ большихъ, сочныхъ и ароматныхъ банановъ я не видѣлъ ни въ Александріи, ни въ Портъ-Сандѣ. Чай въ маленькихъ чашечкахъ съ золоченой надписью «think of me» заключилъ сытный обѣдъ, сильно приправленный перцемъ. Геразмачъ Бánти съ нами не обѣдалъ, онъ постился по случаю сочельника Рождества Христова.

Съ такимъ же большимъ отрядомъ пѣхоты впереди, сопровождаемые Бáнти, мы вышли изъ дома и тѣсной улицей прошли къ городскимъ воротамъ, вышли на Энтотошскую дорогу, близъ которой у самыхъ стѣнъ города было отведено мѣсто для нашего лагеря.

Палатки начали разбивать около четырехъ часовъ дня. Геразмачъ оставался до тѣхъ поръ, пока палатка начальника миссіи не установилась на мѣстѣ.

Около шести часовъ вечера цѣлая процесія солдатъ и женщинъ принесла намъ отъ имени Маконена «дурго». Шесть жирныхъ барановъ, шесть большихъ гомбъ наилучшаго тэча, три корзиночки особаго перечнаго варенья, три громадныхъ корзины инжиры, кор-

зина бананов, два пучка сахарнаго тростника и четыре бутылки самосскаго вина, предназначались намъ по законамъ абиссинскаго гостепріимства въ подарокъ. Для нашихъ муловъ принесли десять мѣшковъ ячменю и нѣсколько вязокъ сѣна.

Эта процессія черныхъ женщинъ съ низкими круглыми корзинами, укутанными бѣлыми съ краснымъ плащами на головахъ, это стадо барашковъ впереди, пучки тростника, такъ напоминали картины библейской жизни, что почью забывалось, гдѣ находишься, въ какомъ вѣкѣ живешь.

Солдаты Баити тѣснымъ кольцомъ окружили мѣсто нашего бивака. Они остались здѣсь до сумерокъ, а въ сумерки въ мое распоряженіе прислали офицера и 14 солдатъ для охраны бивака.

Рождественская ночь застала насъ за разбивкой лагеря. Кухня опоздала и три яйца на человѣка и чай съ кисловатымъ харрарскимъ хлѣбомъ составили нашъ ужинъ.

Но когда мы вышли изъ-за стола, чудный видъ, представившійся передъ нами, заставилъ насъ забыть всѣ тревоги далекаго похода. Высоко на темно-синемъ небосклонѣ, почти безъ звѣздъ сіяла свѣтлымъ дискомъ полная луна. Не луна сѣвера, кроткая и спокойная, напоминающая скромную красавицу, не та луна, что робко кидаетъ бѣлые лучи свои на березы и ивы далекой родины, нѣтъ, гордая красавица, увѣренная въ своихъ силахъ, затмившая всѣ звѣзды яркимъ блескомъ своимъ, сверкала высоко на небосклонѣ: яркій обручъ лежалъ вокругъ нея, а лучи лились и лились; они серебрили палатки, обливали молочнымъ свѣтомъ зубцы городской цитадели, сверкали на полотнѣ нашего посольскаго флага, что висѣлъ на одной веревкѣ съ абиссинскимъ, дрожали эти блики на застывшихъ, опущенныхъ внизъ листахъ кофейныхъ деревъ. И озаренныя блѣднымъ свѣтомъ луны, далеко на горизонтѣ синѣла столовая гора Джерсо, два конуса другихъ горъ и длинная лиловая полоса хребта Эго. Лощина пропадала въ серебристомъ туманѣ. Изъ тумана выросталъ холмъ и словно игрушки торчали на холмѣ темныя хижины галласской деревни. А дальше выплывали по скату горы правильные квадраты, засаженные высокими кофейными деревами. Сады таинственной савской царицы, культура этихъ полей съ правильными четыреугольниками кофейныхъ плантацій и рядомъ дикія горы, яркимъ контрастомъ темнѣвшія вдали.

Изъ этой же синей пропасти, будто заложенной дымчатой ватой, воздымались зубчатыя стѣны громаднаго города. Кубическіе домики лѣпились одинъ къ другому, образовывали кварталы, равно освѣ-

щенные бѣлымъ свѣтомъ луны. На горѣ сверкалъ бѣлый дворецъ раса Маконена и горѣлъ яркій жестяной куполъ харрарскаго собора. А за городомъ опять таинственныя синія горы, манящія на себя, за себя, какъ манитъ волшебная сказка востока, какъ манитъ все прикрытое дымкой неизвѣстности.

Нашъ лагерь имѣлъ волшебный видъ. Зубчатая стѣна съ двумя круглыми башнями у воротъ, и надъ стѣной бѣлыя палатки, ровныя, словно бутафорскія вещи, сдѣланныя изъ картона. Подъ обрывомъ горятъ костры нашей кухни, люди въ бѣлыхъ шамахъ ходятъ между, стадо барановъ толпится у куста; въ живописно наваленныхъ камняхъ неподвижный стоитъ часовой. Тишина. Ни вѣтерка, ни звука. Стоишь на вершинѣ холма у коновязи и забываешь, что это сама природа, кажется вотъ-вотъ, откуда нибудь изъ-подъ земли раздадутся звуки незримаго оркестра и пестрый кордебалетъ вылетитъ дополнить восточнымъ танцемъ красивую картину Рождественской ночи.

Но вмѣсто мощныхъ и стройныхъ акордовъ обширнаго оркестра слышны дикіе возгласы абиссинскаго хора, видна толпа черныхъ, которые, сбившись въ тѣсный кругъ, прикрывшись распростертой надъ кругомъ бѣлой шамой, поютъ и пляшутъ хлопая въ ладоши. Дикій танецъ. Танецъ волшебной сказки, танецъ демоновъ, спустившихся въ лощину изъ страшныхъ горныхъ ущелій. То разыгрывалась на нашихъ глазахъ рождественская абиссинская фантазія.

Но смолкъ однообразный мотивъ абиссинскаго пѣнія, разошлись черные люди, а съ высокаго холма отъ палатки конвоя раздалось мѣрное торжественное пѣніе «Рождество Твое, Христе Боже нашъ», и «Дѣва днесь» и въ этотъ день, вблизи того мѣста, гдѣ свершилось чудо, даровавшее спасеніе человѣчеству, въ мягкомъ воздухѣ харрарской ночи, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ милліонами огней свѣтятся храмы, гдѣ толпятся праздничные молельщики, среди горъ, кофейныхъ деревъ, у стѣнъ африканскаго Парижа это пѣніе звучало особенно торжественно и красиво...

И будто въ отвѣтъ на пѣніе ударилъ за городской стѣной барабанъ, раздались крики по всѣмъ концамъ города, завыли и залаяли собаки, зазвенѣли бряцала, сонный городъ ожилъ—абиссинское богослуженіе началось....

И вмѣстѣ съ шумомъ ожившаго таинственнаго города, слабый вѣтерокъ донесъ до насъ ароматъ востока, смѣсь ладана съ дымомъ.

И всю ночь кричали и пѣли черные христіане, всю ночь билъ барабанъ и выли собаки.

XV.

Харраръ.

Харраръ лежитъ подъ 9°3′ сѣверной широты и подъ 12°4′ восточной долготы отъ Гринвича, на высотѣ 1840 метровъ надъ уровнемъ моря на невысокомъ холмѣ. Климатъ Харрара—вѣчная весна. Равно во всѣ мѣсяцы зеленѣютъ поля и сады, темные полированные листья кофейныхъ деревъ во всѣ времена года висятъ по отвѣсу, мѣшаясь съ громадными блѣднозелеными листами банановъ. Во всѣ времена года есть на поляхъ и въ садахъ цвѣты. Настоящая весна только отличается обиліемъ этихъ цвѣтовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ сады, лѣса и рощи наполняются благоуханіемъ лимоновъ, апельсиновъ и травъ, покрывающихъ крутые склоны неприступнаго хребта Эго. Богатѣйшая растительность окружаетъ зеленымъ кольцомъ Хараръ. Поля маиллы, пшеницы и дурро находятся всюду, куда удалось провести воду, всюду, гдѣ каменистый массивъ покрытъ тонкимъ слоемъ чернозема. Берега ручьевъ засажены тѣнистыми банановыми садами, гдѣ два раза въ году золотятся спѣлые грозди роскошныхъ плодовъ. Тучные горбатые зебу, многочисленныя стада черноголовыхъ бѣлыхъ барановъ, табуны ословъ и лошадей, стада громадныхъ галласскихъ верблюдовъ бродятъ по зеленымъ выгонамъ, работаютъ въ городѣ и въ деревняхъ. Дикіе куры, утки, гуси и голуби, медососы съ пестрыми перьями и полуаршинными хвостами, попугаи, голубые скворцы, туканы всевозможныхъ породъ перелетаютъ съ куста на кустъ, сверкая въ воздухѣ яркими перьями, теряясь въ густой листвѣ смоковницъ, въ переплетѣ тонкихъ вѣтокъ, зеленыхъ ліанъ. А въ лѣсахъ хребта Эго, на столовой горѣ Джерсо, между камнями и утесами бѣгаютъ сѣдогривые павіаны, маленькія обезьяны тото, обитаютъ львы и леопарды. Темными ночами, у самыхъ стѣнъ города визжатъ шакалы, да протяжно воютъ громадныя гіены, вторя лаю городскихъ собакъ.

Вся мѣстность изрыта крутыми балками. Между холмовъ и утесовъ текутъ ручьи. Тропическихъ ливней здѣсь нѣтъ, дожди идутъ рѣдко, не отличаются ни продолжительностью, ни упорствомъ, температура не превышаетъ +40°R днемъ на солнцѣ и +4°R ночью. Это климатъ, соотвѣтствующій всему строю африканской жизни, ровной и неподвижной, теперь такой же какъ и при основаніи Харара.

Квадратные дома, сложенные изъ кирпичневаго туфа, почти не

имѣютъ оконъ. Войдете въ неширокую калитку на квадратный песчаный дворъ. Прямо дверь—она и окно парадной комнаты. На плохо побѣленныхъ стѣнахъ висятъ круглыя соломенныя, пестраго рисунка корзиночки; на каменномъ же возвышеніи настланы циновки, въ богатомъ домѣ поверхъ циновокъ лежитъ пестрый коверъ. Двѣ три гомбы [1]), грязная шама, веревка—валяются въ углу, щитъ виситъ на стѣнѣ, рядомъ съ щитомъ ружье Гра, со стволомъ, заткнутымъ паклей. Запахъ масла, дыма и ладана царитъ въ комнатѣ. Направо и налѣво узкіе проходы и тамъ совершенно темныя каморки—спальни обитателей дома. Подъ навѣсомъ изъ кипарисныхъ стволовъ, оплетенныхъ хворостомъ, на разбросанной соломѣ стоитъ худая лошадь, непремѣнно съ побитой спиной, мулъ, недоумѣвающе смотритъ на васъ посреди двора, да желтый пѣтухъ торопливо кинется изъ-подъ ногъ, едва вы откроете дверь. Рядомъ такой же домъ у бѣднаго, какъ и у богатаго, тѣ же циновки, тѣ же грязныя закопченныя стѣны, отсутствіе намека на мебель, ни тѣни украшенія.

Харраръ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Восточной Африки. Онъ основанъ эфіопіянами, весьма вѣроятно, задолго до Рождества Христова;—это былъ естественный торговый пунктъ, между плодоносными плоскогорьями современной Абиссиніи и песками сомалійской пустыни. Здѣсь столкнулись продукты мѣновой торговли земледѣльцевъ-галласовъ, шоанцевъ (абиссинцевъ)—съ охотничьей и разбойной добычей сомалей и данакилей. Отсюда потянулись первые караваны харарскаго и абиссинскаго кофе, золота и слоновой кости,—первоначально въ Аравію, а потомъ и въ Европу.

Первыми купцами явились арабы, за ними прибыли черезъ пустыню египтяне, греки и населили городъ. Это они то принесли съ собой своеобразную прямоугольную архитектуру домовъ, квадратные дворы съ тѣсными переходами. Смѣшиваясь съ сомалями и галласами, они постепенно образовали особую черную расу, получившую наименованіе Харарійцевъ. Харарійцы отличаются нѣсколько болѣе правильными чертами лица, нежели сомали, плотнѣе ихъ, сильнѣе и мускулистѣе.

Существующее убѣжденіе, что въ образованіи харарійцевъ участвовали португальцы, не имѣетъ никакого основанія, какъ сказалъ мнѣ монсиньоръ Торжъ, епископъ католической миссіи въ

---

[1]) Гомба — глиняный сосудъ мѣстнаго изготовленія. У основанія это шаръ, кверху оканчивающійся цилиндрическимъ горлышкомъ. Въ Харарѣ есть заводъ гомбъ и корзинокъ.

Абиссиніи, около 30-ти лѣтъ живущій въ Харрарѣ, и на основаніи показаній котораго мы составили исторію этого города,—быть можетъ, тутъ и остались нѣкоторые плѣнные португальцы, основавшіяся здѣсь, но во всякомъ случаѣ число ихъ столь незначительно, что они не могли оказать никакого вліянія на расу.

Въ XVI вѣкѣ арабскій эмиръ Нуръ завоевалъ Харраръ. Онъ окружилъ его толстой каменной стѣной съ бойницами и семью воротами, обратилъ часть жителей, не бывшихъ еще мусульманами, въ религію Магомета и построилъ для правовѣрныхъ мечеть, съ двумя минаретами. Чтобы сдѣлать завоеваніе свое болѣе доходнымъ, эмиръ Нуръ учредилъ въ Харрарѣ таможню для сбора пошлины со всѣхъ предметовъ, провозимыхъ черезъ Харраръ.

Династія Нура продержалась въ Харрарѣ около трехсотъ лѣтъ. Въ серединѣ нынѣшняго столѣтія, Харраръ былъ занятъ англичанами. Они устроили съ западной его стороны, со стороны Абиссиніи, цитадель, четыреугольной формы, съ двумя воротами. Въ стѣнахъ цитадели были сдѣланы казармы. Какъ только надобность въ Харрарѣ для англичанъ прекратилась, они покинули Харраръ и тамъ снова сѣлъ на престолъ султанъ изъ династіи Нура.

Въ 1886 году, въ январѣ мѣсяцѣ, считая по нашему стилю шестаго января, абиссинскія войска, предводительствуемыя расомъ Маконеномъ, побѣдоносно вошли въ городскія ворота. Сопротивленія ихъ вторженію оказано не было. Все, что могли выставить для защиты роднаго города Харариты, погибло шестью днями раньше въ кровопролитномъ бою при Челенко; султанъ былъ взятъ въ плѣнъ и съ веревкой на шеѣ введенъ въ городъ. Всѣ земли галласовъ, часть сомалійской пустыни, вплоть до Біа Кабобы—на сѣверъ покорены расомъ Маконеномъ и жители обращены въ рабство. На мѣсто старой мечети воздвигся храмъ шоанской религіи — «бэта-христіанъ», наконецъ, съ прошлаго года, доминируя надъ городомъ въ чисто индійскомъ стилѣ сооруженъ дворецъ раса Маконена. Таможня, учрежденная эмиромъ Нуромъ, осталась въ прежней силѣ. На мѣсто чиновниковъ харарійцевъ, на дворѣ ея сѣли баши и баламбарасы раса Маконена, сборъ пошлины сталъ еще строже, оружіе и нѣкоторые рѣдкіе предметы прямо отбираются въ таможнѣ безъ уплаты денегъ. Со всякаго предмета, проносимаго черезъ ворота на городской рынокъ, маконеновы солдаты берутъ извѣстную часть въ пользу владѣльца города. Городъ отъ этихъ пошлинъ не украшается, но могущество Маконена ростетъ, а для негуса Харрарскій округъ является наиболѣе доходнымъ.

Предметы вывоза изъ Харрара—кофе, слоновая кость, золото и хлѣбъ. Торговля въ рукахъ арабовъ; большая часть идетъ на Зейлу къ англичанамъ, кость перевозится въ Индію и оттуда подъ именемъ индѣйской, болѣе цѣнной, нежели Африканская—расходится по Европѣ. На Джибути идетъ весьма немного каравановъ—французская торговля въ зачаткѣ; предметы ввоза — индѣйскіе дешевые шелки, бѣлый англійскій холстъ, употребляемый на штаны и рубашки, и дешевая галантерея. До тѣхъ поръ пока Абиссинцы не перемѣнятъ своего спартанскаго образа жизни, торговля европейскими товарами не принесетъ выгоды купцамъ. Геразмачъ одѣвается въ такую же простую бѣлую шаму, какъ и его солдаты, только шама его нѣсколько чище: первые сановники города ходятъ босикомъ и сѣрая фетровая шляпа лучшее ихъ украшеніе. Пробовали привозить бархатъ, мишуру, хорошіе духи, мыло, но бархатъ и мишуру покупалъ только Маконенъ, а духи и мыло показались сановникамъ города слишкомъ дорогими, не стоющими предметами, и французъ, привезшій парфюмерію, разорился. Недурно торгуютъ пивомъ и коньякомъ, но остальные товары покупаютъ только немногіе европейцы, обитающіе въ Харрарѣ, да европейскіе же караваны.

Что сказать о достопримѣчательностяхъ города, который самъ прежде всего достопримѣчательность сомалійской пустыни и гильдесскихъ горъ? Послѣ камней и песковъ, послѣ однообразнаго горизонта пустыни и его темныя стѣны и грязные домишки кажутся заманчивыми, а кофейня грека Саркиза, гдѣ въ маленькихъ чашечкахъ подаютъ чудный харарійскій кофе съ мягкимъ бѣлымъ хлѣбомъ, гдѣ можно поговорить на ломаномъ французскомъ языкѣ—кажется недурнымъ рестораномъ.

Достопримѣчательностей нѣтъ, но все поражаетъ своей восточной, архаичной новизной (прошу извинить невольный каламбуръ)— и городскія ворота у пыльной дороги, посреди которой растетъ громадная смоковница,—та куща, у которой отдыхаютъ путники въ ожиданіи открытія ихъ, и сѣренькій покривившійся дрючокъ, на которомъ мотаются жалкіе остатки полинявшаго Абиссинскаго флага, и группа черныхъ солдатъ, обирающихъ полуголыхъ женщинъ, принесшихъ пучки камыша для топлива, яйца, куръ или бананы, солдатъ, тянущихъ эту подать на глазъ, привычной рукой, и улицы, то поднимающіяся, то опускающіяся, мѣстами состоящія изъ груды камней, въ безпорядкѣ нагроможденныхъ другъ на друга, поражающихъ даже привычнаго мула, улицы, идущія концентрическими кругами вдоль городской стѣны, по радіусамъ сходящіяся къ цент-

ру,—и этотъ черный людъ, эти абиссинскіе сановники, сопровождаемые толпами солдатъ, бо́льшими или меньшими, сообразно ихъ званію, и стада ословъ, и женщины, несущія тяжелое бремя на рынокъ—это городъ сказки Шехерезады, декорація не скоро забывающаяся, оригинальная, ни съ чѣмъ несравнимая.

Я осматривалъ Харраръ 25-го и 26-го числа вмѣстѣ съ д-рами Б—мъ и Щ-мъ. Всякій разъ мы шли предшествуемые тремя, или четырьмя черными слугами съ ружьями на плечѣ. Въ Абиссиніи важность лица, положеніе его въ обществѣ опредѣляется количествомъ слугъ, его сопровождающихъ. Геразмачъ Банти, напримѣръ, являлся къ намъ съ отрядомъ по крайней мѣрѣ въ триста ашкеровъ, у Ато Марши и у Ато Уонди ихъ было до сотни. Первое время абиссинцы удивлялись на малочисленность нашего конвоя.

Первымъ дѣломъ въ Харрарѣ идешь осматривать христіанскій храмъ, торговые ряды и львиныя ворота. Львиныя ворота находятся на небольшой площади противъ собора. Найти что либо въ Харрарѣ не легко. Улицы не имѣютъ названій, дома номеровъ.

Львиныя ворота ведутъ въ обширный дворъ стараго дворца Маконена. Это грязные каменные столбы, соединенные аркой. На вершинѣ арки два грубыхъ глиняныхъ изваянія лежащихъ львовъ, болѣе похожихъ на тощихъ кошекъ. Между ними дрючокъ съ абиссинскимъ флагомъ. На перекладинѣ воротъ въ безпорядкѣ прибито штукъ восемь высохшихъ слоновьихъ хвостовъ и хоботовъ. Кто ихъ прибилъ? когда? зачѣмъ?—неизвѣстно. Трофеи ли это охоты, символъ ли чего?—мы не могли добиться За воротами обширный дворъ образованный рядомъ невысокихъ построекъ—это мастерскія раса Маконена. У воротъ толпа ашкеровъ и придворной челяди. За маликъ (маликъ=1 піастру=$^1/_{12}$ талера=8 копѣйкамъ по курсу) намъ вывели на показъ современную достопримѣчательность Харара—льва раса Маконена.

Молодой левъ, не больше года отъ роду, упирался и не хотѣлъ идти изъ темныхъ дверей; здоровый ашкеръ едва тащилъ его на цѣпочкѣ. Его вывели на площадь. Царственный звѣрь, припавши къ землѣ, сердито озирался и рычалъ на окружившую его толпу черномазой публики. Я погладилъ его. Шерсть его густая, жесткая, чистая. Потомъ у одного турка въ Харрарѣ я видѣлъ двухъ молодыхъ леопардовъ. Какая разница! Тѣ выглядѣли миловидными котятками, игривыми и веселыми, тогда какъ левъ былъ полонъ мощи, силы и величія. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на сопровождавшихъ насъ казаковъ.

— «Вотъ онъ лёва то какой, на волѣ»,—задумчиво проговорилъ старовѣръ Архиповъ,—«цапнетъ, поди-ка, прямо руку вывернетъ, али ногу».

— «А важный звѣрь»,—тихо сказалъ Мазанкинъ и осторожно потрогалъ густую шерсть льва,—«глаза то какіе красивые! Такого бы съ собой взять».

— «На что онъ намъ»,—тихо сказалъ Архиповъ и задумался.

Ручаюсь, что онъ думалъ теперь о тихомъ Донѣ, что течетъ холодными волнами мимо зеленыхъ балокъ, желтыхъ нивъ и сѣрой степи,—думалъ о бѣлыхъ чистыхъ хатахъ, крытыхъ соломой, о вишневомъ садочкѣ, о запахѣ полыни, черемухи, сирени, розъ, заглушившемъ на минуту приторный ароматъ ладана восточнаго города...

Полюбовавшись на льва мы прошли въ храмъ. Сквозь небольшую калитку, увѣнчанную крестомъ, мы вышли на паперть. Круглая паперть имѣетъ шесть высокихъ, по крайней мѣрѣ съ четыре нашихъ, ступени, сложенныхъ изъ темно-сѣраго камня. Церковь состоитъ изъ двухъ концентрическихъ круговъ. Во второмъ изъ нихъ вписанъ квадратъ—это алтарь. Четыре двери выходятъ изъ втораго круга въ первый, куда собираются молящіеся. Стѣны выбѣлены и расписываются масляными красками. Нѣсколько иконъ уже готово, передъ остальными стоятъ подмостки и абиссинскій художникъ мажетъ лики святыхъ. Вотъ снятіе со креста. Христосъ и два разбойника висятъ на крестахъ на темно-синемъ фонѣ неба. Контуры по византійски обведены черной линіей, праведники всѣ изображены en face, грѣшники въ профиль, въ числѣ праведниковъ и расъ Маконенъ, по словамъ бывшихъ со мною докторовъ довольно похоже написанный. Рядомъ, отдѣленный черной полосой, Георгій Побѣдоносецъ абиссинскимъ копьемъ поражаетъ дракона. Бѣлый конь круто собрался на абиссинскомъ, зеленаго и малиноваго сафьяна, мундштукѣ, святой съ непокрытой головой и босыми ногами въ абиссинскомъ одѣяніи скачетъ, вложивъ большой палецъ въ узкое стремя пестраго абиссинскаго сѣдла. Иконы лѣпятся одна къ другой безъ рамъ, безъ кіотовъ, безъ золотыхъ и серебряныхъ вѣнцовъ, въ безпорядкѣ, раздѣленныя лишь широкими черными полосами. Онѣ напомнили намъ наши лубочныя иконы: тѣ же розовато-желтыя лица, тѣ же неестественные повороты головы, тѣла, написанныя въ профиль, и лица, изображенныя en face. Но абиссинцамъ ихъ живопись нравилась. Священники подали намъ желѣзные посохи, на которые они упираются во время службы, и радовались, когда мы узнавали иконы.

— «Георгисъ, Георгисъ!» — закричали они, когда услыхали, что мы назвали Георгія Побѣдоносца. Бузу малькáмъ (очень хорошо).

Въ свѣтломъ кругломъ корридорѣ лежали рукописныя книги въ кожаныхъ переплетахъ и барабаны, употребляемые абиссинцами при богослуженіи.

Мы перекрестились на это жалкое подобіе православной церкви и вышли изъ храма. Здѣсь къ доктору Щ—ву подошелъ толстый, красивый, богато одѣтый арабъ съ выразительными глазами и выпяченными впередъ губами. Это былъ начальникъ мусульманъ города, шейхъ Абдуляхи. Онъ зналъ г. Щ-ва еще по экспедиціи краснаго креста. Онъ просилъ зайти навѣстить дочь однаго бѣднаго араба, шесть дней тому назадъ обжегшую керосиномъ конечности. Мы отправились вслѣдъ за шейхомъ къ больной. Черезъ узкую дверь, пробитую въ стѣнѣ тѣснаго и грязнаго переулка, мы прошли въ небольшой дворъ. Все жилище бѣднаго араба состояло изъ небольшой комнаты, съ возвышеніемъ въ глубинѣ ея. На возвышеніи лежали грязныя тростниковыя и соломенныя циновки, нѣсколько закоптѣлыхъ корзинъ развѣшано по стѣнамъ. Комната эта соединялась съ тѣсной каморкой, гдѣ помѣщалась больная. Отверстіе не болѣе двухъ квадратныхъ вершковъ, пробитое въ толстой стѣнѣ, не давало свѣта. Нагорѣвшая свѣча у изголовья больной едва разсѣивала мракъ. Тяжелый удушливый запахъ трупа былъ въ комнатахъ. Трудно было дышать. Въ темнотѣ видны были чьи то фигуры, склоненныя надъ постелью, на которой лежала больная дѣвочка. Докторъ Б—нъ приподнялъ покрывало. Запахъ трупа сталъ сильнѣе, при свѣтѣ свѣчи показалось темно-коричневое мясо и черная, обгорѣвшая корками кожа. Надежды на выздоровленіе больной не было...

Ничего не можетъ быть ужаснѣе этой обстановки нищеты, грязи и несчастья. Самое ужасное описаніе блѣднѣетъ передъ видѣнымъ нами... Темнота, запахъ трупа, страданія разлагающагося заживо человѣческаго существа, бездна горя кругомъ,—что можетъ быть тяжелѣе этого!?

Полною грудью вздохнули мы, когда снова вышли подъ синее небо, на яркое солнце безоблачнаго дня. Шейхъ Абдуляхи пригласилъ насъ зайти посмотрѣть его домъ. Онъ принялъ насъ, сидя по турецки на роскошномъ персидскомъ коврѣ. Всѣ стѣны большой и свѣтлой комнаты его были увѣшаны пестрыми круглыми корзиночками, богатыми уздечками и бляшками. Всюду было чисто и не безъ претензіи на изящество. Во всемъ чувствовалась раса, болѣе высокая, болѣе культурная нежели абиссинцы. Намъ подали отличный

чай въ фарфоровыхъ чашкахъ, опять-таки съ надписью «think of me», коньякъ, а потомъ корзину превосходныхъ бананов. Мы имѣли неосторожность похвалить ихъ; Абдуллахи сдѣлалъ жестъ и слуга ссыпалъ ихъ въ свою шаму, чтобы отнести за нами въ лагерь. Посидѣвъ съ полчаса у гостепріимнаго араба мы распростились съ нимъ и пошли осматривать дворецъ раса Маконена.

Дворецъ раса Маконена строится на самомъ высокомъ холмѣ Харрара. Онъ имѣетъ квадратную форму, стѣны его съ большими стеклянными окнами. Плоская крыша имѣетъ нѣсколько башенокъ съ раскрашенными безобразными статуями на нихъ. Статуи въ зеленыхъ и синихъ мундирахъ съ ружьями и саблями въ рукахъ. Абиссинцы окрестили ихъ именами италіанскихъ генераловъ: это, Баратьери, это Альбертоне, это Дабормида... Внутри небольшія полутемныя каморки, узкіе проходы и корридоры, крутая винтовая лѣстница изъ кипарисоваго дерева ведетъ наверхъ. На крышѣ въ башенкахъ сдѣланы бесѣдки съ цвѣтными стеклами въ окнахъ. Архитектура самая примитивная, видно, что дворецъ строился безъ плана, какъ попало, комнаты громоздились одна за другой въ разсчетѣ, что послѣ разберутъ какую для чего назначить. Внутренняя отдѣлка еще не кончена. Всюду валяется штукатурка, мастера-индѣйцы заканчиваютъ облицовку стѣнъ, расписываютъ ихъ al-fresco пестрымъ восточнымъ рисункомъ. Что поражаетъ въ этой странной архитектурѣ — это массивность, ширина стѣнъ; арки въ передней комнатѣ могли бы съ успѣхомъ быть устоями моста, никакой легкости, никакой воздушности. Та же тяжесть узора и въ рисункѣ, нѣтъ тонкихъ линій, хитро-сплетенныхъ узоровъ, изящества цвѣтовъ и контуровъ. Черный и зеленый цвѣта преобладаютъ. Самое красивое во дворцѣ несомнѣнно его крыша съ чуднымъ видомъ на далекія горы, на зеленыя балки, на кофейныя плантаціи и банановые сады. На много верстъ кругомъ видны эти улыбающіеся подъ солнечными лучами холмы. Внизу темный переплетъ кварталовъ и домовъ, два минарета старой мечети и блестящая жесть круглаго собора. На дворѣ дворца устроенъ бассейнъ для фонтана и мѣдный кранъ торчитъ наружу. Индѣйцы-архитектора съ гордостью показывали свое твореніе.

— Такого дворца, сказали они, нѣтъ ни у французовъ, ни у царя Москова.

Изъ дворца по узкой улицѣ мы спустились къ тюрьмѣ. Входъ въ харрарскую тюрьму воспрещенъ, но всемогущій бакшишъ, въ видѣ талера, открылъ передъ нами двери и мы попали на небольшой

дворъ. По серединѣ проходилъ желобъ съ нечистотами, тутъ же на грязномъ холстѣ валялись обломки сухой инжиры—скудное пропитаніе преступниковъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ выходятъ во дворъ тѣсныя каморки, гдѣ въ темнотѣ, звеня цѣпями, копошатся преступники. Большинство сковано попарно. Отдѣльная конура предназначена для женщинъ. Въ темномъ логовищѣ въ невыразимо грязныхъ шамахъ сидѣло нѣсколько преступницъ. Скованные попарно преступники ходили неразлучно по двору — что дѣлалъ одинъ, то долженъ былъ дѣлать и другой, одинъ шелъ ѣсть, шелъ за нимъ и другой, одинъ гулялъ—гулялъ и другой... При насъ расковывали и освобождали двоихъ. Солдаты растягивали кольца толстыми деревянными рычагами и вынимали ноги изъ кандаловъ.

Въ углу тюрьмы, въ темной нишѣ съ бутылкой воды на полу, на коврѣ, полулежа въ тягостной думѣ томится одинъ изъ генераловъ раса Маконена, его фитаурари. Онъ осужденъ на смерть за государственную измѣну. Въ прошломъ году онъ былъ посланъ съ отрядомъ противъ непріятеля. Прошли недѣли со дня его посылки, а извѣстій изъ отряда фитаурари не было. Послали легкій отрядъ на развѣдку и оказалось, что часть войска фитаурари по его оплошности вырѣзана, а съ другою частью онъ стоитъ въ лѣсахъ и завелъ уже сношенія съ непріятелемъ о сдачѣ. Его захватили, заковали въ цѣпи и привели въ Харраръ. Онъ былъ приговоренъ къ разстрѣлянію.

И вотъ одинъ, среди грубыхъ тюремщиковъ, въ компаніи воровъ и убійцъ томится фитаурари, ожидая скорбной своей участи. Его глаза блеснули, когда онъ увидѣлъ насъ, и онъ закопошился подъ красной своей шамой, какъ звѣрю ему непріятно было, что на него смотрятъ.

Мы вышли изъ тюрьмы, подавленные скорбнымъ чувствомъ. Дни идутъ за днями, смѣняемые темными ночами, а въ этихъ грязныхъ вонючихъ нишахъ, въ шамахъ, никогда не снимаемыхъ, пропитанныхъ испареніями тѣла и насѣкомыми томятся эти черные люди. И никогда свѣтъ христіанской любви и всепрощенія не озаритъ ихъ и многіе годы пройдутъ въ безмолвіи тюрьмы среди шумнаго людного города. Мы не знаемъ ихъ языка, не знаемъ ихъ нравовъ, ихъ жалоба не звучитъ для насъ такъ тяжело, намъ не горько ихъ горе, мы почти равнодушны къ ихъ страданіямъ, но ихъ жаль, какъ жаль звѣря, лишеннаго свободы, дурно содержимаго въ грязной клѣткѣ.

Съ прошлаго года Харраръ соединенъ телефономъ съ Аддисъ-

Абебой. Исторія этого телефона одна изъ темныхъ исторій черпаго царства. Сколько могъ я наблюсти за это время, телефонъ не радуетъ жителей Харрара, даже его правителей. Пока Маконенъ лично находится въ Харрарѣ телефонъ дѣйствуетъ, но при насъ онъ уже не дѣйствовалъ, вслѣдствіе разрыва линіи, гдѣ то въ глубинѣ страны. Телефона боятся какъ скораго доносщика, какъ слишкомъ быстраго передатчика воли негуса.

Написать, послать курьера нужно много времени, много труда, обо всемъ не напишешь, всего не разскажешь. Телефонъ же управляетъ скоро. «Нехорошо, если негусъ будетъ все сейчасъ знать» говорили намъ генералы Харрара.

Харраръ торговый городъ. Каждый день, около полудня, узкая улица,выходящая на небольшую площадь, наводняется чернымъ народомъ. Стада нагруженныхъ маленькихъ осликовъ торопливо проходятъ, запружая ее и прекращая на минуту движеніе, галасскія женщины, перетянувъ голую грудь ремнями, несутъ вязанки дровъ. мѣшки кофе и дурры. Около полудня рынокъ торгуетъ во всю. За маликъ (около 8 копѣекъ) вы можете купить 40 банановъ или 50 маленькихъ лимоновъ, тутъ же торгуютъ солью, перцемъ, дуррою, камышемъ. Мальчишки изъ-подъ шамы предлагаютъ вамъ малики въ промѣнъ на талеры, торгуютъ патронами Гра, которые нерѣдко употребляются здѣсь вмѣсто мелкой размѣнной монеты. Немного дальше — небольшая площадь, вся утыканная деревами безъ листьевъ—это мясной рынокъ. На короткихъ сучкахъ безъ коры висятъ бараньи ноги, бараньи ребра, цѣлыя туши быковъ; сюда приходятъ харрарскія хозяйки покупать себѣ мясо на обѣдъ.

Кругомъ рынка, по улицѣ, ведущей на рынокъ отъ львиныхъ воротъ, расположены лавки европейскихъ, индѣйскихъ и абиссинскихъ купцовъ. Тутъ и грекъ Арменакъ, у котораго вы можете достать и мыло для бѣлья, и ромъ, и духи, и веревки, и чернила, и масло—магазинъ провинціальнаго города въ грязной конурѣ, съ головами сахара, подвѣшенными къ потолку, италіанецъ, торгующій галантереей, поношенными сапогами, шиблетами, сѣдлами, ружьями и саблями своихъ несчастныхъ собратій.

Какое тяжелое впечатлѣніе производитъ этотъ складъ военной добычи на европейца! Эти клейменыя кэпки, эти торбы, уздечки, сабли, эти бутылки вина съ клеймомъ италіанскаго краснаго креста, попавшія сюда случайно, выпутыя изъ брошенныхъ въ порывѣ отчаянія ранцевъ, снятыхъ, быть можетъ, съ убитыхъ и раненыхъ, рисуютъ вамъ всѣ кровавые ужасы войны.

Въ небольшихъ нишахъ, на прилавкахъ, поджавъ по турецки босыя ноги, сидятъ купцы: арабы, индѣйцы и абиссинцы. Большинство торгуетъ простымъ англійскимъ холстомъ, употребляемымъ на нижнее платье, да пестрыми шелковыми тряпками. Есть лавки, торгующія цвѣтнымъ сафьяномъ для сѣдельнаго набора, ладаномъ и москательными товарами. Шкура леопарда, не выдѣланная, попорченная червями виситъ на дверяхъ—за 3—7 талеровъ вамъ продадутъ ее охотно.

Европейская колонія невелика. Около двухъ десятковъ купцовъ, торгующихъ по магазинамъ, два, три агента торговыхъ фирмъ и французская католическая миссія, вотъ и все бѣлое населеніе африканскаго города.

Когда изъ узкаго и грязнаго переулка вы попадаете на просторный дворъ съ тремя раскидистыми акаціями, видите на крыльцѣ патріархальную фигуру монсиньора Жоррэна, съ широкой сѣдой бородой, въ бѣлой рясѣ съ капюшономъ, повязанной веревкой, съ четками на пухлыхъ рукахъ, когда вы видите осла, нагруженнаго корзинами съ плодами, и подлѣ монаха съ черной бородой, въ скуфейкѣ и съ ухватками іезуита, когда ваше ухо ловитъ ровные аккорды органа и дѣтскіе голоса, поющіе do-re-mi-fa-sol, вы забываете, что вы близъ центральной Африки, что рядомъ закованные въ цѣпяхъ томятся въ глухихъ каморкахъ преступники, а кажется, что небо Южной Франціи сверкаетъ надъ чистымъ дворомъ и братья монахи мирно живутъ на благодатной родинѣ.

Дѣятельность монсиньора весьма почтенна. Онъ держитъ почту между Харраромъ и Адисъ-Абебой, съ одной стороны, и Джибути, съ другой. Его мирная келья, въ которой много лѣтъ провелъ онъ просвѣщая черную братію, средоточіе историческихъ и бытовыхъ свѣдѣній о Харрарѣ. При миссіи есть школа, гдѣ юные харраристы обучаются догматамъ католической религіи. Но среди абиссинцевъ миссія не популярна. Гордые своими побѣдами, самодовольные абиссинцы не признаютъ своего нравственнаго убожества, своей отсталости и неохотно учатся чужимъ порядкамъ, чужимъ догматамъ.

Описаніе Харрара будетъ неполнымъ, если мы умолчимъ о свѣтлой личности его вице-короля и намѣстника раса Маконена. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось познакомиться съ нимъ лично: такъ какъ онъ былъ въ отсутствіи. Но весь Харраръ живетъ его духомъ, его почти европейскимъ образованіемъ. Его полиція наблюдаетъ порядокъ, геразмачъ Банти его предписаніями дѣйствуетъ — онъ и Менеликъ способствуютъ цивилизаціи страны, телефонъ ихъ

затѣя, и, быть можетъ, только они ясно понимаютъ, что полезно и что вредно. Храбрый воинъ на войнѣ, смѣлый охотникъ, Маконенъ добрый человѣкъ. Онъ окружилъ себя дѣтьми своихъ вѣрныхъ солдатъ. На его счетъ ѣдятъ и пьютъ его аскеры, боготворящіе и прославляющіе его на каждомъ шагу. Расъ Маконенъ, это лучшій образчикъ полководца въ томъ видѣ, какъ его понимали древніе народы— римляне и греки...

XVI.

Въ гостяхъ у абиссинскаго помѣщика.

25-го декабря, въ первый день Рождества Христова, въ девять часовъ утра въ столовой палаткѣ, у конвойнаго образа, въ присутствіи начальника миссіи, гг. офицеровъ, врачей и конвоя были прочтены молитвы и хоръ казаковъ, управляемый искусной рукой д-ра Щ—ва, пропѣлъ тропарь и кондакъ праздника; было прочтено евангеліе и соотвѣтствующія дню молитвы. Усердно молились казаки вдали отъ родины, вдали отъ всего милаго сердцу, въ чужой странѣ, въ жаркій Рождественскій день.

Днемъ длинная процесія аскеровъ въ бѣлоснѣжныхъ шамахъ и женщинъ съ корзинами, укрытыми красными платками, принесла дурго изъ имѣній раса Маконена. Громадный рыжій быкъ, съ жирнымъ горбомъ на шеѣ, шелъ впереди всѣхъ; сзади вели тучныхъ барановъ, несли громадные блины инжиры, гомбы тэча, тарелки меда, перца и инбирю. Вязанки дровъ, копны сѣна и мѣшки машиллы дополняли процесію. Это было грандіозное подношеніе владѣтельнаго раса начальнику россійской миссіи, это былъ особый знакъ дружбы, симпатіи и уваженія, знакъ, отъ котораго, согласно обычаямъ страны, отказаться было нельзя.

Этого быка ѣли восемь дней, изъ кожи его мастера-казаки подѣлали недоуздки для муловъ, починили ременные наборы, подбили подметки.

Вечеромъ офицеры и врачи обѣдали у начальника миссіи. Это былъ званый обѣдъ подъ чуднымъ южнымъ небомъ, усѣяннымъ миріадами звѣздъ, при кроткомъ свѣтѣ луны, освѣщавшей волшебную декорацію Харрарскихъ стѣнъ, садовъ и холмовъ, при звукахъ родныхъ пѣсенъ казачьяго хора...

А потомъ 26-го, 27-го декабря потекла тихая, мирная и томительная скучная жизнь на дневкахъ. Конвой занялся исправленіемъ своего инвентаря. Купили коверъ для палатки на случай холодовъ, купили кожу на подметки, купили цѣпи для привязыванія муловъ— это было наиболѣе необходимо. Всѣ ремни, всѣ веревки, взятыя изъ Джибути и Петербурга, были до чиста поѣдены мулами. Они грызли смоленые канаты и до-чиста съѣдали кокосовыя бечевки. По Сомалійской пустынѣ ихъ путали чѣмъ попало, цѣлую ночь стерегли и все-таки опасались бѣгства на безводныхъ переходахъ.

Скучная жизнь у стѣнъ Харрара нарушилась въ воскресенье 28-го декабря, когда мы были приглашены къ отцу Хейле Маріама— Ато Уонди.

Ато Уонди, бывшій начальникъ полиціи города Харрара и одинъ изъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ Харрарскаго округа. Онъ пригласилъ всѣхъ насъ, офицеровъ, врачей и казаковъ конвоя, къ себѣ въ имѣнье на обѣдъ... Мы должны были выѣхать, какъ можно раньше, но со сборами промѣшкали до 10-ти часовъ и въ 10 кавалькадой, по склонамъ горъ, покрытымъ сжатыми полями машиллы, по каменнымъ терасамъ, поросшимъ по краямъ громадными молочаями, кофе, ліанами, жасминомъ и померанцами, поѣхали верхомъ на мулахъ къ радушному абиссинскому помѣщику. Съ разрѣшенія начальника миссіи на африканскій пиръ было взято восемь казаковъ.

До мѣста пира ѣзды было полтора часа. Вскорѣ на скатѣ горы, покрытой машилловой соломой, показался сарай, сдѣланный изъ камыша и деревянныхъ жердей. Этотъ зеленовато-желтый сарай былъ предназначенъ для нашего пріема. Одной продольной стѣны у него не было, она замѣнялась столбами, оплетеными зеленымъ камышемъ и банановыми листьями. Поперекъ онъ дѣлился на три части, двѣ по краямъ большія столовыя и въ серединѣ узкая—буфетная. Правая бесѣдка предназначалась для насъ, лѣвая для казаковъ. Столы, сдѣланные изъ кольевъ, вбитыхъ въ землю, съ верхомъ изъ камыша съ зеленой скатертью изъ громадныхъ банановыхъ листовъ, были расположены въ видѣ буквы П. Кругомъ шли такія же скамьи, покрытыя коврами.

Хозяинъ, окруженный толпою своихъ кліентовъ и слугъ, ожидалъ насъ у своеобразной постройки. Тутъ же былъ и абиссинскій священникъ абба Ульде Мадгинъ въ русской вязаной, черной съ малиновыми полосами фуфайкѣ и круглой шапочкѣ, «другъ русскихъ», во время пира игравшій роль шута.

Да это былъ пиръ, а не обѣдъ, пиръ, воскресившій въ памяти членовъ миссіи гомерическія описанія, гомерическія сравненія. Невольно заговорили гекзаметрами.

На скамьяхъ, вокругъ стола, можно было сидѣть или лежать, по желанію. Съ шумнымъ разговоромъ, съ восклицаніями удовольствія по адресу радушнаго хозяина мы разсѣлись кругомъ.

Ато Уонди мужчина лѣтъ 45-ти, скорѣе толстый, плотный и коренастый, съ умными ласковыми глазами, въ бѣлоснѣжной шамѣ съ пурпуровой полосой вдоль ея, ходилъ вокругъ стола, прислуживая и угощая. Въ его движеніяхъ было много природной граціи — это джентльменъ и аристократъ отъ рожденія. Его кліенты—мелкіе помѣщики, баши (начальники пятидесятковъ) и баламбарасы (начальники сотенъ) сѣли противъ насъ; мальчикъ лѣтъ пятнадцати командовалъ слугами и пиръ начался...

Намъ подали большіе стеклянные стаканы и по нѣсколько блиновъ инжиры; скатерти, если не считать таковою банановыхъ листовъ, намъ не полагалось, не было ни салфетокъ, ни ложекъ, ни ножей, ни тарелокъ. Въ стаканы самъ Уонди налилъ французскаго абсента, разбавили его водой и послѣ этого европейскаго преддверія перешли на абиссинскій столъ. Двое слугъ внесли большой красный подносъ, усыпанный кусками горячей бараньей печенки, обильно посыпанной перцемъ. Каждый бралъ сколько хотѣлъ, бралъ руками, клалъ на инжиру и ѣлъ запивая тэчемъ. Тэчу было сколько угодно, цѣлое море тэча, мутнаго, желтаго, ѣдкаго, пьянаго. Его наливали изъ синихъ эмалированныхъ чайниковъ, изъ деревянныхъ гомбъ, изъ бутылокъ. Мальчикъ-буфетчикъ не зѣвалъ. Едва отвернешься—глядишь уже стаканъ наполненъ и лукаво и ласково улыбаясь Ато Уонди подходитъ чокнуться.

Кто мало взялъ печенки, тому самъ хозяинъ своими руками отсыпаетъ цѣлую груду. По чернымъ пальцамъ течетъ жиръ, но это никого не шокируетъ — тутъ такъ принято. Гляжу всѣ наши съ апетитомъ ѣдятъ руками проперченную блѣднорозовую внутри печенку. Ѣдятъ до отвала, ѣдятъ такъ, какъ никогда не ѣли, да и не будутъ ѣсть, ѣдятъ гомерически, запивая хмельнымъ тэчемъ. На смѣну печенки явилась снова инжира. И такъ передъ каждымъ цѣлая гора красноватыхъ блиновъ, но Уонди сыплетъ еще каждому свѣжихъ, лучшихъ. Вереница слугъ несетъ бараньи косточки, на костяхъ кистями висятъ куски жареной баранины, жидкій красный перецъ течетъ по нимъ. Каждый рветъ сколько хочетъ руками, помогая перочиннымъ ножемъ или кинжаломъ. Полусырая баранина

проперчена насквозь, она обжигаетъ ротъ, захватываетъ горло. Но всякій ѣстъ и опять-таки ѣстъ гомерически и нельзя иначе. Зорко слѣдитъ за гостями хозяинъ, отбираетъ лучшія гирлянды кусочковъ мяса, рветъ ихъ руками и даетъ.

— «Малькамъ», говоритъ онъ, и столько радушія въ темномъ лицѣ, что невольно отвѣчаешь—«маляфья» [1]) и ѣшь, ѣшь.

Абба смѣшитъ гостей. То онъ передразниваетъ французовъ, забавно засовываетъ за шею салфетку, брезгливо ѣстъ маленькіе кусочки мяса и бормочетъ слова, похожія на французскія, то прыгаетъ и поетъ духовные гимны.

Смѣются отъ души, смѣются много, такъ много, какъ и ѣдятъ, да и что прикажешь дѣлать, когда сидишь въ камышевомъ домѣ, ѣшь съ бананового листа и запиваешь тэчемъ, когда кругомъ зеленыя горы и безоблачное голубое небо, когда Европа осталась гдѣ-то позади, когда сидишь въ Африкѣ!....

Вслѣдъ за бараньими кусочками цѣлая толпа слугъ внесла на жердяхъ изъ кипариса запеченныхъ цѣликомъ барановъ. Съ копытами, съ оскаленными зубами и обуглившимися глазами, несомые двумя, тремя слугами бараны преподносились каждому. Видя, что русскіе гости не вполнѣ усвоили гомерическій масштабъ абиссинскаго пира и берутъ слишкомъ маленькіе куски, Ато Уонди взялся рѣзать самъ. У кого очутилась баранья ляжка, у кого половина бока, каждый погружался въ нѣжное, мало прожареное, сладковатое мясо, рѣзалъ куски, обливая руки жиромъ, и ѣлъ ихъ безъ соли, безъ ничего. Подгорѣлая вкусная кожа хрустѣла на зубахъ, Уонди отыскивалъ лучшія части и подкидывалъ то и дѣло ихъ гостямъ. И половины одного барана еще не съѣли, какъ уже внесли втораго, третьяго, четвертаго... По оживленію, которое слышалось изъ сосѣдняго навѣса, можно было предположить, что такое угощеніе въ древнемъ стилѣ пришлось по вкусу и казакамъ.

Къ баранамъ подали салатъ съ головками чесноку между его листьевъ, красное вино и снова тэчь.

Ѣсть стало не въ моготу, но впереди предстоялъ чай, медъ и еще тэчь. Мы попросили антрактъ. Большинство забрало ружья и пошло на охоту стрѣлять маленькихъ колибри и длиннохвостыхъ медососовъ.

По возвращеніи подали вареный темный чай и абиссинскій медъ въ желѣзныхъ тарелкахъ съ кусочками грязнаго воска въ немъ.

---

[1]) Малькамъ—хорошо, маляфья—отлично.

Но уже ѣсть было не въ моготу. Пиръ начался около полудня, а теперь уже солнце клонилось къ западу, надо было думать о возвращеніи.

Назадъ ѣхали весело, пѣли пѣсни, смѣялись, вспоминая, какъ рвали руками полусырое мясо, какъ «пожирали», другого слова найти нельзя, цѣликомъ зажаренныхъ барановъ. Двое слугъ Ато Уонди несли за нами въ лагерь барана, увитаго зелеными гирляндами; привѣтливый хозяинъ посылалъ его начальнику миссіи, не могшему посѣтить этого пиршества.

Во время обѣда интересно было наблюдать отношеніе Уонди патрона къ его кліентамъ. Они обѣдали за однимъ столомъ съ нами, но имъ давали наши объѣдки, наливали имъ изъ недопитыхъ нами стакановъ, они третировались добродушнымъ, но умнымъ Уонди, какъ третировалось римскіе мелкіе граждане своими патриціями Большіе желтые псы бѣгали подъ столами и подбирали крохи, упавшія на землю, это не были собаки Уонди, это были чьи-то собаки, но ихъ никто не гналъ, такъ было надо...

И вспоминались за зеленымъ столомъ абиссинскаго помѣщика незатѣйливые разсказы ветхаго завѣта и чудилось, что это не жизнь, а волшебный сонъ, художественная иллюстрація книгамъ Моисеевымъ.

XVII.

Сборы въ путь.

Для поднятія громаднаго груза нашего каравана требовалось болѣе трехсотъ муловъ; нужно было, или купить ихъ, или нанять... Но экспедиція раса Маконена въ землю галловъ потребовала отъ населенія почти всѣхъ способныхъ къ работѣ животныхъ и геразмачъ Бánти находился въ большомъ смущеніи. Миссіи надо было спѣшить идти большими переходами, выступить, какъ можно скорѣе, а начальникъ купцовъ, расъ Нагадій, не могъ найти желающихъ взять подрядъ на себя. Посмотрѣли купцы нашъ грузъ, массивные ящики съ царскими подарками и задумались. Съ одной стороны желаніе Менелика, чтобы посла Москова безъ задержки отправили въ Аддисъ-Абебу, съ другой — отказъ купцовъ принимать грузъ на себя, нежеланіе ихъ давать муловъ—положеніе непріятное.

Начальникъ миссіи предполагалъ выступить изъ Харрара 31-го декабря, но со всѣми этими проволочками, переговорами и сборами

пришлось отложить выступленіе до 2-го января и встрѣчать новый годъ въ своемъ лагерѣ у Харрарскихъ стѣнъ.

Темная и холодная ночь спустилась надъ долиной Харрара. Полная луна бросила феерическіе отблески на далекій куполъ собора, на бѣлыя стѣны Маконенова дворца, лиловый туманъ залегъ на кофейныя плантаціи и таинственно зажглись семь звѣздъ Оріона въ зенитѣ, когда мы собрались на нашу новогоднюю жженку.

Блѣдно-голубое пламя то вспыхивало, то исчезало въ большой кастрюлѣ, языки его то взбирались на самый верхъ сахарной головы, то лились огненными струями въ чашку, гдѣ угасали, помѣшиваемыя искусными руками нашего фармацевта Л — ва, поручика Ч — ова и другихъ офицеровъ. Начальникъ миссіи съ супругой обѣщали быть на встрѣчѣ, и всѣ ожидали 12-ти часовъ. Температура въ палаткѣ быстро подпималась, пріятная теплота послѣ холодной ночи разливалась по тѣлу. За веселой бесѣдой, за ужиномъ, въ приготовленіи котораго нашъ поваръ воркунъ Илья Захаровичъ превзошелъ самого себя, незамѣтно подкрался таинственный моментъ смѣны стараго года новымъ, прошлое отходило въ область воспоминаній, наступало новое, новыя свѣтлыя надежды возлагались на новый годъ, являлись новыя мечты. Въ двѣнадцать раздались первые тосты, первыя пожеланія. И невольно мысль членовъ абиссинской миссіи, русскихъ, надолго оторванныхъ отъ родного края, отъ родныхъ обычаевъ перенеслась за многія тысячи верстъ въ родные дома, вспомнились тѣ, которые покинуты на холодномъ сѣверѣ, и не одна чарка добраго пунша была осушена въ нѣмомъ молчаніи за доброе здравіе отсутствующихъ. И въ эту минуту, словно напоминая, что встрѣча новаго года происходитъ не въ обычныхъ условіяхъ, подъ самымъ лагеремъ протяжно завыла гіена...

Разошлись около двухъ часовъ ночи, разошлись задумчивые, немного грустные, полные воспоминаній.

1-го (13-го) января, по утру, въ конвойной палаткѣ молились Господу Богу, а потомъ, не смотря на праздникъ, приступили къ работѣ по снаряженію каравана.

Явился расъ Нагадій, плотный человѣкъ съ сѣдымъ, плохо бритымъ подбородкомъ, пришелъ геразмачъ съ цѣлой свитой ашкеровъ, пришелъ Ато Марша и Ато Уонди, явились купцы. Веденіе переговоровъ было возложено на поручика К — го, хорошо говорящаго по абиссински. Начались торги. Мы требовали пройти разстояніе отъ Харрара до Энтото, около 600 верстъ, въ 20 дней, при уплатѣ

за мула по 15-ти талеровъ за конецъ, эти условія были предложены намъ геразмачемъ и очень имъ одобрены.

Купцы кинулись къ ящикамъ и заявили:

— «Мы не согласны брать съ мула, да и вы будете недовольны. Есть ящики легкіе, но громоздкіе, неудобные для вьючки, на нихъ нужны особые мулы, вы будете недовольны. Лучше брать по вѣсу».

— «Хорошо, мы согласны».

Но какъ брать по вѣсу въ странѣ, гдѣ матерію и веревки продаютъ локтями, гдѣ нѣтъ понятія о вѣсѣ. Купцы предлагаютъ взять за единицу платы вѣсъ 20 винтовокъ Гра одному мулу. Итакъ вводится новая единица силы футо-винтовка Гра. Мы согласны узнать вѣсъ нашего багажа въ ружьяхъ Гра, раздѣлить на 20 и за каждую полученную единицу заплатить по 15-ти талеровъ. Кажется дѣло кончено. Не тутъ-то было.

— «Мы не пойдемъ до Энтото въ двадцать дней», заявляютъ намъ купцы.

— «Они не пойдутъ двадцать дней», важно мычитъ за ними жирный расъ Нагадій.

— «Сколько же вы пойдете?», спрашиваетъ К—ій.

— «Намъ нужно полтора мѣсяца», нахально заявляютъ купцы.

Призываемъ на помощь имя Менелика, но купцы уже уперлись. Безмолвная стачка готова.

— «Отберите наиболѣе громоздкія вещи и отправьте ихъ на Эрреръ и далѣе по Данакильской пустынѣ на Энтото, подъ охраной абиссинскаго конвоя», совѣтуетъ Банти.

Мы и на это согласны. Энтото и Харраръ имѣютъ два пути — одинъ черезъ долину Черчеръ, по крутымъ и скалистымъ горамъ со многими подъемами и спусками, трудно проходимый верблюдами — муловая дорога, другая правѣе ея, сѣвернѣе идетъ отъ Гильдессы на Эрреръ, а затѣмъ по Данакильской пустынѣ на Бальги и на Энтото. По этому пути идутъ верблюды до Бальги, а далѣе носильщики и мулы.

Но купцамъ и этого показалось мало. Какія мы ни дѣлали имъ уступки, какъ бы ни уменьшали свои требованія, они все были недовольны. Часы проходили за этими переговорами, мы теряли терпѣніе и ни къ чему не могли придти. Они говорили свое «твердое слово» и тутъ же нарушали его. Пришлось обратиться къ геразмачу. Геразмачъ допросилъ ихъ.

— «Вы правы, они виноваты», сказалъ онъ и приказалъ забрать купцовъ въ тюрьму.

Утѣшительнаго въ этомъ было мало. Мы все-таки сидѣли на мѣстѣ въ Харрарѣ и не имѣли надежды выступить скоро. Геразмачъ совѣтовалъ бросить намъ купцовъ, взять караванъ на Эрреръ и идти черезъ него. Тамъ и теплѣе и охота хорошая и дойдете вы въ то же почти время... Въ планахъ похода на Эрреръ прошелъ вечеръ 1-го января.

2-го (14-го) января, около полудня явились купцы, геразмачъ, Ато Марша и Ато Уонди. Они согласны. Они одумались; вчера они не соглашались потому, что мулы были въ Дэру (120 верстъ отъ Харрара), но теперь геразмачъ обѣщалъ дать до Дэру носильщиковъ и они могутъ везти нашъ багажъ. Приступаютъ къ вѣшанію груза. На трехъ бревнахъ воздвигаютъ обыкновенные вѣсы, отбираютъ отъ солдатъ конвоя геразмача ружья и начинаютъ вѣшать. Пять писцовъ палочками надписываютъ имя купца, который беретъ на себя ящики. Въ то же время наиболѣе громодзкія вещи отбираютъ для эррерскаго каравана. Вѣшаютъ точно, медленно. Желѣзный крюкъ изображаетъ четверть винтовки, вѣшаютъ до одной четверти, повѣряютъ, перевѣшиваютъ. Толпа купцовъ сидитъ кругомъ вѣсовъ и смотритъ за правильнымъ вѣсомъ, тутъ же и расъ Нагадій и Ато Уонди.

Яркое солнце освѣщаетъ живописную картину. Полуголые носильщики таскаютъ ящики, расъ Нагадій въ черномъ плащѣ, Ато Уонди въ бѣлой съ красной полосой шамѣ, пестрые ашкеры кругомъ, три столба съ примитивными вѣсами и груда ружей. Толстякъ Недодаевъ стоитъ съ книжкой въ рукѣ и повѣряетъ вѣсъ, К — ій сидитъ на ящикѣ и записываетъ.

— «Асра-андъ (одиннадцать)», говоритъ арабъ-писецъ.

— «Одиннадцать ружей, ваше высокоблагородіе», заявляетъ Недодаевъ, «ну, чудаки, на ружья вѣшаютъ, вотъ бы тебѣ Полукаровъ свѣситься, сколько ружей въ тебѣ—то-то занапилъ бы!»

— «Шути»! огрызается Полукаровъ, «ты вотъ смотри, они крюкъ положили на разновѣсъ, а ты молчишь».

— «Нехай, имъ же хуже...»

День проходитъ, солнце прячется за горы, а еще много вещей остается на завтра.

3-го (15-го) января. Мы выступили, отправивъ 27 верблюдовъ по 18-ти талеровъ за верблюда на Эрреръ, подъ наблюденіемъ абиссинцевъ, оставивъ д-ра Щ—ва и кандидата К—цова и казаковъ Демина и Панова для сопровожденія каравана, идущаго отъ Гильдессы на Эрреръ, выступили около 2-хъ часовъ дня, въ половинномъ составѣ.

Галласы-носильщики забрали часть груза и унесли его, когда оказалось, что не все еще перевѣшено. Нужно было еще остаться на нѣкоторое время въ Харрарѣ. Начальникъ миссіи, его супруга, штатъ его слугъ, полковникъ А—овъ, я, поручики Ч—ковъ и Д—довъ, фармацевтъ Л—овъ и восемь человѣкъ казаковъ, составляя изъ себя ядро миссіи, направились къ озеру Хоромайя.

XVIII.

По Харрарской провинціи.

Когда живешь мѣсяцы въ палаткѣ, когда каждый день передвигаешься съ мѣста на мѣсто, устанавливаешь колья, походную постель, столъ для работы, развѣшиваешь оружіе по стойкамъ, невольно привыкаешь считать палатку своимъ домомъ. Черномазый Уольди, слуга моего сожителя, въ синей курткѣ становится своимъ человѣкомъ, интересуешься его здоровьемъ, наблюдаешь его простое міросозерцаніе, задумываешься надъ этимъ человѣкомъ, судьба котораго невольно связана съ вашей судьбою, трудами черныхъ рукъ котораго вы живете и, наконецъ,—любишь его.

Для него весь міръ слагается изъ бакшиша и жалованья, съ этихъ свѣтлыхъ талеровъ онъ переходитъ потомъ на источникъ ихъ, на бѣлаго человѣка, господина, гэту—и онъ привязывается къ вамъ, какъ собака. Въ однихъ холщевыхъ штанахъ, босой, накрытый ночью одной тонкой полотняной шамой, безъ тюфяка и безъ подушки, онъ спитъ при 4° мороза на пнѣ травы, дрожитъ какъ собака, хвораетъ лихорадкой, а на завтра, едва раздается властный голосъ—«Уольди!», уже слышенъ хриплый отвѣтъ — «Абьэтъ», откуда-то извнѣ, изъ холода и сырости травы.

Онъ подастъ вамъ воды умыться, онъ принесетъ отъ буфетчика чаю, поможетъ одѣться, соберетъ ваши вещи и, едва вы выйдете, онъ свалитъ и сложитъ палатку. Днемъ, навьюченный фотографіей, ружьемъ и бутылкой съ водой, онъ бѣжитъ сзади мула на высокія горы, по острымъ утесамъ. Онъ ищетъ ваши вещи среди разбросаннаго каравана на бивакѣ, ставитъ палатку, дѣлаетъ постель, а потомъ садится подлѣ раскинутыхъ чемодановъ и сторожитъ имущество. Онъ не чуждъ извѣстнаго сентиментализма. Вы устали съ похода, васъ раздражили сомали и вы легли не въ обычный часъ на

жесткую койку. Черное лицо заглянуло подъ полы палатки разъ, заглянуло другой...

— «Мындерну»? [1]), спрашиваете вы.

— «Toi malade»?, участливо говоритъ Уольди.

— «Non!» и вы отворачиваетесь къ стѣнѣ и думаете невеселыя думы.

Уольди исчезаетъ.

Вечеромъ къ чаю онъ приноситъ вамъ три апельсина. Вы далеки отъ города, кругомъ нѣтъ никакихъ фруктовъ. Харраръ давно покинутъ.

— «Откуда ты досталъ»?

— «Харраръ. Pour toi!..»

Вы позволяете ему въ холода накрыться вашей буркой, спать подъ пристѣномъ палатки, вамъ еще болѣе жаль его...

Онъ не идеальный человѣкъ, нѣтъ... Вы ему даете на чай талеръ, онъ вскидываетъ его на рукѣ и говоритъ.

— «Ça n'est pas бакшишъ».

— «Почему»?

— «Бакшишъ—trois talérs».

Оказывается, другимъ слугамъ дали на чай три талера, и вотъ норма бакшиша стала три талера. Онъ обидѣлъ васъ, вы обидѣли его—и все потому, что взгляды на вещи у васъ разные—черный и бѣлый.

Въ Харрарѣ онъ пьянствовалъ акуратно каждый день. Наконецъ, вы сдѣлали ему выговоръ—пьянство прекратилось. Мы можете его высѣчь, если хотите, по закону вы можете дать 15 ударовъ, но врядъ ли подымется у васъ на него рука. Въ концѣ концовъ вы слились съ нимъ въ одну столь отличную другъ отъ друга жизнь—жизнь офицера и деньщика. Вы лежите на койкѣ изъ двухъ чемодановъ, подъ одѣяломъ, на простынѣ, ѣдите два раза въ день баранину, пьете чай, одѣты согласно температурѣ—онъ вѣчно въ своей старой шамѣ, всегда на воздухѣ, на голой землѣ, питается горстью риса, да блиномъ инжиры... По міровоззрѣніямъ, по существу, по службѣ—человѣкъ, по образу жизни, вѣрности и неприхотливости—собака...

О чемъ онъ думаетъ, когда бѣжитъ за вами, о чемъ онъ думаетъ, когда, будто прислушиваясь, сидитъ онъ на вашемъ чемоданѣ и смотритъ на далекія звѣзды?... Онъ думаетъ о томъ, что вы думаете, онъ

[1]) Мындерну—что такое?

старается проникнуть ваши желанія и предупредить ихъ—вы будете жалѣть его, когда онъ уйдетъ отъ васъ, онъ будетъ плакать и цѣловать ваши ноги на прощанье...

Вы забудете его, едва только сядете на пароходъ и почувствуете привычное біеніе европейской жизни—онъ забудетъ васъ, когда подпрыгивая и потрясывая талерами отбѣжитъ отъ васъ на сто шаговъ. Вы займетесь своими дѣлами, отдадите свою персону въ распоряженіе бритаго Карла—онъ найдетъ другаго «гэту», за которымъ также будетъ ходить. Побольше сердечнаго отношенія къ черному слугѣ и онъ полюбитъ, какъ любилъ васъ...

Мы выступили изъ Харрара около 2-хъ часовъ дня и въ 5-мъ часу, все время идя по прекрасной аллеѣ, обсаженной молочаями, дошли до нашего бивака у озера Хоромайя.

Видъ обширнаго воднаго пространства, среди невысокихъ зеленыхъ холмовъ, чуть волнующагося при легкомъ вѣтеркѣ, ласкалъ наши взоры, отвыкшіе отъ воды. Хоромайя имѣетъ продолговатую форму и по длинѣ тянется верстъ на пять, имѣя въ ширину около двухъ верстъ. Его берега густо поросли, саженей на десять отъ края, водорослями, далѣе озеро чисто и глубоко. Стада утокъ всевозможныхъ породъ: кряковыхъ, нырковъ, широконосовъ, пестрыхъ селезней, водяныя курочки, гуси и небольшія, необыкновенно пушистыя гагары цѣлыми стаями держатся подлѣ берега. Все озеро усѣяно черными точками водяной дичи, которая свободно подпускаетъ на ружейный выстрѣлъ. Кругомъ, по невысокимъ холмамъ лежатъ галласскія деревни, видны поля машиллы, отгороженныя стѣлами молочаевъ.

Нашъ маленькій отрядъ пришелъ на почлегъ безъ провіанта, безъ палатокъ, безъ постелей, даже безъ бурокъ и подстилокъ. Все осталось позади въ Харрарѣ и серьезнымъ вопросомъ являлось для насъ—придетъ ли багажъ сегодня, или останется до завтра. Мы выслали Уольди сторожить наши вещи, а сами отправились на охоту. Я и поручикъ Д—овъ обѣщали доставить ужинъ на весь отрядъ.

Едва только, закинувъ за плечо ружье, я отошелъ отъ мѣста бивака, какъ цѣлая толпа, человѣкъ въ сорокъ, галласовъ съ шумомъ послѣдовала за мной. Знаками я объяснилъ имъ, что мнѣ нужно только двухъ человѣкъ, что остальные мнѣ только мѣшаютъ,—двое, выбранныхъ мною, кивнули головами въ знакъ того, что они поняли мое желаніе, но и остальные не отстали. Я не отошелъ и десяти шаговъ, какъ уже стрѣлялъ по уткамъ. Какъ скоро галласы увидали,

что птица убита, быстро сбросили они съ себя шамы и на перегонки пустились вплавь доставать дичь. Потомъ, со вторымъ выстрѣломъ они завели между собою очередь и безропотно лазили между водорослей, доставая дичь. Черезъ часъ мой патронташъ былъ пустъ. Восемь утокъ, одна гагара и четыре водяныя курочки были моей добычей; я возвращался домой. Уже вечерѣло, багровое солнце спускалось за холмы, озеро почернѣло, птицы скрылись въ камыши.

Д—овъ принесъ 12 утокъ, одну гагару и двухъ курочекъ, ужинъ у насъ былъ, но въ чемъ варить?

— «Котлы не пришли, ваше высокоблагородіе», трагически докладываетъ мнѣ Терешкинъ.

— «А безъ котловъ нельзя», слышу бодрый, звенящій голосъ Д—ова сзади себя, «ты ихъ палочкой проткни, да на вертелѣ и жарь».

— «Какъ же такъ», разводитъ руками Терешкинъ. «Нѣшто въ чайникѣ попробовать»?

— «И прекрасно, вали въ чайникъ. Ты, братъ, не мудрствуй лукаво, а дѣйствуй!», одобряетъ планъ Терешкина полковникъ.

— «Слушаюсь. Попытаюсь. Только много не навáришь», плачевно говоритъ Терешкинъ и съ черными слугами садится щипать дичь. Мы всѣ голодны. Утка, вареная или жареная, кажется намъ лакомымъ блюдомъ.

Палатокъ нѣтъ. Уольди является и заявляетъ, что «дункáнъ іэллэмъ»...

Пришла палатка полковника и то безъ шестовъ и безъ кольевъ, а между тѣмъ холодная ночь наступаетъ, ночь безъ крова и теплой одежды.

Сырой туманъ потянулъ съ озера. Онъ задернулъ молочнымъ покровомъ долину, пролѣзъ къ невысокимъ холмамъ и закрылъ предметы. Влага стала пробирать насквозь. Полковникъ раздалъ части своей палатки намъ и казакамъ, мы разослали ихъ на мокрой травѣ и легли, накрываясь остаткомъ холста. Ноги коченѣли отъ холода и сырости, мы лежали, сбившись въ кучу, ожидая, когда роварятся наши утки.

И, когда онѣ поспѣли и Терешкинъ принесъ ихъ, мы ѣли ихъ, безъ соли, руками, кладя на кислую инжиру и запивая коньякомъ, случайно оказавшимся у поручика Ч—кова. Но бодрое настроеніе никого не покидало. Острили и шутили все время, проводили паралель между нашимъ плачевнымъ положеніемъ безъ крова въ сырую холодную ночь, на берегу Африканскаго озера, и положеніемъ на-

шихъ петербургскихъ знакомыхъ гдѣ-нибудь на балу или въ театрѣ. Шесть яицъ, принесенныхъ галласами, довершили нашъ ужинъ и, укрывшись съ головой въ жидкое полотнище, мы забылись тяжелымъ сномъ.

Пробужденіе было непріятно. Температура упала до 0°, трава, на которой мы лежали, покрылась инеемъ. Я выползъ изъ-подъ холста и пошелъ размять закоченѣвшія руки съ ружьемъ и опять толпа галласовъ сопровождала меня, опять при всякомъ удачномъ выстрѣлѣ они кидались въ воду, не смотря на утренній холодъ...

Но взошло солнце, пригрѣло зазябшее тѣло и забылись невзгоды холодной и сырой ночи.

4-е января. Озеро Хоромайя, дневка. Мы отошли всего 20 верстъ отъ Харрара и уже принуждены дѣлать дневку. Вчера вышла разница въ счетѣ винтовокъ, на 21 мула. Абиссинскіе купцы считали больше—мы меньше. Начальникъ миссіи предлагалъ прибывшему рано утромъ геразмачу заплатить по ихъ, абиссинскому счету, лишь бы выступить безъ проволочки, безъ задержки. Но геразмачъ просилъ перевѣшать еще разъ вьюки. Пришлось согласиться и сдѣлать дневку.

Около полудня прибыли купцы, поставили вѣсы, любезный нашъ помощникъ Ато Уонди усѣлся управлять этимъ дѣломъ, арабы взяли свои карандаши и длинные и узкіе листы бумаги и начали вѣшать и записывать багажъ по купцамъ...

За этимъ занятіемъ прошелъ весь день.

Наши вещи распоряженіемъ геразмача Банти идутъ до пятаго нашего ночлега, до Дэру, на носильщикахъ. 120 слишкомъ верстъ семи, восьми пудовые ящики несутся на рукахъ полуголыми босыми людьми, несутся по страшной кручѣ, по острымъ каменнымъ утесамъ.

Кто эти носильщики?—Все тѣ же галласы, трудами рукъ которыхъ, лопатами вскопаны нивы и засѣяны машиллой, тѣми галласами, что вскормили и вспоили этихъ сытыхъ горбатыхъ быковъ, этихъ бѣлыхъ овецъ и барановъ.

Ихъ съ нами идетъ болѣе четырехсотъ человѣкъ. Каждый знаетъ свой ящикъ и со своими помощниками бережетъ его. Онъ принесъ вашу палатку и ложится подлѣ нея, онъ идетъ за вашимъ чемоданомъ. По утру онъ съ видомъ голоднаго звѣря ожидаетъ, когда вы соберете свои пожитки и повалите палатку. Онъ хватаетъ ящики, колья и бѣжитъ на слѣдующую станцію. Не ставьте часовыхъ, не стерегите имущества, галласъ-носильщикъ сохранитъ вамъ

ввѣренный ему ящикъ, бдительнѣе лучшаго часоваго, вѣрнѣе сторожа. Онъ головой отвѣчаетъ за цѣлость сундуковъ и ящиковъ и онъ скорѣе умретъ, нежели кому-либо безъ приказанія передастъ вашу вещь. Бѣдно одѣтые, безъ панталонъ въ одной лишь сѣроватой шамѣ, они сильно страдали по ночамъ отъ холодовъ, цѣлыя групы ихъ можно было видѣть по утрамъ подлѣ догорающаго костра.

Они дрожали, какъ въ лихорадкѣ, стараясь прикрыть свои худыя голыя плечи грязной сѣрой шамой, они питались крохами сухой инжиры и это не мѣшало имъ бѣгомъ взносить наши вещи на крутыя горы. Тихіе, скромные, трудолюбивые, они безропотно сносили всѣ тягости похода, терпѣли холодъ и голодъ, ежеминутныя оскорбленія абиссинскихъ шумовъ и ашкеровъ. Ими завѣдывалъ шейхъ Абдуллахи, начальникъ мусульманъ города Харрара, въ помощь ему было дано нѣсколько абиссинскихъ кавалеристовъ. Въ пестрой шамѣ, съ ружьемъ Гра на плечѣ, съ длинной палкой въ рукахъ, то и дѣло проскакивали они вдоль нашего каравана подбодряя «вьючныхъ людей», словами и тростью.

Абиссинецъ побѣдитель, абиссинецъ завоеватель — жестокъ къ побѣжденнымъ. Гордый своею побѣдою, онъ уже не признаетъ ничего человѣческаго въ покоренной націи. Наши мальчишки слуги, при встрѣчѣ съ галласами, отбирали у нихъ воду и молоко безъ платы и галласы смотрѣли на это со стоическимъ спокойствіемъ. Онъ абиссинецъ — онъ имѣетъ право сдѣлать это, хорошо еще, что не побилъ... Когда, однажды, мы узнавъ объ этомъ, наказали слугу, — онъ былъ пораженъ и понять не могъ, что обираніе галласа—преступленіе. Нашъ Уольди сталъ бариномъ. Носильщики-галласы ставили намъ палатку, по его жесту приносили вещи. Эта покорность, терпѣніе, привычка уважать абиссинцевъ настолько вкоренилась даже въ это короткое время [1]) среди галласовъ, что когда я пошелъ на охоту съ галласомъ проводникомъ и самъ понесъ винтовку, галласъ кинулся отнимать ее у меня, увѣряя, что такому «большому человѣку», какъ я, неприлично самому носить ружье.

Ихъ сгоняли по распоряженію геразмача въ мѣста нашихъ ночлеговъ для смѣны, и они смѣнялись безъ шума, безъ пропажи вещей.

По пути то и дѣло попадались ихъ убогія хижины, сплетенныя изъ хвороста, кругомъ торчали тычки сжатой машилы. То тутъ, то тамъ видны были пласты новины, свѣже поднятой лопатами земли, другаго

[1]) Одиннадцать лѣтъ.

*

способа обработки полей они не знают,—стада быковъ и ословъ—это была собственность раса Маконена, а галласы его крѣпостные.

Воскресенье, 5-го января. Отъ озера Хоромайя до Лаго-Корса—20 верстъ. Мы проснулись рано утромъ отъ оживленнаго говора на галласскомъ языкѣ, возлѣ самой нашей палатки. Уольди нѣсколько разъ заглядывалъ, приподнимая полы ея, и всякій разъ укоризненно посматривалъ на моего сожителя, не собиравшагося повидимому вставать. Было страшно холодно. Наши легкія индѣйскія палатки продувало насквозь, бурка не защищала отъ сырости, земля была покрыта инеемъ. Я вышелъ на воздухъ и увидѣлъ групу галласовъ, сидящихъ кругомъ на корточкахъ и ожидающихъ, когда мы имъ дадимъ свои вещи. Деньги, царскіе подарки, канцелярія, галеты—все это уже было разобрано и спѣшно увязывалось на грубыя носилки. Иные болѣе счастливые галласы имѣли съ собою маленькихъ осликовъ, на которыхъ клали назначенный имъ грузъ, другіе несли его сами.

Около 7 часовъ утра, весь лагерь уже былъ поднятъ и мы тронулись вдоль берега Хоромайи.

Мѣстность мѣняла свой характеръ. Горы становились выше, показались пихты и кедры, мѣстами пошли перелѣски. Но полей все еще было много.

Около 11½ часовъ утра, все время слѣдуя по хорошей черноземной дорогѣ, мы перешли черезъ ручей, благополучно избѣгнувъ ненадежнаго моста, и на холмѣ, покрытомъ высокой сухой прошлогодней травой, стали бивакомъ, въ виду галласской деревни—Лаго-Корса.

Вторникъ, 6 января. Отъ Лаго-Корса до Урабиль—20 верстъ.

Изъ Лаго-Корса мы выступили, не тревожимые ничѣмъ, около 7½ часовъ утра, и черезъ какой нибудь часъ вошли въ громадный лѣсъ пихтъ и кипарисовъ. Высокія деревья простирали свои пушистыя нѣжныя вѣтви надъ нашими головами, маленькія туйи обступили дорогу, а сквозь переплетъ ихъ вѣтвей видны были толстые сѣрые стволы, охватовъ въ шесть или восемь. Сухая трава и мохъ покрывали почву. Большіе молочаи, громадные кусты дикаго геліотропа показывались здѣсь и тамъ, среди густаго, темнаго лѣса. Дорога то подымалась, то опускалась, то шла по карнизу, попадая вглубь высокаго лѣса, то выбивалась на его опушку. Ароматъ туйи, геліотропа и травъ, мягкая прохлада воздуха, въ тѣни развѣсистыхъ деревъ, дѣлали путешествіе весьма пріятнымъ.

Около 12-ти часовъ, мы круто спустились внизъ и попали въ долину, окруженную густыми лѣсами. По долинѣ протекалъ не широкій ручей. Эта мѣстность называлась Урабилэ. Вечеромъ, послѣ переклички, я приказалъ казакамъ, по случаю праздника Крещенія Господня, спѣть «Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи». Ночь прошла спокойно. Въ лѣсу выли шакалы, а по склону лѣсной горы съ вечера загорѣлась бездна галласскихъ костровъ. Среди тумана въ темнотѣ южной ночи, эти костры висѣли въ воздухѣ одинъ надъ другимъ волшебной декораціей; синеватые дымы вертикально поднимались къ верху, образуя ровныя освѣщенныя полосы.

Среда, 7-го января. Отъ Урабилэ до Челенко—20 верстъ. Выступили между 7-ю и 8-ю часами, по прекрасной лѣсной дорогѣ, и около полудня прибыли на широкую холмистую прогалину, поросшую высокой сухой травой—мѣсто боя между абиссинцами и харраритами въ 1886 году.

12 лѣтъ тому назадъ 1-го января, потомокъ эмира Нура—эмиръ Харраріійскій Абдулъ-Аги прибылъ на эту мѣстность, чтобы воспрепятствовать движенію абиссинскихъ войскъ къ сторонѣ Харрара. Все населеніе города, способное носить оружіе, галласы съ копьями и щитами, арабская артиллерія изъ четырехъ орудій заняли опушку лѣса и приготовились къ упорному бою. Каждый зналъ, на что онъ шелъ. Галласы защищали свои дома, свои нивы, свои стада, харраріийцы стояли за свой городъ, за своихъ женъ и дѣтей. Но они были слабо вооружены, не имѣли силы воли, твердости духа, чтобы смѣло вынести и неудачи и несчастія начала боя. Это были купцы и земледѣльцы, вмѣсто плуга и вѣсовъ, взявшіеся за ружье, копье и пушку.

На разсвѣтѣ на опушкѣ лѣса показалась абиссинская пѣхота. Она шла пятью колоннами—раса Маконена, раса Дерчи, негуса Менелика, раса Губена и Дадьяча Ольде Гаріеля. Мѣстность, на которой предстояло столкнуться противнымъ сторонамъ, представляетъ изъ себя лѣсную прогалину версты двѣ шириною и верста глубиною. Перерѣзанная нѣсколькими некрутыми балками, она въ общемъ имѣетъ форму котловины, со всѣхъ сторонъ окруженной густымъ лѣсомъ.

Бой предстоялъ лѣсной.

Абиссинцы разсыпались въ нѣсколько цѣпей (лавъ) и открыли частый безпорядочный огонь по войску Абдулъ-Аги. Харрариты отвѣчали имъ, но безъ большаго успѣха. Артиллерія ихъ не могла пристрѣляться, да за громадными стволами вѣковыхъ туйй, ядра почти не наносили вреда.

Бой развивался необыкновенно быстро. Начавшись около 8-ми часовъ утра, онъ къ 10-ти достигъ наибольшаго напряженія. Въ это время конница всѣхъ пяти отрядовъ собралась въ одномъ мѣстѣ на правомъ флангѣ абиссинскихъ войскъ и вразсыпную кинулась на артиллерію Абдула-Аги. Въ нѣсколько минутъ они достигли пушекъ и начали бросать свои дротики, которыми пронизали насквозь харрарійскихъ артиллеристовъ. Одновременно съ атакой на батарею, пѣхотныя лавы, подбодряя себя воинственными кликами «Айгумэ!, Айгумэ!», линія за линіей побѣжали на войска противника. Харрарійцы не выдержали и обратились въ бѣгство. Абиссинская конница понеслась преслѣдовать бѣгущаго непріятеля. По крутымъ склонамъ, поросшимъ громадными деревьями, кустами и высокой травой, бѣжали галласы и харрарійцы, разбиваясь на отдѣльныя кучки, за ними, обгоняя ихъ, нанося страшные удары своими саблями, скакали абиссинскіе всадники. Привычные кони не спотыкались о камни, перелѣзали черезъ поваленные стволы, прыгали черезъ горные потоки. Трупы несчастныхъ покрывали узкій путь отъ Челенко до Харрара.

Безъ корма, безъ ѣды въ продолженіи 12-ти часовъ гнали абиссинцы обезумѣвшаго отъ страха противника и въ 10 часовъ вечера побѣдителями вошли въ Харраръ, разсѣялись по его улицамъ, всюду внося смерть и ужасъ за собой.

Харраръ палъ. Абдулъ-Аги съ веревкой на шеѣ былъ введенъ въ городъ, которымъ столько лѣтъ правили его предки. Абиссинскіе чиновники сѣли въ домахъ и таможня заработала въ пользу новаго правителя Харрара раса Маконена...

Подъ сѣнью раскидистой туйи, лежа на желтой соломѣ, я выслушалъ этотъ разсказъ отъ абиссинца Марка. Когда, слегка путаясь въ русскомъ языкѣ, онъ повѣствовалъ о натискѣ конницы на арабскую артиллерію, стоявшую «вотъ здѣсь, на этомъ самомъ холмѣ», его глаза разгорѣлись. Суровые призраки воиновъ для войны, воиновъ отъ рожденья появились между стволовъ, въ зелени геліотроповъ и ліанъ... Видиѣе стали сѣрые и вороные кони, гордо скрутившіе свои точеныя шеи, грызущіе острые мундштуки, раздался воинственный вой, загудѣла земля, запестрѣли побѣдные ленты на плечахъ у черныхъ всадниковъ, запѣли жгучую пѣсню чуть колеблющіеся при полетѣ дротики и умолкли арабскія пушки...

Вся лощина покрылась бѣлыми шамами; видны черные круги кожаныхъ щитовъ; сверкаютъ копья, у иныхъ видны ружья за пле-

чами. Мстительный, дикій, полный страсти африканскій бой въ разгарѣ...

Смолкъ Маркъ, задумчиво опустивъ курчавую голову свою... Тихо шелеститъ въ долинѣ сухая трава, да временами мирно шумятъ при налетѣвшемъ вѣтеркѣ высокія туйи...

Четвергъ, 8-го января. Отъ Челенко до Дэру 35 верстъ. Конвой выступилъ непосредственно за начальникомъ миссіи въ 7½ часовъ утра.

Съ громкими пѣснями подвигались мы по красивой, поросшей цвѣтущими кустами лощинѣ. За лощиной начался крутой подъемъ на высокую гору. Усѣянная мелкимъ булыжникомъ дорога шла по узкому карнизу надъ глубокой пропастью. Деревья и кусты всѣхъ породъ поросли по кручѣ. Малина свѣшивала кисти еще сырыхъ ягодъ, красныхъ и плотныхъ. Ея вѣтви подпимались на нѣсколько саженъ вышиной, образовывали густую свѣтло-зеленую заросль. Кругомъ блѣдно-розовыя штокъ-розы, бѣлый шиповникъ и жасминъ переплетенныя ліанами, сплошной стѣной стояли по горѣ и проливали нѣжный сладкій ароматъ. А за пропастью поднимались новыя горы, мохнатыя отъ густаго лѣса, такія же высокія, дикія, неприступныя. Эти горы уходили вдаль, выдвигаясь одна за другою, синѣя своими покрытыми лѣсомъ вершинами. За горами тянулись безпредѣльные пески Данакильской пустыни. Голубое небо, яркое солнце и зелень всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ!!

Не напрасно зовется Абиссинія — Африканской Швейцаріей. Эти горные склоны, покрытые дѣвственнымъ лѣсомъ, красивѣе, богаче Европейскихъ лѣсовъ. Размѣры и форма Африканскихъ горъ грубѣе и рѣзче, растительность удивительно разнообразна.

Съ каждымъ шагомъ открывались новыя красоты. То дорога опускалась круто внизъ, между мелкими каменьями струился тихій ручей, дерево-великанъ легло поперекъ него, по сѣрой корѣ поросъ тонкими нитями нѣжный, зеленый мохъ, за стволомъ подняли ажурныя головки туйи, дальше громадный рицинусъ раскинулъ свои лапчатые блестящіе листья, еще дальше цѣлая компанія темно-сѣрыхъ великановъ стволовъ поросла такъ густо, что черныя тѣни легли въ лѣсу и таинственно глядятъ оттуда заросли молодыхъ кипарисовъ...

Съ высокой горы дорога постепенно спускается внизъ. Пейзажъ достигаетъ удивительной красоты. Громадная долина, чуть всхолмленная, покрыта желтой травой, вышиной въ ростъ человѣка. И среди

этой травы здѣсь и тамъ видны густые острова кустовъ и развѣсистыхъ деревъ. Высокія горы окружаютъ долину. Горы поросли лѣсомъ. Лѣсъ сбѣгаетъ тутъ и тамъ остроконечными мысами въ долину. Неширокій ручей струится черезъ нее, камышъ и зеленая трава поросли по его берегамъ...

Но особенно красива эта картина вечеромъ передъ закатомъ солнца. Яркій дискъ опустился уже за горы. Багровый закатъ догораетъ. Природа затихла. Мрачный, таинственный, чернѣетъ вдали тропическій лѣсъ. Чуждые голоса слышны оттуда. То фыркаютъ гуарецы (гверецы), визжатъ шакалы, неизвѣстныя птицы кричатъ въ самой чащѣ. Тамъ своя жизнь; жизнь, чуждая людей, жизнь кровавой борьбы за существованіе...

Лагерь утихаетъ. Носильщики-галласы, получившіе 100 талеровъ бакшиша, расходятся съ веселымъ говоромъ по дорогѣ.

Конвой становится на перекличку. Въ сыромъ воздухѣ звенитъ казачья труба и эхо дѣвственныхъ лѣсовъ отражаетъ кавалерійскую зорю.

Чудная, величественная картина!!

9-го, 10-го и 11-го января—три дневки въ Дэрӯ. Муловъ нѣтъ... Абиссинскіе купцы оправдали свое семитическое происхожденіе — они надули и не пришли ни 9-го, ни 10-го... Пошли скучные дни, скрашенные лишь роскошью природы да царской охотой въ тропическомъ лѣсу.

Мулы пришли лишь 11-го января—и то не всѣ, 30 муловъ не хватало... На 12-е назначили выступленіе...

Со словомъ Африка обыкновенно связывается понятіе о безпредѣльныхъ пескахъ, о перистыхъ пальмахъ, здѣсь и тамъ выросшихъ отдѣльными купами, о скалахъ и камняхъ, у подножія которыхъ лежатъ желтые львы... Густые лѣса, безконечныя степи, покрытыя высокой травой, принято считать принадлежностью Америки.

Лѣса у Дэрӯ имѣютъ совершенно не Африканскій видъ.

Чѣмъ ближе вы подходите къ лѣсу, тѣмъ мощнѣе развертываетъ свои красоты тропическая флора. Сухая желтая трава становится выше. Она уже закрываетъ васъ съ головой. Издали несется ароматъ цвѣтовъ, ароматъ оранжереи. Высокія розовыя штокъ-розы образуютъ густую заросль, къ нимъ примѣшиваются большіе кусты мимозъ, геліотроповъ, жасмина и шиповника. Маленькія птички перелетаютъ съ куста на кустъ, сверкая металломъ своихъ крыльевъ. Кусты становятся гуще. Тонкія зеленыя ліаны, плющъ и виноградъ ползутъ по нимъ, подпимаются до самой вершины и зеленымъ кас-

кадомъ падаютъ внизъ въ зелень малины, въ розовые кусты пахучихъ штокъ-розъ.

Въ изумленіи останавливаешься и замираешь среди высокой травы. Не знаешь, вдыхать ли мягкій ароматъ цвѣтовъ, слушать ли чириканье и пѣнье птичекъ, или раскрыть широко глаза и смотрѣть, смотрѣть на пестроту красокъ, на чудную гармонію зеленыхъ тоновъ, на калейдоскопъ цвѣтовыхъ пятенъ... Дальше идти нельзя. Всячіе корни, покрытые мягкимъ зеленымъ мхомъ, толстыя ліаны, плотный переплетъ стволовъ, вѣтвей, листвы и нитей—непроницаемъ. Нагибаешься къ самой землѣ и нѣсколько шаговъ ползешь по мягкой травкѣ подъ иглами мимозъ и шиповника...

Лѣсъ сталъ рѣже, вы выпрямляетесь. Зеленый полумракъ кругомъ. Густая заросль кокосовыхъ пальмъ высоко подняла стволы, распустила по верху зеленыя кроны. Громадные бананы съ листьями въ нѣсколько саженей длиной кинули кверху свѣтлую зелень свою. Одна кокосовая пальма упала, стволъ ея сгнилъ и далъ жизнь массѣ мелкихъ ползучихъ растеній. А рядомъ сѣрый стволъ смоковницы, саженей въ пять въ обхватѣ, распростеръ гигантскія вѣтви, раскидалъ кругомъ деревья и образовалъ лужайку, поросшую папоротникомъ. Одни стволы лежатъ на землѣ, покрытые ліанами и цвѣтами, другіе простерли надъ ними мощныя вѣтви свои. Лѣсной ручей тихо струится между камней, между зеленыхъ мимозъ, лиловыхъ геліотроповъ.

Тепло, сыро, ароматно.

Большія зеленыя птицы съ ярко-красными крыльями прыгаютъ и ныряютъ въ вѣтвяхъ, маленькія колибри со стальными перьями хлопочутъ среди цвѣтовъ.

Тише! Что-то зашуршало въ густой заросли сплошныхъ кустовъ. Не леопардъ ли крадется за добычей? Крѣпко сжимаешь винтовку и осматриваешь таинственный сумракъ вѣтвей и ліанъ. И видишь пугливую газель, что словно тѣнь скользитъ между травъ и кустовъ. Видишь маленькихъ птичекъ, что прыгаютъ по землѣ.

Съ большимъ трудомъ перелѣзая черезъ громадные стволы, подползая подъ толстыя ліаны, обрывая одежду о колючки мимозъ, продираться сквозь лѣсную чащу. Громадныя деревья столпились въ одномъ мѣстѣ, заросль стала гуще. Стадо гуарецъ, большихъ, черныхъ, съ бѣлымъ кольцомъ на спинѣ и бѣлой пушистой кистью на хвостѣ, обезьяна услышавъ шумъ шаговъ пугливо прыгаетъ съ дерева на дерево и прячется въ зелени. Ни одной не видно. Галласъ-проводникъ долго смотритъ вверхъ, беретъ васъ за руку и гово-

ритъ—«шуфъ, шуфъ, мульто аллэ» (смотри, смотри, есть много). Смотришь по направленію его пальца и видишь бѣлую точку хвоста. Начинаешь цѣлить по хвосту, выстрѣлъ — и тяжелая обезьяна падаетъ съ сука. Въ предсмертныхъ мукахъ цѣпляется она за сучки и вѣтки, наконецъ, обрывается окончательно и съ глухимъ шумомъ упадаетъ на землю. Но она не мертва. Жалостно прижимаетъ она свои переднія руки къ ранѣ и тяжело дышетъ. Смерть наступаетъ медленно.

А кругомъ шелестятъ задумчивыя мимозы, пальмы качаютъ перистыми головами.

Идешь дальше черезъ ручей, карабкаешься по утесу и видишь новую картину. Туйи, мимозы и кусты вновь преграждаютъ путь настолько, что дальше идти невозможно—дѣвственный, непроходимый лѣсъ.

Газели, коричневые лающіе олени, лѣсныя курочки то и дѣло мелькаютъ въ лѣсной чащѣ, среди кустовъ и ліанъ...

Выйдешь изъ этого лѣса и долго стоишь очарованный на его опушкѣ; долго удивляешься, что столько вѣковъ растутъ развѣсистыя туйи, прочныя мимозы, тѣнистыя смоковницы и не коснулась ихъ рука человѣка, не застучалъ топоръ, не расчистилъ колючія заросли... Абиссинцы мало заняты своимъ лѣсомъ. Онъ растетъ, никѣмъ не посѣщаемый, и страшно терпитъ отъ пожаровъ. Пожаръ при насъ истребилъ всю мѣстность у Дэру и пожегъ опушку прекраснаго лѣса.

Еще съ 10-го числа на горизонтѣ видѣнъ былъ дымъ, а ночью небо пылало, отражая зарево. Къ вечеру 11-го трава загорѣлась на холмѣ по ту сторону ручья, она вспыхнула, какъ порохъ, съ сухимъ трескомъ; пожаръ огненной волной полился съ горы въ лощину. 12-го января, около полудня, все запылало. Листья деревьевъ на опушкѣ рощъ краснѣли и свертывались въ трубку; стволы чернѣли, но огонь не проникалъ далеко, губя только молодые невысокіе кусты. На мѣсто желтаго поля съ чуть колыхимой соломой—осталась черная земля, покрытая мѣстами сѣрой золою. Опушка лѣса потеряла свой роскошный зеленый уборъ, и красныя, погорѣлыя деревья уныло торчали по краю лѣса. Эти пожары иногда бываютъ страшно губительны. Цѣлые лѣса выгораютъ въ нѣсколько дней и никому въ голову не приходитъ косить траву, пока она зеленая, уничтожать эти обширные склады сухой соломы...

10-го декабря мы наблюдали солнечное затменіе. День насталъ какой то хмурый, задумчивый. Вѣтра не было и дымъ отъ недалекаго

степнаго пожара подпимался къ верху и расплывался по голубой небесной глади. Около 9-ти часовъ утра солнце вдругъ потускнѣло.

— «Дымомъ застилаетъ», заговорили казаки.

Птицы въ лѣсу смолкли, мулы, пущенные на пастбище, перестали ѣсть, во всей природѣ чувствовалось какое то напряженіе, всѣ чего то ждали. Термометръ, показывавшій 21°R въ тѣни, сталъ падать. Горы и лѣсъ приняли какой то мутный оттѣнокъ. Тѣни стали блѣдныя, мало видныя, но солнце все еще сіяло во всей своей силѣ. Ровно въ $9^1/_2$ часовъ утра солнечный дискъ началъ уменьшаться. Черная тѣнь луны заходила сбоку, свѣтъ началъ убывать, термометръ упалъ до +13°R. Всѣ вышли изъ палатокъ и стояли кучками, наблюдая сквозь закопченыя стекла.

— «Быть большой войнѣ!», говорили абиссинцы; казаки были спокойнѣе. Они вспоминали когда и при какихъ обстоятельствахъ еще наблюдали они солнечныя затменія.

Свѣтъ сталъ тусклый, разсѣянный. Лица казались зелеными, деревья сѣрыми, но предметы не потеряли ясности очертаній. Въ 10 часовъ 30 минутъ утра только узкій и длинный серпъ ярко-краснаго солнца освѣщалъ землю. Серпъ перешелъ съ боку на верхъ, острые концы его перевѣсились къ низу, затменіе стало убывать, въ 11 часовъ 30 минутъ оно окончилось.

Но еще долго въ природѣ царило молчаніе, долго не рѣшались пѣть и чирикать въ зеленой листвѣ птицы и безмолвныя и грустныя стояли деревья...

12-го января, понедѣльникъ. Отъ Дэрѣ до Бурка. 22 версты. Съ восходомъ солнца въ станѣ купцовъ началось движеніе. На муловъ и лошадей накладывали примитивнаго устройства вьючныя сѣдла и купцы разошлись по бивуаку.

Я смотрѣлъ на несчастныхъ вьючныхъ животныхъ. Почти ни одной лошади, ни одного мула не было съ непобитой спиной... Эти побои ярко-краснаго цвѣта иногда тянулись съ обѣихъ сторонъ отъ холки до крупа. Прямо на мясо клали мягкія тряпки, старыя бараньи кожи, а поверхъ всего ленчикъ съ одной передней лукой. И мулы, и лошади не имѣли ни уздечекъ, ни недоуздковъ, но одну только веревку, прицѣпленную на шею. Погрузка шла спѣшно. Партія за партіей бѣжали мулы по горной дорогѣ. Канцелярія, царскіе подарки, казна, большая часть груза ушла уже, начальникъ миссіи тронулся въ путь, за нимъ потянулся и конвой.

Было $7^1/_2$ часовъ утра. Дорога началась чрезвычайно крутымъ подъемомъ. Идти было трудно, воздухъ становился рѣже, мы подня-

лись на 2,232 метра надъ уровнемъ моря. Густой лѣсъ все время былъ по сторонамъ дороги. Поднявшись на верхъ мы медленно начали опускаться, дошли до обрыва и здѣсь, по вьющейся спиралью, усѣянной камнями тропинкѣ быстро спустились въ прекрасную тѣнистую лощину. Стадо гуарецъ прыгало по деревьямъ, красиво свѣшивая свои бѣлые хвосты, два, три «дункулй» (нѣчто среднее между газелью и оленемъ) кинулось въ чащу; стало прохладно, ароматъ тропическаго лѣса пропиталъ воздухъ. Какой ароматъ! Нѣжнѣйшій запахъ жасмина, приторный геліотропа и запахъ сырости, листвы и мягкой хвои.

Лѣсъ отступалъ отъ дороги, мы выѣзжали на поляну. Вправо роща мимозъ со столовидными кронами, влѣво крутой склонъ, поросшій мощнымъ лѣсомъ.

Горы отступали дальше и дальше, на нѣсколько верстъ тянулось поле высокой, желтой теперь, травы. Тропинка расширилась, земля стала черной, мы подходили къ ручью Бурка, притоку р. Уэби. При выходѣ изъ лѣса, человѣкъ 30 ашкеровъ съ ружьями, положенными однообразно на плечо, построенныхъ въ одну шеренгу, безъ рапжира, встрѣтило насъ. Это былъ отрядъ геразмача Душкй, подъ начальствомъ его помощника: самъ геразмачъ ушелъ на войну съ расомъ Маконеномъ.

Начальникъ миссіи приложилъ руку къ козырьку и ашкеры поклонились въ поясъ, не измѣняя положенія ружья. Я подтянулъ конвой, выстроилъ фронтъ и, по приказанію начальника миссіи, казаки грянули «Ой хмель, мой хмелекъ»... Ашкеры, пропустивъ отрядъ мимо себя, бросились бѣгомъ передъ насъ и «толпою во образѣ колонны» пошли впереди начальника миссіи, сзади его ѣхалъ я, кеньазмачъ—начальникъ отряда, переводчикъ, баламбарасъ, далѣе казаки и слуги начальника...

Въ такомъ порядкѣ мы подошли къ узкому, по быстрому и глубокому ручью Бурка, перешли его въ бродъ и стали располагаться бивакомъ на прекрасной лужайкѣ по берегу ручья. Это было около полудня.

Караванъ приходилъ быстро. Поваръ разложилъ свои инструменты и занялся приготовленіемъ обѣда; одна за другой воздвигались офицерскія палатки. Мы ожидали около двухъ часовъ аріергардъ поручика К—го и казаковъ Крынина и Кривошлыкова, но ихъ не было. Вмѣсто того послѣдніе муловщики стали приносить тревожныя извѣстія...

Грузъ на 12 муловъ не поднятъ... Мулы ушли... Лѣсной пожаръ надвинулся на Дэру... у К—го нѣтъ ни палатки, ни обѣда...

Позвали помощника раса Нагадія, потребовали, чтобы онъ послалъ на подъемъ багажа 12 муловъ; расъ Нагадій пошелъ къ купцамъ, но купцы отказались посылать муловъ. Они собрались толпою, долго бранились, причемъ расъ Нагадій нѣсколькихъ побилъ палкой, но муловъ не дали. Начальникъ миссіи потребовалъ начальника абиссинскаго конвоя и предложилъ ему обезпечить своими ашкерами доставку изъ Дэру въ Бурка неподнятаго груза. Начальникъ конвоя заявилъ, что онъ присланъ лишь для охраны личности посла и что ему нѣтъ никакого дѣла до купцовъ...

Въ безплодныхъ переговорахъ, угрозахъ и увѣщаніяхъ проходили часы. Упрямства абиссинцевъ сломить не удалось. Наступила холодная ночь, а поручика К—го и вещей съ аріергардомъ не было. На 13-е была назначена дневка и приказано разслѣдовать, кто виноватъ.

13-е, 14-е и 15-е января—дневки въ Бурка. Мы поднялись до восхода солнца и приказали начать погрузку вещей на муловъ по купцамъ: начальникъ миссіи желалъ выяснить кто виноватъ и не взялъ положеннаго ему груза.

Не прошло и 20-ти минутъ послѣ погрузки, какъ внизу у палатки начальника миссіи раздался дикій вой; вой, которымъ абиссинцы сзываютъ на бой. Всѣ купцы побросали муловъ и лошадей и съ палками, ружьями и кинжалами кинулись къ палаткѣ. Оттуда выбѣжалъ одинъ изъ купцовъ, громко воя, плача, причитая, воздѣвая руки къ небу. Крикъ и гамъ поднялся невообразимый. Я и поручикъ Ч—ковъ бросились къ толпѣ и преградили путь къ палаткѣ начальника миссіи. Они напирали на насъ и мы собственноручно отталкивали ихъ. Многіе замахивались на насъ палками и выхватывали кинжалы.

— «Пойдемъ бить русскихъ!», кричали разъяренные купцы.

Я вызвалъ двухъ казаковъ конвоя, Сидорова и Могушина, и видъ казачьихъ плетей успокоилъ воинственное настроеніе харарскихъ торговцевъ.

Большаго труда стоило намъ удержать казаковъ отъ расправы плетьми.

— «Ваше высокоблагородіе, вѣдь они прямо аспиды, дозвольте!», говорилъ мощный широкоплечій Могушинъ, каждой рукой отталкивая человѣка по три...

Расъ Нагадій отозвалъ купцовъ и приступилъ къ допросу. Ока-

залось слѣдующее. Купецъ, принимавшій вещи, заподозрилъ, что урядникъ Габѣевъ положилъ лишнее противъ того, что было въ чемоданѣ, и дерзко сталъ выкидывать пожитки.

— «Оставь», сказалъ ему Габѣевъ, «что ты дѣлаешь». Тотъ продолжалъ свою работу.

— «Оставь, тебѣ говорятъ!» и Габѣевъ сталъ обратно укладывать вещи.

Купецъ толкнулъ Габѣева, Габѣевъ далъ сдачи и купецъ поднялъ воинственный вой.

Купцы перестали грузить и на требованіе наше послать муловъ за вещами въ Дэру согласились отправить только трехъ...

Начальникъ миссіи рѣшилъ послать въ Куни (70 верстъ отъ Бурка) поручика Ч—кова для переговоровъ по телефону съ г. Ильгомъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ негуса объ ускореніи движенія.

День прошелъ тихо. Мы разставили палатки. Ходили ловить рыбу въ рѣчкѣ, поручикъ Д—овъ настрѣлялъ шесть гуарецъ, а между прочимъ поджидали поручика К—го. Вещи изъ Дэру приходили понемногу, но люди, привозившіе ихъ, приносили неутѣшительныя извѣстія. На дорогѣ бродили разбойники, путь былъ небезопасенъ для одиночныхъ людей и никто не желалъ ѣхать брать оставшійся багажъ.

14-го января, рано утромъ, поручики Ч—овъ и Д—овъ съ казакомъ Архиповымъ и четырьмя черными слугами выѣхали изъ Дэру въ Куни. Отъѣздъ ихъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на купцовъ.

Между тѣмъ отсутствіе К—го и казаковъ аріергарда, въ связи съ непріятными извѣстіями изъ Дэру, вызвало безпокойство за жизнь и здоровье ихъ. Начальникъ миссіи уже хотѣлъ отправить кого-либо на развѣдку, когда на горизонтѣ показалось два всадника. Въ одномъ скоро узнали казака Кривошлыкова.

Тяжелыя мысли вызвало появленіе его одного съ переводчикомъ Маркомъ въ чалмѣ и казачьей шинели...

Не случилось ли чего? Вспоминались случаи, бывавшіе съ абиссинцами, вспомнили, что этотъ горячій, самолюбивый народъ весьма скоръ на кровавую расплату... Ищи въ горахъ виноватаго...

Вспомнили мы все это и призадумались...

Но Кривошлыковъ привезъ хорошія вѣсти. Грузъ подняли и везутъ. Правда, эти два дня дались очень тяжело К—му и оставшимся при немъ казакамъ. Они ожидали каждую минуту помощи

изъ Бурка̀, въ Бурка̀ каждый мигъ ожидали ихъ прибытія, думали, что К—му удастся достать носильщиковъ, или нанятьословъ, или, наконецъ, привести грузъ на своихъ мулахъ, идя самимъ пѣшкомъ. Поэтому мы и не принимали первые дни никакихъ мѣръ къ обезпеченію провіантомъ аріергарда. Наступила для нихъ первая, холодная ночь, ночь безъ палатокъ, безъ тепла. Посланный за провизіей абиссинецъ Маркъ донесъ, что у галласовъ нѣтъ ни инжиры, ни яицъ и что онъ ничего не могъ достать. Аріергардъ призадумался. Рѣшили разобрать оставшійся грузъ и посмотрѣть, не найдется ли тамъ что-либо съѣстное. Подобно тому, какъ Робинзонъ Крузо разбирался въ выброшенныхъ моремъ тюкахъ, такъ и люди аріергарда при свѣтѣ луны и приближавшагося лѣснаго пожара осматривали ящики. Два свертка казачьихъ шинелей, ящикъ съ инструментомъ, соль, стеклянная посуда и, о счастье!—сахаръ и чай. Въ жестяномъ кувшинѣ вскипятили воду, заварили чай и, напившись пустаго чая, легли всѣ вмѣстѣ на росистую траву, накрывшись бурками. Встали рано. Утромъ пришелъ одинъ мулъ. Мошенники купцы посылали вмѣсто шести одного. Погрузили этого несчастнаго мула, какъ могли больше, и отправили въ Бурка̀, а сами остались ожидать еще помощи. Погонщикъ мула принесъ препепріятное извѣстіе: русскіе ушли изъ Бурка̀ въ Горо̀. Положеніе становилось тяжелымъ. Оставалось надѣяться на Бога, да на самихъ себя. Взяли ружья и пошли на охоту, первый разъ не для удовольствія, а ради промысла. Поручикъ К—ій убилъ леопардовую кошку, а Кривошлыковъ оленя. Оленя изжарили и поѣли съ солью безъ хлѣба, потомъ погрузили своихъ муловъ брошенными вещами и перевезли грузъ черезъ гору, дальше не пошли: животныя легли и отказывались вставать. Пришлось заночевать въ лѣсу, опять безъ палатокъ и обѣда. Поѣли оленины, запили чаемъ и полегли на голой землѣ подъ деревьями. На третій день по утру подошли еще мулы и хлѣбъ и консервы. Теперь уже можно было ѣхать безостановочно. Пустивъ Кривошлыкова впередъ, поручикъ К—ій съ казакомъ Крыжинымъ пошли въ хвостѣ маленькаго каравана и прибыли, наконецъ, 14-го января, въ 5 часовъ вечера, въ Бурка̀.

Грузъ былъ собранъ. Оставалось разобрать его по купцамъ и пуститься въ дальнѣйшій путь. Вѣдь на каждомъ ящикѣ, на каждомъ сверткѣ есть надпись красными чернилами, обозначающая имя купца, обязавшагося доставить вещи до Аддисъ-Абебы. Какимъ же образомъ могло выйти такое крупное недоразумѣніе? Сейчасъ же по

прибытіи послѣдняго ящика поручикъ К—ій приступилъ къ выясненію обстоятельствъ нашего промедленія.

Во-первыхъ, изъ купцовъ, только трое взялись лично сопровождать нашъ грузъ, остальные прислали наемныхъ прикащиковъ, совершенно неграмотныхъ; во-вторыхъ, на многихъ ящикахъ и сверткахъ отъ росы и потныхъ рукъ галласовъ-носильщиковъ надписи стерлись и ихъ было трудно разобрать; въ-третьихъ, нашлось три купца, носящихъ одно имя Загайэ, и ни одинъ изъ нихъ не желалъ брать свертковъ съ этой надписью, ссылаясь на то, что есть другіе Загайэ, которые и обязаны везти эти вещи; въ-четвертыхъ, муловъ было взято слишкомъ мало по грузу...

За выясненіемъ этихъ обстоятельствъ, оказалось, что мы и 15-го выступить не можемъ. Все утро прошло въ разборѣ груза, гортанныхъ крикахъ и трагическихъ жестахъ отчаянія. Около полудня изъ Харрара пріѣхалъ сынъ Нагадій раса, молодой человѣкъ, лѣтъ восемнадцати, недурной собой, державшійся съ большимъ достоинствомъ.

Слухи о недоразумѣніяхъ въ Дэру́ и Бурка́ дошли до Харрара. Съ грустью услышалъ о неприличномъ поведеніи купцовъ старикъ геразмачъ Ба́нти, огорчился Уонди и расъ Нагадій. Дѣла не позволили имъ прибыть и помочь великому послу московъ; и такъ четыре дня не занимался дѣлами, не творилъ судъ и расправу старый губернаторъ, а проводилъ эти дни въ лагерѣ у русскаго посла... Такихъ почестей никому еще не оказывали. Нагадій расъ рѣшилъ послать своего сына. Сопровождаемый толпой купцовъ, онъ обошелъ наши вещи и разобралъ, кто былъ виноватъ въ Дэру́. За палатку, не попавшую въ опись, начальникъ миссіи приказалъ уплатить и дѣло наладилось...

Я потому описываю такъ подробно эти мелкія ссоры и недоразумѣнія съ купцами, что они хорошо характеризуютъ абиссинцевъ Семитъ по племени—онъ во всемъ, касающемся торговли или денегъ, настоящій еврей. Обмануть, не исполнить обѣщанія, взять дороже, выклянчить талеръ это его дѣло. Талеръ для него дороже, нежели свобода, даже жизнь. Благородный воинъ—становится грязнымъ жидомъ, какъ только дѣло коснется торговли, наживы, рубля...

Намъ всюду оказывали громадный почетъ. Геразмачи и кеньазмачи съ отрядами ашкеровъ встрѣчали насъ въ концѣ каждаго перехода. Но и они ничего не могли подѣлать съ купцами. «Мы не вольны въ нихъ. Мулы ихъ, они идутъ, какъ хотятъ, самъ негусъ не можетъ имъ приказать идти скорѣе, чѣмъ они могутъ идти, не

надрывая животныхъ...», вотъ отвѣтъ, который мы получали отъ всѣхъ абиссинскихъ начальниковъ.

И со всѣмъ тѣмъ пріемы надувательства ихъ были самые дѣтскіе. Надпись стерлась, и хотя я и знаю, что грузъ мой, я не везу, покажи, дескать, надпись... Мы сравнивали сомалей съ дѣтьми—это тоже дѣти съ ихъ слезами, съ ихъ трагическими пантомимными жестами, съ ихъ криками и воемъ, но это дѣти, побывавшія въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ...

Пятница, 16-го января, отъ Буркà до Ибибэмъ—20 верстъ. Отрядъ нашъ выступилъ съ бивака въ $8^1/_2$ часовъ утра. Около часа мы шли по прекрасной долинѣ, покрытой черноземомъ и поросшей высокой травой, прошли мимо красиваго ручья Буркà, достигающаго у дороги глубины до двухъ саженъ при ширинѣ въ три аршина, падающаго маленькими водопадами, съ берегами, покрытыми густой травой и высокимъ тростникомъ... Отъ рѣки дорога начала подыматься кверху и вскорѣ мы достигли высоты 2,232 метровъ.

Кругомъ видны были горные отроги, покрытые лѣсомъ. Громадные иркумы, съ носами, длиною въ 5—6 вершковъ, съ рѣсницами на глазахъ и темно-зелеными перьями, бродили въ травѣ, по крутымъ скалистымъ обрывамъ бѣгали стада павіановъ-гамадриловъ. Поручику К—му, ѣхавшему въ аріергардѣ, удалось замѣтить такое стадо. Онъ слѣзъ съ мула и сталъ карабкаться по скаламъ. Стадо перевалило черезъ горный хребетъ и, своеобразно похрюкивая, стало спускаться съ горъ. Старикъ-вожакъ одинъ остался, желая, повидимому, присмотрѣться къ неизвѣстнымъ ему бѣлымъ людямъ. Онъ влѣзъ на невысокій кустъ и зло смотрѣлъ на К—го. Поручикъ К—ій выстрѣломъ изъ 3-хъ-линейной винтовки сразилъ павіана. Это былъ чудный самецъ, почти двухъ аршинъ ростомъ, съ густой сѣдой гривой и громадными зубами. Онъ былъ пораженъ въ самое сердце. Вѣсилъ онъ болѣе двухъ пудовъ. Его руки были величиною съ руку взрослаго человѣка. Съ тріумфомъ привезли его въ лагерь...

Перевалилъ черезъ одинъ горный хребетъ мы подошли къ другому и снова начался утомительный подъемъ и потомъ снова спускъ. Этотъ перевалъ продолжался болѣе часа. Здѣсь, отойдя къ югу отъ дороги, около версты, мы стали бивакомъ на погорѣломъ склонѣ горы у ручья Ибибэмъ. Послѣдніе мулы пришли въ $4^1/_2$ часа дня. Около того же времени въ горахъ два раза прогремѣлъ громъ, упало нѣсколько дождевыхъ капель, походили тучки, словно въ раздумьи спрыснуть имъ весеннимъ дождичкомъ «сэфыръ московъ» (русскіи

лагерь), или пощадить его,—да раздумали и уже въ 6 часовъ солнце зашло при совершенно ясномъ небѣ.

Поутру мой рапортъ былъ, какъ всегда: «въ конвоѣ больныхъ нѣтъ, наказанныхъ нѣтъ, въ теченіе ночи происшествій никакихъ не случилось».

Температура ночью была +13° R.

Суббота, 17-го января. Отъ Ибибэмъ до Кэфу—18 верстъ. Весь путь состоялъ изъ двухъ громадныхъ подъемовъ и спусковъ. Мы пересѣкли два горныхъ, поросшихъ лѣсомъ, хребта, и послѣ 3½-часоваго пути подошли къ горному ручью Кэфу. Между хребтами лежала долина и на ней абиссинская деревня Хирна, обычное мѣсто остановки каравановъ, идущихъ въ Аддисъ-Абебу.

Караванъ на мулахъ шелъ быстро, почти не отставая отъ насъ, и къ 2-мъ часамъ лагерь уже былъ поставленъ на площадкѣ, среди лѣса, между красивыхъ лѣсныхъ островковъ...

Сегодня восемнадцатый день, какъ мы не имѣемъ никакихъ писемъ, никакихъ извѣстій изъ Европы. По мѣрѣ удаленія отъ нея она сжималась, становилась меньше и меньше, будто мы смотрѣли на нее съ воздушнаго шара, или въ обращенный бинокль. Всѣ мелкіе интересы городской, петербургской жизни стушевались, исчезли, потонули въ интересахъ цѣлой Европы, цѣлаго міра. Странно подумать, что таинственное озеро Рудольфа, златоносная Каффа ближе, доступнѣе для насъ, нежели для васъ Одесса или Берлинъ. Центральная Африка, дебри, гдѣ бродилъ Ливингстонъ, страна львовъ и слоновъ, тутъ подлѣ, а родной Петербургъ, тихій Донъ, съ покрытыми снѣгомъ степями, гдѣ-то далеко, далеко. И люди тамъ кажутся маленькими, событія мелкими... Тутъ, подлѣ идетъ жизнь, такъ мало касающаяся Европы, такъ отличная отъ нея, что, наконецъ, забываешь обычаи запада, смотришь на все съ иной точки зрѣнія, совершенно новой; политическіе горизонты становятся шире, видишь эти жадныя руки, протягивающіяся къ высокимъ горамъ и дремучимъ лѣсамъ...

Но, довольно...

Наши палатки раскинуты, а «расъ Манже» С—онъ зоветъ къ завтраку. Идемъ ѣсть антилопу, убитую вчера Крыпинымъ, и гречневую кашу на салѣ.

Завтракъ конченъ. Кто съ двустволкой, или винтовкой идетъ, чтобы тщетно искать леопарда и возвратиться съ гуарецой или оленемъ, кто улегся въ тѣни душистаго жасмина помечтать о родинѣ... Боюсь, что его мечтанія закончатся сномъ.

Полковникъ А — овъ заканчиваетъ свои вычисленія, дописываетъ съемочную легенду, поручикъ К — ій хлопочетъ съ караваномъ, говоритъ съ купцами...

Въ восемь часовъ раздастся сигналъ «сборъ начальниковъ» и мы пойдемъ ѣсть супъ изъ баранины, баранину и заѣдать чай кислой инжирой.

Потомъ разойдемся по палаткамъ и гдѣ Тургеневъ, гдѣ Armand Sylvestre съ его поэзіей любви, гдѣ лихая солдатская пѣсня заставляетъ забыть на минуту, что находишься въ Африкѣ, забудешь, пока вой леопарда или дикій крикъ осла не напомнятъ обстановку лагеря вдали отъ родины.

Воскресенье, 18-го января. Отъ Кэфу до Шола. 17 верстъ. Опять маленькій переходъ! Купцы категорически отказались идти по нашему маршруту до Куни. Мулы устали, горы высоки, грузъ великъ: животныя не могутъ идти дальше. Мало того, они потребовали еще три дневки на пути... Сколько было вчера вечеромъ изъ-за этого спора, шума, крика около палатки К—го. Переводчикъ едва успѣвалъ переводить трескучія рѣчи возмутившихся купцовъ. Жесты были полны трагизма, торговались изъ-за каждой версты, изъ-за каждаго подъема или спуска. Дѣйствительно мулы и лошади въ ужасномъ видѣ. Нѣтъ ни одной не побитой. Побои ползутъ вдоль по спинѣ и блѣдно-розовое пятно съ кровавыми подтеками занимаетъ всю холку и крестецъ. Поручикъ К—ій употребилъ всѣ усилія. Онъ произнесъ имъ рѣчь на абиссинскомъ языкѣ, грозилъ имъ всѣми ужасами гнѣва негуса, но упорства купцовъ сломить не могъ. Сегодня идемъ до Шола.

Мы выступили въ 7 часовъ утра, сопровождаемые кень-азмачемъ, и по утреннему холодку незамѣтно стали подниматься на высокія горы. Было свѣжо. Термометръ показывалъ +10 R. Надъ горами низко ходили бѣлыя облака, иныя цѣплялись за верхушки хребтовъ, закрывали желтыя поля и отдѣльныя деревья. Уже лѣсъ не покрывалъ такихъ громадныхъ пространствъ, какъ раньше, мы шли мимо отдѣльныхъ густыхъ рощъ, состоящихъ изъ переплета мимозъ, кофе, жасмина, лавра и ліанъ. Кругомъ по горѣлому лугу зеленѣла кое гдѣ травка, высокіе желтые стебли соломы, уцѣлѣвшей отъ пожара, торчали здѣсь и тамъ. Холодъ высокихъ горъ чувствовался здѣсь на каждомъ шагу. Мимозы не росли такъ высоко и раскидисто, какъ въ долинахъ, онѣ кидали вѣтви въ стороны и ярко зеленымъ столомъ раскидывались надъ землей. Напоминающая нашу елку туйя чаще и чаще попадалась между голыхъ скалъ и песковъ.

А тамъ, гдѣ черная дорожка вилась по высокому черному хребту, гдѣ съ обѣихъ сторонъ круто сбѣгали желтые обрывы, тамъ и совсѣмъ не было деревьевъ. Спусковъ крутыхъ одинъ, подъемовъ два. Со втораго подъема спускались постепенно, по карнизу. Вправо синѣли пустынныя, безлѣсныя горы и тамъ за ними чуть видна Данакильская пустыня.

Какое плодородіе почвы кругомъ! Какія богатыя долины! и нигдѣ не видно слѣда плуга земледѣльца, нигдѣ не колышется рожь или пшеница, незамѣтно рису или машиллы.

Абиссинская деревня видна влѣво, въ глубокой котловинѣ, и кругомъ ея незамѣтно полей, черными точками торчатъ хворостяныя хижины среди разгула ничѣмъ не стѣсненной природы...

Пройдутъ года. Желѣзная дорога добѣжитъ до Харрара, дилижансъ, а можетъ быть электрическій трамвай пройдетъ по горнымъ склонамъ Африканской Швейцаріи, среди готовыхъ богатѣйшихъ парковъ насадятъ цвѣтники, виллы и отели выростутъ кругомъ. Самолюбивый воинъ-абиссинецъ, претерпѣвъ нѣсколько пораженій, угрюмо зачахнетъ среди виллъ эксплоататоровъ его земли... По горнымъ утесамъ пойдутъ шахты, пустые внутри булыжники, усѣянные мелкими иглами горнаго хрусталя, не будутъ небрежно попираться ногами мула, но явится африканскій хрусталь....

Богатая природа сниметъ дѣвственный уборъ своихъ лѣсовъ, нарядится въ роскошныя одежды запада, дикіе звѣри погибнутъ подъ ружьемъ охотника и благословенной страной станетъ Абиссинія...

А жаль ее. Жаль этого красиваго края, гдѣ жизнь идетъ такъ, какъ шла въ далекомъ Римѣ во времена императоровъ. Жаль этой живой исторіи народовъ, этой самобытной культуры. Переломъ близокъ. Въ Абиссиніи уже есть цѣлый рядъ великихъ людей, которые понимаютъ необходимость усилиться для предстоящей тяжелой борьбы...

Въ 11 часовъ 15 минутъ мы были у Шола̀ и расположились на склонѣ высокой горы. По приказанію начальника миссіи мы постепенно покупаемъ лошадей для конвоя.

— «Ваше высокоблагородіе», слышится послѣ полудня, и въ мою палатку просовывается полное лицо красавца бородача-вахмистра Духопельникова, «фарасса [1]) привели; изволите посмотрѣть»?

Выхожу. Бритый галласъ держитъ лошадь, осѣдланную абис-

[1]) «Фарассъ»—лошадь.

синскимъ сѣдломъ и на строгомъ мундштукѣ. Невысокая, не болѣе 1 1/2 вершковъ, съ разбитыми уже теперь, не смотря на то, что ей только пять лѣтъ, ногами, съ бѣльмомъ на глазу, она дрожитъ при приближеніи человѣка... Безжалостная выѣздка! А вѣдь и крови въ лошади много, и рубашка чистая, нѣжная, какъ шелкъ, шерсть короткая, небольшая, точеная голова съ маленькими ушами, съ большими темными глазами на выкатѣ....

— «Лошадь добрая, только нашего брата не выдержитъ».

— «Жидковата».

Кругомъ собирается толпа казаковъ и черныхъ.

— «Малькàмъ—фарассъ», хвалитъ продавецъ.

— «Малькàмъ», презрично тянетъ рязанецъ Полукаровъ—«іеллемъ малькàмъ». «Айфалигаль фарассъ».

Мои конвойные уже понаучились кругомъ черныхъ слугъ абиссинскому языку.

Лошадь расѣдлываютъ, рѣдкая не побита, надѣваютъ на нее нашу уздечку, пробуютъ шагомъ, рысью.

— «Сыпты боръ?» [1]).

Счетъ идетъ по пальцамъ.

Мы купили двухъ: одну за 28, другую за 18 талеровъ. Вы думаете дешево? Въ Петербургѣ такія лошади стоятъ врядъ ли дороже. Ихъ и сравнить нельзя съ нашими крѣпышами калмыками и киргизами.

Говорятъ тамъ, внизу, на Черчерѣ, да въ самой благословенной, недосягаемой Аддисъ-Абебѣ лошади лучше и дешевле.

А можетъ быть и это только—«славны бубны за горами?»...

Понедѣльникъ, 19-го января. Отъ Шолà до Буромà—34 версты. Сегодня мы покидаемъ благословенную Харрарскую провинцію, спускаемся съ высокихъ горъ, выходимъ изъ лѣсовъ и продолжаемъ свой путь по богатой хищнымъ звѣремъ провинціи Черчеръ. Переходъ предстоитъ не маленькій. Нужно перевалить высочайшія горы у Купи, по каменистому, крутому спуску сойти внизъ, пройти почти 35 верстъ. Для абиссинскихъ купцовъ и ихъ побитыхъ муловъ и лошадей—это подвигъ.

Мы повалили палатки въ 6 1/2 часовъ, пустили авангардъ каравана, ящики съ консервами и вещи, ежедневно невынимаемыя въ 6 часовъ утра, съ разсвѣтомъ, а сами тронулись въ 7 1/2 часовъ утра.

---

[1]) «Іеллемъ малькàмъ»—не хороша.
«Сывты боръ»—сколько рублей.
Талеръ въ описываемое время стоитъ 95 копѣекъ.

Дорога началась некрутымъ подъемомъ, усѣяннымъ камнями, потомъ спустились, опять поднялись, вошли въ лощину и черезъ $2^1/_2$ часа хода увидѣла городъ Куни. Городъ Куни—граница Харрарскаго округа. Онъ расположенъ отдѣльными купами хворостяныхъ хижинъ, на двухъ сосѣднихъ невысокихъ холмахъ и въ лощинѣ между ними. Кругомъ крутыя высокія горы, съ вершинами затуманенными, облаками, горы, поросшія лѣсомъ... и какимъ лѣсомъ?.. Туйи саженей 12 вышиной и 3-хъ—4-хъ въ обхватѣ, съ вѣтвями, съ которыхъ словно листы плакучей березы свѣшивается нѣжный мохъ, съ громадными мимозами, бананами и маслинами. Мѣстами онъ такъ густъ, что безъ топора не проложишь себѣ пути, такъ переплелись толстыя, въ руку, ліаны, такъ сплелись колючія вѣтки шиповника, репейника, мимозы и кофе. Мѣстами толстые стволы словно колонны темнаго храма возвышаются здѣсь и тамъ между высокой и тонкой травы. А сколько гуарецъ, лающихъ олепей, шакаловъ и, говорятъ, леопардовъ пріютилъ онъ въ своихъ дѣвственныхъ нѣдрахъ. Онъ покрылъ высочайшія горы, послѣднія усилія горной страны простереться къ голубому небу, онъ покрылъ и остроконечныя пики и столообразныя площадки и издали кажется лишь густымъ темнозеленымъ мхомъ...

— «Черчеръ», сказалъ намъ слута едва мы выбрались изъ этого лѣса и протянулъ впередъ руку...

Група желтыхъ округлыхъ холмовъ, а дальше безпредѣльная синева ровной пустыни, сливающаяся на горизонтѣ съ голубымъ небомъ...

Верстахъ въ трехъ отъ Куни насъ встрѣтилъ Ато Брили, правитель провинціи Куни съ отрядомъ ашкеровъ. Онъ привѣтствовалъ начальника миссіи на границѣ своихъ владѣній и предложилъ ему расположиться въ долинѣ у Куни и принять отъ него дургò.

Начальникъ миссіи отклонилъ предложеніе Ато Брили и сказалъ, что въ виду желанія его прибыть возможно скорѣе въ Энтото, русская миссія прослѣдуетъ сегодня до Буромà, гдѣ и расположится бивакомъ.

— «Ишши» (хорошо), галантно, закрывая ротъ шамой, какъ того требуетъ абиссинскій этикетъ, и наклонясь передъ г. Власовымъ, сказалъ Ато Брили, сѣлъ на своего мощнаго свѣтло-гнѣдаго мула, запахнулся пестрой шамой и затрусилъ на немъ за нами.

Ашкеры, сверкая бѣлыми съ красными шамами, размахивая ружьями, бѣгомъ, съ громкимъ говоромъ, пустились за нами, обогнали насъ, побѣжали впереди насъ. Предшествуемые ими мы на-

чали медленно опускаться по широкой лѣсной дорогѣ. Здѣсь, на прогалинѣ, у высокаго дерева мы увидали молодаго француза, стоявшаго у дороги. Это былъ monsieur Drouin, агентъ телефонной кампаніи, устанавливавшій аппаратъ въ Куни. Три дня тому назадъ онъ имѣлъ сообщеніе съ Аддисъ-Абебой и узналъ, что негусъ нетерпѣливо ожидаетъ посольство Великаго Государя Московскаго и сдѣлалъ распоряженіе извѣстить о его прибытіи за восемь дней; сообщилъ о томъ, что французъ Шефно, устроитель цивилизаціи въ Абиссиніи, надѣется черезъ четыре мѣсяца соединить Харраръ съ Джибути телефономъ и дать возможность переговариваться непосредственно между столицей Габеша и центромъ французскаго протектората сомалійскаго побережья...

Monsieur Drouin жаловался на неспособность абиссинцевъ къ работѣ, на ихъ лѣность и несообразительность. Телефонной кампаніи сильно приходится бороться съ боязнью жителей и мелкихъ правителей шумовъ кень-азмачей того, что слишкомъ скоро будутъ доходить извѣстія до негуса и слишкомъ быстры и непосредственны будутъ распоряженія императора.

Теперь аппаратъ не дѣйствовалъ...

Поручикъ Ч—ковъ ни о чемъ не могъ переговорить съ Ильгомъ и прислалъ донесеніе о безуспѣшности своего посольства еще вчера. Теперь онъ, поручикъ Давыдовъ и казакъ Архиповъ, благополучно проживши три дня въ Куни, присоединились къ отряду.

Въ 10 часовъ 30 минутъ мы кончили лѣсной спускъ и вышли на открытую поляну. Отсюда мы начали сходить по узкой дорогѣ, покрытой сплошь булыжникомъ, на плоскогорье Черчеръ. Спускъ длился 35 минутъ, мы опустились на 2,000 футовъ внизъ.

Пейзажъ круто измѣнился. Изрытая балками мѣстность покрыта сухой травой, мѣстами погорѣлой. Здѣсь и тамъ чернѣютъ хижины абиссинскихъ деревень, покинутыхъ, по случаю похода, жителями. По балкамъ текутъ ручьи съ холодной прозрачной водой. По берегамъ раскинули перистыя листья кокосовыя пальмы, видны бананы, а внизу надъ водой зеленый камышъ обвитъ чудной лиловой петуніей въ цвѣту. Кое гдѣ на холмахъ одиноко торчатъ толстыя, кривыя мимозы, накрытыя шапкой темнозеленой листвы. Мы перешли три ручья съ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ Бурома̀ и на берегу третьяго на кругломъ холмѣ расположились на бивакъ.

Здѣсь на лугахъ, покрытыхъ густой травой, мы будемъ имѣть дневку. Надо откормить и дать отдыхъ муламъ.

Поздно вечеромъ къ намъ на бивакъ пришелъ тотъ ашкеръ, ко-

тораго мы послали 13-го января изъ Бурка въ Харраръ за почтой. Онъ сдѣлалъ 110 верстъ черезъ горы въ шесть дней, изъ коихъ одинъ провелъ въ Харрарѣ — итого каждый день онъ проходилъ около 90 верстъ: — вотъ лучшій образчикъ того, какъ ходитъ и какъ можетъ ходить абиссинская пѣхота!

Письма и газеты на цѣлый вечеръ отвлекли насъ отъ пустыни. Снова пахнуло родиной, Петербургомъ, пахнуло шумной столицей, гдѣ все быстро схватываютъ, интересуются нѣсколько мгновеній, а потомъ забываютъ, ища новыхъ злобъ, новыхъ предметовъ толкамъ. Трое изъ насъ за эти четыре мѣсяца пути оказались перемѣщенными.

Эти письма были, какъ нельзя болѣе кстати, мы окончили лѣсныя горы Харрарской провинціи и вступали въ пустыни Черчера: — нужно было освѣжиться, встряхнуться немного, послѣ холодовъ приготовиться къ жарамъ, послѣ тѣни лѣсовъ—подумать о пескахъ пустыни.

XIX.

Черезъ Черчеръ.

20-го января, вторникъ—дневка въ Буромà; 21-го, среда—отъ Буромà до Куркурà, 18 верстъ. Мы въ настоящей Абиссиніи. Кругомъ абиссинскія деревни, въ самомъ лагерѣ болѣе сотни абиссинцевъ и абиссинскихъ женщинъ. Кто принесъ инжиру, кто медъ, кто тэчь, кто тэллу, кто пытается продать красивый, отдѣланный сафьяномъ недоуздокъ, кто предлагаетъ за два талера безголовую шкуру леопарда, кто торгуетъ хромого мула. Крикъ, шумъ, гортанный говоръ, сильно напоминающій жидовскій жаргонъ. Конвой занятъ стиркой бѣлья и рубахъ, офицеры на охотѣ за козами, доктора на практикѣ. Слухъ о томъ, что «хакимы московы» (русскіе доктора), такъ успѣшно лѣчившіе въ прошломъ году, находятся въ отрядѣ, разнесся съ быстротою молніи по окружнымъ деревнямъ и абиссинцы и галласы толпами повалили въ нашъ лагерь. Еще въ Бурка поздней ночью д-ръ Л — ій и классный фельдшеръ С — нъ ѣздили въ галласскую деревню помогать роженицѣ, а здѣсь въ Буромà больныхъ, чающихъ совѣта и лѣкарства сильно прибавилось. Д-ру Б—ну, хирургу, пришлось сдѣлать нѣсколько операцій. У одного еще во время Адуанскаго сраженія застряла пуля въ мякоти, у другаго осколки кости не были извлечены во время, третій жаловался на неправильное срощеніе. Вѣра въ искусство московскихъ хакимовъ была такъ сильна, что приходили люди даже

съ совершенно неизлѣчимыми болѣзнями. Трудно было работать докторамъ, на воздухѣ, безъ госпитальной палатки, безъ операціоннаго стола.... Но работали и работали успѣшно...

21-го января выступили съ бивака въ 7½ часовъ утра. Ночью температура не падала ниже +5° R, но подъ утро было сыро. Изъ-за высокихъ горъ, протянувшихся па востокѣ, солнце взошло только въ 7 час. 10 мин. утра. Дорога пролегала по черноземной почвѣ, покрытой выгорѣвшей, совершенно желтой травой. Громадные репейники съ цвѣтами величиной съ дѣтскую голову здѣсь и тамъ высовывали розовыя шишки мягкихъ лепестковъ... Въ 20-ти саженяхъ отъ дороги еще пылало яркое пламя и съ трескомъ приближалось къ ней. Густой дымъ застилалъ небосклонъ. Стаи птицъ носились надъ огнемъ, ища испуганной пожаромъ стрекозы; газели то и дѣло выпрыгивали изъ густой травы и устремлялись въ горы. Мягкая черная дорожка, такъ напоминающая наши донскіе проселки вилась черезъ степь. Временами она спускалась въ узкую балку, спускалась на секунду и сейчасъ же круто вздымалась наверхъ. Справа и слѣва тянулись горы, желтыя, безлѣсныя. По балкамъ еще росли мимозы, пальмы и смоковницы. Широкій горизонтъ золотистой, чуть колеблемой вѣтромъ травы открывался передъ нами. Войдешь въ эту траву, въ этотъ тѣсный лѣсъ высокихъ стеблей и пестрыхъ цвѣтовъ и утонешь въ немъ. Желтое море травъ поглотитъ совершенно съ головой; душный ароматъ цвѣтовыхъ метелокъ и пахучихъ травъ охватитъ все существо. Весь міръ уйдетъ куда-то далеко, останется голубое небо надъ головой, стѣна стеблей передъ глазами, да лиловыя стрекозы, то и дѣло съ шумомъ выпархивающія изъ-подъ ногъ. Пораженный стоишь въ этой травѣ, смотришь на жизнь, которая кипитъ кругомъ. Стая голубыхъ дроздовъ, сверкая металломъ своихъ крыльевъ вдругъ летитъ къ недалекой смоковницѣ, робкая газель удивленно просовываетъ свою мордочку сквозь переплетъ травъ, смотритъ нѣсколько мгновеній и потомъ скачетъ сверкая бѣлымъ «зеркаломъ» задпихъ ногъ. Въ нее не стрѣляешь: жаль нарушить громомъ выстрѣла тишину высокихъ травъ.

Въ 10¾ утра мы подошли къ ручью Куркура. Къ югу отъ дороги синѣло большое озеро Черчеръ, а кругомъ шумѣли на вѣтру золотистыя травы. Охота была успѣшна: докторъ Б—въ. поручикъ А—и, въ какіе нибудь полчаса набили дюжину цесарокъ; ходившіе на озеро принесли пушистыхъ гагаръ, а нѣкоторые видѣли гиппопотама.

Къ ночи поднялся сильный юго-восточный вѣтеръ. Палатки тре-

нетали и каждую минуту грозили упасть. Обѣдать было затруднительно. Берешь соль, а она летитъ съ ножа въ глаза vis-a vis; между тарелокъ положены громадные камни, чтобы удержать клеенчатую скатерть. Ѣдкій дымъ кухонныхъ костровъ, искры и даже цѣлыя головешки несутся къ столу и мѣшаютъ ѣсть. Но ѣдятъ исправно. Ѣдятъ кислую инжиру, все того же барана, сѣдло газели, пьютъ вареный чай—и веселы и довольны, какъ могутъ быть веселы молодые люди во время постояннаго движенія и продолжительнаго пребыванія на воздухѣ...

А завтра опять впередъ; впередъ въ пустыню, въ благословенную долину Аваша, гдѣ бродятъ слоны, носятся стада зебръ и страусовъ, гдѣ въ ущельяхъ сторожатъ свою добычу царственные львы...

Четвергъ, 22-го января. Отъ Куркура до Чофа-на-ни, 15 верстъ. Туманное и холодное утро смѣнило лунную ночь. Начало свѣтать въ 6 часовъ утра, но изъ-за высокихъ горъ солнце долго не показывалось. Оно взошло надъ горами лишь въ 6 час. 45 мин., когда бивакъ являлъ изъ себя картину полнаго разрушенія. Палатки были повалены; всюду, куда ни взглянешь толпились мулы, лошади и ослы, спѣшно погружаемые купцами. Офицеры и врачи пили вареный чай, стоя надъ ящикомъ, на которомъ были разставлены желѣзныя чашки, тутъ же на землѣ валялась темная инжира. Но и это уже было роскошью при спѣшной погрузкѣ. Купцы забѣгали въ еще неповаленныя палатки и торопили заспавшихся хозяевъ. Въ 7 час. 30 м. утра караванъ былъ въ движеніи. Предстоялъ короткій переходъ по желтымъ холмамъ. по ровной дорогѣ — дальше идти было нельзя, дальше начиналась пустыня, не было ни травы, ни воды. Синѣвшія по сторонамъ горы сдвигались съ обѣихъ сторонъ, замыкали равнину въ сплошное кольцо.

Густой туманъ лежалъ по лощинѣ. Мелкая зеленая трава, поросшая по погорѣлой землѣ, черная дорога съ стеблями соломы, туманъ закрывшій горы, закрывшій странной формы мимозы — все напоминало родную картину петербургской осени. Мѣстами мы подымались на невысокіе холмы, вмѣсто черной земли путь былъ покрытъ тонкимъ слоемъ краснаго песку.

Около десяти часовъ утра мы спустились въ болотистую долину, замкнутую высокими горами со всѣхъ сторонъ; черезъ долину протекалъ горный ручей Чофа-на-ни. На берегу его, на ровномъ лугу, мы разбили свои палатки.

Неподалеку по горамъ лѣпились абиссинскія деревушки. Начальникъ ихъ, староста, «шумъ» явился съ пятнадцатью ашкерами

намъ навстрѣчу и объявилъ, что фитаурари Асфао, правитель провинціи Черчеръ извиняется, что опоздалъ прибыть намъ навстрѣчу: онъ поѣхалъ на охоту на слоновъ и сегодня къ вечеру долженъ былъ возвратиться....

Какъ непріятны эти маленькіе переходы! Соберешь палатки, постели, вещи, пройдешь два часа и опять раскладывайся. Разложиться, какъ на дневкѣ не стоитъ — завтра утромъ новый подъемъ, а день длиненъ, надо его занять. Идешь на охоту. Но уже козы и газели пріѣлись, ихъ и за дичь не считаешь, ихъ дѣвать некуда. Вонъ поручикъ К — ій убилъ трехъ козъ и перепелку, казаки принесли двухъ—половину придется бросить. Бродишь по скаламъ, продираешься черезъ мимозовый лѣсъ, жаждешь встрѣтить леопарда, но его нѣтъ. И возвращаешься назадъ читать старыя газеты, смотрѣть письма, сто разъ прочтенныя, писать дневникъ въ тѣсной,— душной днемъ, холодной ночью, палаткѣ и ждешь вечера, ждешь ночи, чтобы проспать ее скорѣе и снова двинуться завтра—куда?.... Куда угодно будетъ господамъ абиссинскимъ купцамъ....

23-е января, пятница. Дневка въ Чофа-на-ни. Мы никуда не двинулись—мы снова стоимъ на дневкѣ. Старая пѣсня—мулы устали, мулы не пойдутъ... Но теперь это еще осложняется тѣмъ, что купцы пустились на обманъ. Вчера было дано черезъ ихъ старшаго «крѣпкое слово» идти до Лагаардина, а сегодня мы встали при 2° тепла по R. въ сырости болотистой мѣстности, собрали свои вещи и услышали дерзкую новость, что купцы «не пойдутъ сегодня», что они рѣшили «дѣлать новую дневку». Напрасно поручикъ К—ій грозилъ имъ гнѣвомъ «джонъ-хоя» (негуса)—они только смѣялись... И ни фитаурари Асфао, ночевавшій съ нами, ни письмо, посланное имъ къ негусу не могли побѣдить ихъ въ ихъ упорствѣ. Пришлось ставить палатки и располагаться на скучную дневку... И день-то былъ какой-то скучный, невеселый. Сквозь дымъ недалекаго степнаго пожара солнце уныло освѣщало выгорѣвшую равнину съ ямами и трещинами вдоль нея. Кругомъ голыя горы, да лѣсъ мимозъ, скучный, однообразный... Надъ кухней рѣетъ стая орловъ, они носятся въ воздухѣ, замираютъ на минуту и затѣмъ кидаются на куски мяса, выхватывая ихъ иногда прямо изъ рукъ повара.

Фитаурари Асфао сидитъ у начальника миссіи. Это молодой человѣкъ, недурной собой, скромный, застѣнчивый, никогда не глядящій на того, съ кѣмъ говоритъ. Его отецъ былъ дедьязмачемъ у негуса (дедьязмачъ—нѣчто вродѣ нашего корпуснаго командира— весьма видный постъ, дѣти дедьязмача начинаютъ службу прямо съ

чина фитаурари и былъ убитъ подъ Адуей. Молодой Асфао тоже участвовалъ въ этой битвѣ, весьма отличился и былъ назначенъ за храбрость правителемъ громадной Черчерской провинціи. Вчера онъ убилъ въ трехъ часахъ отъ нашей стоянки слона. Съ г. Власовымъ онъ говоритъ весьма почтительно, прикрывая ротъ полупрозрачною шамой изъ легкой шелковой матеріи. Сквозь шаму видѣнъ абрисъ его молодаго стройнаго тѣла, одѣтаго во все бѣлое. На поясѣ у него патроны и револьверъ. Онъ говоритъ тихо, сдержанно, иногда задумываясь и почтительно наклоняетъ голову, слушая начальника миссіи. Презрительная и горькая гримаса кривитъ его ротъ, когда онъ слушаетъ разсказъ г. Власова о своеволіи купцовъ. Онъ—храбрый воинъ, ненавидитъ и презираетъ это сословіе, ему горько, что по нимъ можетъ составиться мнѣніе обо всемъ абиссинскомъ народѣ.

Вчера начальникъ миссіи рѣшительно отказался отъ богатаго дургò. Теперь, когда офиціальный разговоръ кончился, фитаурари сконфуженно проситъ русскаго посла принять отъ него двухъ барановъ — «только двухъ!», столько еще дѣтскаго, искренняго въ этой просьбѣ, что у г. Власова не хватаетъ духа отказать и онъ благодаритъ любезнаго фитаурари...

Аудіенція кончена—Асфао уходитъ...

Миссія рѣшила отказываться отъ дургò по слѣдующимъ причинамъ. Дургò, по большей части, палками аскеровъ выколачивается отъ бѣднѣйшихъ жителей деревень, которые безъ проклятія не могутъ вспомнить о проѣздѣ знатныхъ путешественниковъ. Правда, вслѣдствіе этого не разъ во время пути намъ приходилось ничего не имѣть на ночлегѣ, такъ какъ, не имѣя приказанія доставить дургò, галласы не хотѣли нести ничего и на продажу, соображая и не безъ основанія, что предназначенные на продажу товары, будутъ безъ денегъ отобраны абиссинцами...

Вечерѣетъ. Туманъ клубится надъ рѣкой, полная луна освѣщаетъ открытый бивакъ, серебритъ верхушки горъ и таинственно заглядываетъ въ темный лѣсъ. Въ полночь слышны выстрѣлы, то часовой прогоняетъ гіену слишкомъ близко подошедшую къ палаткамъ...

24-го января, суббота. Отъ Чофа-на-ий до Лага-ардина. 15 верстъ. Мы проснулись еще до свѣта отъ страшнаго холода. У меня подъ буркой, въ палаткѣ ноги совершенно окоченѣли, вода въ ведрѣ замерзла, было пять градусовъ мороза. Я вышелъ изъ палатки. Луны не было уже; туманъ закрылъ весь лагерь, бѣдные мулы и ло-

шади дрожали отъ холода, черная земля серебрилась подъ тонкимъ слоемъ инея. Заводи рѣчки и лужи покрыты льдомъ...

Солнце долго не всходило изъ-за высокихъ горъ и взойдя не скоро обогрѣло промерзлую землю, не скоро согрѣло животныхъ и людей...

— «Ну, срѣтенскіе морозы начинаются», острили мы за утренней бурдой, носящей громкое имя чая. «Жалко, никто изъ насъ коньковъ не захватилъ».

— «Что коньковъ!... Ни у кого ничего теплаго нѣтъ!... Ну, Африка»!

— «Погодите, господа, сейчасъ взойдетъ солнышко».

Въ $7^1/_2$ часовъ утра мы выступили и по каменистой тропинкѣ стали подыматься въ гору. Мѣстность становилась пустыннѣе и пустыннѣе. По склонамъ горъ росли лишь печальныя мимозы, да высокіе молочаи съ ярко-красными шишками плодовъ. Дорога то лѣпилась по усѣянному галькой склону, то круто вздымалась наверхъ, то сбѣгала по узкому земляному коридору въ балку. Въ 10 часовъ утра мы перешли вбродъ черезъ мутный горный потокъ Лага-ардинъ и стали подниматься на горный хребетъ—границу Черчерскаго плоскогорья и Данакильской пустыни; мы вступали въ провинцію Иту.

Въ 11 часовъ 10 минутъ утра нашъ маленькій отрядъ сталъ бивакомъ на обрывѣ надъ рѣкой Лага-ардинъ на сжатомъ полѣ машиллы. Бивакъ былъ неудачный—пыльный, грязный, покрытый жесткими ростками машиллы, но другаго мѣста не было.

Не прошло и часа со времени нашего прибытія, какъ лагерь сталъ наполняться народомъ. Пришли торговцы яйцами, курами, ячменемъ, инжирой. Народонаселеніе этихъ деревень не знало цѣну деньгамъ, намъ пришлось купить у купцовъ холстъ и мѣнять ячмень, инжиру и яйца на куски холста, такимъ образомъ можно было пріобрѣсти товары вдвое дешевле, чѣмъ за деньги. Привели и лошадей; какъ и водится въ этой варварской странѣ зацуканныхъ, задерганныхъ на строгихъ мундштукахъ. Между ними попадались лошади двухъ лѣтъ, много ѣзженныя, съ попорченными передними ногами, недоразвившіяся, узкогрудыя. Хорошо абиссинцамъ, у нихъ пѣхота ходитъ также скоро, какъ у насъ кавалерія, у нихъ всюду роскошныя пастбища, на которыхъ можно выкормить и муловъ и лошадей, а то плохо бы пришлось всадникамъ, на коняхъ, которые неспособны ни къ походу, ни къ маневрированію. Конвой, снабжаемый теперь лошадьми большую часть пути идетъ пѣшкомъ для сбереженія

сплъ несчастныхъ коней. И это въ странѣ, которая при самой маленькой заботѣ могла бы обладать чудными лошадьми. Но абиссинецъ не любитъ лошади. Ѣхать знатному и богатому человѣку верхомъ на конѣ неприлично: «большой человѣкъ» ѣдетъ на мулѣ, а слуга его ведетъ впереди лошадь въ гремящей сбруѣ, подъ роскошнымъ вальтрапомъ. Лошадь въ загонѣ—она ни почемъ. Хорошій мулъ на Черчерѣ стоитъ 70—80 талеровъ, а хорошая лошадь—30—40 талеровъ. Вотъ изъ чего вытекаетъ это безжалостное обращеніе съ благороднымъ животнымъ, обращающее этихъ красивыхъ нервныхъ полу-арабовъ, въ забитыхъ, грустныхъ безногихъ и безспинныхъ россинантовъ...

Ночь въ Лага-ардинѣ прошла спокойно. Было значительно теплѣе, чѣмъ въ Чофа̀-на-ни́.

25-го января, воскресенье. Отъ Лага-ардина до Ардаги, 18 верстъ. Какъ всѣ эти дни, около 7½ часовъ утра мы тронулись съ мѣста. Едва мы перешли каменистый ручей Лага-ардинъ, какъ начался тяжелый подъемъ на ту цѣпь горъ, что словно края тарелки окружаетъ лѣсистый Черчеръ. Почти часъ длится этотъ подъемъ. Конвой идетъ пѣшкомъ, ведя лошадей въ поводу. Несчастныя животныя со стономъ ступаютъ на крутыя каменныя ступени, скользятъ по круглымъ булыжникамъ, шагаютъ черезъ разсѣлины. Дыханіе у людей тяжело. Не хватаетъ воздуху на этихъ высотахъ, а тутъ еще горячій зной пустыни обжигаетъ ротъ, сушитъ губы, которыя трескаются съ болью и покрываютъ ротъ кровью. Колѣни гнететъ отъ тяжелаго подъема, подметки отстаютъ, идти больно, сухая, горячая пыль забивается подъ пальцы и мучитъ ногу. Чахлыя мимозы, сухая желтая травка, висятъ съ песчаныхъ обрывовъ... И вотъ достигаешь вершины. Что за чудный видъ кругомъ! Какой просторъ! Какая гладь! Каменистый путь вьется по скату горы, онъ спускается ниже и ниже и желтой тропинкой вьется вдоль по степи. Степь поросла желтой соломой и сѣренькой мимозой, горы ушли далеко слѣва, на югѣ онѣ тянутся воздушной фіолетовой чередой, но справа просторъ полный, желтая степь сливается съ темносинимъ небомъ, дали затянуты туманной дымкой, и тамъ далеко, далеко, за лѣсомъ мимозъ, за линіей горизонта, чуть очерчены неясныя горы. Какъ мягки и прозрачны ихъ тона, сколько воздушности въ нихъ, сколько глубины и таинственности.

Въ 10 часовъ утра тяжелый спускъ конченъ. Мы въ равнинѣ; тепломъ дышетъ отъ раскаленнаго песка, палатки становятся на лугу между колючихъ мимозъ. На водопой муловъ приходится гонять въ

ручей за полъ часа пути. Къ вечеру на смѣну носильщикамъ приходитъ семь верблюдовъ, на утро придетъ еще четыре; выступленіе съ бивака назначено на 12 часовъ ночи. Мы ѣдимъ ранній обѣдъ, пьемъ чай и пытаемся заснуть. Но сонъ въ непривычное время бѣжитъ отъ глазъ. Къ тому же вчера получились письма съ родины, письма, уносящія всегда въ далекій міръ, гдѣ все время ключемъ бьетъ иная жизнь, столь отличная отъ жизни пустыни... Сегодня ночью мы углубимся въ песчаную Данакильскую пустыню, пойдемъ за таинственный Авашъ и черезъ два, три дня подойдемъ къ желанной Аддисъ-Абебѣ, войдемъ въ округъ Менелика.

Было отчего не спать не въ урочный часъ, глядя, какъ медленно опускается въ туманную дымку пустыни багровое солнце, а на смѣну ему выплываетъ изъ-за горъ серебряный дискъ луны.

Завтра едва заблеститъ заря—мы переступимъ славный Авашъ, самую значительную рѣку Шоа...

XX.

За Авашъ.

Ночь съ 25-го на 26-е января отъ Ардагй до Аваша—32 версты. Уснула пустыня. Полный дискъ луны освѣтилъ далекую окрестность, засеребрились вершины горъ, таинственныя тѣни легли между мимозовыхъ кустовъ, не шуршитъ солома, пыль не летитъ отъ дороги. Утихъ нашъ шумный бивакъ, погасли огни по палаткамъ, затухли костры — все торопится поспать хоть одинъ часъ передъ большимъ, тяжелымъ переходомъ. Развѣсивъ длинныя уши свои дремлютъ мулы на коновязи, лошади спятъ, отставивъ свои усталыя разбитыя ноги. Не спитъ лишь часовой. Онъ стоитъ въ шинели и въ фуражкѣ, съ ружьемъ у ноги, позади пирамиды денежныхъ ящиковъ. Онъ одинъ чутко прислушивается къ сну пустыни, сторожитъ каждый шорохъ, каждый странный шелестъ... Но тиха залитая, обласканная луной природа, не шумятъ сѣрыя мимозы, не пылитъ дорога, не шуршитъ сухая трава...

— «Терешкинъ! а Терешкинъ», оборачивается на минуту часовой къ палаткѣ, гдѣ укрывшись шинелью спитъ трубачъ.

— «А?» слышно сонное вопросительное мычанье.

«Терешкинъ! Одинадцать часовъ».

— «Одинадцать?! Мать Пресвятая Богородица, одинадцать? Прости Господи»!

Шинель шевелится, потомъ, сброшенная энергичнымъ жестомъ, падаетъ на землю и кромѣ часового является еще не спящая фигура.

— «Одиннадцать!», говоритъ трубачъ. «Ахъ Ты Господи»! Онъ беретъ серебряную трубу, продуваетъ ее, плюетъ зачѣмъ-то на мундштукъ, прикладываетъ къ губамъ и рѣзкіе звуки сигнала раздаются по пустынѣ. Отовсюду слышны вздохи, между грузовыхъ муловъ начинается оживленіе, потухшій было костеръ у столовой разгарается вновь и закоптѣлая гомба водружается въ самую его середину. Проходитъ полъ-часа. Привычною рукою черныхъ слугъ палатки свалены, всюду идетъ погрузка «Ванька» и «Машка», два препотѣшные павіана уже разсѣлись между котловъ и ждутъ, когда гнѣдой мулъ «Дружокъ», погоняемый Адамомъ въ синей курткѣ, съ курчавыми волосами на черной головѣ, съ ружьемъ на плечѣ, повезетъ ихъ далѣе.

Свѣтло, какъ на Невскомъ, когда электричество внезапно вспыхнетъ отъ Адмиралтейства до Гончарной, заблеститъ по мокрому торцу, отразится бликами на извощичьихъ верхахъ на запотѣлыхъ крупахъ лошадей, на ясномъ тротуарѣ. Свѣтло, но лица блѣдны, тѣни чернѣе чѣмъ днемъ и какое то особенное отражаніе является въ воспаленныхъ глазахъ.

Но тамъ залитой свѣтомъ шумный Невскій кипитъ и волнуется, шумитъ, трещитъ и звенитъ на всѣ лады и голоса, а тутъ мертвая пустыня, серебристый песокъ, сверкающія иглы мимозъ.

Мы тронулись въ 12½ часовъ пополуночи по широкой черноземной дорогѣ, мѣстами усѣянной булыжникомъ и галькой. Люди были одѣты въ фуражки и рубашки при караульной амуниціи. На мулахъ ѣхали только часовые, да люди арьергарда—всѣ остальные были на лошадяхъ. По мягкой и пыльной дорогѣ лошади шли бодро, но начиналась крѣпкая галька и со стономъ ставили кони усталыя ноги свои на кремнистый путь. Ѣдешь часъ верхомъ. Дрема начинаетъ одолѣвать, пустыня исчезаетъ изъ глазъ, видишь родныя лица, родной, далекій полкъ...

— «Слѣзай»!...

Первые шаги дѣлаешь, какъ въ полуснѣ, потомъ оживляешься и идешь, идешь. Ночная сырость охватываетъ тѣло, винтовка давитъ плечо, начинаешь уставать, но сна, какъ не бывало. Полчаса прошли пѣшкомъ.

— «Садись»!...

И опять ѣдемъ, то бодро, по мягкому, то ковыляемъ по кремнистой дорогѣ. Горы выдвигаются изъ пустыни. Потянуло на минуту

знойнымъ воздухомъ отъ раскаленнаго камня и опять легкій туманъ и холодъ зимней ночи...

Такъ идемъ шесть часовъ. Небо на востокѣ начинаетъ блѣднѣть, горизонтъ раздается, издали слышенъ шумъ массы воды. Чаще и чаще попадаются камни и вдругъ—обрывъ и спускъ. Какой обрывъ! какой спускъ! Громадныя каменныя ступени громоздятся одна на другую, а подъ ними, съ середины отлогости груда круглыхъ камней... Луна не освѣщаетъ этого берега, темно на круглыхъ камняхъ, темно у отвѣсныхъ скалъ, нога скользитъ по круглой галькѣ, обрываешься, падаешь, увлекая за собою лошадь, катишься по этимъ круглякамъ, встаешь и идешь въ пропасть. А тамъ, сверкая расплавленнымъ металломъ, озаренный луной, клубится и катитъ по круглымъ камнямъ мутныя волны свои Авашъ. Черные визжатъ отъ страха, тамъ у воды кричатъ ослы и стонутъ напуганныя обезьяны. Адъ—настоящій адъ!!.

Авашъ имѣетъ пятнадцать саженей ширины и около 1½ аршина глубины въ мѣстѣ брода. Все дно его усѣяно громадными круглыми камнями, теченіе страшно быстрое, это мутный горный потокъ, а не рѣка. Переправа не всегда кончается благополучно.

— «Конвой впередъ»!!...

Казаки въѣзжаютъ въ воду и становятся шеренгой поперегъ рѣки, образуя живыя перила. Мулы медленно бредутъ по водѣ; поставивъ ногу, подержитъ другую на вѣсу, пошаритъ по дну, ища мѣста, болѣе ровнаго, менѣе скользкаго и еще шагъ!... А вода кипитъ и несется, мочитъ ваши подошвы, мочитъ стремена...

За рѣкой подъемъ такой же ужасный, такой же скользкій, каменистый, какъ и спускъ; за подъемомъ ровное плато, поросшее кустами мимозъ. Здѣсь мы располагаемся бивуакомъ.

Востокъ уже поблѣднѣлъ, побѣжали по немъ свѣтлыя полосы, пурпуръ показался вверху и медленно выкатило на небо солнце, освѣтило пустыню, согрѣло прозябшія тѣла. Дружный хоръ стрепетовъ, цесарокъ и курочекъ привѣтствовалъ Аврору и жаркій день Данакильской пустыни вступилъ въ свои права... Мы проспали этотъ день, вскипая въ собственномъ поту на влажныхъ простыняхъ... Проснулись около 2-хъ часовъ дня, чтобы пообѣдать въ 3, а въ 6—идти до слѣдующей станціи на р. Кассамѣ, идти всю ночь...

Ночь съ 26-го на 27-е января. Отъ Аваша до Таджé-Мелькà, 58 верстъ. Еще, когда конвой ѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса Курско-Кіевской желѣзной дороги и велъ разговоры объ Абиссиніи, въ свободные минуты распѣвая «пѣсни русскія живыя молодецкія» —

въ конвоѣ составилась пѣсня, перифразъ извѣстной уральской разбойничьей—«За ураломъ за рѣкой»;—пѣсня понравилась офицерамъ и чиновникамъ отряда, полюбилась казакамъ. Роскошный ли голосъ запѣвалы, длиннаго безбородаго и безъусаго уральца Сидорова, слова ли, такъ подходящія къ нашей бродячей боевой жизни, напѣвъ ли ея бодрый и воинственный, но пѣсня стала боевой пѣсней лихаго конвоя, стала какъ бы его полковымъ маршемъ. И вотъ 26-го января мы за этимъ самымъ Авашемъ, мы выступаемъ, когда низкое солнце спускается за горы и темная ночь готова закрыть безконечную равнину. И едва только отрядъ тронулся, какъ мягкій баритонъ Сидорова раздался по широкой степи и задушевной нотой разнесся въ влажномъ вечернемъ воздухѣ.

«За Авашемъ, за рѣкой
Казаки гуляютъ
И каленою стрѣлой
За Авашъ пускаютъ.
Гей, гей, ты гуляй!
За Авашъ пускаютъ».

«Казаки не простаки,
Вольные ребята,
Какъ по шапкамъ тумаки:
Всѣ живутъ богато.
Гей, гей и т. д.

«Они ночи мало спятъ:
Въ полѣ разъѣзжаютъ
Всё добычу стерегутъ
Свищутъ, не зѣваютъ.
Гей, гей и т. д.

Италіанскіе купцы
Ѣдутъ съ соболями,
Ну те, братцы молодцы
Пустимъ со стрѣлами.
Гей, гей и т. д.

Всю добычу подѣлимъ,
Славно попируемъ
Сладко выпьемъ, поѣдимъ
Все горе забудемъ.
Гей, гей и т. д.

Нашъ товарищъ—острый ножъ,
Шашка лиходѣйка,
Пропадемъ мы ни за грошъ,
Жизнь наша копѣйка.
Гей, гей и т. д.

Наша шайка не мала
Всѣ мы безъ паспорта,
Кто намъ въ руки попадетъ
Всѣхъ отправимъ къ чорту!!...
Гей, гей и т. д.

Пѣсня переливается въ вечернемъ воздухѣ и таетъ въ просторѣ желтой степи. Пыльная мягкая дорога вьется между травы, кое гдѣ покрытой кустами мимозъ. Послѣ того, какъ вчера тропическая ночь проучила насъ за наше легкомысліе ѣхать въ рубашкахъ— люди одѣты въ верблюжьи куртки...

На сѣверъ степь тянется безъ конца. Далеко на горизонтѣ чуть видны крутыя скалы стариннаго эфіопскаго города Анкобера.

— «Анкоберъ», говоритъ переводчикъ и показываетъ на холмы, гдѣ чуть видны огни. — «Анкоберъ—вонъ старый дворецъ, вонъ церковь»...

Кромѣ утесистыхъ горъ ничего не видно...

Слѣва тянется скалистый горный хребетъ, когда дорога подходитъ къ нему, галька покрываетъ песокъ и идти становится трудно.

Вдали видны высокія горы—это Фонтале, гдѣ грузовые мулы будутъ отдыхать три часа; мы идемъ мимо.

Солнце спускается ниже и ниже, становится овальнымъ, малиновымъ и наконецъ скрывается за прозрачныя фіолетовыя горы Фонтале. Становится темно. Надъ головой сверкаютъ семь звѣздъ Оріона, роскошный Южный крестъ загорается на горизонтѣ, а напротивъ сверкаетъ Полярная звѣзда. Подъ ногами лошади ничего не видно. Пыль, какъ рѣка волнуется сзади, кусты надвигаются, какъ привидѣнія, находятъ близко, близко и снова уходятъ, оставаясь сзади. На востокѣ появляется румяная луна. Она не отряхнулась еще отъ дневнаго сна своего, она не свѣтитъ, но стыдливая и робкая, окруженная пурпурнымъ ореоломъ, словно красавица въ красномъ воротникѣ, смотритъ на міръ Божій. Она запоздала сегодня на цѣлый часъ... И вотъ быстро поднимается она и блѣднѣетъ въ ночной прохладѣ. Звѣзды чуть меркнутъ, становятся меньше, небо зеленѣетъ книзу и темное, темное становится въ зенитѣ. Предметы даютъ тѣни. Еще полъ-часа и дѣлается опять свѣтло и легко идти, легко подаваться впередъ.

Выступивъ въ 5½ часовъ вечера, мы въ 9½ подошли къ Фонтале. Здѣсь у подножія крутыхъ скалъ отдыхалъ нашъ караванъ. Черезъ узкое ущелье, образованное съ одной стороны горнымъ обрывомъ, съ другой отвѣсными скалами мы прошли на слѣдующее

плоскогорье. Характеръ мѣстности нѣсколько измѣнился, травы стало меньше, за то то и дѣло приходилось спускаться по крутымъ каменнымъ обрывамъ въ узкія балки и потомъ подыматься снова наверхъ по крутой каменной лѣстницѣ.

Часы, тянулись за часами, а мы все шли, шли впередъ, то преодолѣвая песчаную равнину, то карабкаясь по отвѣснымъ камнямъ утесистыхъ обрывовъ.

И вдругъ впереди раздались выстрѣлы, одинъ, другой, третій...

Что случилось? Не дикіе ли данакили племени Карайу осмѣлились напасть на усталыхъ слугъ?... Я поскакалъ впередъ. Оказалось, громадная львица перебѣжала дорогу и кинулась въ высокую траву къ горамъ; нѣсколько казаковъ бросились ее преслѣдовать, дали нѣсколько выстрѣловъ, но звѣрю удалось скрыться между кустовъ.

Въ эту же ночь поручикъ К—ій видалъ льва на дорогѣ, но за темнотой ночи не могъ выцѣлить.

Усталость отъ ночнаго движенія сильно сказывалась на лошадяхъ, которыя еле брели по каменистому грунту. Мы шли подрядъ уже восьмой часъ. Я спѣшилъ конвой и мы поплелись по пустынѣ. То и дѣло попадались крутыя балки, каменныя ступени были такъ высоки, что приходилось спускаться на рукахъ. Съ боковъ зіяла пропасть, черная, мрачная... Часто обрываясь и падая на острые каменья, мы сходили въ сухое русло горнаго потока и снова карабкались наверхъ. Лошади стонали отъ боли, ступая усталыми ногами на камни. И такихъ большихъ спусковъ было три, да шесть малыхъ. Около 3-хъ часовъ ночи растительность стала богаче, появились раскидистыя мимозы,трава исчезла и голый песокъ лежалъ кругомъ, вдали слышался непрерывный шумъ горнаго потока Кассама.

Въ 3½ часа утра, послѣ 11-ти-часоваго ночнаго перехода, мы подошли къ Кассамѣ и остановились на песчаномъ берегу, въ рощѣ высокихъ мимозъ.

До разсвѣта оставалось три часа; наши палатки, шинели, бурки были еще далеко, а между тѣмъ было очень холодно и сыро. Казаки принесли сухихъ вѣтвей мимозы и развели большой огонь и мы полегли вокругъ этого костра въ перемежку офицеры и казаки, и въ то время, какъ одна сторона тѣла жарилась на огнѣ, другая мерзла и сырѣла въ холодномъ ночномъ туманѣ.

Наши вьюки начали приходить лишь въ 10-мъ часу утра. Черные слуги еле тащились, грузовыя лошади падали и стонали, одна лошадь изъ подъ вьюка была брошена въ пути.

— «Ну, ступай, Ольде-Силясъ», слышу голосъ у костра, «ложись ка брать спать. Вѣдь экій конецъ пёхомъ проперъ».

Смотрю кашеваръ Терешкинъ укладываетъ спать чернаго слугу конвоя. Но кто же принесетъ ему воду, кто вымоетъ котлы, вскипятитъ чай? Да, онъ самъ, Терешкинъ, незнающій отдыха славный лейбъ-казачій трубачъ, золотое сердце, добрѣйшая душа, терпѣливый и выносливый.

Утро; весь лагерь спитъ. Мулы и лошади пасутся и щиплютъ желтую травку по берегу широкаго Кассама.

А потомъ купанье на каменьяхъ рѣки и охота въ лѣсу мимозъ. Поручику А—н на этой охотѣ удалось убить самку куду, громадную безрогую козу, сѣрой масти съ поперечными, какъ у зебры бѣлыми полосами...

Весь день и ночь стоимъ на берегу Кассама у мѣста, называемаго Таджé-Мелькà...

Ночь съ 28-го на 29-е января. Отъ Таджé-Мелькá до Минабелла (9 час. 20 мин.), 47 верстъ. Рѣка Кассама имѣетъ ширину 5 саженей и глубину у Таджé-Мелькá 2 аршина. Она, то течетъ широкимъ потокомъ по каменьямъ, разливается тонкимъ слоемъ по руслу, а потомъ упадаетъ невысокимъ каскадомъ и образуетъ широкую промоину со свѣжей зеленоватой водой. Купанье прекрасное. Подъ вечеръ Кассама, обрамленная цвѣтущими олеандрами, покрыта купальщиками. Каждому хочется вымыться передъ третьимъ ночнымъ переходомъ.

Мы выступаемъ сегодня передъ закатомъ солнца на слѣдующую станцію—Минабелла. Отъ Кассама до Минабелла считается 10 часовъ пути, т. е. около 50-ти верстъ. Абиссинцы не имѣютъ понятія ни о времени, ни о протяженіи. У нихъ просто нѣтъ соотвѣтствующей извилины въ ихъ мозгу. Если вамъ говорятъ «скоро», то это можетъ обозначать и нѣсколько часовъ, и нѣсколько минутъ. Матерію они до сего времени мѣряютъ локтями, а пространство примѣромъ, т. е. положимъ на вопросъ вашъ, «сколько осталось до Минабелла?» они говорятъ—«столько, сколько мы прошли отъ той горы до этого мѣста». Если вы ихъ попросите опредѣлить пространство временемъ, они крупно ошибутся; о верстахъ, лье, километрахъ они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія...

Итакъ, намъ суждено еще одну ночь мотаться на сѣдлѣ, подаваясь дальше и дальше въ глубь Абиссиніи.

Походъ протрубили въ 4½ часа пополудни и въ 5, имѣя солнце на склонѣ, тронулись въ путь. Въ мундирахъ было нестерпимо жар-

ко, но имѣя въ виду холодную ночь, выступить въ рубашкахъ было бы рискованно. Равнымъ образомъ я отдалъ приказаніе отправить бурки и чай на запасныхъ мулахъ слѣдомъ за конвоемъ.

Дорога началась каменистымъ подъемомъ и пошла по пустынѣ съ видными кое-гдѣ мимозами. Солнце спускалось ниже и ниже, далекія горы утопали въ фіолетовомъ туманѣ, нѣкоторое время догорающій закатъ освѣщалъ кремнистый путь, но вотъ по пурпуру неба побѣжали синіе тона, дали померкли и исчезли и темная африканская ночь вступила въ свои права. Подъ ногами, по сторонамъ, впереди—ничего не видно. Ѣдешь, довѣряясь инстинкту мула, или лошади, ѣдешь, еле различая впереди бѣлый слѣдъ дороги. Изъ мрака выростаютъ темныя фигуры людей и вьючныхъ муловъ опережаемаго каравана, какъ привидѣнія проносятся они мимо и опять пустыня...

Въ 8½ часовъ мы подошли къ мѣстности, называемой Чоба, у крутаго и тяжелаго подъема на гору. Здѣсь ночевалъ французскій караванъ и нашъ 30-ти-верблюдный караванъ Эфенди Діаба, вышедшій 2-го января изъ Харрара и шедшій на Эреръ. Во мракѣ ночи видны были освѣщенныя изнутри палатки, столъ съ шандалами, костры и стадо верблюдовъ—уголокъ Европы, затерявшійся въ дебряхъ африканскихъ плоскогорій.

Начинается ужасный подъемъ. Именно ужасный. Идешь пѣшкомъ и тянешь за собою подбившуюся лошадь. Громадные камни преграждаютъ путь. Кругомъ ничего не видно. Натыкаешься колѣнями на камень, падаешь, ощупываешь мѣсто кругомъ и напарываешь руку на колючки мимозы. Каждый шагъ невѣренъ, каждый шагъ грозитъ паденіемъ и ушибомъ. Гора кажется безконечной. Крупный потъ катится со лба, падаетъ на подбородокъ, потъ отъ инстинктивнаго страха упасть и разбиться. Полъ часа мы карабкаемся на гору, идемъ минутъ десять по плато и опять опускаемся и поднимаемся. За спиной, на востокѣ появляется луна. Сначала она, красная и большая, безсильна разсѣять ночную мглу, но вотъ ея лучи бросили тѣнь, вотъ стали видны камни и черные кусты и вдругъ вся дорога, вся окрестность засверкала подъ серебристыми ея лучами.

Идти долго. Мы проходимъ одно плато за другимъ. На плато дорога мягкая, черноземная, кругомъ видны стебли желтой травы, потомъ каменистый спускъ, такой же подъемъ и опять плато.

Луна поднимается выше и выше, горизонтъ красенъ отъ зарева далекаго пожара, звѣзды мягко мигаютъ на темно-синемъ небѣ.

Въ 2½ часа ночи мы вышли на прекрасную мягкую дорогу, влѣво виднѣлись строенія стариннаго абиссинскаго монастыря, дорога была обсажена невысокими кактусами, за которыми тянулись поля сжатой машиллы и ячменя. Здѣсь и тамъ показались круглыя абиссинскія хижины, обнесенныя плетнемъ. Вдали чернѣлось большое селеніе Минабелла.

Мы стали на пыльномъ полѣ сжатаго хлѣба и изъ собранной соломы развели огонь. Положеніе было самое жалкое: палатки, бурки, чай—опоздали. Оставалось грѣться у высокаго пламени костра, да ожидать разсвѣта...

Странные люди абиссинцы. Вся деревня видѣла нашъ пріѣздъ, всѣ слышали о насъ и никто не пришелъ пригласить насъ согрѣться въ его домѣ, переждать холодный туманъ подъ теплой кровлей. А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы они совсѣмъ не знали гостепріимства. Нашъ передовой отрядъ, посланный недѣлю тому назадъ въ Куни, встрѣтилъ отъ правителя этого города, Ато Врили, самый любезный пріемъ. Имъ была поставлена палатка, постланы лучшія шамы, поданъ горячій обѣдъ. А тутъ—почти враждебное отношеніе.

По утру сталъ стягиваться караванъ. Изъ деревень пришли абиссинскія женщины и принесли на продажу яйца, куръ, инжиру, дабо (черныя лепешки изъ полусыраго тѣста, толщиной пальца полтора, значительно вкуснѣе кисловатой и необыкновенно грязной инжиры), ячмень и тэллу (родъ кваса мутно-желтаго цвѣта, противнаго на вкусъ).

Начался торгъ. Необразованность и грубость абиссинцевъ сказывались на каждомъ шагу.

— «Что стоитъ инжира»?

— «Быръ» (талеръ).

— «Дабо»?

— «Быръ».

— «Гебсъ»? (ячмень).

— «Быръ».

— «Курица»?

— «Быръ».

Все стоитъ быръ. Да иначе и быть не можетъ. Эти люди, живущіе всего въ 100 верстахъ отъ столицы Эфіопіи, знаютъ одну монету—быръ. Малики принимаются неохотно. Правда, за мелкую монету еще ходитъ «амульé»,—бруски соли, величиной и формой напоминающіе точила нашихъ косарей, можно еще вести торгъ и на патроны. Всякій норовитъ воспользоваться случаемъ прихода «али»

и сорвать съ васъ лишнюю копѣйку, надуть и обсчитать васъ при разсчетѣ. Тяжелый, непріятный народъ.

Послѣ трудныхъ ночныхъ переходовъ дни проходятъ медленные, скучные. Спать жарко, но работать, охотиться почти нельзя—всѣ кости ломитъ, все болитъ, все требуетъ покоя хотя на нѣсколько часовъ.

Многіе мулы каравана пришли только 29-го къ ночи и несчастные владѣльцы ихъ провели тяжелый день безъ вещей.

Пятница, 30-го января. Отъ Минабеллы до Годабуркá—17 верстъ (3½ часа). Солнце встало въ 6 часовъ утра и вмѣстѣ съ солнцемъ поднялись и мы. Небо затянуто сѣрыми тучами, утро сѣренькое, теплое. Кругомъ далекій горизонтъ желтыхъ полей и синѣющія горы. Въ 7¼ мы уже тронулись по пыльной дорогѣ между высокихъ зеленыхъ изгородей абиссинскихъ деревень. Мы въ Шоа. Кругомъ обширныя плато, то поросшія невысокой мимозой съ синевато бѣлыми стволами, то покрытыя травой, желтой, погорѣлой, то засѣянныя машиллой, или гебсомъ (ячменемъ). Одно плато кончается, начинается другое. Крутой каменистый, трудно проходимый подъемъ и снова широкая тераса, по которой вьется пыльная черноземная дорога. Здѣсь и тамъ зелеными оазисами темнѣютъ деревни. Крестьянская рабочая жизнь кипитъ кругомъ. Тамъ на желтомъ отъ соломы склонѣ, по ячменю крутятся другъ возлѣ друга двѣ пары тучныхъ воловъ. Зерно выдавливается изъ подъ ихъ ногъ, они ходятъ безъ привязи, слушаясь лишь голоса хозяина и молотятъ хлѣбъ подъ твердыми копытами. Первобытный способъ! Тамъ зерно кидаютъ вверхъ и дуновѣніемъ вѣтра относитъ пыль и шелуху. У абиссинцевъ нѣтъ ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ мельницъ: они растираютъ зерно, въ ручную между двумя камнями. Иногда отдѣльно отъ деревень стояла большая круглая хижина, на конической крышѣ которой укрѣплены нѣсколько страусовыхъ яицъ—это абиссинская церковь. Абиссинецъ-воинъ не знаетъ никакихъ украшеній. Вся жизнь его—походы, усмиренія, покоренія. Благодаря выдающимся качествамъ абиссинскаго пѣхотинца, эти войны до сего времени были удачны и это много повредило просвѣщенію Абиссиніи. У большинства, я не говорю про передовыхъ абиссинскихъ людей, взглядъ на европейца такой же, какъ на галласа, данакиля, тигрійца. Въ своемъ пробковомъ шлемѣ, ботинкахъ, гетрахъ, неспособный взбѣгать на высокія горы, онъ не заслуживаетъ уваженія абиссинскаго солдата, притомъ онъ такъ напоминаетъ ненавистнаго трусливаго «италй», что на колѣняхъ просилъ пощады послѣ

Адуп, что бѣжалъ отъ грозныхъ криковъ «айгуме»! Италіанцы оказали плохую услугу цивилизаціи страны и европейцамъ своимъ неудачнымъ вторженіемъ. Все европейское теперь подвержено критикѣ и пользу телефоновъ, дорогъ, хорошей обработки земли видятъ только такіе люди, какъ негусъ, да нѣкоторые изъ расовъ.

Абиссинецъ не желаетъ работать—онъ предпочитаетъ жить плодами своихъ побѣдъ. Вотъ почему бѣдны эти церкви, затерянныя среди полей, вотъ почему нѣтъ здѣсь ни банановыхъ, ни кофейныхъ плантацій...

А жаль. Этотъ черноземъ долженъ родить чудные злаки, это палящее солнце создано для того, чтобы здѣсь зрѣли золотистые бананы, наливались яблоки и груши.

Въ 10³/₄ часовъ утра по крутому, усѣянному глыбами камня, склону, мы прошли на берегъ узенькой горной рѣчки, гдѣ и стали бивакомъ. Вечеромъ къ начальнику миссіи пріѣхалъ правитель Бальчи Ато Павлосъ.

Ато Павлосъ невысокій, кругленькій человѣчекъ съ жиденькой черной бородкой, курчавыми волосами, большими выразительными глазами и первый изъ абиссинцевъ, котораго я вижу съ испорченными зубами. Въ 1896 году онъ былъ съ расомъ Маконеномъ въ Италіи и нѣсколько отшлифовался. Одѣтъ онъ во все бѣлое, на немъ такая же шама, какъ была и на фитаурари Асфао, тонкая, полупрозрачная. Онъ довольно хитро смѣется и задумчиво смотритъ куда-то вдаль, пока переводчикъ передаетъ ваши слова.

Начальникъ миссіи высказалъ ему свое неудовольствіе по поводу дерзкаго поведенія купцовъ.

— «Что дѣлать»! мягко улыбаясь и какъ бы глазами прося прощенія за купцовъ, сказалъ Ато Павлосъ.

— «Здѣсь, у васъ люди изъ Годжама, изъ Тигре́, самые скверные люди, совсѣмъ незнакомые съ цивилизаціей. Я увѣренъ, что тѣ, которые родомъ изъ Габеша (Абиссиніи), не доставляли безпокойства послу Царя Московскаго».

И при этомъ тонкая улыбка при словѣ «цивилизація», легкое подчеркиваніе въ себѣ человѣка, бывавшаго въ Европѣ.

При немъ курьеръ Менелика принесъ письмо на имя начальника миссіи и письмо негуса купцамъ. Письма написаны на бѣлой бумагѣ, тонкой, почтовой, съ печатью абиссинскаго императора вверху, посрединѣ. Въ письмѣ начальнику миссіи императоръ еще разъ высказываетъ свое нетерпѣніе увидѣть Московскаго посла.

Письмо купцамъ весьма грозное. Чтеніе его производитъ силь-

ное впечатлѣніе на всѣхъ нашихъ крикливыхъ возницъ... «Если вы не будете исполнять повелѣній друга моего, посла Москова, если вы не повезете его такъ, какъ онъ хочетъ, то я васъ!»...

Послѣднее выраженіе заставило купцовъ растерянно переглянуться и стать на колѣни. Дѣло въ томъ, что люди, которымъ негусъ сказалъ «я васъ»! считаются внѣ закона; за малѣйшую провинность ихъ можно арестовать, посадить въ тюрьму и даже казнить. «Я васъ!» или выразительный знакъ пальцемъ по шеѣ, ставятъ человѣка въ крайнюю опасность для жизни.

Ато Павлòсъ, по прочтеніи писемъ, становится еще любезнѣе, онъ обѣщаетъ устроить нашъ 30-ти-верблюдный караванъ на муловъ и проситъ начальника миссіи не безпокоиться ни о чемъ, но все довѣрить ему. Онъ уѣзжаетъ за-темно. Впереди идетъ слуга съ фонаремъ, сзади на мулѣ ѣдетъ Ато Павлòсъ. Они черной тѣнью проходятъ мимо насъ и исчезаютъ на крутомъ горномъ склонѣ.

Послѣ отъѣзда его становится какъ-то спокойнѣе, этотъ маленькій сановникъ внушилъ къ себѣ довѣріе, мы не боимся за нашъ грузъ, за громоздкіе ящики съ Царскими подарками, которые нужно перевалить черезъ Менджаръ.

31-е января, субота. Отъ Гадебурка́ до Шонкора́ четыре часа пути—20 верстъ. Нашъ путь сегодня—крутой подъемъ по скалистой горѣ, каменная тропинка, вьющаяся по узкому карнизу надъ отвѣсною плоскостью. Мы подымаемся на 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Назади видны громадныя желтыя плато Иту, горы, за которыми бѣжитъ широкая Кассама, темные перелѣски мимозъ, деревушки, тонущія въ зелени молочайныхъ растеній. Прямо внизу узкій ручей Гадебурка̀ съ его каскадами, басейнами, будто нарочно выдолбленными въ сплошномъ горномъ массивѣ, а подъ ногами громадные каменья, громоздящіеся одинъ на другой въ безпорядкѣ, преграждающіе путь, ломающіе копыта лошадямъ и муламъ. Мы всѣ идемъ пѣшкомъ, перебираясь съ камня на камень, спотыкаясь, едва не падая и тянемъ за собой несчастныхъ лошадей. Цѣлый часъ длится этотъ подъемъ, наконецъ, еще нѣсколько ступеней и мы на песчаной ровной площадкѣ—мы на Менджарѣ...

XXI.

Къ Аддисъ-Абебѣ.

Вся современная Абиссинія состоитъ изъ ряда горныхъ плато, террасами, подымающихся одно надъ другимъ. Только Харрарскій

округъ являетъ собою рядъ скалистыхъ горныхъ цѣпей, покрытыхъ дремучимъ дѣвственнымъ лѣсомъ и нагроможденныхъ хаотически по всѣмъ направленіямъ. За Харрарскимъ округомъ, за его лѣснымъ Черчеромъ идетъ пологій спускъ къ Авашу, перерѣзанный кое-гдѣ глубокими балками съ отвѣсными берегами—это Данакильская степь. Въ глубокой котловинѣ, шумя, ворча и пѣнясь бѣжитъ дикій Авашъ, за нимъ опять степь, идущая постепенно вверхъ—это вторая терраса за Харраромъ. На краю ея широкая Кассама переливается съ камня на камень, а за ней скалистый подъемъ, равнина съ глубокими балками, съ хребтами горныхъ массивовъ, громоздящимися тамъ и тутъ по выгорѣлой степи. На полъ-пути до Менджара еще подъемъ, новая терраса и, наконецъ, крутыя отвѣсныя стѣны у Бальчи за Годабуркой. По мѣрѣ удаленія отъ богатыхъ высокими травами, роскошной растительностью, хребтовъ Харрара, полей Черчера, травы становятся ниже и ниже, роскошные бананы, кокосы, ліаны, померанцы, лавры и смоковницы смѣняются жалкой и чахлой мимозой съ длинными бѣлыми иглами вмѣсто листьевъ... На Менджарѣ и тѣхъ нѣтъ. Широкая, безконечная степь, море низенькой жалкой чахлой травки, рядъ округлыхъ холмовъ, неглубокихъ балокъ съ шумящими по нимъ ручьями, словомъ, наша степная Русь—лежитъ куда только глазъ хватаетъ. Черная пыльная дорожка, кривые столбы телефона уходятъ въ горизонтъ, ныряютъ по холмамъ и снова выходятъ. Тамъ и самъ, по вершинкамъ видны зеленыя изгороди и круглыя коническія крыши абиссинскихъ хижинъ. И такъ до самой столицы Габеша—Антото.

На краю Менджара, у самаго обрыва внизъ, лежитъ селеніе Бальчи. Десятковъ пять круглыхъ домовъ, сбившись по шести—семи подъ одну общую ограду, расположились въ безпорядкѣ вправо и влѣво отъ большой дороги.

Здѣсь у самой дороги большой дворъ абиссинской таможни. Посреди двора сарай, составленный изъ трехъ хижинъ, сплетенныхъ вмѣстѣ и облѣпленныхъ глиной—складъ всевозможныхъ вещей. У стѣны штукъ триста верблюжьихъ сѣделъ положены рядами, подлѣ двухъ-колесная желѣзная повозка, единственная во всей Абиссиніи—имущество m-sieur Лагарда, офиціальнаго представителя Франціи при дворѣ негуса.

Здѣсь сгружали подъ наблюденіемъ Ато Павлоса свой грузъ наши данакили и здѣсь же шло формированіе новаго каравана.

Въ Бальчи есть старинный монастырь. Онъ лежитъ шагахъ въ ста къ сѣверу отъ дороги. Мы попросили разрѣшенія осмотрѣть его;

абиссинцы охотно исполнили нашу просьбу. Через плетневую калитку прошли мы въ ограду, гдѣ въ маленькой рощѣ устроено абиссинское кладбище. Надъ могилами на трехъ—четырехъ жердяхъ положены плетневые щиты. Иныя могилы обозначены лишь молодымъ отросткомъ молочая, или кустомъ. Никто не знаетъ именъ этихъ черныхъ покойниковъ, они умерли и черная земля поглотила ихъ навсегда. Посрединѣ стоитъ круглая церковь. Большой круглый коридоръ образованъ съ внѣшней стороны стѣной изъ камыша, неплотно сбитаго, а съ внутренней—стѣной изъ глинобитнаго сырцоваго кирпича, чернаго цвѣта съ четырьмя грубыми кипарисными дверями и нѣсколькими маленькими окошечками, прикрытыми ставнями.

Внутри квадратный съ закругленными углами алтарь, весь расписанный иконами al fresco. Какъ и въ Харрарѣ, такъ и здѣсь всѣ контуры обведены черной краской и иконы лѣпятся одна возлѣ другой отдѣленныя узенькими рамочками, разрисованными блѣдно-зелеными листочками. Иконы-картины большія и маленькія, продолговатыя вдоль, продолговатыя вверхъ, квадратныя, изображаютъ сцены изъ евангелія, ветхаго завѣта, житій святыхъ и позднѣйшей исторіи Абиссиніи.

Вотъ Успеніе Божіей Матери: Богоматерь съ бѣлымъ лицомъ кладется въ гробъ, закрытый пеленой, кругомъ на желтомъ яркомъ фонѣ — лиловыя лица апостоловъ, съ большими миндалевидными глазами; вотъ Марія помазываетъ ноги Христа драгоцѣннымъ миромъ, а сзади апостолы повернули свои лица съ черными остроконечными бородками и оживленно «осуждаютъ» Марію; вотъ Христосъ идетъ по зеленой водѣ, по которой плывутъ громадныя бѣлыя рыбы, а апостолъ Петръ пытается сойти на воду и не можетъ. Громадный воинъ на ворономъ конѣ, взвившемся на дыбы копьемъ поражаетъ длинноносаго и краснаго бородатаго Юліана Отступника и тутъ же рядомъ Христосъ и два разбойника распяты на крестахъ и воинъ въ португальской курткѣ копьемъ поражаетъ Христа подъ ребро. Вотъ два черныхъ человѣка съ лицами en face, а ногами въ профиль, нарисованными одна за другой, черной пилой пилятъ черепъ Георгію Побѣдоносцу, пила дошла уже до носа и желтымъ треугольникомъ врѣзалась въ лицо Святаго, а грушевидныя капли крови текутъ по его одеждѣ; далѣе ему киркой обтесываютъ лицо, кладутъ въ котелъ и, какъ сказалъ мнѣ сопровождавшій насъ тысяченачальникъ, «приготовляютъ изъ него тэчь». Надъ рядомъ квадратныхъ картинокъ, изображающихъ мученія «Георгиса», самъ Георгій

на бѣломъ конѣ копьемъ убиваетъ двуголоваго льва съ двумя змѣями вмѣсто хвостовъ. Рядомъ съ Богоматерью абиссинской работы, приклеена прямо на икону маленькая олеографія французской работы, изображающая печальную Божію Матерь съ прекраснымъ лицомъ и опущенными глазами. И такъ странно видѣть это красивое женское лицо среди розовато-лиловыхъ ликовъ другихъ иконъ. Внизу громадный черный чертъ съ хвостомъ и когтистыми крыльями протягиваетъ страшныя лапы свои кверху, надъ нимъ страшный судъ и, что удивительно—всѣ праведники бѣлолицые, а грѣшники—чернокожіе—странное для абиссинцевъ униженіе паче гордости, впрочемъ скоро объяснившееся тѣмъ, что абиссинцы себя не считаютъ за чернокожихъ! Пониже иконъ—картины. Возвращеніе Менелика съ похода. По желтымъ пескамъ пустыни подъ двумя зонтиками ѣдетъ Менеликъ, сзади него царица Таиту. Отрядъ кавалеріи скачетъ съ поднятыми вверхъ копьями, кругомъ идетъ пѣхота съ ружьями Гра на плечахъ. Въ углу два квадратика: слонъ, пронзенный копьемъ и левъ, пробитый насквозь двумя копьями—охотничьи подвиги негуса. Въ каждой изъ четырехъ стѣнъ есть особыя врата, высокія двустворчатыя двери, сдѣланныя каждая створка изъ одной громадной доски, безобразно обтесанной и неровно опиленной,—абиссинцы не умѣютъ работать изъ дерева. Подлѣ воротъ лежатъ коническіе барабаны, употребляемые при богослуженіи и бряцала, въ видѣ жестяныхъ щипцовъ, въ которыхъ свободно бѣгаютъ нѣсколько маленькихъ жестянокъ, звукомъ напоминающихъ звяканье цѣпей нашего кадила...

Въ церковь насъ провожалъ тысяченачальникъ. Узнавъ, что московскіе гости осматриваютъ храмъ, пришелъ старикъ-священникъ съ сухимъ бритымъ лицомъ и коротко остриженными волосами, сильно смахивавшій на католическаго патера. Слабымъ голосомъ, напоминающимъ возгласы старичковъ-священниковъ нашихъ церквей, онъ произнесъ намъ благословеніе, которое мы выслушали съ непокрытыми головами и потомъ вышли за ограду.

Тысяченачальникъ пригласилъ насъ завтракать. Домъ его находится во дворѣ таможни и состоитъ изъ круга, образованнаго земляной стѣной, въ кругъ вписанъ квадратъ. Оставшіеся сегменты образуютъ двое сѣней, спальню и кухню — квадратъ — столовая пріемная, гостиная—все что угодно. На стѣнахъ нѣсколько карабиновъ Гра, ружье Гра-Кропачекъ съ подствольнымъ магазиномъ, копья, серебряный щитъ, пожалованный расомъ Маконеномъ за храбрость, наборная уздечка и двѣ картинки съ конфектныхъ коробокъ французскаго производства. Насъ усадили на возвышеніе, по-

крытое коврами, немолодая женщина, въ грязной, длинной рубахѣ, подпоясанной веревкой, поставила передъ нами довольно изящно сработанный столикъ, весь сплетенный изъ гладкой соломы. На него помѣстили круглую корзинку съ тягучими блинами инжиры, подали четыре стеклянныхъ стакана, въ которые сейчасъ же налили мутный тэчь, а грязный слуга, абиссинецъ, руками принесъ разогрѣтую провяленую баранину съ кусками прозрачнаго, какъ янтарь, желтаго сала. Двое совершенно голыхъ мальчика, лѣтъ двухъ—трехъ, стояли, выпучивъ безобразные животы и таращили на насъ черные глаза съ коричневыми бѣлками. Въ двери смотрѣли любопытные ашкеры. Хозяинъ притворилъ эти двери, сдѣланныя изъ тонкихъ камышинокъ, прикрытыхъ грубо-обдѣланной бычачьей кожей. Въ хижинѣ стало темновато. Голыя дѣти, грязная шама хозяйки, два—три кліента, со стоическимъ хладнокровіемъ смотрѣвшіе на московскихъ геразмачей, пьяный ароматъ тэча, кислая инжира и вонючая баранина—все это не могло возбудить особеннаго апетита, но мы, поручики К—ій, А—и, я и классный фельдшеръ С—нъ изъ приличія ѣли руками жесткую отвратительную баранину, мокали ее въ красный перецъ и закусывали сырой инжирой, запивая все это прѣснымъ и пряпымъ тэчемъ.

— «Бузу̀ малька̀мъ», говоритъ кто-либо изъ насъ, обращаясь къ хозяину,—«чортъ знаетъ какую пакость ѣдимъ», добавляетъ тутъ же по русски, хозяинъ привѣтливо улыбается и кланяется въ поясъ. По лицу его расплывается довольная улыбка. Около часу сидимъ мы у тысяченачальника. Тѣмъ временемъ Ато Павло̀съ считаетъ и сдаетъ ящики новымъ караванщикамъ.

Изъ Бальчи̇́ мы проѣхали въ Шонкора̀, гдѣ стали бивакомъ на берегу ручья, протекающаго въ неглубокой балкѣ. Бивакъ былъ безъ дровъ. За дровами надо было посылать за 15 верстъ. Разогрѣвали воду для чая на соломѣ, травѣ и кизекахъ...

1-е февраля. Воскресенье. Дневка въ Шонкора̀. Начальникъ миссіи рѣшилъ 1-е февраля простоять на дневкѣ, чтобы дать время подтянуться новому каравану, сформированному Ато Павло̀сомъ въ Бальчи̇́.

Офицеры разошлись на охоту и вскорѣ двѣ желтыя антилопы, трофеи поручика Д—ва украшали нашу кухню. Доктора принимали больныхъ, я занялся ранжировкой своего конвоя и подборомъ его по мастямъ. У меня теперь было: пять лейбъ-казаковъ, въ ихъ числѣ одинъ трубачъ, пять атаманцевъ (одинъ сопровождалъ караванъ доктора Щ—ва), въ ихъ числѣ одинъ трубачъ, два уральца

(одинъ при караванѣ доктора Щ—ва) и четыре артилериста. Лошади у меня оказались слѣдующихъ мастей: шесть сѣрыхъ, одна рыжая, три гнѣдыхъ, двѣ вороныхъ, и четыре караковыхъ—вотъ и подбирай какъ знаешь! Люди въ разноцвѣтныхъ мундирахъ; лейбъ-казаки въ красныхъ, атаманцы въ голубыхъ, уральцы въ малиновыхъ и артилеристы въ черныхъ...

Рѣшаю въ Антото въѣзжать въ колоннѣ по четыре. Впереди— два трубача на бѣлыхъ лошадяхъ, за ними четыре лейбъ-казака на сѣрыхъ, четыре атаманца на рыжей и гнѣдыхъ, два уральца на вороныхъ и четыре артилериста на караковыхъ. При указаніи полковника А—ва подборъ довольно удаченъ, тѣнь выходитъ, но лошади абиссинскія, а это, я думаю, не требуетъ коментарій. Немного поводилъ конвой въ шеренгѣ, подравнировалъ его, потомъ лошадей пустили пастись въ табунѣ, а людей занялъ гимнастикой, чехардой, борьбой на стѣнку и бѣгомъ въ запуски съ переправой черезъ рѣчку. Послѣ этого переклеймили муловъ, наложивъ имъ съ лѣвой стороны подъ гриву букву Р, пересмотрѣли мундиры, амуницію, выстирали палатку, подбрили сзади по казачьи волосы, глядишь, а уже солнышко спускается за крыши абиссинской деревни—близка безлунная ночь, время пригонять табунъ, чистить и мыть животныхъ, задавать кормъ.

День дневки прошелъ за работой незамѣтно, наступила ночь. Завтра съ утра опять пойдемъ черезъ эти холмы, желтѣющія сухой травой.

2-е февраля. Понедѣльникъ, отъ Шонкора до Чофа-Денса. 3½ часа, 20 верстъ. Мягкая черноземная дорожка бѣжитъ между полей съ сухой травой, опускается въ балки, снова подымается и мы углубляемся въ Абиссинію. Вправо и влѣво по холмамъ видны галласскія деревни. Мѣстами поля покрыты зрѣлой сухой пшеницей и ячменемъ.

— «Ваше высокоблагородіе», восклицаетъ восхищенно толстякъ Недодаевъ,—«да никакъ взаправдашняя пшеница!» онъ бѣжитъ въ поле и рветъ пучекъ колосьевъ—«пшеница и есть!» «Ну, значитъ, на масляной блины будутъ. И пшеница! Только низковата».

Поля обработаны плохо. Цѣлина чуть тронута маленькими плугами, а кругомъ сухая трава, растущая пучками между мелкихъ черныхъ камней. На пути переправляемся черезъ три рѣчки. На третьей прекрасное мѣсто для бивака. Большія смоковницы и мимозы растутъ по луговому берегу, дальше подъемъ, сажени на двѣ, еще версты двѣ по полямъ и четвертый звенящій ручей, на берегу котораго растетъ громадная смоковница. Здѣсь было мѣсто нашего би-

вака. Топлива опять не было. Галласскія женщины принесли въ однѣхъ и тѣхъ же корзинахъ лепешки кизѣка и дабо; но на походѣ это все равно—Абиссинія отучаетъ отъ брезгливости.

Въ одиннадцать часовъ утра наши палатки поставлены, мулы и лошади пущены въ табунъ, лагерная жизнь входитъ въ свое обычное теченіе.

Около двухъ часовъ дня я лежу на своей жесткой койкѣ и читаю газету — отъ 25-го декабря. Вдругъ въ палатку мою таинственно просовывается черная голова.

— «Гэта!» тихо говоритъ незнакомый мнѣ абиссинецъ,—«дуккуля́ алле́.» (Господинъ есть газели).

Я вскакиваю съ постели и бросаю газету.

— «Уаде́тъ?» (гдѣ?).

— «Бази́къ». «Мо̀льто». (Здѣсь, много).

Я одѣваю фуражку, хватаю трехлинейку и выхожу. Мы идемъ, т. е. идетъ только абиссинецъ — легкой свободной походкой, я бѣгу за нимъ, скользя по сухой травѣ, путаясь въ стебляхъ. Мы проходимъ берегомъ рѣки, прыгаемъ черезъ глинистыя болотца, переходимъ черезъ рѣку и попадаемъ на равнину, кое гдѣ покрытую мимозами.

— «Бази́къ-аратъ» (здѣсь четыре), говоритъ абиссинецъ.

Но газели успѣли давно скрыться. Напрасно мой проводникъ вытягиваетъ шею и таинственно говоритъ: «бази́къ-мо̀льто», ихъ нѣтъ ни подъ мимозами, ни въ густой травѣ. Мы спускаемся къ берегу и идемъ вдоль по рѣкѣ. Газелей нѣтъ. Но я уже не жалѣю потеряннаго времени. Болотистый ручей, поросшій густыми и высокими камышами переходитъ въ горный потокъ, съ шумомъ несущійся по каменистому руслу. Дойдя до отвѣсной вылощенной скалы ручей падаетъ съ саженной вышины прозрачнымъ каскадомъ, разсыпается въ бездну брызгъ, словно расплавленное серебро, летящихъ во всѣ стороны. А внизу глубокій бассейнъ, полный зеленоватой влаги, прозрачной и холодной. Какія то невѣдомыя рыбы ходятъ по дну, сѣрая цапля, съ длинной шеей стоитъ въ травѣ, кусты нависли перистыми вѣтвями надъ водой, уголокъ полонъ зеленой тѣни, влажной прохлады, шумящей тайны. Я сѣлъ на берегу и долго любовался на каскадъ и иные каскады, каскады искусственные, каскады далекаго Петергофскаго Монплезира вспоминались мнѣ.

Я пришелъ съ охоты съ пустыми руками. Поручикъ Д — овъ убилъ газель, докторъ Б — инъ и поручикъ А — и принесли много пернатой дичи.

Послѣ завтра мы остановимся въ виду дворца негуса у Шола. Нашъ лагерь, какъ на ладони будетъ видѣнъ изъ оконъ императорскаго дома. Я произвелъ осмотръ обмундированію конвоя. Да, четырехъ-мѣсячный походъ сильно потрепалъ нашу казенную справу. Сапоги хоть выбрось. Отъ жары кожа потрескалась, третьи подметки отстали, каблуки сносились! Никакая вакса ихъ не выручитъ. Рейтузы выгорѣли и стали почти бѣлыми, рубашки протерлись отъ ремней амуниціи до дыръ, бѣлыя каски загрязнились, фуражки смялись, козырьки потрескались... Нѣтъ! въ такомъ видѣ абиссинскій негусъ не увидитъ представителей русской гвардіи, это почтенный боевой видъ, но это не истинный видъ щеголя гвардейца. Предписываю завтра же вынуть изъ сундуковъ новыя рубашки, сапоги, шаровары и фуражки, а эти сдать въ сундуки впредь до возвращенія. Выдалъ ваксу, помаду для чистки мѣди и завтра же начнемъ приводить себя въ столичный видъ.

Близость окончанія далекаго похода привела всѣхъ въ веселое, радостное настроеніе, омрачившееся болѣзнью полковника А — ва. Съ нимъ повторились пароксизмы давнишней кушкинской лихорадки. Послѣдніе переходы полковникъ А—овъ едва ѣхалъ, дѣлая частые привалы и по долгу отдыхая гдѣ либо у дороги на голой землѣ. Здоровье его третьяго дня было очень плохо, только теперь ему стало нѣсколько легче.

3-го февраля. Вторникъ. Отъ Чоффи-Денсй до Акакс. 5½ часовъ—28 верстъ. Утро пасмурное, холодное. Все небо покрыто сѣрыми тучами, вѣтеръ шумитъ въ горахъ. Около семи часовъ тучи стали разрываться, сквозь дымку ихъ показалось лазурное небо, блеснуло на минуту робкое солнце, не жгучее африканское, а несмѣлое тихое, чисто петербургское солнце, блеснуло и скрылось, словно застыдилось, словно устало оно три мѣсяца подрядъ палить наши лица.

Мы идемъ подъ этимъ пасмурнымъ небомъ по полямъ, по чернозему, кое гдѣ распаханному первобытнымъ абиссинскимъ плугомъ, состоящимъ изъ большаго желѣзнаго гвоздя, прикрѣпленнаго къ дышлу съ парнымъ ярмомъ, въ которое впряжены горбатые быки. Мы идемъ пять съ половиной часовъ. Въ концѣ перехода переводчикъ и наши слуги приходятъ въ замѣтное оживленіе.

— «Аддисъ-Абеба! Аддисъ-Абеба!» говорятъ они, указывая вдаль.

Но прозрачная даль пуста. Двѣ большія горы соединены другъ съ другомъ невысокимъ хребтомъ. На горы легли какія то темныя

пятна—но—тѣни ли это разрозненныхъ облаковъ, кидаемыя высокимъ солнцемъ, уже торжествующимъ свою побѣду надъ тучами, или это дремучіе лѣса, или погорѣлые луга, или кучи хижинъ—разобрать нельзя. Мы на высотѣ 7,700 футовъ, рѣдкій воздухъ дрожитъ и трепещетъ, дали исчезли, все ясно, но Аддисъ-Абебы не видно.

— «Вонъ! между горъ»—говоритъ переводчикъ, «темное пятно—это и есть Антото».

Но черныхъ пятенъ много. Жадный взоръ ищетъ по горамъ и холмамъ высокихъ колоколенъ, церквей, бѣлыхъ дворцовъ, причудливыхъ зданій столицы эфіопійскаго царства. Темныя пятна ничего не говорятъ, да и кругомъ не слышно, не чувствуется біеніе пульса столицы, дорога, поля также пустынны, деревни также разбросаны и бѣдны... «Новый цвѣтокъ» (Аддисъ-Абеба—въ переводѣ—новый цвѣтокъ) не благоухаетъ, не даетъ знать о себѣ, даже и на три часа разстоянія.

А между тѣмъ гонцы приносятъ извѣстія, что самъ Менеликъ въ подзорную трубу слѣдитъ за шествіемъ россійскаго посольства, что въ часѣ отъ Аддисъ-Абебы на полѣ у Шола разбиты уже четыре палатки для его членовъ, что все Антото волнуется въ ожиданіи торжественнаго въѣзда.

Около часа пополудни, перейдя двѣ довольно глубокія рѣки мы останавливаемся у Акàке, на обрывистомъ берегу широкаго ручья.

До завтра, — завтра въ трехъ верстахъ отъ Аддисъ-Абебы уже начнется праздникъ торжественной встрѣчи.

4-е января, среда. Отъ Акàке до Ике. 10 верстъ—2 часа. Мы перенесли свой лагерь еще ближе къ Антото, перенесли съ тою цѣлью, чтобы завтра сократить до предѣловъ возможнаго движеніе въ парадной формѣ, по церемоніалу, въ столицу эфіопійской имперіи. Нашъ бивакъ разбитъ на ровномъ полѣ желтой травы съ безукоризненной правильностью. Коновязь, за ея срединой палатка конвоя, далѣе линія офицерскихъ палатокъ, за ней столовая и кухня. Палатки начальника миссіи поставлены впереди и сбоку и передъ его пріемной парные часовые заняли постъ.

Хлопотливый день. Почистили и помыли коней, начистили ремни, наборы, пригнали амуницію, провѣрили холостые патроны и нѣтъ, нѣтъ да и ходили на пригорокъ посмотрѣть на Антото.

На склонахъ холмовъ видны были кучки темныхъ круглыхъ хижинъ, разбросанныя здѣсь и тамъ; красная крыша дворца, двѣ три бѣлыхъ постройки выдѣлялись между ними. Ни улицъ, ни кварта-

ловъ, ни стѣлъ, ни капитальныхъ построекъ,—столица солдатскаго народа не блистала городскимъ видомъ...

Въ 4 часа къ начальнику миссіи пріѣхалъ m-sieur Ильгъ. Швейцарецъ родомъ, онъ, болѣе двадцати лѣтъ провелъ въ Абиссиніи при дворѣ негуса и занялъ при немъ роль министра иностранныхъ дѣлъ и верховнаго церемоніймейстера. Это статный бородатый нѣмецъ, лѣтъ 45-ти и надо полагать, хитрый и лукавый царедворецъ.

Онъ пріѣхалъ, чтобы договориться о церемоніалѣ завтрашняго въѣзда. Было рѣшено, что движеніе съ бивака начнется въ 8 часовъ утра, когда къ лагерю прибудетъ отрядъ войскъ, m-sieur Ильгъ и начальникъ гвардіи императрицы, которые проводятъ жену начальника миссіи въ предназначенную ей палатку; затѣмъ, черезъ полчаса, дедьязмачъ Іосифъ вмѣстѣ съ г. Ильгомъ прибудутъ вновь въ лагерь, чтобы проводить русскаго посла во дворецъ негуса. Офиціальная встрѣча должна была произойти верстахъ въ двухъ отъ города за рѣкой. При въѣздѣ по просьбѣ начальника миссіи абиссинскія войска не должны были мѣшаться съ нашимъ конвоемъ и членами миссіи, дабы болѣе оттѣнить европейцевъ. Въ виду общаго утомленія походомъ первая аудіенція не должна была долго длиться.

Въ 5 часовъ пополудни m-sieur Ильгъ удалился.

Тихій вечеръ наступилъ. Послѣдній вечеръ на бивакѣ, послѣдній вечеръ въ наскоро разбитой палаткѣ. Пурпуровый закатъ золотилъ далекія горы и на фонѣ ихъ виднѣлись скромныя хижины аддисъ-абебскихъ жителей. Ни звука, ни шороха. Не залаютъ собаки, не перекликаются протяжно сторожа, не видно огней большаго города, не слышно шума голосовъ. Тихо все. Не вѣрится, что это цѣль нашего путешествія, не вѣрится, что завтра мы увидимъ героявластителя могущественнѣйшей африканской державы, что завтра приподнимется занавѣсъ и мы будемъ очевидцами роскошнѣйшей феэріи, которую глазъ можетъ представить, что завтра мы вступимъ въ таинственное Антото, станемъ участниками такой жизни, которую вели, вѣроятно, наши предки тысячу лѣтъ тому назадъ... Завтра...

XXII.

Первая аудіенція у негуса.

Раннимъ утромъ, 5-го февраля, все въ русскомъ станѣ оживилось. Спѣшно грузили послѣднія вещи на муловъ и отправляли ихъ

изъ лагеря, валили палатки, чистили лошадей: готовились къ парадному въѣзду. Въ 7 часовъ утра Икэ́ приняло необычный праздничный видъ. Пестрые мундиры конвоя, щегольская форма офицеровъ гвардіи, эполеты врачей—такъ странно было видѣть все это на безпредѣльномъ полѣ желтой травы, обрамленномъ далекими голубыми горами.

То и дѣло слышались восторженныя восклицанія черныхъ слугъ, подававшихъ то ту, то другую принадлежность параднаго снаряженія.

— «Ойя-гутъ!», слышишь въ одномъ концѣ писклявый голосъ Габріэса, слуги поручика Д—ва, — «ойя-гутъ!» говоритъ и нашъ молчаливый Уольди.

Все принарядилось. Переводчикъ Габро Христосъ смѣнилъ свою полуевропейскую одежду на бѣлую шелковую рубашку и бѣлоснѣжную шаму съ красной широкой полосой; слуги тоже одѣлись въ шелковыя ткани, подѣлали повязки на головы, вмѣсто шляпъ и приняли праздничный видъ.

Къ 8-ми часамъ конвой выстроился пестрой линіей противъ палатки начальника миссіи. Г. Власовъ поблагодарилъ казаковъ за примѣрную службу въ далекомъ походѣ и поздравилъ съ прибытіемъ къ столицѣ Абиссиніи.

Погода была, какъ на заказъ. Съ утра ни облачка, голубое небо свѣтлымъ куполомъ покрыло всю окрестность. Желтый холмъ, отходя отрогомъ отъ цѣпи горъ скрывалъ отъ насъ дорогу на Аддисъ-Абебу.

И вотъ въ 8¼ часовъ утра, тамъ за холмомъ, гдѣ протекалъ неширокій ручей по каменистому ложу, гдѣ стояло два одинокихъ дерева, раздались жалобные звуки флейтъ-ампилей, стали слышны голоса и громадная полоса черныхъ ашкеровъ вдругъ надвинулась изъ-за возвышенности. Ихъ, этихъ ашкеровъ, было болѣе тысячи человѣкъ. Они шли широкимъ фронтомъ, въ нѣсколько шеренгъ, шли одѣтые въ праздничныя бѣлыя шамы, съ ружьями на плечахъ. Десятки палокъ съ абиссинскими флагами возвышались надъ ихъ головами, красные, желтые и зеленые языки мотались въ воздухѣ, на темно-синемъ небѣ Африки. Тамъ и сямъ въ этой бѣлой толпѣ видны были офицеры въ боевыхъ плащахъ лемптахъ. (Лемпты одѣваются поверхъ шамы, и имѣютъ форму паука или восьминога; это нѣсколько широкихъ лентъ съ узоромъ на концѣ, мотающихся по плечамъ и по спинѣ офицера). И какихъ, какихъ цвѣтовъ были эти лемпты! Какихъ оттѣнковъ! Европейская палитра бѣдна красками,

языкъ не найдетъ словъ, чтобы описать дикую красоту этихъ пестрыхъ одѣяній. Черные, атласные и рядомъ ярко-зеленые, малиновые, фіолетовые, розовые, пестрые самаго невозможнаго рисунка, расшитые золотомъ и серебромъ. Сзади особо отличившихся ашкеры несли ихъ щиты, отдѣланные золотомъ и серебромъ. Съ праваго бока висѣли длинныя кривыя сабли въ сафьяновыхъ ножнахъ, на плечѣ лежали ружья: — цѣлый лѣсъ стволовъ. И шумя и крича, каждую секунду мѣняя сочетаніе пятенъ, подобно стекламъ калейдоскопа, толпа эта надвинулась, окружила, покоемъ зашла вокругъ палатки. Начальникъ гвардіи императрицы въ длинномъ атласномъ черномъ плащѣ, многочисленными складками спадавшемъ чуть не до земли, выѣхалъ впередъ на разубранной цвѣтнымъ сафьяномъ и золотымъ наборомъ сѣрой лошади и крикомъ отдалъ приказаніе. Пестрые ленты забѣгали. Длинныя трости прогулялись по головамъ и спинамъ не успѣвшихъ подравняться солдатъ, амвили запѣли жалкія ноты, безъ мотива, безъ склада, и изъ середины толпы выдвинулся m-sieur Ильгъ во фракѣ и за нимъ начальникъ гвардіи царицы Тапту. Жена начальника миссіи, сопровождаемая своей горничной подъѣхала къ нимъ. Ашкеры, отъ имени царицы, поднесли ей четыре букетика цвѣтовъ въ зеленыхъ граненыхъ стаканахъ и подвели роскошно убраннаго мула.

Смолкшія было флейты снова затянули пискливую музыку, толпа раздалась, раздвинулась, потомъ снова сомкнулась, причемъ ленты образовали еще нѣсколько удивительно пестрыхъ пятенъ и затѣмъ съ говоромъ и шумомъ удалились за холмъ, уводя съ собой и г-жу Власову.

Мы остались ожидать своей очереди.

Прошло томительныхъ полчаса. И вотъ изъ-за той же горы показался быстро идущій мулъ m-sieur Ильга, за нимъ ѣхалъ геразмачъ Іосифъ, придворный переводчикъ Менелика, а дальше бѣжало нѣсколько ашкеровъ. Минута нашего отъѣзда настала. Начальникъ миссіи сѣлъ на своего парадпаго мула, конвой рысью выскочилъ впередъ и построился по четыре, офицеры стали позади г. Власова и Ильга и мы тронулись.

За холмомъ, на желтомъ полѣ, нѣсколько верстъ шириною, у дороги на Аддисъ-Абебу, стояли войска Менелика. Дядя императора расъ Убіе выѣхалъ навстрѣчу послу Московскаго Государя. Расъ Михаилъ, зять Менелика, въ простой одеждѣ — инкогнито, первые сановники города, въ парадныхъ одѣяніяхъ находились при немъ. Впереди всѣхъ, группой, окруженные офицерами въ лентахъ

и львиныхъ гривахъ, съ солдатами, съ ружьями, съ примкнутыми штыками стояли расы. Подлѣ нихъ были музыканты съ длинными деревянными и мѣдными трубами, похожими на наши пастушескія, и съ маленькими флейтами. Гвардія императора съ ружьями, окутанными краснымъ кумачемъ, отдѣльной кучкой собралась около раса Убіе. А кругомъ, громаднымъ покоемъ, шеренгъ въ пять, безпорядочныхъ, невыравнированныхъ стали солдаты. Море черныхъ головъ, лѣсъ ружейныхъ стволовъ, колеблющіяся бѣлыя шамы нарядно одѣтаго войска, красные полосы на нихъ и пестрые ленты, особо отличившихся воиновъ. Тамъ и сямъ виднѣлись всадники на лошадяхъ, гремящихъ наборами, на сѣдлахъ съ вальтрапами изъ шелка самаго причудливаго рисунка. Шелкъ, атласъ и бархатъ; что можетъ быть ярче, чуднѣе этого матеріала!? Сколько дикаго вкуса въ этой пестротѣ, сколько жизни въ этихъ краскахъ, что кричатъ и бьютъ по глазамъ, но и ласкаютъ въ тоже время. Не видишь черныхъ лицъ, не видишь босыхъ ногъ, не слышишь говора или шума. Мелькнетъ фигура съ львиной гривой, торчащей на головѣ, въ леопардовой шкурѣ, граціозно накинутой на плечи поверхъ блестящей бѣлой, полупрозрачной шамы, съ длинной саблей въ красныхъ сафьяновыхъ ножнахъ, мелькнетъ и исчезнетъ въ толпѣ шеститысячнаго войска.

Всадникъ на большомъ мулѣ, въ голубой атласной накидкѣ, въ шелковомъ ишакѣ на головѣ, съ золотымъ щитомъ на лѣвой рукѣ, выдвинется изъ рядовъ и опять затрутъ его бѣлыя шамы, пестрые ленты...

Говоръ многихъ тысячъ людей, крики начальниковъ, ржаніе коней... Мы подъѣхали къ этой толпѣ... и вдругъ засвистали нѣжныя флейты, завыли трубы, будто громадный мѣдный хоръ началъ настраивать свои инструменты. Дедьязмачъ Убіе приблизился къ послу и подвелъ ему парадняго мула, подарокъ негуса. Громадное животное, вороной масти, было осѣдлано абиссинскимъ сѣдломъ, накрытымъ роскошнымъ суконнымъ, малиновымъ чепракомъ, расшитымъ разноцвѣтными шелками, и сверхъ чепрака красивой голубой попоной, испещренной мелкими цвѣточками. Масивный золотой ошейникъ свѣшивался отъ ушей красавца мула. Ашкеръ взялъ его и по приказанію г. Власова повелъ впереди конвоя. Войско раздалось передъ нами, передвинулось, перебѣжало и двумя громадными толпами, вытянувшимися въ линіи впереди и сзади насъ пошло на городъ. Въ серединѣ, между двухъ линій солдатъ, идущихъ въ затылокъ одинъ другому, ѣхали мы.

Прямо передъ конвоемъ шли музыканты. Трубы завывали, на смѣну имъ пищали флейты, и снова выли трубы. Толстогубые трубачи галласы и мальчишки флейтщики старались изо всѣхъ силъ. А впереди, шумя и сверкая пестрыми пятнами плащей и головныхъ платковъ, играя на солнцѣ золотымъ наборомъ сбруй, щитовъ и копій шли солдаты. Ихъ было тысячъ шесть.

Шеренги эти разстраивались, обращались въ кучки, когда приходилось перебѣгать черезъ крутыя балки, черезъ каменистые ручьи и снова строились, поощряемыя криками начальниковъ, ударами тонкихъ и длинныхъ палокъ. Войско таяло, разбѣгаясь при входѣ въ улицу и снова появлялось, едва площадь давала мѣсто. Изъ-за земляныхъ и камышевыхъ заборовъ на насъ смотрѣли хладнокровныя лица: ашкеры сановниковъ, солдатскія жены въ сѣроватыхъ рубашкахъ съ массой складокъ у груди и съ напускомъ на поясъ, голыя дѣти, дворяне въ черныхъ суконныхъ накидкахъ: — ни тѣни любопытства: — холодная гордость выражалась на ихъ лицахъ. Мы поднялись на самый высокій холмъ Аддисъ-Абебы и въ узкія ворота круглой каменной стѣны въѣхали во дворъ дворца негуса...

Представьте себѣ, что съ шумомъ и свистомъ взвился занавѣсъ Маріинскаго театра и вы увидали передъ собой апофеозъ красиваго обстановочнаго балета. На темно-синемъ небѣ, картинно окруженный зелеными деревами видѣлся круглый дворецъ негуса. Грубыя каменныя ступени вели къ громаднымъ дверямъ. На ступеняхъ, въ красныхъ чалмахъ стоялъ оркестръ негуса и управляемый русскимъ капельмейстеромъ, игралъ «Боже, Царя храни». У крыльца въ богатыхъ костюмахъ столпились первые сановники абиссинской имперіи, ближе, въ кругломъ каменномъ бассейнѣ, чуть билъ фонтанъ.

Отъ входа до дворца, кривой линіей стала артилерія негуса. 70 италіанскихъ горныхъ орудій, 280 артилеристовъ въ пунцовыхъ чалмахъ и полосатыхъ вязаныхъ фуфайкахъ Краснаго Креста, черные барабанщики, сидящіе на уступѣ каменной стѣны и пестрая толпа офицеровъ и солдатъ, залитыхъ яркимъ экваторіальнымъ солнцемъ...

Нѣтъ! никакое электричество не дастъ такого свѣта, никакой декораторъ не напишетъ такого прозрачнаго неба, нигдѣ не найдется нѣсколькихъ сотенъ богато одѣтыхъ статистовъ!

Такія картины можно видѣть только тамъ, гдѣ яркое солнце играетъ роль электротехника, гдѣ полновластный императоръ собираетъ толпы актеровъ, гдѣ война дастъ платье, гдѣ мужчина-воинъ — первое лицо въ странѣ.

И среди этой театрально одѣтой толпы, солидными, серьезными и величаво красивыми казались наши блестящіе гвардейцы, на чудно подобранныхъ коняхъ въѣзжавшіе во дворъ.

При грохотѣ барабановъ, подъ торжественные звуки русскаго гимна слѣзли мы съ лошадей и муловъ и вошли во дворецъ... Новый эфектъ, эфектъ бьющій по нервамъ, эфектъ, заставляющій задуматься, забыться, отрѣшиться на мгновеніе ото всего, что было, что осталось тамъ, назади, въ далекой Европѣ...

Триста лѣтъ ухнуло куда-то въ безконечность. Нѣтъ Петербурга, нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ Германіи, Франціи, съ которыми мы заключаемъ союзы, трактаты, договоры... Есть какіе-то отдаленные нѣмцы, съ которыми „пріятно вести умныя бесѣды, которые «зѣло опытны» во многихъ дѣлахъ. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ мудро правитъ Московскимъ государствомъ, то ссорясь, то мирясь съ патріархами, устроя царство. Теперь у него торжественная аудіенція—принимаются почетные послы, прибывшіе съ нѣмецкой стороны. Бояре и рынды, дѣти боярскія и духовныя лица собрались вокругъ Московскаго Царя и слушаютъ мудрыя слова Государевы...

Да такъ должно было быть!... Мы—тѣ нѣмецкіе послы, что капля за каплей вносили европейскую цивилизацію въ Русь, а царь Менеликъ, принимающій насъ теперь съ ласковой улыбкой гостепріимнаго хозяина, поборникъ цивилизаціи, не чуждый европейскихъ обычаевъ, но поборникъ мягкій, опасающійся ломки и крутыхъ мѣръ, не Царь ли это государства Московскаго, лѣтъ триста тому назадъ?

Мы въ большомъ кругломъ залѣ дворца. Соломенный высокій потолокъ подпертъ многими кипарисными четыреугольными столбами, безъ живописи, безъ рѣзьбы. Простыя веревки натянуты по всѣмъ направленіямъ. На веревкахъ висятъ драпировки, но онѣ теперь собраны и залъ весь передъ нами. Таинственный полумракъ разлитъ по залу. Въ глубинѣ, въ громадной нишѣ квадратный деревянный балдахинъ съ крышей въ формѣ четырехгранной пирамиды, съ крестомъ на верху. Старыя шелковыя драпировки, шитыя золотомъ подвѣшены къ столбамъ; тронъ обложенъ темно-малиновымъ бархатомъ, шитымъ золотомъ и негусъ сидитъ въ немъ закрытый подушками со всѣхъ сторонъ. Видна его грудь, увѣшанная орденами, видна голова, повязанная бѣлымъ платкомъ и темныя руки, положенныя на подушки. На груди блеститъ русскій орденъ Св. Александра Невскаго. Тронъ тонетъ въ полумракѣ глубокой ниши. Тамъ видны ликомакосы (тѣлохранители) негуса, тамъ мѣрно колышутся бѣлыя и черныя конскія гривы-опахала, въ рукахъ искусныхъ

эльфинь-ашкеровъ. У ногъ негуса, на ступеняхъ трона, въ нѣмомъ молчаніи, задумчивые и преданные лежатъ первѣйшіе его сановники и совѣтники—дядя его, расъ Дарги и главный судья Афá-Негýсъ. По лѣвую сторону трона стоитъ правитель Тигрé—расъ Микаэль, деджазмачъ Убіе, начальникъ императорской гвардіи, далѣе въ львиныхъ гривахъ геразмачи и кеньазмачи, у входа, въ цвѣтныхъ пестрыхъ лентахъ тысяченачальники и баламбарасы.

Правѣе трона, въ парадной формѣ стоятъ члены французской миссіи съ m-sieur Лагардомъ, министромъ резидентомъ во главѣ. Ближе къ негусу стали геразмачъ Іосифъ и m-sieur Ильгъ.

На мягкихъ разноцвѣтныхъ коврахъ, покрывавшихъ весь полъ громаднаго зала было поставлено золотое кресло для русскаго посла и стулья для членовъ миссіи.

Всѣ заняли мѣста по старшинству. Конвой вошелъ съ обнаженными шашками и занялъ мѣсто противъ императора.

Смолкли послѣдніе шаги, затихли разговоры въ толпѣ придворныхъ.

Россійскій Императорскій посланецъ вручилъ кисейный, поверхъ золотой парчи, конвертъ съ письмомъ Императора негусу. Конвой взялъ на караулъ, на дворѣ загрохотали пушки и звуки русскаго гимна еще разъ сквозь стѣны донеслись въ полутемный залъ дворца.

Приподнявшись съ почтительной, довольной и радостной улыбкой, обѣими руками принялъ негусъ письмо единовѣрнаго ему властелина полу-міра и передалъ его своему ликомакосу...

Потомъ представили членовъ миссіи. Императоръ пожалъ сердечно руку г. Власову и тихо сталъ съ нимъ разговаривать...

Онъ справился о здоровьи Россійскаго Императора, о здоровьи посла и членовъ миссіи, о томъ, благополучно ли прибыли всѣ? не было ли затрудненій въ дорогѣ?...

При каждомъ вопросѣ ласковая улыбка освѣщаетъ его лицо, изъ подъ черныхъ губъ сверкаютъ бѣлые зубы, и все его широкое, доброе лицо, опушенное черной бородкой, озаряется.

Аудіенція длится полъ-часа.

Мы уходимъ изъ зала, садимся на муловъ и, сопровождаемые тысячами войска, идемъ въ нашъ лагерь. По дорогѣ мы заѣзжаемъ въ соборъ Аддисъ-Абебы, а затѣмъ пробираемся черезъ ручей на холмъ, гдѣ воздвигнуты высокія плетневыя стѣны и гдѣ разбито четыре большихъ круглыхъ абиссинскихъ палатки. Это мѣсто выбрано для русской миссіи самимъ негусомъ. Менеликъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ сюда и наблюдалъ за работами по постройкѣ забора.

Мѣсто выбрано прекрасно. Вся Аддисъ-Абеба, съ командующимъ ею дворцомъ негуса, какъ на ладони. Внизу бѣжитъ ручей, сзади высокія горы. Чудный видъ, прекрасный воздухъ.

Для устройства лагеря, для заботъ о русской миссіи назначенъ Азачъ Гезау, невысокій, чернобородый «большой человѣкъ». Онъ насъ проводилъ на мѣсто лагеря, онъ же явился подъ вечеръ во главѣ безконечной процессіи черныхъ солдатъ и женщинъ—онъ принесъ дурго отъ императора—«немножко на первый разъ», какъ сказалъ онъ, хитро улыбаясь г. Власову. Это немного было: пять громадныхъ быковъ, 20 барановъ большихъ и 15 маленькихъ черныхъ барашковъ, 300 блиновъ инжиры и 200 хлѣбовъ «фурнò» (по формѣ французская булка, по вкусу пеклеванный хлѣбъ), 13 гомбъ тэча и 9 гомбъ масла...

Долго, долго въ этотъ вечеръ я не могъ заснуть. И видѣлось мнѣ доброе, темное лицо правителя Эфіопской имперіи, первобытный блескъ его двора, слабые проблески зарождающейся новой культуры...

А ночь была тихая, прохладная. Мирно спала разбросанная кучками домовъ Аддисъ-Абеба, спало на горѣ надъ ней старинное Антото и только наши слуги, купцы и заганьи (часовые) абиссинскаго караула крикливо переговаривались между собой...

XXIII.

Гебй.

6-го и 7-го января мы устраиваемся. Большая круглая палатка отдана подъ помѣщеніе конвоя. Посерединѣ у столба врытъ въ землю столъ, кругомъ наложены нары. Бывшая палатка конвоя, ординарная, двускатная обращена въ цейхаузъ. Изъ ящиковъ подѣланы шкапы, въ которые по звеньямъ сложены мундиры и шаровары, подлѣ средней стойки сдѣлана пирамидка для ружей, наконецъ, рядомъ, у забора, подъ навѣсомъ, устроены мастерскія, плотницкая и швальня. За неимѣніемъ сарая, увы, лошади принуждены мерзнуть по ночамъ на коновязи. Первые дни заниматься ихъ выѣздкой не приходится: много работы по починкѣ амуниціи и устройству лагеря.

8-е и 9-е января сопровождали начальника миссіи по визитамъ. За г. Власовымъ всякій разъ ѣздитъ по очереди одно звено. Вмѣстѣ съ начальникомъ миссіи дѣлаютъ визиты полковникъ А—овъ и

вмѣстѣ съ очереднымъ звеномъ ѣзжу по приказанію начальника миссіи, какъ начальникъ конвоя и я. Это дастъ мнѣ случай близко познакомиться какъ съ самой Аддисъ-Абебой, такъ и съ ея обитателями.

Назвать Аддисъ-Абебу городомъ, даже въ африканскомъ смыслѣ этого слова,—немного смѣло; сказать, что это лишь резиденція негуса, значитъ оскорбить ее. Это — зародышъ города, это зародышъ столицы, нарождающагося великаго африканскаго государства.

Аддисъ-Абеба — рядъ холмовъ, раздѣленныхъ узкой и мелкой рѣчкой съ каменистымъ русломъ. На холмахъ построены круглые глинобитные дома, окруженные земляными или хворостяными заборами. Кругомъ забора цѣлый рядъ маленькихъ то тростниковыхъ, то соломенныхъ хижинъ—это солдатскій бивакъ. Женщины шоколаднаго цвѣта съ красивыми темными глазами, съ курчавыми волосами въ грязной рубашкѣ ниже колѣна, ниспадающей на поясъ многочисленными складками, съ полуобнаженной грудью стоитъ въ дверяхъ—это солдатская жена. Внутри хижины виситъ ружье Гра, иногда кожаный круглый щитъ, или кривая сабля въ сафьяновыхъ ножнахъ и обладатель этого сидитъ на мѣшкѣ, завернувшись въ темную отъ грязи шаму. Чѣмъ больше такихъ хижинъ, тѣмъ важнѣе лицо, живущее въ центральной хижинѣ, за заборомъ.

Улицъ нѣтъ. Дорога, протоптанная то среди поля, то между хижинъ, пыльная и широкая, вдругъ каменистой тропинкой сбѣгаетъ внизъ въ ручей, съ камешка на камень переходитъ черезъ него, подымается почти отвѣсно вверхъ и идетъ снова, широкая и мягкая по изумрудному лугу. По лугу бродятъ ослы, мулы и лошади, на канавкѣ, прорѣзывающей лугъ, расположилось нѣсколько женщинъ и стираетъ грубыя шамы своихъ мужей.

Чѣмъ больше углубляешься въ городъ, тѣмъ лучше становится дорога, черезъ водопроводныя канавы мѣстами перекинуты мосты, покрытые землей, положенной на жерди, за плетнемъ видна громадная плантація ярко-зеленыхъ кустовъ. Это «геша», обладающее хмѣльными свойствами, изъ котораго приготовляется «тэчь» и «тэлла».

— «Императорская плантація», говоритъ переводчикъ.

Кусты по склону холма взбѣгаютъ на верхъ и подходятъ къ высокой круглой каменной стѣнѣ.

Это «Гэби», дворецъ негуса. Гэби состоитъ изъ круглаго забора, сложеннаго изъ бѣлаго камня и имѣющаго нѣсколько воротъ. За заборомъ идутъ дворы, образованные другимъ круглымъ заборомъ и

сараями, расположенными по радіусамъ и вмѣщающими въ себя мастерскія негуса. Тутъ и грекъ Захарій, золотыхъ дѣлъ мастеръ, и садовникъ и оружейная мастерская, и плотницкая, и патронный заводъ, и «тэче-варня» и булочная—словомъ все, что нужно императору, тутъ же помѣщается императорская гвардія и пажи — «эльфинь-ашкеры» (слуги малень). Дворики, образованные мастерскими, грубо мощены остроконечными булыжниками и соединяются между собой. За второй стѣной рядъ такихъ же двориковъ и, наконецъ, въ центрѣ—дворцовыя постройки.

Негусъ любитъ строиться и у него много каменныхъ круглыхъ и квадратныхъ домовъ въ одинъ и два этажа. Время отъ времени при дворѣ своемъ онъ устраиваетъ обѣды, на которые можетъ придти всякій, безъ различія званія и состоянія, при одномъ условіи принести съ собою камень. И въ воскресенье, 8-го февраля, когда я сопровождалъ начальника миссіи по визитамъ, я видѣлъ цѣлыя толпы людей, которыя направлялись въ Гэбй и каждый изъ нихъ несъ по большому известковому камню.

Изъ этихъ камней построенъ громадный круглый тронный залъ, въ которомъ происходятъ пріемы пословъ и выходы, — построенъ дворецъ императрицы, столовая и внутренніе покои.

Гэбй—дѣтище Менелика. Это его затѣя, любимое его мѣстопребываніе; здѣсь проводитъ эфіопскій монархъ дни свои, занимаясь государственными дѣлами, слѣдя за европейской политикой, за развитіемъ техники, за успѣхами науки и искусства.

Во вторникъ, 10-го февраля, при поднесеніи царскихъ подарковъ, мнѣ удалось нѣсколько короче познакомиться съ императоромъ Эфіопіи.

Въ понедѣльникъ начальникъ миссіи запросилъ императора, не можетъ ли онъ принять его во вторникъ въ 4 часа дня.

Рано утромъ, во вторникъ, завѣдующій дворомъ и работами m-sieur Ильгъ, запиской увѣдомилъ г. Власова, что Менеликъ желаетъ принять Императорскаго посла въ 10 часовъ утра, совершенно запросто, наединѣ и пришлетъ за нимъ къ 9-ти часамъ утра конвой.

Въ 9 часовъ утра, во вторникъ, нашъ конвой въ обыкновенной формѣ при караульной амуниціи выстроился у воротъ двора въ ожиданіи абиссинскаго конвоя. Негусъ прислалъ около 200 человѣкъ ашкеровъ въ бѣлыхъ шамахъ подъ начальствомъ одного кеньязмача, и около половины десятаго, предшествуемый пестрой линіей абиссинцевъ, сопровождаемый секретаремъ и конными казаками, на-

чальникъ миссіи на дареномъ парадномъ мулѣ, покрытомъ абиссинскимъ наборомъ, отправился къ негусу.

Сзади несли подарки.

Глубоко обдумывали въ Петербургѣ каждую вещь, которую отъ имени Государя единовѣрной Россіи отправляли въ далекую Абиссинію. Подарки состояли изъ тѣхъ предметовъ, которые нужны въ Абиссиніи, цѣнятся тамъ, любимы въ странѣ черныхъ христіанъ.

Портретъ Государя Императора въ золотой рамѣ, писанный пастелью—долженъ былъ запечатлѣть въ памяти негуса драгоцѣнныя черты сѣвернаго Монарха и Друга.

Трехствольное охотничье ружье работы Зауера, отдѣлка Шафа, съ золочеными стволами и золотой розеткой съ государственнымъ русскимъ гербомъ, украшеннымъ бриліантами и рубинами. Два ствола 12-го калибра—дробовые, третій нижній нарѣзной подъ берданочный патронъ.

Сабля дамасской стали, въ ножнахъ кованаго золота, усыпанныхъ бриліантами и рубинами съ рукояткой слоновой кости и вензелемъ Государя Императора на клинкѣ.

Большой абиссинскій щитъ изъ литаго серебра съ отдѣлкой золотомъ и эмалью, съ большимъ государственнымъ русскимъ гербомъ посрединѣ.

Абиссинскій боевой плащъ (лемптъ) изъ драгоцѣнной парчи.

Сѣдло голубаго бархата, расшитое золотомъ и шелками съ такимъ же вальтрапомъ.

Серебряные сервизы—одинъ для тэча, другой для кофе.

Императоръ ожидалъ русскаго посла одинъ въ своемъ тронномъ залѣ. M-sieur Ильгъ и геразмачъ Іосифъ находились при немъ въ качествѣ переводчиковъ. Человѣкъ 15 слугъ было подлѣ императорскаго трона.

Менеликъ былъ одѣтъ въ шелковую бѣлую съ лиловыми полосками рубашку и поверхъ нея черный, обшитый позументомъ плащъ. На головѣ была бѣлая кисейная повязка.

Онъ пригласилъ насъ троихъ садиться на приготовленные для того три вѣнскихъ стула.

Посланникъ освѣдомился о здоровьи Джонъ-Хоя (Его Величества).

— «Изгеръ истылли (покорно благодарю), тихо отвѣтилъ негусъ и спросилъ о здоровьи Государя Императора.

Потомъ пошелъ шаблонный разговоръ о погодѣ, о страшномъ вѣтрѣ, дующемъ эти дни въ Аддисъ-Абебѣ; посланникъ просилъ

разрѣшенія поднести тѣ дары, которые Государь Русскій посылаетъ негусу, какъ знакъ своей дружбы и уваженія.

— «Ишши» (хорошо), слышится тихій отвѣтъ.

Я подаю негусу ружье и объясняю его устройство. Я показалъ ему, какъ вкладывать патроны, какъ стрѣлять верхними и нижнимъ стволами. Механизмъ, устройство ружья, сильно заинтересовали Менелика, онъ зарядилъ его, потомъ вынулъ патроны и осмотрѣлъ затворъ—«очень интересная вещь»—сказалъ онъ.

Потомъ г. О—въ подалъ негусу шашку, затѣмъ щитъ, лемптъ, сѣдло и другіе подарки.

Щитъ и лемптъ возбудили особенное вниманіе Менелика. Долго разсматривалъ онъ Россійскій гербъ, спрашивалъ значеніе каждаго отдѣльнаго губернскаго герба. Онъ взвѣшивалъ на рукѣ и любовался дорогой парчею золотаго лемпта. Глаза его сверкали — онъ былъ тронутъ. Не цѣнность подарковъ тронула его, а потрясло его душу, что Великій Бѣлый Братъ, Владыка Сѣвера, подумалъ о немъ, живущемъ въ глуши африканскихъ горъ и прислалъ ему тѣ вещи, которыя цѣнятся въ Абиссиніи, которыми можно похвалиться, показать, вынести... О немъ думали, о немъ заботились.

— «Кто же далъ вамъ форму плаща»? спросилъ негусъ.

— «Поручикъ Б—нчъ».

— «Да, онъ долженъ знать эти вещи», тихо сказалъ Менеликъ. «Передайте Его Величеству, что я тронутъ и очень благодарю за подарки».

Онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всѣ эти предметы, сверкающіе золотомъ и драгоцѣнными каменьями и приказалъ убрать ихъ.

— «Что новаго придумали въ Европѣ»? спросилъ негусъ.

— «Теперь заняты подводной лодкой и управленіемъ воздушныхъ шаровъ», отвѣчалъ г. Власовъ.

— «Какъ же лодка идетъ подъ водой? Ее не видно?»

— «Ее совершенно не видно».

— «Но тогда въ ней темно?»

— «Она имѣетъ свой собственный свѣтъ».

— «Да».

— «Еще дѣлаютъ опыты надъ полетомъ въ любомъ направленіи по воздуху. Нынѣшнимъ лѣтомъ молодой норвежецъ Андре полетѣлъ на такомъ шарѣ къ сѣверному полюсу».

— «Я слышалъ... Что же, достигли того, что можно летѣть противъ вѣтра?»

— «Нѣтъ еще».

— «А что, Восточно-Сибирская дорога окончена?», спросилъ Менеликъ.

— «Почти. Осталось провести только участокъ черезъ владѣнія Китая. Иначе пришлось бы дѣлать большую дугу».

— «Я это знаю, я смотрѣлъ на картѣ»...

Негуса многое интересовало. Возобновивъ вопросъ о сѣверномъ полюсѣ, онъ вспомнилъ, что границы Россіи близки къ сѣверу, что въ Россіи должны быть холода. Затѣмъ онъ спросилъ, что ѣдятъ въ такихъ холодныхъ земляхъ, гдѣ зерно не родится и гдѣ нѣтъ хлѣба... Онъ многое читалъ. Ему переводятъ все интересное изъ европейскихъ газетъ, но, конечно, лучше всего разспросить человѣка бывалаго.

Аудіенція длится около часу. Въ боковую дверь входитъ сѣдой старикъ въ простой шамѣ—это дядя императора расъ Дарги—онъ пришелъ обѣдать къ Менелику. Скоро полдень—мы откланиваемся и уходимъ.

Стариной стародавней пахнетъ отъ этихъ дворовъ, отъ простыхъ каменныхъ стѣнъ, за которыми тѣснятся ашкеры конвоя. Начальникъ миссіи просилъ черезъ г. Ильга, чтобы ради него не тревожили солдатъ, что его всѣ знаютъ и ему конвоя не нужно...

— «Вы этимъ стѣсните императора», сказалъ Ильгъ, «Абиссинія страна бѣдная. При всемъ желаніи негуса особенно почтить васъ онъ не можетъ этого сдѣлать. Дайте ему возможность хотя отличить васъ посылкой солдатъ».

Мы ушли и замкнулись за нами высокія кипарисныя двери новаго дворца и царь царей остался одинъ.

И скорбная дума легла на его умное чело. Задумался онъ о той далекой странѣ, гдѣ люди умѣютъ дѣлать такія прекрасныя вещи, гдѣ кромѣ копья и меча, кромѣ рукъ и ногъ работаетъ еще великая мысль человѣческая. И окинулъ онъ бѣдный городъ, что раскинулся кругомъ по холмамъ, окинулъ грязныя шамы своихъ подданныхъ, бѣдныя хижины, пыльныя улицы и задумался.... Да, много работы, много труда еще нужно, чтобы все это устроить, чтобы дать просвѣщенію возможность широкой волной вливаться въ темное государство....

Одно горе—помощниковъ нѣтъ....

. . . .

Менеликъ сынъ шоанскаго негуса Хайле Малакота родился въ 1845 году. Молодость его прошла бурно. На одиннадцатомъ году жизни онъ былъ свидѣтелемъ разгрома Шоа, отецъ его былъ убитъ,

управленіе Шоа было отдано дядѣ его Ато Айле, а самъ онъ съ другими родственниками Хайле Малакота былъ уведенъ въ плѣнъ. Виновникомъ разгрома былъ Эфіопскій императоръ Θеодоръ. До мальчика Менелика дошли слухи о распрѣ между его дядями: Шоа было раздѣлено, но черезъ четыре года Θеодоръ вернулся наказать мятежниковъ; второй его дядя Ато Сейфу былъ убитъ и въ Шоа сталъ править Ато Безабы. Десять лѣтъ проходитъ подъ управленіемъ Ато Безабы. Не одна черная голова падаетъ подъ ударомъ палача, а въ тиши двора растетъ мальчикъ. Ни по одеждѣ его, бѣдной и грязной, ни по немытому тѣлу нельзя узнать въ немъ царскаго сына. Но кровь негуса течетъ въ немъ. Тихій и робкій на словахъ, добрый и простодушный на видъ юноша Менеликъ обладалъ характеромъ твердымъ, духомъ несокрушимымъ, яснымъ и свѣтлымъ умомъ. Къ нему привязался рабъ Θеодора — Вольде Тадикъ, и вотъ вдвоемъ они бѣгутъ черезъ пустыню, кормясь Христовымъ именемъ, рискуя каждую минуту, въ сосѣднюю область Уоло. Сынъ правительницы Уоло былъ у Θеодора въ заточеніи и она, желая смягчить участь своего сына, выдавъ Менелика Θеодору, приказываетъ надѣть на него цѣпи. Новыя оковы. Опять пребываніе на грязномъ земляномъ полу, въ холодной хворостяной хижинѣ, опять раздумье и недоумѣнье, что дѣлать и какъ дѣлать? Но судьба за Менелика. Его часъ еще не пробилъ. Къ правительницѣ Уоло приходятъ люди отъ Θеодора и приносятъ страшное извѣстіе: ея сынъ убитъ по приказанію Θеодора.

Чувство мести закипаетъ въ матери; она приказываетъ расковать Менелика и съ конвоемъ отправляетъ его въ Анкоберъ. Ато-Безабы въ это время былъ на границѣ, офицеры и солдаты собираются вокругъ Менелика и онъ, опираясь на военную силу, провозглашаетъ себя негусомъ. Ато Безабы спѣшитъ въ Анкоберъ, но войско не повинуется ему и переходитъ на сторону Менелика. Ато Безабы плѣненъ....

Попадись онъ другому правителю, попадись Менеликъ ему — было бы новое заточеніе и можетъ быть казнь. Но Менеликъ благороденъ: «Ты непочтительно обошелся съ царемъ—ты долженъ заплатить за это», и, взявъ 2,000 талеровъ съ Безабы, онъ прощаетъ его....

Проходитъ еще два года. При дворѣ Θеодора смуты растутъ. Магдала падаетъ и царь кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Вся Абиссинія раздроблена на цѣлый рядъ отдѣльныхъ княжествъ, всюду вражда и взаимное недовѣріе. Эфіопскій престолъ свободенъ и Ме-

неликъ предъявляетъ на него свои права. Но у него есть соперникъ. Правитель Тигре дадьязмачъ Касса въ 1872 году коронуется въ Магдалѣ подъ именемъ Іоанна IV. Менеликъ не признаетъ его и заводитъ сношенія съ Англіей и Италіей, занявшей въ это время Асабъ и завязавшей оживленныя сношенія съ шоанцами. Но даже и Менелику трудно было бороться съ императоромъ Іоанномъ IV. Это былъ царь фанатикъ христіанства. Подобно Менелику онъ понималъ слабость Абиссиніи въ ея раздробленности и смутахъ. Единое государство, единая вѣра всюду, во всей Абиссиніи —вотъ мечты этого замѣчательнаго правителя. Имперію должны составить четыре королевства—Тигре, Годжамъ, Уоло и Шоа. Четыре епископа должны насаждать вѣру Христову среди магометанъ и язычниковъ, четыре короля должны повиноваться ему одному.

Въ 1881 году онъ идетъ на Анкоберъ противъ Менелика. И Менеликъ смиряется; съ камнемъ на шеѣ, въ знакъ покорности своей, онъ является въ станъ императора и Іоаннъ прощаетъ его и назначаетъ королемъ Шоа.

Въ томъ же году Іоаннъ короновалъ негусомъ Годжамскимъ расе Адаля подъ именемъ негуса Текла Хайманота.

Тигре, Годжамъ и Шоа объединены.

Но честолюбіе его же королей губитъ его. Менеликъ устраиваетъ заговоръ противъ Іоанна, входитъ въ сношеніе съ Теклой Хаймонота и надѣется на помощь Италіи.

Это было какъ разъ въ то время, когда въ Италіи живо интересовались дѣлами на восточномъ побережьи Африки. Начавши свои чисто комерческія дѣла въ 1869 году, когда итальянское пароходное общество Рубатино купило у Адальскаго султана портъ Адаль и територію до Рахэты, Италія въ 1881 году захватила все владѣніе Рахэтскаго султана въ свои руки, въ 1883 году просила разрѣшеніе у Аусскаго султана о провозѣ товаровъ черезъ его владѣнія и въ 1883 же году заключила торговый договоръ съ негусомъ Шоа—Менеликомъ.

Средствами не стѣснялись. У Рахэтскаго султана просили разрѣшеніе поставить флагъ. Рахэтскій султанъ, дикарь въ полномъ смыслѣ этого слова, не отказалъ и приставилъ даже солдата, чтобы подымать и опускать этотъ флагъ, когда проходятъ мимо суда.—Итальянцы сочли это достаточнымъ, чтобы считать побережье Рахэты своимъ. Такъ шли и дальше. Но за Аусcой, гдѣ вмѣсто пастушескихъ, языческихъ, или полумагометанскихъ племенъ пришлось

столкнуться съ весьма древней шоанской культурой, дѣло пошло не такъ легко....

Но уже страсти разгорѣлись: новыми владѣніями, получившими наименованіе Эритреи, заинтересовались и цѣлый рядъ путешественниковъ жизнью заплатилъ за свои попытки проникнуть вглубь страны (1881 г.—Джуліетти, 1881 г.—Біанки, графъ Порро, Кіорини). По ихъ кровавымъ слѣдамъ двинулись цѣлые отряды....

Императоръ Іоаннъ, считая неправильнымъ занятіе итальянцами Массовы, послалъ раса Алулу и при Догали уничтожилъ отрядъ изъ 500 итальянцевъ....

Я прошу припомнить мое описаніе сомалійской пустыни, темныхъ ночей, жажды и миражей и не винить сурово, итальянскихъ солдатъ, впервые столкнувшихся съ этой природой. Въ суконныхъ плащахъ и щиблетахъ, въ суконныхъ кэпи, они изнемогали отъ жары, голода и жажды, теряли разсудокъ, забывали объ опасностяхъ отъ врага, окружавшаго ихъ со всѣхъ сторонъ. Но эти жертвы, которыхъ знали и жалѣли лишь по далекимъ итальянскимъ деревнямъ, только разжигали желаніе продвинуться дальше за пески и каменистыя горы. Шли новыя войска, посланникъ Италіи графъ Антонелли подбивалъ Менелика противъ Іоанна и потихоньку снабжалъ оружіемъ. Въ тоже время возмущали и Теклу Хайманота, негуса Годжама противъ эфіопскаго императора. Іоаннъ отозвалъ Алулу изъ Эритреи, пошелъ въ Годжамъ для наказанія уже возмутившагося Текла Хайманота и заставилъ его смириться, затѣмъ онъ думалъ идти на Менелика, но съ запада изъ долины бѣлаго Нила нахлынули махдисты, Іоаннъ пошелъ противъ нихъ и 11-го марта 1889 года при осадѣ Метаммы погибъ....

Менеликъ, узнавъ о смерти Іоанна, отправился въ Гондаръ и короновался тамъ негусомъ негасти—императоромъ, разбилъ своего бывшаго союзника Текла Хайманоту и началъ округлять свои владѣнія. Въ 1887 году покорился Хараръ, въ 1892 году Уоло....

Между тѣмъ, въ то время, какъ воинскій кличъ Айгумэ раздавался по лѣсистому Черчеру и Уоло, Эритрея незамѣтно росла и бѣлый европейскій непріятель надвигался вглубь страны и былой другъ и союзникъ грозилъ стать врагомъ.

Арміи Африки приходилось помѣриться съ арміей Европы,—штыку противупоставить копье, пулѣ быстроту ногъ... Шансы были бы не равны и вотъ, чтобы усилиться, чтобы получить необходимыя ружья —Менеликъ находитъ новаго союзника въ лицѣ Франціи и получаетъ отъ нея ружья и патроны.... Въ 1895 г. начинается война

съ Италіей, надолго подорвавшая авторитетъ бѣлаго человѣка среди черныхъ христіанъ. 17-го февраля 1896 года произошелъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ колоніальныхъ войнъ, бой подъ Адуей— Италія замкнулась въ Эритреѣ, а голова Менелика была покрыта славой великаго полководца, опытнаго военачальника. Начальники областей, расы, покорились ему, но зорко нужно слѣдить, постоянно имѣть въ виду честолюбіе ихъ и мудро управлять, незамѣтно дѣлая нововведенія, не раздражая ни войска, ни сановниковъ....

Кровь и измѣна кругомъ.... Кому вѣрить? у кого просить помощи въ трудныя минуты жизни? Текла Хайманота былъ другомъ во время заговора противъ Іоанна, но первый пошелъ въ моментъ воцаренія противъ Менелика.

Въ пророчествѣ Рагуила Атье Задынгылю сказано, что царь сѣвера будетъ съ царемъ Эфіопіи одна душа и одно сердце [1]...

— «Кто этотъ царь?

Когда наступали тяжелыя минуты въ Гэбй, когда озабоченный смотрѣлъ негусъ, какъ по улицамъ носили умершихъ и полуобнаженныя плакальщицы, въ грязныхъ рубашкахъ меланхолично выли, прославляя умершаго, когда калѣки солдаты просили хлѣба у воротъ Гэбй, а лихорадки мучили солдатъ славныхъ арміи, когда кругомъ собирались враги, а друзья за каждую услугу требовали уступокъ, съ далекаго сѣвера доброй волей великаго русскаго Царя пришли московскіе «хакимы». Умирающіе стали вставать съ постели, больные, лежавшіе до сего времени безъ движенія, быстро поправлялись. «Не намъ, не намъ а имени Твоему», работали русскіе. Имъ не нужно было земель, имъ не нужно было наградъ или почестей. Въ московскомъ кругломъ домѣ, отведенномъ имъ негусомъ, въ квадратныхъ русскихъ палаткахъ, тихо, но настойчиво работали они на пользу человѣчеству. Ихъ не интересовало ни обиліе золота въ Каффѣ, ни громадные слоновые клыки, ни плодородіе Абиссиніи и ея тучныя стада—безкорыстно служили они своему дѣлу и слава ихъ стала далеко разноситься за предѣлы Аддисъ-Абебы: она летѣла съ каждымъ новымъ выздоровѣвшимъ въ провинцію, приходила въ тихое Гэбй и интриговала Менелика. И онъ ходилъ самъ въ скромныя русскія палатки, онъ смотрѣлъ, какъ подъ рукой русскаго хирурга вынимались кости, пули, осколки снарядовъ. Имена генералъ-маіора Шведова, докторовъ Бровцына,

[1] «Отъ Энтото до р. Баро», поручика А. К. Булатовича, стр. 149.

Родзевича, Бобина, русскихъ фельдшеровъ и санитаровъ долго будутъ жить въ памяти абиссинцевъ....

Кто же надумалъ прислать эту помощь въ Абиссинію, кто подумалъ о «малыхъ сихъ»? Великій Властитель сѣвера—русскій Царь. И съ именемъ русскаго Царя въ Абиссиніи составилось понятіе безкорыстія, дружбы и христіанской добродѣтели. «Францпзъ», «Али»—это были бѣлые, которые могутъ повредить, это не христіане, по понятію абиссинца. Христіане—одни русскіе.... «Вы, какъ ангелы, говорилъ намъ старикъ епископъ «Ичигэ»—«вы христіане и мы христіане.... братья.... ангелы»....

Новое русское посольство, прибывшее 5-го февраля 1898 года въ Гобй, до глубины души потрясло негуса.... «Братъ»—это ему пишетъ русскій Монархъ.... Нѣсколько разъ Менеликъ заставлялъ переводить французское слово «frère».... Когда нужно было собрать шеститысячное войско на встрѣчу посланнику россійскаго государства, не нужно было просить расовъ—они сами рвались на встрѣчу. Расъ Микаэль въ одеждѣ простаго офицера всталъ въ ряды встрѣчнаго отряда.... Чувство спокойствія, чувство глубокой любви и преданности было у абиссинцевъ, этихъ гордыхъ своими побѣдами надъ европейцами воиновъ....

Русскій Царь прислалъ подарки... Но главное онъ опять послалъ своихъ врачей. Менеликъ откровенно говорилъ начальнику миссіи не мнѣ, императору, нуженъ врачъ, но нуженъ онъ моимъ бѣднымъ подданнымъ, не покидайте ихъ безъ своего надзора!»...

И другіе послы привозили подарки. Но ихъ дары лежатъ по ящикамъ въ роскошномъ дарохранилищѣ негуса, а подарки русскаго Царя онъ всенародно вынесъ 18-го февраля, на праздникъ св. Георгія Побѣдоносца, одѣлъ золотую саблю, а ружье и щитъ приказалъ по абиссинскому обычаю слугамъ нести впереди себя...

Несмотря на свои 51 годъ, негусъ имѣетъ бодрый и здоровый видъ. Какъ большинство великихъ Монарховъ, онъ питаетъ страсть къ архитектурнымъ постройкамъ. Два, три раза въ недѣлю онъ лично ѣздитъ въ лѣса смотрѣть какъ рубятъ деревья для его новаго дома. Время отъ времени онъ даетъ обѣды, на которые допускаются только тѣ, кто принесетъ ему хотя одинъ камень для постройки. Когда сопровождаемый сотнями ашкеровъ онъ идетъ на прогулку, онъ заѣзжаетъ въ каменоломню и приказываетъ каждому солдату взять по камню.

Изъ мелкихъ животныхъ онъ очень любитъ собакъ... Часы своего досуга онъ посвящаетъ бесѣдѣ съ m-sieur Ильгомъ, лучшимъ своимъ

другомъ, но въ сношеніяхъ съ иностранцами онъ и ему не довѣряетъ. При переводѣ всегда присутствуетъ для повѣрки геразмачъ Іосифъ...

Умный и знающій государственныя дѣла, много испытавшій въ молодые годы Менеликъ еще счастливъ въ бракѣ своемъ. Въ лицѣ царицы Таиту императоръ нашелъ и вѣрнаго друга и нелицемѣрнаго совѣтника и красивую женщину.

Подобно тому, какъ прошлое воина царя полно кровавыхъ приключеній, прошлое красавицы царицы имѣетъ прелесть романа.

Императрица родомъ изъ Тигре, внучка извѣстнаго раса Вальде Георгиса. Ея красота, а главное умъ и тотъ женскій тактъ, который дѣлаетъ женщину прелестной до глубокой старости, доставили ей еще до Менелика многихъ мужей. Первый ея мужъ дадьязмачъ Уанди живъ и теперь, но при дворѣ не бываетъ.

Она покинула Уанди для того, чтобы выйти замужъ за дадьязмача Вальда Габріеля. Здѣсь она попала ко двору, была замѣчена императоромъ Ѳеодоромъ, но не отвѣтила ему взаимностью. Ѳеодоръ убилъ своего соперника — мужа и взялъ Таиту къ себѣ. Но и тутъ она сказалась больной и была закована въ цѣпи. По смерти Ѳеодора на ней женился кеньязмачъ Закаргачо, а въ 1881 году съ ней обвѣнчался церковнымъ бракомъ Менеликъ — ей тогда было 30 лѣтъ отъ рода (родилась въ 1851 году).

Быть можетъ, чопорнымъ европейскимъ дамамъ, предпочитающимъ тайную измѣну открытому и благородному разводу, такая жизнь покажется недостойной императрицы. Но это въ обычаѣ страны, гдѣ 8-ми — 12-ти-лѣтнія дѣвочки имѣютъ иногда уже до двухъ мужей!...

Отъ Менелика у Таиту нѣтъ дѣтей. Ея дочь (единственная) отъ перваго брака замужемъ за расомъ Мангашей.

На Менелика, говорятъ, эта женщина имѣетъ вліяніе. Ей съ посольствомъ нашимъ было послано отъ Государя Императора: громадное серебряное блюдо, болѣе двухъ пудовъ вѣсомъ, съ крышкой литаго серебра; серебряный кувшинъ и тазъ для умыванья; портретъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны; роскошный парчевой старинный русскій уборъ Царицы, усѣянный самоцвѣтными камнями; серебряный сервизъ; нѣсколько штукъ по 40—60 аршинъ каждая парчи, шелка, атласа и бархата и громадный персидскій коверъ; для поднесенія этихъ подарковъ была испрошена аудіенція на 11-е февраля.

Въ 9 часовъ утра начальникъ миссіи со своей супругой на мулахъ отправились въ Гэби.

Императрица приняла ихъ въ своемъ тронномъ залѣ. Это обширная круглая комната съ двумя громадными дверями, прорѣзанными съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Стѣны оклеены простыми сѣрыми обоями, полъ устланъ мягкими коврами. Влѣво отъ входа на возвышеніи устроено два трона. Правый, повыше—для негуса, лѣвый, пониже—для царицы Тайту. Расшитый золотомъ бархатъ сбѣгаетъ тяжелыми складками внизъ. На возвышеніи между двухъ шитыхъ золотомъ подушекъ, поджавъ подъ себя, по-турецки, ноги, въ бѣлой длинной рубашкѣ, такой же, какъ носятъ всѣ абиссинки, сидѣла императрица. Лицо ея было закрыто до глазъ полотенцемъ. Волосы, чуть вьющіеся, но не курчавые, короткіе, были открыты: большіе, осмысленные, чудные глаза освѣщали все лицо. И умъ, и любовь, и страсть, и нѣга, и сознаніе собственнаго достоинства свѣтились въ этихъ глазахъ.

Цвѣтъ кожи на лицѣ смуглый, но не черный, она невысокаго роста и довольно полная женщина,

Она была одна, безъ мужа.

У подножія трона, въ грязной рубашкѣ, сидѣла сѣдая, отвратительная старуха, нѣсколько слугъ «эльфинь-ашкеровъ», нѣсколько мальчиковъ было у трона—и никого больше... Насколько свободна жизнь простыхъ абиссинокъ, настолько замкнута жизнь знатныхъ особъ.

Противъ трона стояли старинные столовые часы французской работы тутъ же были приготовлены два стула для посланника и его супруги.

Императрица подала руку m-me Власовой и поклонилась начальнику миссіи.

— «Какъ вы доѣхали? Не было ли вамъ жарко?» послышались обычные вопросы свѣтскаго разговора.

Переводчикомъ служилъ m-sieur Ильгъ.

Начальникъ миссіи испросилъ разрѣшеніе передать подарки Государя Императора и сталъ подавать ихъ одинъ за другимъ. Съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства приняла она блюдо, умывальникъ, долго не могла оторвать глазъ отъ портрета Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Но вотъ двое слугъ на носилкахъ, устланныхъ ковромъ, поднесли покрытый скатертью парчевой костюмъ, скатерть приподнята и во всемъ блескѣ показалась драгоцѣнная парча, сверкнули само-

цвѣтные каменья... Женщина проснулась въ императрицѣ, Таиту осталась царицей, ни возгласа, ни какого либо знака восторга, но тихо сползло полотенце, прикрывавшее лицо, и смуглая красавица склонилась надъ костюмомъ.

— «Мàляфья!», говорятъ тихо губы.

— «Oh comme c'est beau», переводитъ Ильгъ.

Маленькія руки трогаютъ матерію.

— «Одѣньте его на мальчика».

M-sieur Ильгъ обращается на минуту въ горничную и облачаетъ одного изъ пажей въ парчу и камни.

Императрица въ восторгѣ. Она поворачиваетъ мальчика направо, налѣво, трогаетъ камни.

— «Это платье я одѣну въ праздникъ Георгиса».

И она сдержала свое обѣщаніе. 18-го февраля вниманіе абиссинской знати было привлечено чуднымъ царскимъ уборомъ Таиту.

Когда же за платьемъ стали подавать куски парчи, бархата и шелка и раскладывать ихъ передъ царицей, Таиту пришла въ совершенный восторгъ. Она трогала ногтемъ парчу и шелкъ, какъ бы желая испытать ихъ, выдергивала нитки и смотрѣла ихъ на свѣтъ.

— «Очень хорошо».., сказала она. «И раньше мнѣ дарили куски матеріи, но раньше это были маленькіе кусочки, изъ которыхъ ничего нельзя сдѣлать—теперь же! о, какая масса! я все, все могу сдѣлать, что хочу!!...»

Черезъ полчаса посланникъ откланялся императрицѣ, аудіенція была кончена...

Первымъ сановникомъ въ Аддисъ-Абебѣ въ настоящее время считается дядя Менелика расъ Дарги. Этотъ старикъ, пользующійся большимъ вліяніемъ на императора, каждый день изъ своего далекаго дома пріѣзжаетъ обѣдать въ Гэби.

Онъ живетъ на окраинѣ Аддисъ-Абебы, на небольшомъ холмѣ. По неширокой тропинкѣ подъѣзжаешь къ высокому забору изъ жердей — это дворъ раса Дарги. Нѣсколько грязно одѣтыхъ ашкеровъ толпится на дворѣ. Домоправитель, старикъ въ бѣлой съ краснымъ шамѣ, встрѣчаетъ у дверей и ведетъ насъ во второй дворъ, тамъ поставленъ новый круглый каменный домъ съ окнами изъ кипарисоваго дерева, съ круглымъ крыльцомъ и высокими дверьми. Дворъ неприбранъ — тутъ торчитъ сухая желтая трава, тамъ насорено сѣномъ, наваленъ навозъ, щепки. По ступенямъ, сдѣланнымъ изъ необтесаннаго камня, подымаешься на крыльцо, съ крыльца попадаешь въ обширный круглый залъ. Посерединѣ на жестяномъ квадратномъ

подносѣ горятъ щепки, которыя то и дѣло кидаютъ особо приставленные слуги. Противъ этого своеобразнаго камина на «альгѣ»—четырехугольной рамѣ на ножкахъ, съ натянутыми на нее ремнями, покрытой коврами и подушками, сидѣлъ расъ. Онъ ожидалъ русскаго посла, такъ какъ въ Абиссиніи есть обычай всегда увѣдомлять впередъ о своемъ прибытіи, безъ этого вы рискуете быть непринятымъ.

Два стула и двѣ маленькія скамеечки были предложены намъ. Мы усѣлись и начался обычный свѣтскій разговоръ — «какъ доѣхали», «здоровы ли», «какая холодная погода».

— «У васъ, впрочемъ, холода еще больше», сказалъ Даргй.

И пошелъ пересказъ о русскихъ морозахъ.

Хозяинъ поманилъ пальцемъ управителя, шепнулъ ему нѣсколько словъ и намъ подали четыре стеклянныхъ стакана, наполненныхъ мутнымъ желтымъ тэчемъ. Мы должны были выпить на тощакъ по полъ-стакана, потомъ поднялись, пожали руку Даргй и вышли во дворъ.

Отъ раса Даргй мы поѣхали къ геразмачу Убіе, потомъ къ расу Микаэлю.

Геразмачъ Убіе живетъ на бивакѣ—онъ гость въ Аддисъ-Абебѣ. Если комната раса Даргй, дяди императора, перваго сановника абиссинской имперіи, выглядѣла такой спартанской, безъ единаго украшенія, безъ тѣни комфорта, то помѣщеніе Убіе было еще проще. Такая же круглая постройка, альга, накрытая коврами, тотъ же тэчъ, мутный, пряный, противный въ большомъ количествѣ, даже разговоръ такой же точно, вялый, неопредѣленный.

Спросите любаго сановника въ Абиссиніи, каково положеніе дѣлъ въ странѣ, гдѣ Маконенъ, гдѣ войска Шассамы — вашъ вопросъ сочтутъ за величайшую безтактность и вы можете быть увѣрены, что вамъ не отвѣтятъ. Эти воины отъ рожденія отлично умѣютъ держать свою тайну, тайну своей родины — и поневолѣ тянется скучный свѣтскій разговоръ о погодѣ, о пути, распросы о странѣ....

Среди Аддисъ-Абебы, на невысокомъ холмѣ, окруженный банановыми кустами, стоитъ домъ главнаго прокурора Абиссиніи, восьмидесяти-лѣтняго старика Афанегуса.

Тѣ же привратники, тѣ же слуги въ бѣлыхъ шамахъ, та же альга. Афанегусъ лежалъ на ней больной и унылый. Это старикъ, способный оживиться, когда его затронутъ за живое. Когда то это былъ адвокатъ, хорошо знающій законъ, съ твердымъ характеромъ и чисто-юридическими способностями. Въ тѣ времена самъ Менеликъ правилъ судомъ. Во всѣхъ своихъ приговорахъ онъ встрѣчалъ

энергичнаго противника въ лицѣ Афанегуса. Наконецъ, этотъ вѣчный протестъ надоѣлъ императору — «такъ будь же ты судьей!» воскликнулъ Менеликъ и сдѣлалъ Афанегуса верховнымъ судьей.

Афанегусъ женатъ на молодой, красивой абиссинкѣ и очень ревнивъ. Онъ изъявилъ желаніе посмотрѣть конвой начальника миссіи. Шесть рослыхъ казаковъ вошли въ залъ и дружно гаркнули «здравія желаемъ ваше превосходительство». Это очень понравилось Афанегусу и онъ просилъ разрѣшенія угостить ихъ, конечно, тэчемъ.

Отъ Афанегуса намъ предстояло сдѣлать визиты духовенству Аддисъ-Абебы, тремъ епископамъ, двумъ, привезеннымъ изъ Александріи коптамъ—абунамъ Матеосу и Петросу и одному абиссинскому Ичигэ.

У абуны Матеоса во дворѣ разбитъ садъ. Широколистные бананы кидаютъ вверхъ блѣдную зелень свою, вдоль песчаныхъ дорожекъ растутъ сухоцвѣты и лупинусы, отъ высокаго кипариса пахнетъ миромъ и тишиной монашеской жизни. Привратникъ доложилъ о нашемъ приходѣ и жестомъ, исполненнымъ граціи, пригласилъ насъ войти. Пріемный залъ абуны былъ полонъ народа. Прямо противъ входа на альгѣ, покрытой бархатнымъ покровомъ, расшитымъ золотомъ и весьма напоминающимъ наши плащаницы, между двухъ подушекъ сидѣлъ..... самый обыкновенный греческій монахъ. Полное, бѣлое лицо, черныя кудри, сбѣгающія волнами къ ушамъ, черная борода и усы, холеные, лоснящіеся отъ ухода, на головѣ черный платокъ, подобный нашему клобуку, и темная, шитая золотомъ одежда... У его ногъ, на полу, отдѣльными кучками сидѣли священники и слуги абуны Матеоса и совершали трапезу. Шамы были повязаны поперегъ плечъ, что очень напоминало нашихъ дьяконовъ. Слуги ѣли молча, священники, сидѣвшіе у самыхъ ногъ абуны, тихо шептались. Служители вносили стеклянные графинчики съ тэчемъ и раздавали каждому по одному, и обѣдавшіе, загибая кверху темныя шеи свои, пили этотъ тэчъ. Большіе блины инжиры и корки хлѣба быстро расходились по рукамъ.

— «Вамъ не помѣшаетъ это угощеніе?», спросилъ абуна.

— «Они кончаютъ».

Мы отвѣтили, что очень рады видѣть абуну, занятаго добрымъ дѣломъ.

— «Это у меня каждое воскресенье», сказалъ абуна и приказалъ задернуть занавѣски.

Тонкая бѣлая матерія раздѣляла залъ на три части, въ двухъ крайнихъ было угощеніе, въ серединѣ сидѣли мы.

Начался разговоръ такой же, какъ былъ и у Афанегуса и у раса Дарги. Черезъ минуту намъ подали прекрасный тэчъ. Сваренный на меду, почти прозрачный тэчъ абуны Матеоса не имѣлъ того противнаго привкуса, который онъ обыкновенно имѣетъ. При прощаніи абуна подалъ намъ квадратный крестъ ажурной работы, усѣянный самоцвѣтными камнями, и мы, и казаки конвоя, по желанію Матеоса, приложились къ нему.

Другой абуна Аддисъ-Абебы, Петросъ, живетъ въ бѣдномъ, деревянномъ домѣ. Онъ гость здѣсь—настоящее его мѣстопребываніе—Анкоберъ.

Это тоже черноволосый монахъ, плохо говорящій по-абиссински. Онъ извинился за простоту своей хижины, потомъ порылся гдѣ то подлѣ себя и подалъ начальнику миссіи три лимончика. Большіе, на выкатѣ, глаза его, загорѣлись, онъ говорилъ съ жаромъ и про свою бѣдную жизнь здѣсь и про надежды уѣхать скоро въ Іерусалимъ.

Ичигэ живетъ также, какъ и абуны. У него темно-коричневое лицо и руки, сѣдая борода. Это веселый, не безъ нѣкотораго юмора старикъ, угостившій насъ отвратительнымъ вареньмъ чаемъ, поданнымъ въ маленькихъ кукольныхъ чашечкахъ.

Этимъ лицомъ заканчивались наши посѣщенія туземной абиссинской знати, со всѣми познакомились, всѣхъ узнали... и, какъ Гэбй со своими солидными каменными постройками, окруженное каменной стѣной, съ фонтаномъ, садами и мастерскими неизмѣримо выше стоитъ бѣдныхъ домовъ сановниковъ императорскаго двора, такъ и личность Менелика, «царя царей, льва колѣна Іудова», ярко горитъ надъ всѣми. Его зоркій пытливый умъ старается смотрѣть дальше, глубже, провидѣть будущее его родной имперіи. Его все интересуетъ, все занимаетъ. Старый его знакомый генералъ-маіоръ Шведовъ послалъ ему фотографіи коронованія Государя Императора, Исаакіевскаго собора, парада войскъ на Марсовомъ полѣ, его самого. Подробно распрашивалъ Менеликъ о каждомъ камнѣ собора, о порядкѣ коронованія и узнавъ, что русскій Императоръ самъ возлагаетъ на себя корону—Менеликъ радостно воскликнулъ: «также, какъ и я!» Всякое сходство съ Россіей ему льстило. Ни французы, ни англичане, ни италіанцы его не интересовали, а какъ въ Россіи? что въ Россіи?—это было ему и интересно, и важно и, если

что либо въ далекой холодной Россіи было похоже на Абиссинію— это его трогало и восхищало...

Скромный молчаливый воинъ Маконенъ, быть можетъ, одинъ понимаетъ своего государя. Онъ давно уже обзавелся хорошимъ домомъ, онъ давно слѣдитъ и интересуется всѣмъ, что дѣлается внѣ его родины. Остальные придворные Гэбй просты и безхитростны. Ихъ жизнь течетъ мирно и спокойно, изъ темнаго эльфиня они проходятъ на альгу, гдѣ ведутъ бесѣды со своими кліентами, оттуда къ негусу, или въ свое имѣніе, а когда короткій африканскій день окончится, они идутъ снова въ темный эльфинь, въ объятья своей законной, или незаконной жены. Охота или походъ перервутъ на минуту ихъ мирный жизненный строй, а потомъ снова полудремотные споры, усыпляющій тэчъ и мягкая альга.

XXIV.

Аддисъ-Абеба.

Аддисъ-Абеба расположена по теченію извилистаго, обильнаго притоками горнаго ручья Хабана, на высотѣ 8,300 футовъ, и окружена со всѣхъ сторонъ крутыми и отвѣсными горами. Это всхолмленное плато, покрытое краснымъ глинистымъ черноземомъ, поросшимъ жидкой желтой травой. По окраинамъ горъ кое-гдѣ высятся кипарисы и смоковницы — остатки давнишнихъ лѣсовъ, да мелкіе кусты дикаго кофея, олеандра, лавра и лимона, густой порослью покрыли нѣкоторые склоны. Мутная и бурливая въ дождливое время, тихая и прозрачная въ засуху, Хабана течетъ съ сѣверо-запада на востокъ, даетъ бездну изгибовъ, принимаетъ въ себя тысячу мелкихъ рѣчекъ и болотистыхъ ручьевъ и, не ставъ отъ этого полноводнѣе, уходитъ въ горы. Дно ея покрыто камнями, неглубокое, колеблется отъ 1-го до 5-ти футовъ, берега крутые, отвѣсные, то образованы каменными скалами, то полукруглымъ наплывомъ чернозема. Здѣсь и тамъ крутая лѣстница — тропинка сбѣгаетъ къ броду, покрытому большими и малыми камнями—это дорога, или, если хотите, улица.

Въ центрѣ, на самомъ высокомъ холмѣ, окруженное круглой бѣлой стѣной, лежитъ Гэбй, на сѣверъ отъ него, черезъ рѣчку, на сосѣднемъ холмѣ видѣнъ темный заборъ и деревья императорской кладовой, а вокругъ по склонамъ покатаго холма располагается

ежедневный базаръ, или «габайя». Здѣсь на четырехъ столбахъ стоитъ соломенная вышка для начальника базара, или шума, а кругомъ этой вышки съ утра и до вечера кишитъ толпа чернаго народа.

И кого кого вы не встрѣтите тутъ! Вотъ солидный кеньазмачъ, съ черной бородкой клиномъ, закутавшись съ подбородкомъ въ снѣжнобѣлую шаму, медленно выступаетъ, сопровождаемый толпой ашкеровъ, вотъ красавица жена Афанегуса на пышномъ мулѣ, съ двумя конными ашкерами позади пробирается въ толпу, она пріѣхала купить чеснокъ и перецъ для хозяйства, но ручаюсь, что ее не такъ привлекаютъ эти покупки, да и для хозяйства онѣ не нужны, какъ хочется поболтать ей вволю съ продавщицами, что собрались со всѣхъ деревень. Новостей и не перечтешь, не запомнишь, столько разскажутъ Маріамъ и Фатьма. Тамъ кража случилась — будутъ звать «либечая», Ато-Павлосъ въ походъ снаряжается, а расъ Маконенъ, слышно, скоро назадъ будетъ въ Аддисъ-Абебу, то-то праздникъ будетъ!...

Ручаюсь, если вы попали на базаръ, она и васъ не пропуститъ, чтобы не окинуть темнымъ взглядомъ миндалевидныхъ своихъ глазъ и не подарить многообѣщающей улыбкой.

А вотъ закованный преступникъ вмѣстѣ со своимъ поручителемъ тянетъ жалобную пѣсню, вымаливая амулье на выкупъ. Маленькая дѣвочка съ платкомъ вокругъ бедеръ вмѣсто платья и братишка ея безъ всякихъ признаковъ одежды бредутъ, неся на плечахъ по двѣ соли — размѣнъ на цѣлый талеръ, -видно мать ихъ послала, чтобы дѣлать мелкія закупки, вотъ и ашкеры въ чистыхъ рубахахъ — это негуса ашкеры, а тамъ дальше, болѣе грязные, то будутъ ашкеры абунъ, или кого нибудь изъ расовъ. А сколько женщинъ! Тутъ и черныя галласки изъ деревень, съ пышными обнаженными бюстами, тутъ и худыя, коричневыя, полуголыя данакильки съ браслетами у плеча и на ногахъ, съ длинными волосами и дикимъ взоромъ и абиссинки въ сѣрыхъ рубахахъ, совершенно скрывающихъ ихъ смуглое тѣло, съ волосами, то въ мелкихъ кудряхъ, то выстриженныхъ подъ гребенку, тутъ и священники, и купцы, и нашъ русскій капельмейстеръ верхомъ на рыжей клячѣ и италіанскій ашкеръ въ яркозеленой чалмѣ, и синей суконной накидкѣ... и все говоритъ, кричитъ, бранится на всѣхъ языкахъ Африки, подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ...

У самой дороги расположились краснорядцы. Прямо на землѣ постланы цыновки и на цыновкахъ лежатъ штуки бѣлой матеріи— мѣстнаго производства, на рубахи, шамы и панталоны и англійская

ткань на палатки и готовыя шамы съ зеленымъ, краснымъ и синимъ кантами и бурочный черный войлокъ, и снятые изъ него бурнусы, конусы съ отверстіемъ для головы, обшитымъ кожею, и патронташи изъ сафьяна, и патроны Гра, и цыновки изъ соломы, и цѣлыя громадныя кожи быка и шкуры барана, а рядомъ торгуютъ мелочью— тутъ и шведскія спички—тринадцать коробокъ на соль, и чеснокъ, наложенный въ изящныя круглыя корзинки изъ тонкой соломы, и эти корзины, цѣлые столы изъ соломы, и перецъ, и темныя гомбы тэча, или тэллы, вѣники гэша, мѣшки ячменю, дурры, муки пшеничной и муки дурры, даже готовые блины инжиры. А дальше сѣдла, уздечки, вьючные сѣдла, лепчики, стремена, мундштуки. Тутъ же бродитъ монахъ, предлагая купить переплетенныя въ кожаный переплетъ, въ шелковомъ мѣшкѣ, рукописныя пѣсни Давида съ картинками, раскрашенными красной, зеленой, желтой и синей красками, онъ же продаетъ и мѣдный ажурный крестъ и церковныя бряцала... За узкой тропинкой, пересѣкающей габайю, идетъ оживленный торгъ сѣномъ, шестами для построекъ, хворостомъ, дровами — тонкими сучками, длинными палками бамбука и даже верблюжьимъ и конскимъ навозомъ. Тутъ же мѣняютъ талеры на грязные сѣрые бруски соли или на талеры и полуталеры Менелика. А дальше, подъ горкой, штукъ триста ословъ пригнано для продажи. Тутъ и старые ослы, и совсѣмъ молодые, мохнатые, пузатые ослики, дальше мулы ждутъ своихъ покупателей, а внизу, подъ горой у вѣтвистаго и раскидистаго дерева, цѣлая шеренга кавалеристовъ торгуетъ худыхъ и заморенныхъ коней... Такой базаръ бываетъ по суботамъ, но и въ прочіе дни онъ немногимъ меньше. Постоянно толпится здѣсь двѣ, три тысячи народа, стоитъ крикъ, шумъ и разговоры. Это мѣсто замѣняетъ собою и клубъ, и газету, и мѣсто отдохновенія. Отсюда исходятъ всѣ сплетни, сюда же приходятъ извѣстія изъ таинственнаго Гэби.

Внизу подъ горой, на западной ея сторонѣ пріютились за высокой хворостяной оградой уютные домики французскихъ колонистовъ, Савуре и Трулье. У нихъ вы найдете все, что вамъ нужно— и ружья Гра, для вооруженія вашихъ слугъ, и патроны и машинное масло по 1 рублю за флаконъ, и варенье 1 рубль 25 копѣекъ фунтъ, и печенье Феликса Потена въ Парижѣ, и коньякъ, и ромъ, и вино, и табакъ, и гвозди, и сапоги, словомъ весь мелкій обиходъ европейца; всего понемногу. Но Трулье и Савуре жалуются на застой торговли, только и живутъ наѣзжими европейцами; абиссинцы же ничего не покупаютъ. За ихъ домами нѣсколько хи-

жинь, дальше широкая пыльная дорога между полей желтой травы, дорога къ таинственному Нилу.

Торговля Аддисъ-Абебы, однако, не заканчивается габайей, да двумя французскими магазинами. Подлѣ дома абуны Матеоса, за мостикомъ, перекинутымъ черезъ искуственный ручей, находится лавка армянина. Здѣсь торгуютъ сукномъ, цвѣтными шелками, шарфами, кумачемъ, ситцемъ и всякой мелочью. Торговля идетъ тоже не Богъ вѣсть, какъ блестяще, лавка стоитъ подъ замкомъ и хозяинъ, жирный, толстый и сѣдой, въ грязномъ халатѣ появляется лишь при видѣ покупателя и кряхтя и охая идетъ отворять свой магазинъ. По дорогѣ къ Гэби живетъ булочникъ, что печетъ вкусное фурно — вотъ и всѣ торговыя заведенія столицы эфіопской имперіи...

Между Гэби и рынкомъ, въ лощинѣ, насажена гоша въ саду съ каменной бѣлой стѣной: видны плантаціи сахарнаго тростника и банановый садъ. На сосѣднемъ холмѣ большая церковь съ густой и зеленой рощей кругомъ, потомъ опять балка, крутая съ каменистымъ, почти отвѣснымъ спускомъ и такимъ же подъемомъ, домъ Ичиго, окруженный бездной построекъ, хорошенькій домикъ m-sieur Ильга, съ соломенной бѣлой крышей, ни дать, ни взять, усадьба малороссійскаго помѣщика, потомъ туда, на сѣверъ, длинное ровное поле, поросшее изумрудной травкой и большое и роскошное имѣнье m-sieur Лагарда, французскаго резидента. Тутъ и длинный, почти по-европейски устроенный домъ, крытый соломой и дворъ для ашкеровъ, наполненный соломенными хижинами и громадный садъ, и огородъ, сбѣгающій къ мутной Хабанѣ.

За домомъ французскаго резидента высокая, почти отвѣсная гора и на ней бѣлая церковь, окруженная массой черныхъ приземистыхъ хижинъ, въ безпорядкѣ липнущихъ къ ней—это старинный городъ Антото..

Если отъ дома Лагарда пойдти внизъ по Хабанѣ, то вы встрѣтите дорогой бездну прачекъ и мужскаго, и женскаго пола. Безъ мыла они полощутъ шамы и рубахи въ рѣкѣ, купаются тутъ же и сами всѣ въ перемежку, или въ задумчивой и степенной позѣ голые сидятъ на берегу на желтой травѣ передъ разостланнымъ бѣльемъ въ ожиданіи, когда солнце его высушитъ; дальше на линіи Гэби по правому берегу дворъ нашего «Краснаго Креста» и русскій госпиталь и по лѣвому, въ верстѣ отъ рѣки, у самой горы, вы увидите хворостяной заборъ, русскій флагъ на шестѣ надъ нимъ и чистыя бѣлыя палатки—это русскій посольскій дворъ. За нимъ деревенька,

нѣсколько палатокъ наѣзжихъ купцовъ и безконечныя желтыя поля, уходящія на востокъ....

Развѣ можно назвать городомъ это собраніе усадьбъ, соединенныхъ тропинками, эта кучка деревень и построенныхъ между ними помѣщичьихъ домовъ и круглыхъ церквей со звѣздами изъ страусовыхъ яицъ вмѣсто крестовъ?

Городъ, безъ улицъ, безъ домовъ, съ одними хижинами.... И тѣмъ не менѣе это городъ, городъ будущаго и притомъ громадный городъ, какъ и сама Абиссинія государство, которое еще будетъ настоящимъ государствомъ....

Жизнь въ Аддисъ-Абебѣ подчинена извѣстному режиму. Едва только солнце медленно спустится за фигурныя горы далекаго запада, какъ всякое движеніе прекратится на тропинкахъ, по балкамъ и въ ручьяхъ. Черные сомалійцы полицейскіе, въ синихъ италіанскихъ плащахъ, съ ружьями и палками въ рукахъ одни по повелѣнію негуса бродятъ по городу и забираютъ подъ стражу всѣхъ, кто осмѣлится выйти послѣ заката на улицы города. Ихъ сажаютъ въ темную и грязную караулку, гдѣ приходится провести время въ сомнительномъ обществѣ воровъ и бродягъ до утра, когда по допросу оберъ-полиціймейстера, все того же Азача-Гезау, одни будутъ выпущены на свободу, другіе заточены въ тюрьму.

За часъ, или за два часа до восхода солнца, медленные и монотонные удары церковныхъ колоколовъ будятъ уснувшій городъ. По всѣмъ церквамъ начинается служба. Если есть праздникъ, то при сумеркахъ начинающагося дня можно видѣть, какъ изъ воротъ Гэби выходитъ медленная процесія солдатъ и начальниковъ, выстраивается вдоль стѣнъ въ ожиданіи выхода Менелика, а потомъ слѣдуетъ за нимъ въ одну изъ церквей.

Въ полумракѣ сыраго храма слышно пѣніе священниковъ, видны ихъ бѣлыя фигуры, подпрыгивающія въ священномъ танцѣ, раздаются рѣзкіе звонки бряцалъ. Толпа окружаетъ алтарь, лица у всѣхъ сосредоточены, полны молитвеннаго напряженія. Мало кто понимаетъ происходящее передъ нимъ; школъ нѣтъ въ Абиссиніи, церковные обряды извѣстны лишь одному духовенству, но всѣ одинаково сурово слушаютъ носовые звуки пѣнія, мѣрные удары барабана, звонъ струнъ и позвонки бряцалъ, образующихъ странную таинственную, мрачную музыку.

Атмосфера въ церкви отъ толпящихся молящихся, отъ запаха немытыхъ шамъ, пота и масла становится удушливой. Выйдешь на паперть, тамъ толпятся въ ожиданіи найма полуголыя галласкія

плакальщицы, да двое, трое нищихъ калѣкъ, точь въ точь какъ у насъ на Руси, жалобными голосами просятъ милостыню у прохожихъ.

Ограда заключаетъ пять, шесть громадныхъ смоковницъ и кипарисовъ, нѣсколько банановъ и дикихъ кустовъ. Отъ кустовъ этихъ, покрытыхъ мелкими лиловыми цвѣточками, идетъ пряный ароматъ. Голубые дрозды маленькой дружной стайкой перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку, громадная ворона, вдвое больше нашей, съ бѣлымъ воротникомъ подъ клювомъ, съ рѣзкимъ карканьемъ носится надъ кустами, жукъ ползетъ по травѣ — все полно мира и тишины въ этомъ маленькомъ садикѣ.

Солнце поднимается выше, девять часовъ скоро. Утомительная служба кончена, вельможи садятся на муловъ и сопровождаемые ашкерами разъѣзжаются по всѣмъ концамъ Аддисъ-Абебы, бѣдные, простые граждане, ашкеры безъ дѣла, расходятся по своимъ хижинамъ и начинаются занятія.

Кто идетъ на габайю продавать, или покупать, кто на мулѣ со своимъ азачемъ (прикащикомъ) и двумя, тремя ашкерами ѣдетъ въ имѣнье смотрѣть, какъ медленно ходитъ за парой воловъ, запряженныхъ въ ярмо, военно-плѣнный галласъ, какъ бѣгаютъ и рѣзвятся въ табунѣ мулы и лошади, а у кого имѣнья нѣтъ по близости, тотъ ложится на альгу въ парадномъ залѣ своемъ и смотритъ, какъ помѣщающіеся здѣсь же мулы жуютъ сѣно и слушаетъ докладъ своего домоправителя. Докладъ этотъ несложенъ: курицы снесли нѣсколько яицъ, ашкеръ Уольде Шадикъ ушелъ и нанялся къ другому, унесъ новую только что подаренную ему шаму, галласка военно-плѣнная родила мертваго ребенка, у сосѣда украли ружья. Афа-Негусъ прислалъ «либечая» искать вора....

Либечай одно изъ странныхъ и любопытныхъ явленій далекой Эфіопіи. Это мальчикъ 12-ти—15-ти лѣтъ, непремѣнно невинный, который употребляется для розыска вора. Его приводятъ въ домъ, гдѣ совершена кража, поятъ какимъ то наркотическимъ питьемъ, послѣ чего онъ впадаетъ въ полусознательное состояніе, встаетъ и движется впередъ и впередъ, прямо въ домъ вора, на постель котораго онъ ложится. Если на пути встрѣтится вода, то чары кончаются и либечая надо снова поить на берегу ручья. Вѣра въ могущество силы либечая такъ велика, что воръ, прослышавъ о томъ, что позвали либечая, обыкновенно подкидываетъ украденныя вещи владѣльцу.

Такъ было и у насъ. На третій день по приходѣ нашемъ въ Ад-

дисъ-Абебу всѣ столовые ножи офицерскаго собранія оказались украденными. Позвали Азача-Гезау, тотъ послалъ за либечаемъ. Черезъ нѣсколько часовъ всѣ ножи были подкинуты къ воротамъ нашего дома....

Докладъ домоправителя конченъ. Начинается томительное ожиданіе обѣда. Уже жена два раза проходила черезъ залъ смотрѣть, какъ опытный въ семъ дѣлѣ ашкеръ разрѣзаетъ жирнаго барана, а служанки проносили пряный тэчъ въ тыквенныхъ выгнутыхъ гомбахъ, а до 11-ти часовъ все еще далеко. По счастью пришелъ ашкеръ отъ сосѣда, сосѣдъ собрался навѣстить, и спрашиваетъ позволенія.

— «Конечно! Жду! Проси!»

Хозяинъ идетъ распорядиться о тэчѣ, изъ какихъ то дальнихъ закромовъ выползаютъ приживальщики кліенты, старикъ, съ провалившимся носомъ, толстый и жирный мущина, прогорѣвшій купецъ и какой то отставной монахъ.

Они садятся на полу рядомъ съ хозяиномъ и хранятъ суровое молчаніе. Они лица безъ рѣчей, имъ говорить не полагается.

Приходитъ сосѣдъ. Толпа ашкеровъ наполняетъ дворъ. Сосѣдъ въ тонкой шамѣ, привѣтливъ и любезенъ.

— «Дэхна—ну?»

— «Дэхна—ну».

Низко кланяясь говорятъ они другъ другу. Шамы закрываютъ рты, согласно этикета.

— «Доброе утро».

— «Добрый день».

— «Всѣ здоровы?»

— «Благодарю».

— «Все хорошо?»

— «Слава Богу».

Гость садится тутъ же на коврѣ. Наступаетъ молчаніе.

Хозяинъ подманиваетъ пальцемъ домоправителя и говоритъ ему что то на ухо. Домоправитель исчезаетъ и черезъ нѣсколько минутъ ашкеры приносятъ стаканы съ тэчемъ. Разговоръ немного оживаетъ, даже вдается въ политику. Незнакомые съ картой, они говорятъ о географическомъ положеніи государствъ, о предполагаемыхъ походахъ, войнахъ, раздѣленіяхъ. Хозяинъ старый воинъ вдается въ воспоминанія.

Наступаетъ время обѣда. Слуги приносятъ громадную жаровню съ полусырымъ бараньимъ мясомъ, инжиру и снова тэчъ.

Гость и хозяинъ ѣдятъ до отвалу.

Отъ сырагоʼ мяса, тяжелой инжиры и пьянаго тэча хочется спать. Хозяинъ посматриваетъ на гостя, гость и самъ понимаетъ, что надо дѣлать—онъ громоздится на мула и ѣдетъ домой. Хозяинъ идетъ въ темныя сѣни, гдѣ на широкой альгѣ уже посланъ пушистый коверъ, купленный у армянина. Онъ кладетъ руку подъ голову и вскорѣ засыпаетъ тяжелымъ, пьянымъ сномъ....

Все спитъ въ Аддисъ-Абебѣ. Спитъ хозяйка дома, спятъ ашкеры по соломенным хижинамъ, спятъ ихъ жены на соломѣ, на голой землѣ, спитъ весь день гонявшаяся за воронами мохнатая собака. На рынкѣ еще идетъ жизнь, тамъ ходятъ покупатели, но и тѣ спѣшатъ домой.

Солнце подымается выше и выше; его лучи льются отвѣсно на коническія крыши, потомъ оно спускается къ дому Трулье и длинныя тѣни ползутъ отъ деревьевъ. Четвертый часъ дня: хозяинъ просыпается, лѣниво кутаясь въ шаму онъ выходитъ на крыльцо и, щуря свои заспанные глаза, глядитъ, какъ возятся его ашкеры на дворѣ, какъ военно-плѣнныя галласки толкутъ деревяннымъ пестомъ въ деревянной ступѣ ячмень, или дурру, глядитъ въ полуснѣ на красное небо, что становится все ярче и ярче, глядитъ, какъ лиловыя тѣни ползутъ по крутымъ горамъ и темная ночь спускается надъ долиной. Шакалы начинаютъ свой унылый концертъ и темный городъ вновь погружается въ тяжелый сонъ....

Когда развившіеся отъ сырого мяса глисты начнутъ мучить абиссинца, онъ принимаетъ «куссо», особое растеніе, и оффиціально объявляетъ себя больнымъ. Онъ ложится на альгу, принимаетъ скучный видъ и окруженный своими кліентами ожидаетъ спасительнаго дѣйствія лекарства.

А потомъ опять та же монотонная жизнь, изъ церкви въ имѣнье, на альгу, а потомъ созерцаніе природы у дверей хижины и снова альга и сонъ....

Рожденіе ребенка не приноситъ съ собою тѣхъ радостей, съ которыми оно встрѣчается въ Европѣ. Ребенокъ не надежда, не гордость семьи, не забота ея. Онъ является какъ то неожиданно и всегда непріятенъ отцу, лишающемуся изъ-за него на нѣкоторое время семейныхъ радостей, составляющихъ половину его существованія. Пока идетъ періодъ молочнаго питанія, ребенокъ треплется въ простынѣ за спиной у матери, нерѣдко на ходу питаясь молокомъ. Но едва только пройдутъ эти тяжелые мѣсяцы, какъ ребенокъ забытъ. Съ грязнымъ платкомъ на бедрахъ, если это дѣвочка и совершенно голый, если это мальчикъ, новый членъ абиссинской

семьи влачитъ жалкое существованіе, то катаясь въ навозѣ между муловъ, то воюя съ пѣтухами и курами, то дружа съ мохнатой собакой. И какія, какія болѣзни перенесетъ онъ за это время. Сколько накожныхъ сыпей и язвъ найдете вы на его коричневомъ тѣлѣ. Къ 10-ти годамъ у него являются друзья—это его братья и сестры, нерѣдко отъ разныхъ матерей. Къ этому времени его начинаютъ одѣвать и смутныя мечты родятся въ его курчавой головѣ. О чемъ мечты? Конечно, о войнѣ, о томъ, чтобы быть ашкеромъ, потомъ офицеромъ, генераломъ и убить много, много ненавистныхъ Алп.

И свадьба проходитъ безъ особаго торжества, женихъ беретъ невѣсту, платитъ за нее родителямъ и, сопровождаемый подругами ея, вводитъ ее въ свой домъ. Молодая жена работаетъ на мужа, сопровождаетъ его въ походахъ, но живетъ подъ постояннымъ страхомъ быть покинутой, быть замѣненной....

Наступаетъ старость, смерть. Мертвеца закутываютъ въ бѣлую шаму и несутъ на носилкахъ въ церковь, гдѣ вокругъ его гроба будетъ плясать и пѣть духовенство и полуобнаженныя плакальщицы съ воемъ и присѣданіями проводятъ его до могилы.

Трупъ закопаютъ у дороги, подлѣ другихъ могилъ; рядъ неровныхъ плитъ четыреугольникомъ обозначатъ положеніе тѣла покойника. Въ головахъ поставятъ еще двѣ плиты стоймя, и могила безъ насыпи, безъ цвѣтовъ, скоро забудется въ безбрежной унылой пустынѣ.

Вся жизнь идетъ какъ тяжелый однообразный будень, какъ сѣрый день, какъ африканскій безконечный дождь. Поколѣнія смѣняютъ поколѣнія, военныя грозы волнуютъ, видоизмѣняютъ страну, а ни одна лѣтопись не разсказываетъ намъ тайнъ былой жизни. Древніе храмы такъ же просты и убоги, какъ храмы современные, нѣтъ причудливыхъ обелисковъ, таинственныхъ пирамидъ, нѣтъ ни статуй, ни картинъ. День за днемъ бѣгутъ, какъ волны мутной Хабаны, унося время въ безконечность и жизнь проходитъ, не оставляя черты, не оставляя слѣда; безплодная, ненужная міру жизнь.

И развивается философскій взглядъ на вещи, исчезаетъ представленіе о времени, о пространствѣ, нѣтъ страха смерти.

Когда осужденный на смерть преступникъ видитъ сурово опущенные внизъ (pollice verso) большіе пальцы рукъ у сѣдыхъ судей абиссинскаго ареопага и читаетъ въ этомъ приговоръ къ смерти—онъ не блѣднѣетъ, не теряется. Низко кланяется онъ своимъ судьямъ и отдается въ руки палача. И хоть бы тѣнь страха!!

И такъ же безстрашно несутся абиссинскія дружины навстрѣчу

огню, подъ удары сабель, подъ пушечные выстрѣлы: имъ, среди ихъ сѣрой жизни—смерть не страшна....

И среди этого скучнаго, сѣраго существованія есть, однако, завѣтная мечта о иныхъ свѣтлыхъ веселыхъ дняхъ—это мечта о войнѣ.

Война прерываетъ этотъ тяжелый, почти мучительный сонъ, накопленная годами энергія вдругъ просыпается, все принимаетъ оживленный видъ, начинается мобилизація, а затѣмъ идутъ веселыя мечты о лемптахъ, чинахъ, о почетѣ.

Война для абиссинца является чѣмъ то такимъ радужнымъ, веселымъ, интереснымъ, о чемъ стоитъ поговорить и помечтать. Война, единственное средство разбогатѣть и изъ подневольнаго ашкера выбиться въ начальники....

Есть въ Абиссиніи, и особенно въ Аддисъ-Абебѣ еще люди.... Ихъ руками воздвигнуто бѣлокаменное Гэби, они оплели хворостянымъ заборомъ мѣсто нашего лагеря, они дѣлали столы для аптеки и госпиталя, они приносили дурго, пригоняли намъ козъ и барановъ, они работаютъ на плантаціяхъ гэши, настаиваютъ ароматный тэчь, погоняютъ тучныхъ быковъ на богатыхъ абиссинскихъ нивахъ—это военно-плѣнные галласы.

Я видѣлъ ихъ на императорской каменоломнѣ. Тысячъ шесть народу отъ 20 до 60-ти-лѣтняго возраста, худаго изморенпаго, измученнаго работой, голоднаго, работало здѣсь, то выламывая камень, то перенося его на голыхъ плечахъ къ мѣсту постройки. Всѣ кости просвѣчивали сквозь ихъ шеколадное тѣло; глубоко запали голодные животы, грудь выдвинулась впередъ, а худыя костистыя ноги передвигались съ медленнымъ упорствомъ. Обрывки грязныхъ, грубыхъ, сѣрыхъ тряпокъ висѣли у кого на плечахъ, у кого на бедрѣ, не прикрывая ихъ жалкой наготы.

Когда Менеликъ пріѣхалъ сюда, окруженный своей свитой, часть поклонилась ему до земли и крикомъ «аля-ля-ля-ля-ля»,—привѣтствовала его, другая болѣе озлобленная, болѣе недовольная, побросавъ каменья, кинулась къ нему съ криками «абьѣтъ, абьѣтъ» (жалоба, жалоба). Страшно было смотрѣть эти полускелеты, проникнутые мучительной мольбой, жалобной просьбой.

Палки ашкеровъ быстро возстановили порядокъ. Галласы взялись за каменья и рабочая жизнь, пріостановившаяся было на время проѣзда Менелика, вошла въ свою череду—череду отъ восхода до заката, безъ отдыха, не покладая рукъ....

И все таки это лучшее, что могъ сдѣлать гуманный властитель Эфіопіи для мятежныхъ племенъ. Традиціи требовали полнаго раб-

ства—его нѣтъ въ Абиссиніи. Покоренные галласы работаютъ опредѣленное число лѣтъ, отбываютъ свою каторгу, а потомъ получаютъ свободу. Въ ихъ деревняхъ есть свои старшины, они имѣютъ свои участки, свой скотъ, своихъ лошадей.

Великій негусъ капля за каплей вноситъ гуманитарныя идеи въ понятія абиссинцевъ и не круто ломаетъ жизнь полудикаго горнаго племени.

Прогрессъ, который летитъ и мчится въ Европѣ, захватилъ въ мощное теченіе свое и далекую Абиссинію. Миссія за миссіей, посольство за посольствомъ ѣдутъ ко двору бѣднаго, но могущественнаго африканскаго монарха. Рядомъ съ домомъ Ильга воздвигся домъ Лагарда, расъ Маконенъ для своихъ наѣздовъ выстроилъ чистый и изящный домъ европейской постройки, оклеилъ стѣны обоями, досталъ стулья, салфетки, скатерти, за нимъ обстроился расъ Уольди и капля за каплей вливается просвѣщеніе. При мнѣ во всей Аддисъ-Абебѣ нельзя было найти ни одной свѣчи, а пріѣхавшій путникъ долженъ былъ ночевать въ палаткѣ въ ожиданіи, пока негусъ не отведетъ ему домъ—круглую хижину, гдѣ придется спать на голой землѣ рядомъ съ мулами и другими животными, а уже на обратномъ пути я засталъ въ Джибути караванъ, долженствовавшій пополнить лавку Трулье и молодаго юркаго француза, отправляющагося въ Аддисъ-Абебу, чтобы устроить тамъ отель.

И можетъ быть, когда шумныя улицы замѣнятъ пустынныя тропинки, когда мосты повиснутъ надъ Хабаной, жизнь перестанетъ тамъ быть такой монотонной и самый видъ ея желтыхъ холмовъ не будетъ такъ мучительно тоскливо поражать сердце и умъ.

XXV.

Наша жизнь въ Аддисъ-Абебѣ.

Звѣзды начинаютъ блѣднѣть, сырость послѣ вчерашняго ливня проникаетъ въ палатку и за хворостяной оградой шакалы даютъ свой утренній концертъ. Пять часовъ утра—конвойный дворъ просыпается; теперь нѣтъ уже того подавляющаго количества верховыхъ лошадей, офицерскихъ, вспомогательныхъ и грузовыхъ муловъ, когда каждый казакъ смотрѣлъ за 4—5 животными, а 15-ти саженная коновязь была плотно уставлена лошадьми и мулами.

Офицерскіе мулы живутъ при офицерахъ, грузовые, конвойные

и запасные отправлены на траву подъ надзоръ Азачъ-Гезау и раннимъ утромъ на коновязи стоятъ и дрожатъ въ ожиданіи солнца семнадцать лошадей и одиннадцать муловъ. День идетъ по росписанію и начинается съ чистки.

Въ мою холодную, но уютную палатку доносится характерное шурханье щетки, выколачиваніе скребницы о камень и восклицанія—«тпру, да стой ты непокорная»! но къ этимъ чисто казарменнымъ возгласамъ, такъ напоминающимъ утро на Обводномъ каналѣ, присоединяются еще и новыя, благопріобрѣтенные чисто африканскіе «тау! тау!».

— «Ступай собирай лошадей на водопой», баситъ фейерверкеръ Недодаевъ, толстякъ малоросъ, любимецъ абиссинцевъ.

Водопой шагахъ въ трехстахъ. Это маленькая рѣка съ каменистымъ русломъ, что бѣжитъ черезъ Аддисъ-Абебу. На водопой ведутъ попарно – лошадь и мулъ. Затѣмъ чай и хлѣбъ фурно. Въ семь часовъ утра начинается конное ученье.

Нашъ манежъ не блещетъ ни красотой, ни удобствомъ—это чуть покатая ровная полянка шаговъ сто длиною и сорокъ шириною. Смѣна изъ четырнадцати человѣкъ подобрана довольно пестро: передняя шеренга лейбъ-казаки на сѣрыхъ лошадяхъ и уральцы на вороныхъ—задняя атаманцы и артилеристы на гнѣдыхъ и караковыхъ.

Лошади на поводъ мягки и понятливы, но весьма немногія идутъ въ поводу. Ни шенкеля, ни даже хлыстъ не заставили этихъ зацуканныхъ, задерганныхъ на остромъ мундштукѣ лошадей принять поводъ. Но пока идетъ смѣнная ѣзда, пока лошади описываютъ вольты, пока голубые вторые нумера сходятся, расходятся и переплетаются съ красными первыми—все идетъ хорошо.

Собравшаяся кучка черныхъ зрителей въ грязныхъ шамахъ и подштанникахъ, сидящая на землѣ у края манежа и состоящая на половину изъ ашкеровъ и «фарассанья» (кавалеристовъ), громкими возгласами «ойя гутъ»—«малькамъ москов» выражаетъ свое удовольствіе. Ѣзда взводомъ (всего въ семь рядовъ), когда изъ развернутаго строя, идущаго рысью, галопомъ вылетаютъ пестрые ряды и снова строются по три, по шести, въ тишинѣ и молчаніи, спѣшиваніе на полевомъ галопѣ, батовка и разсыпной строй производятъ громадное впечатлѣніе. Но вотъ подходитъ время джигитовки...

Я люблю смотрѣть джигитовку, когда круглый и сытый степной маштакъ, распустивъ косматую гриву и пышный хвостъ по вѣтру мчится по зеленому полю, а красавецъ казакъ, заломивъ голубую

фуражку свою на темные кудри, плавно сгибается назадъ и порывистымъ движеніемъ пальцевъ и кисти хватаетъ брошенный платокъ и, поднявши, рубитъ и колетъ своимъ палашомъ... Я люблю смотрѣть когда степной конь, ничего не боясь, по прямой линіи мчится впередъ, а казакъ, стоя на алой подушкѣ ногами, фланкируетъ длиннымъ копьемъ. Тамъ удалая казачья лошадь, смѣлый и лихой казакъ слились въ одно цѣлое, поняли другъ друга и другъ съ другомъ соединились...

Но когда слабымъ галопцемъ, еле бросая жидкое тѣло свое и изнемогая подъ русскимъ богатыремъ, скачетъ абиссинская кляча и казакъ, спрыгнувъ съ нее, валитъ лошадь своей тяжестью, когда слабогрудая, беззадая, обезноженная варварской ѣздкой лошадь не можетъ помочь своему хозяину и каждую минуту хочетъ остановится—грустно, тяжело и жутко смотрѣть на такую джигитовку. Жалко такихъ молодцовъ, какъ Терешкинъ, Любовинъ, Крынинъ, Архиповъ, Изюмниковъ, Щедровъ и не отставшіе отъ казаковъ лихачи Недодаевъ и Полукаровъ.

Пришлось сократить джигитовку, пришлось выбрать надежнѣйшихъ людей и лошадей, а изъ остальныхъ составить группы...

Конное ученье кончено. Усталыя лошади бредутъ на коновязь...

Часъ перерыва и пѣшій строй и гимнастика. Со смѣхомъ и шутками идетъ чехарда, стѣна валитъ стѣну.—«Недодай навались! Духопельниковъ не сдавай»... Одиннадцатый часъ—солнце высоко, люди идутъ на работы. Знатокъ абиссинскаго языка уралецъ Сидоровъ сѣдлаетъ коня ѣхать на «габайю». Мягкій баритонъ его разливается по двору цѣлой абиссинской рѣчью, съ которой онъ обращается къ конвойнымъ слугамъ Адаму и Вальгу̀.

Кривошлыковъ изъ кипарисныхъ досокъ мастеритъ шкапъ, остальные забрали лопаты и идутъ за дерномъ.

Какъ неуютенъ, пустъ и унылъ казался мнѣ нашъ конвойный дворъ, когда мы пріѣхали послѣ тысячеверстнаго перехода. Трава желтая, неровная, кочки и грязь...

А теперь, когда у пристѣна пріютилась круглая палатка, когда разобранныя по мастямъ лошади выровнялись на коновязи, а моя палатка стала въ углу, когда передняя линейка выложена дерномъ, а образъ Спасителя спокойно и кротко смотритъ на прибранныя койки, когда тихая рабочая жизнь идетъ кругомъ, сколько уютности, чувства дома за этимъ заборомъ, сколько удобствъ, несмотря ни на дождь, ни на грязь...

А дожди таки насъ помучили. Съ 15-го февраля каждый день

свинцовыя тучи бродятъ по небу, глухой громъ гремитъ въ горахъ и дождь отъ трехъ часовъ и до полуночи иногда льетъ на сухую землю! Какой дождь! ровный, крупный, продолжительный... Ослабнетъ на минуту и пойдетъ моросить до полуночи... Это малый періодъ дождей.

Послѣ полудня на конвойномъ дворѣ тишина, только плотники, подъ навѣсомъ изъ зеленыхъ вѣтвей, стругаютъ толстыя кипарисныя доски. Горничная жены начальника миссіи, миссъ П—ръ, типичная англичанка, приходитъ учиться русскому языку. Ей смертельно скучно въ эти часы, когда солнце высоко стоитъ надъ головами и вся Аддисъ-Абеба замираетъ въ полуденномъ снѣ.

— «Это шкапъ», слышенъ голосъ въ промежуткѣ визга пилы и стука молотка.

— «Скапъ», раздается мелодичный возгласъ англійской миссъ.

— «Не скапъ, а шкапъ».

— «Шкапъ»...

— «Ну вотъ».

— «А это»?

— «Долото».

— «Долёто», повторяетъ англичанка.

Плотники смѣются.

— «Это она не къ вамъ пришла, а къ намъ», говорятъ у муловъ люди, навѣшивающіе торбы.

— «Сказали къ намъ. Она завсегда къ намъ ходитъ».

Разговоръ продолжается и вдругъ неожиданно для обѣихъ сторонъ переходитъ на абиссинскій языкъ. Оказывается познанія казаковъ и миссъ по абиссински больше чѣмъ ея по русски, а казаковъ по англійски. Развлеченіе лингвистикой длится полчаса. А вечеромъ чтеніе уставовъ, вспоминаніе начальниковъ, словомъ— бесѣда... Послѣ вечерней уборки въ сыромъ отъ дождя воздухѣ звенитъ и замираетъ тоскующей нотой казачья пѣсня:

«Поѣхалъ казакъ на чужбину далеко,
На добромъ конѣ ворономъ...»

Перекличка и заря назначены въ восемь часовъ. Прозвучала молитва за Царя и за Россію и тихо кругомъ. Все спитъ — только часовой безмолвно ходитъ взадъ и впередъ, да мѣрно жуютъ сѣно мулы и лошади...

И такъ день за днемъ.

24-го февраля, однообразная скучная жизнь нашего лагеря на-

рушилась немного. Пришла почта и съ прочими пакетами принесла приказъ по лейбъ-гвардіи казачьему полку отъ 23-го января, которымъ «за отлично усердную службу, терпѣніе и выносливость при переходѣ черезъ Сомалійскую пустыню и горы» младшій урядникъ Еремипъ произведенъ въ старшіе, трубачъ Терешкинъ въ младшіе урядники и казакъ Могутинъ въ приказные.

Надо было видѣть радость этихъ славныхъ моихъ сотрудниковъ— и не только ихъ, но и всего конвоя. Я отдалъ приказъ въ конвой и его на другой день читали всѣ по очереди. Какъ читали! Отъ доски до доски, отъ номера до предполагаемаго наряда. Умилялись, чуть не плакали. Одинъ читаетъ, другіе слушаютъ, кончилъ, другой берется за чтеніе, а слушателей не убавляется. Дошла очередь до Терешкина, дочиталъ онъ до подписи: «полковой адъютантъ», прочелъ слово «графъ», повторилъ еще и еще разъ «графъ! графъ!» и заплакалъ.

Милыя, далекія имена! Только русскій солдатъ способенъ такъ любить своего начальника. Все послѣ обѣда приказъ ходилъ по рукамъ и едва доходили до подписей, какъ слышался захлебывающійся голосъ Терешкина, — «графъ! графъ! дайте мнѣ посмотрѣть на его подпись».

Подъ вечеръ лейбъ-казачій приказъ былъ повѣшенъ на почетномъ мѣстѣ подъ образомъ на центральномъ столбѣ палатки.

Въ этотъ день полковникъ А—въ по случаю отъѣзда въ командировку внутрь страны и я, по случаю предстоящаго отправленія моего въ Россію съ бумагами, являлись негусу. Менеликъ принялъ насъ въ небольшомъ квадратномъ зданіи, построенномъ изъ бѣлаго камня. Кипарисная лѣстница на два марша вела въ комнату, устланную коврами съ нѣсколькими маленькими окнами и кипарисным досчатымъ потолкомъ со многими щелями. Джонъ-хой сидѣлъ на альгѣ, покрытой парчей, опираясь на подушки, положенныя съ обѣихъ сторонъ. Небольшая свита людей въ бѣлыхъ шамахъ его окружала. Негусъ подалъ руку всѣмъ намъ.. Полковникъ А — въ преподнесъ Менелику маленькую берданку съ патронами и распиленные снаряды,—гранату, шрапнель и картечь горнаго двухъ-дюймоваго орудія. Устройство снарядовъ живѣйшимъ образомъ заинтересовало негуса. Онъ спрашивалъ о каждой детали устройства дистанціонной и ударной трубокъ, нѣсколько разъ онъ заставлялъ m-sieur Ильга переводить вторично то, что ему было неясно, задавалъ вопросы съ своей стороны, стараясь усвоить и запомнить обращеніе съ этими предметами.

Наша аудіенція длилась около получаса. По объясненіи устройства снарядовъ его величество изволилъ пожелать полковнику А—ву и мнѣ счастливый путь, и откланялся намъ, подавъ опять каждому руку. Вмѣстѣ съ нами удалилась и свита; негусъ, начальникъ миссіи и m-sieur Ильгъ, оставшись втроемъ, приступили къ дѣловому разговору...

Въ полутора верстахъ отъ посольскаго двора, за рѣчкой, на особо отгороженномъ мѣстѣ находятся постройки русскаго «Краснаго Креста». Здѣсь по глиняным хижинамъ, крытымъ соломой и напоминавшимъ нѣсколько дома помѣстился врачебный персоналъ миссіи и офицеры-поручики К—й, Д—овъ и А—н; здѣсь же въ круглой абиссинской палаткѣ была общая столовая, а позади ея въ квадратныхъ русскихъ палаткахъ былъ устроенъ русскій госпиталь въ Аддисъ-Абебѣ.

Начало дѣйствій госпиталя не было оповѣщено ни газетами, потому что ихъ нѣтъ въ Аддисъ-Абебѣ, ни герольдами, ни публикаціями, а между тѣмъ съ перваго же дня, едва только Б. Г. Л—овъ въ сараѣ съ прогнившимъ поломъ надъ глубокой ямой поставилъ свои вѣсы и разложилъ порошки, воды и коренья, едва только чистенькій наборъ пилъ, ножей и щипцовъ сверкнулъ на окнѣ у Н. П. Б—цына, какъ толпы больныхъ повалили въ ворота русскаго двора.

«Прибыли московскіе хакимы»; эта вѣсть облетѣла всю Аддисъ-Абебу, раздалась по окрестнымъ деревнямъ, проникла за высокое Антото, долетѣла до таинственной Каффы. И отовсюду пошли больные. Одного укусила змѣя, другого третій годъ мучитъ старая адуанская рана, третій страдаетъ лихорадкой. Габро Христосъ и Хейле Маріамъ не успѣваютъ переводить, имъ помогаютъ уже говорящіе немного по-абиссински Л—овъ и С—онъ и подъ палящими лучами полуденнаго солнца, не имѣя времени присѣсть, съ ранняго утра и до трехъ часовъ, до дождя работаютъ русскіе врачи. Безъ помощниковъ, безъ санитаровъ, одни, не зная отдыха. И кромѣ этого амбулаторнаго пріема, почти каждый день приходится выѣзжать въ городъ по визитамъ. Классный фельдшеръ С—онъ ѣздитъ масировать царицу Таиту, д-ръ Л—ій пользуетъ старика Афа-негуса. Сильна вѣра у абиссинцевъ въ русскихъ врачей, въ русскую науку и, благодаря ей самые тяжелые больные чувствуютъ себя лучше. На дворѣ «Краснаго Креста» весь день кипитъ работа. Б. Г. Л—овъ ни на минуту не можетъ отлучиться изъ аптеки: доктора завалили рецептами....

Итакъ, до вечера.

Въ шесть часовъ вечера, шлепая по глинистой грязи тропинки верхомъ на мулахъ пріѣзжаютъ жители посольскаго двора полковникъ А — овъ, поручикъ Ч — овъ и я. За обѣдомъ всегда есть кто нибудь изъ абиссинцевъ. Чаще всего чернобородый и хитрый азачъ Гезау, иногда молодой и красивый азачъ (прикащикъ) императрицы, въ черномъ атласномъ бурнусѣ, кто либо изъ кень-азмачей. Докторамъ принесли дурго отъ Тапту, отъ Афа-негуса—куръ, яица, тэчь, инжиру....

— «Азачъ Гезау аракй московъ?»

— «Иши».

Абиссинскіе гости больше пьютъ, нежели ѣдятъ. Пить — это легче. Ѣсть надо умѣть пользоваться ножомъ, вилкой, ложкой, а какъ пить всякій знаетъ. Аракй московъ и чай московъ — любимое угощеніе. Ѣдятъ еще охотно варенье, леденцы, пастилу.

Наше меню довольно однообразно—супъ изъ мяса быка, или изъ баранины, яичница, куры, баранина и чай съ хлѣбомъ фурно. Изрѣдка на сладкое появлялись блины съ вареньемъ, но, вслѣдствіе отсутствія въ Аддисъ-Абебѣ бѣлой муки, это бывало рѣдко.

Дождь льетъ, не переставая все время обѣда. Раскаты грома гулко отдаются въ горахъ, становится холодно, сыро. Мы, живущіе въ палаткахъ, на минуту забываемъ о незримомъ населеніи домовъ «Краснаго Креста» и завидуемъ докторамъ, они жалѣютъ насъ и послѣ обѣда, накинувши на плечи клеенчатые плащи, мы ѣдемъ черезъ шумную Хабпну домой. Ничего не видно, даже уши мула скрылись въ темнотѣ и о нихъ скорѣе догадываешься, нежели видишь ихъ.

Сверкнетъ среди тучъ длиннымъ ослѣпительнымъ зигзагомъ молнія, освѣтитъ на минуту извилистую тропинку, раскисшую и размокшую отъ дождя, сухую траву по сторонамъ, кусты дикаго кофе, камни, далекія горы и опять темно. Еще темнѣе даже. Привычный мулъ и тотъ шалѣетъ на минуту и останавливается, потомъ разобравшись медленно бредетъ, выбирая дорогу между камней, скользя и увязая по колѣно. Мы не видимъ ни дороги, ни спусковъ, ни подъемовъ, ни нашего усѣяннаго камнями брода, ни норъ шакаловъ и гіенъ—да и не нужно видѣть—мулъ видитъ, смотритъ и заботливо выбираетъ дорогу между камней и кустовъ — бросьте поводъ и довѣрьтесь ему. Черезъ четверть часа ѣзды сквозь частую сѣтку дождя видны огни посольскаго двора. Въ сыромъ воздухѣ

плачевно звучитъ кавалерійская зоря. Люди собраны на молитву въ палаткѣ.

Зайдешь къ поручику Ч — ву въ его круглую абиссинскую палатку, сядешь на ящикъ и промокшая палатка, озаренная одинокой свѣчей (свѣчей въ Аддисъ-Абебѣ нѣтъ и потому мы экономны), столъ, уставленный закоптѣлыми гомбами съ чаемъ, жестянки печенья, банки изъ-подъ варенья вмѣсто стакановъ, вся незатѣйливая обстановка офицерскаго бивака покажется такой уютной и пріятной. Радушный хозяинъ сидитъ въ тужуркѣ за столомъ, тоже на ящикѣ, секретарь О — въ изъ ананаснаго консерва и харрарскаго рома мастеритъ жжонку и за стаканомъ чая распареннаго Уольди идетъ бесѣда. Какіе свѣтлые планы строятся здѣсь среди мрака африканской ночи, сколько храбрости высказывается всѣми, сколько веселья и той молодой энергіи, которую ни за какія деньги не достанешь, ни за что не купишь. Право, нашъ чай въ Аддисъ-Абебѣ по вечерамъ бывалъ веселѣе вашихъ чинныхъ петербургскихъ five-o'clock—овъ...

Расходились за полночь. Я увѣренъ, что мы трое, жители посольскаго двора надолго сохранимъ теплое сердечное воспоминаніе о нашихъ тихихъ Аддисъ-Аббебскихъ вечерахъ.

Вернешься «домой» въ палатку, зашнуруешь ее и заснешь крѣпкимъ сномъ на жесткой постели, подъ буркой, прислушиваясь къ визгу шакаловъ, уханью гіены, да одиночнымъ выстрѣламъ неутомимаго ихъ истребителя конвойца Габѣева.

А тамъ опять, завтра утромъ — у насъ чистка, конное и пѣшее ученья, гимнастика, на дворѣ «Краснаго Креста» — безконечный пріемъ больныхъ и раненыхъ....

XXVI.

Ученье конвоя въ присутствіи негуса.

Дожди шли, не переставая, регулярно, каждый день. Глинистая почва набухала все болѣе и болѣе и показать хорошо джигитовку при такихъ условіяхъ было съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Несчастныя калѣки лошади съ трудомъ исполняли простыя эволюціи нашихъ ученій, ежеминутно скользя и спотыкаясь своими слабыми ногами. Двое казаковъ уже выбыло изъ строя. Подъ Любовинымъ перевернулась лошадь въ то время, когда онъ нагибался, что-

бы достать земли, сидя задомъ напередъ, Недодаеву мулъ расшибъ колѣно... Откладывать смотръ дальше было рискованно, къ тому же начальникъ миссіи предполагалъ въ скоромъ времени отправить меня съ весьма нужными депешами въ Петербургъ, а между тѣмъ эфіопскій императоръ не только не изъявлялъ никакого желанія посмотрѣть, что дѣлаютъ ашкеры въ московскомъ лагерѣ, но не собирался, повидимому, отдавать визитъ посланнику.

Весьма осторожно былъ спрошенъ объ этомъ m-sieur Ильгъ и отвѣтилъ, что «его величество давно всѣмъ этимъ интересуется, но ожидаетъ приглашенія отъ русскихъ....»

Приглашеніе состоялось и негусъ назначилъ днемъ своего пріѣзда 28-е февраля, субботу. Уже съ 26-го числа мы занялись приготовленіями. Нужно было убрать палатку для негуса, а какъ ее убрать, когда въ Аддисъ-Абебѣ нельзя достать ни кумачу, ни полотна, никакихъ другихъ декоративныхъ принадлежностей, пришлось украшать «царскую ставку» собственными средствами. 26-го и 27-го февраля плели гирлянды и какія гирлянды! Кипарисы, лавры, лимоны, кофе, дикій виноградъ, азалія, смоковница, пестрѣли то темнозелеными и гладкими, словно полированными листами, сверкали на солнцѣ, то нѣжной перистой зеленью ласкали глазъ.

Круглая конвойная палатка была вынесена на поле. Гирлянды обвили ее сбоковъ, упали звѣздочкой сверху отъ центральнаго столба. Къ гирляндамъ привязали казачьи русскія полотенца; въ промежуткахъ повѣсили леопардовыя шкуры, постелили драгоцѣнные ковры, остатками кумача обвили столбики, повѣсили консульскій и абиссинскій флаги, укрѣпили ёлочныя украшенія, случайно оказавшіяся у нашего любезнаго Б. Г. Л—ова — и палатка вышла на славу. Она и въ Красномъ Селѣ была бы не послѣдней, а для Африки была и прямо хороша.

И только мы кончили работу, какъ полилъ африканскій дождь. Небо покрылось темными тучами, молнія длинными зигзагами прорѣзывала ихъ, а въ горахъ грохоталъ и эхомъ перекатывался громъ. Потоки грязи поползли на лагерь, на палатки, стали мочить наши вещи, зашумѣла мутная Хабана, земля стала скользкой, холодной...

Что палатка? что ковры? что все убранство наше? вотъ мысли, которыя волновали меня и моихъ сотрудниковъ казаковъ. И едва только около полуночи дождь пересталъ и серебристыя звѣзды проглянули изъ-за разорванныхъ тучъ—я побѣжалъ на поле — слава Богу — дождь шелъ полосой и хотя земля и намокла немного на

нашемъ лугу, но не поползли ковры, украшенія не были тронуты, оставалось подсвѣжить гирлянды новыми листочками.

Рано утромъ, 28-го февраля, m-sieur Ильгъ прислалъ записку съ увѣдомленіемъ, что негусъ извиняется, онъ не можетъ быть ранѣе 10-ти часовъ утра. Ему привезли лѣсъ и онъ долженъ принять его лично...

Безъ четверти 10 конвой, имѣя въ передней шеренгѣ 5 лейбъ-казаковъ и двухъ уральцевъ и въ задней четырехъ атаманцевъ и трехъ артилеристовъ, всего 14 человѣкъ (двое въ командировкѣ, одинъ больной—Недодаевъ и одинъ пѣшкомъ для помощи и подачи оружія и проч.), сталъ развернутымъ фронтомъ, лицомъ на Аддисъ-Абебу, правымъ флангомъ къ палаткѣ.

Начальникъ миссіи, гг. офицеры и врачи въ парадныхъ мундирахъ въ пѣшемъ строю собрались у палатки. Всѣ взоры были устремлены на холмъ Гэби. Видны были рабочіе галласы, собиравшіе камень по пути негуса. Погода пасмурная, съ утра становилась лучше, показалось солнце, облака обратились въ барашковъ, становилось тепло. И въ половинѣ одиннадцатаго тамъ, у воротъ Гэби, показалась бѣлая толпа. Эта толпа быстро приближалась. Вскорѣ сталъ видѣнъ надъ бѣлыми шамами ашкеровъ малиновый атласный зонтикъ, несомый слугами надъ негусомъ.

Царь царей Эфіопіи приближался.

Не скрою, волненіе охватило меня. Я не боялся смотра, я былъ увѣренъ въ своихъ молодцахъ казакахъ, но всякій кавалеристъ пойметъ меня — какъ показать лихость и удаль русскихъ «фарассанья» на безногихъ, слабосильныхъ коняхъ? Какъ джигитовать на лошадяхъ, которыя падаютъ подъ всадниками? — Я надѣялся лишь на Бога, на его милосердіе, надѣялся, что онъ не посрамитъ русскаго лихаго воинства передъ дикарями....

И вотъ на крайнемъ флагштокѣ взвился абиссинскій флагъ. Конвой салютовалъ ему тремя залпами, потомъ вынули шашки и замерли въ ожиданіи.

Менеликъ былъ въ сѣрой фетровой шляпѣ съ широкими полями, атласномъ черномъ бурнусѣ съ золотымъ кантомъ, шелковой бѣлой рубашкѣ съ лиловыми полосками и коричневыхъ кожаныхъ туфляхъ. Сзади него несли щитъ и ружье въ красныхъ чахлахъ, впереди альгу и подушки. Куда бы Менеликъ не ѣхалъ, его тронъ ему всюду сопутствуетъ...

Надъ нимъ колыхался малиновый зонтикъ, прекрасный гнѣдой мулъ горделиво выступалъ, звеня серебряной сбруей, сверкая доро-

тимъ уборомъ. Менеликъ слѣзъ съ мула, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ конвою и внятно произнесъ—«здорово ребята»...

— «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!...», прогремѣлъ отвѣтъ казаковъ.

Тысячная свита ашкеровъ заняла мѣсто по краямъ луга. Офицерскія палки просвистали въ воздухѣ и порядокъ установился.

Мы прошли мимо негуса развернутымъ фронтомъ съ вынутыми шашками, заѣхали налѣво кругомъ, слѣзли и изготовились къ джигитовкѣ.

Первымъ скакалъ я, стоя на двухъ лошадяхъ.

За мною лейбъ-казакъ Еремипъ соскакивалъ и вскакивалъ на карьерѣ. Дальше на болѣе слабыхъ лошадяхъ рубили шашкой и кололи пикой, уралецъ Сидоровъ и лейбъ-казакъ Могутинъ увозили растянутаго между ними атаманца Алифанова, изображавшаго раненаго, причемъ Могутинъ отстрѣливался; прекрасно перепрыгнулъ черезъ лошадь и сѣлъ съ правой стороны въ сѣдло уралецъ Изюмниковъ, соскакивалъ и вскакивалъ Щедровъ и Шерникинъ, Любовинъ стрѣлялъ, сидя задомъ напередъ, и, наконецъ, стоя на сѣдлѣ проскакалъ Полукаровъ.

Джигитовка произвела сильное потрясающее впечатлѣніе на негуса. Еще въ началѣ онъ все восклицалъ «ойя гутъ!», потомъ и этого не дѣлалъ, только за голову хватался и смотрѣлъ, смотрѣлъ жадными, любопытными глазами за каждымъ жестомъ, каждымъ движеніемъ казаковъ.

Онъ спросилъ, какія это лошади — русскія? и крайне удивился узнавъ, что это абиссинскія лошади.

Потомъ началась манежная ѣзда. Красные и голубые мундиры съѣзжались, разъѣзжались, то сходились всѣ вмѣстѣ, то разсыпались. Путаная смѣна, разученная, какъ балетъ шла безъ запинки.

Я началъ съ того, что пропустилъ всю смѣну справа по одному на двѣ лошади дистанціи шагомъ мимо негуса. Каждый казакъ, проѣзжая мимо, называлъ свою фамилію. Потомъ пустилъ смѣну рысью и, когда всѣ были вытянуты въ линію передъ негусомъ, скомандовалъ «вольтъ». Чистота и одновременность исполненія удивили негуса.

— «Эти лошади на мундштукахъ?», спросилъ Менеликъ.

— «Нѣтъ, на уздечкахъ, это лучше сохраняетъ лошадь!»

— «Сколько лѣтъ служитъ у васъ лошадь?»

— «Десять, пятнадцать лѣтъ».

— «О, нѣтъ!? Наши едва два года выдерживаютъ».

Тѣмъ временемъ я повернулъ смѣну по три номера черезъ манежъ галопомъ, потомъ построилъ рядами, вынулъ шашки и сдѣлалъ сквозное прохожденіе на галопѣ. Первые номера рубили бокъ, вторые парировали.

Это вызвало шумное одобреніе со стороны абиссинскихъ солдатъ. Я собралъ взводъ, скомандовалъ «врозь маршъ» и, когда всѣ разсыпались далеко по полю и попрятались за холмами, по балкамъ, я собралъ смѣну въ карьеръ по знаку, въ нѣмую; отвелъ ее въ сторону и произвелъ взводное сомкнутое ученіе. Дѣлали заѣзды взводомъ, вытягивались рядами, строились по три, по шести, возстановляли фронтъ и дѣлали повороты. Потомъ я отвелъ взводъ на рысяхъ въ край луга, спѣшился съ батовкой коней, разсыпалъ цѣпь стрѣлковъ, открылъ рѣдкій огонь, началъ дѣлать перебѣжки по-полувзводно, участилъ огонь, собралъ взводъ бѣгомъ, обстрѣлялъ воображаемую кавалерію залпами, кинулся бѣгомъ по конямъ, разсыпалъ лаву, атаковалъ прямо передъ собой, перемѣнилъ фронтъ направо и атаковалъ подъ прямымъ угломъ къ первоначальному направленію, собралъ взводъ и повелъ его полевымъ галопомъ на Менелика и въ пяти шагахъ отъ его ставки спѣшилъ и выровнялъ Ученье было кончено.

— «Спасибо ребята!» сказалъ негусъ. Дружное «рады стараться!» — было отвѣтомъ.

— «Я полагаю», сказалъ Менеликъ, «какъ это должно быть хорошо и красиво, когда кавалеріи много!»

И опять я подмѣтилъ тотъ же грустный взглядъ, брошенный имъ на его полуголыхъ ашкеровъ. Онъ сѣлъ на мула, свита заволновалась, раздвинулась и Менеликъ поѣхалъ къ ставкѣ начальника миссіи. Казаки на рысяхъ обогнали его и выстроились пѣшкомъ у входа.

Во время завтрака негуса казаки пѣли. Тоскливая, полная широкой грусти пѣсня казачья смѣнялась веселымъ припѣвкомъ съ залихватскимъ присвистомъ, съ бубномъ и треугольникомъ.

Менеликъ и его свита только и говорили о видѣнномъ имъ ученьи. «Какъ хорошо вы спѣшились и бросили лошадей въ полѣ, и отчего онѣ у васъ такія смирныя, у насъ онѣ сейчасъ бы разбѣжались!»

И опять при этомъ «у насъ» — легкій вздохъ. Да, трудно ему бороться съ закоренѣлой рутиной, съ обычаями, въѣвшимися въ плоть и кровь Абиссиніи.

Менеликъ пробылъ около часа въ палаткѣ посланника, потомъ

отправился во дворецъ. Я съ конвоемъ догналъ его и пристроился къ его свитѣ. Негусъ видимо былъ тронутъ этимъ вниманіемъ. Онъ еще два раза благодарилъ казаковъ за ученье и черезъ m-sieur Ильга просилъ заѣхать къ нему во дворецъ. Во дворцѣ мы спѣшились и насъ провели въ маленькій залъ, гдѣ былъ приготовленъ простой деревянный столъ, безъ скатерти, и 18 вѣнскихъ стульевъ. m-sieur Ильгъ попросилъ насъ садиться, всѣхъ и казаковъ и меня и намъ подали по стакану чудного тэча. Совершенно прозрачный съ чисто медовымъ вкусомъ тэчъ негуса не былъ нисколько противенъ. Мы выпили за здоровье негуса, m-sieur Ильгъ и геразмачъ Іосифъ, провозгласили отъ имени Менелика тостъ за здоровье Государя Императора, мы выпили и откланялись радушнымъ хозяевамъ....

Впечатлѣніе, произведенное нашимъ ученьемъ на абиссинскихъ офицеровъ и генераловъ было громадно. Подъ казаками лошади не только скакали, какъ онѣ скачутъ при игрѣ въ чуксъ и подъ абиссинскими фарассанья, но ходили и шагомъ, и рысью, равнялись въ рядахъ, словомъ, вполнѣ повиновались волѣ всадника.

Европейцы со словъ абиссинцевъ пустили слухъ, что это были не солдаты, а наѣздники, набранные изъ цирка. Солдаты, по ихъ мнѣнію, не могутъ вскакивать и соскакивать съ лошади на карьерѣ. Абиссинскіе фарассанья на другой день пробовали на площади Аддисъ-Абебы своихъ коней, но заѣзженныя на строгомъ мундштукѣ несчастныя лошади то метались безъ толку карьеромъ, то круто осаженныя садились на заднія ноги и хрипѣли, картинно изогнувъ длинныя шеи свои. Все это было не то, и не то...

На другой день послѣ джигитовки, 1-го марта, подъ вечеръ къ намъ въ лагерь прибылъ геразмачъ Іосифъ и торжественно отъ имени Менелика нацѣпилъ мнѣ на грудь офицерскій крестъ Эфіопской звѣзды 3-й степени.

2-го марта я являлся послѣдній разъ къ негусу по случаю полученія ордена и предстоящаго отправленія курьеромъ въ Россію.

— «Довольны ли вы Абиссиніей», спросилъ меня негусъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— «Когда вы пріѣдете въ Россію», тихо сказалъ мнѣ негусъ, «забудьте все то худое, что вы видѣли здѣсь, и помните только хорошее».

Я обѣщалъ исполнить это и, кажется, я сдержалъ свое обѣщаніе.

— «Если вы увидите Императора, передайте ему мое маленькое письмо. Я дамъ вамъ его сегодня же. Во сколько дней вы думаете добраться до Харрара»?

— «Шесть, семь дней».

— «Невозможно... Впрочемъ, что для русскихъ невозможно!? Желаю вамъ счастливаго пути. Я дамъ вамъ бумагу и прикажу, чтобы вамъ всюду оказывали пріютъ, какъ бы мнѣ самому. Пріѣзжайте еще разъ, не забывайте нашей бѣдной страны»!

Аудіенція была окончена. Я откланялся и вышелъ во дворъ.

Въ воротахъ меня нагналъ m-sieur Ильгъ и передалъ мнѣ открытый листъ для моего путешествія и письмо геразмачу Банти. И то, и другое было написано на клочкахъ простой писчей бумаги въ четверть листа, вверху имѣлось изображеніе печати негуса, а внизу будто напечатанный текстъ. Письмо къ Банти было безъ конверта.

Я вышелъ на улицу. День былъ сѣрый, тоскливый. Грустное чувство уносилъ я въ сердцѣ своемъ. Мнѣ жаль было покидать эту бѣдную страну, простаго и добраго императора. Вокругъ сопровождавшаго меня казака была толпа. Смотрѣли оружіе, сѣдло, расспрашивали объ ученіи, о джигитовкѣ.

— «Даже надоѣли, ваше высокоблагородіе», сказалъ мнѣ Авиловъ, «облѣпили, какъ мухи. Ружье покажи, шашку вынимаютъ, мундиръ трогаютъ—чудные люди, ничего не видали».

Я пріѣхалъ домой. И на дворѣ мнѣ стало грустно. Жалко было преданныхъ мнѣ славныхъ казаковъ. Всякій послужилъ—сколько могъ.

Красавецъ бородачъ Духопельниковъ.... Сколько разъ сердилъ ты меня, врываясь въ палатку во время писанья съ самыми пустыми вопросами, или путая мои распоряженія относительно муловъ. Ты былъ лучшимъ украшеніемъ конвоя, представитель чисто русской красы и богатырской силы. Немного резонеръ и сторонникъ казачьей рутины. Съ какой грустью остригъ ты свои чудные каштановые волосы... Ты презиралъ абиссинцевъ, какъ только можетъ ихъ презирать истинный казакъ!

Старшій урядникъ лейбъ-казачьяго полка Еремѣнъ, отъ выступленія изъ Петербурга и до моего отъѣзда, былъ ровенъ. Служилъ исправно, до конца сохранилъ свои длинные волосы, гордость донца, и въ свободное время не прочь былъ пойти на охоту. Онъ одинъ изъ немногихъ правильно соскакивалъ на карьерѣ съ лошади, перенося правую ногу не черезъ заднюю луку, какъ это дѣлаетъ большинство, а черезъ переднюю.

Трубачъ урядничьяго званія Терешкинъ—я достаточно писалъ объ немъ. Такихъ людей больше не встрѣтишь.... Жилъ все время бирюкомъ, въ шалашикѣ въ сторонѣ отъ прочихъ. Любилъ всѣхъ

тою широкою русскою любовью, которая не знаетъ критики. Любилъ товарищей до слезъ, офицеровъ до обожанія, мула, лошадь до самозабвенія, черныхъ слугъ ласкалъ и подкармливалъ, думалъ о нихъ и, болѣя душою за нихъ, холодными ночами отдавалъ имъ свое платье. Безсознательно полагалъ душу свою за други своя. А посмотрѣли бы вы на него, когда на сѣромъ конѣ впереди всѣхъ ѣхалъ онъ по Аддисъ-Абебѣ. Папаха на боку, длинные волосы завиты, черная бородка расчесана, каблукъ оттянутъ, колѣно плотно лежитъ въ сѣдлѣ и сурово глядятъ эти добрые сѣрые, чуть грустные глаза... Воинъ суровый!... А вѣдь мухи не обидитъ...

Казакъ Могутинъ мало перемѣнился со времени выхода изъ Петербурга. Немножко съ лѣнцой, любилъ поспать. Только охота его и оживляла.

Казакъ Любовинъ тоже остался той же непонятой другими натурой. Ему бы писать, читать, съ умными людьми разговаривать: не понимаютъ—просты наши казаки. Поваръ Захарычъ его понималъ, съ нимъ онъ могъ излить горечь души своей. Любознательный, начитанный, онъ всѣмъ интересовался, все старался усвоить и объяснить себѣ. Къ чернымъ относился покровительственно, дарилъ имъ деньги, рубахи, все готовъ былъ отдать имъ. Джигитовалъ отчаянно. Прослышитъ про опасность—«пошлите меня, ваше высокоблагородіе», а какъ пошлешь, когда у человѣка повышена нервная система, когда онъ видитъ иногда то, чего нѣтъ... Съ другими людьми конвоя сходилсѣя только въ вопросахъ пѣнія. Тутъ ему равнаго не было. Да и не мудрено—баритонъ имѣлъ удивительный, зналъ и ноты. Какъ они пѣли бывало тріо съ Полукаровымъ и Недодаевымъ: «Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ», чувствительно, тонко... Съ пониманіемъ, съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Слушаетъ ихъ, бывало Терешкинъ, слушаетъ, да и плюнетъ—«о, чтобъ вамъ проклятымъ»! Одно горе—не любилъ Любовинъ грубой солдатской работы, коня или мула почистить, винтовку смазать, сапоги навести ваксой. Трудно ему было и со старшими ладить... Приходилось поэтому мнѣ не разъ ссориться съ нимъ.

Таковы были люди лейбъ-казачьяго звена. Атаманцы, «лапотники», были попроще, но, пожалуй, за то посильнѣе тѣмъ русскимъ духомъ, изъ-за котораго русскаго солдата мало, что убить надо, но надо еще и повалить.

Старшій втораго звена старшій урядникъ Авиловъ, какъ ушелъ тихимъ и скромнымъ слѣпымъ исполнителемъ чужой воли, такъ таковымъ и остался. Во всякой вещи былъ акуратенъ до мелочей.

звено свое держалъ на товарищеской ногѣ, безъ начальственнаго крика, да иначе и нельзя было его держать: ужъ больно хорошіе были люди.

Трубачъ урядникъ Алифановъ, тихій, скромный, безотвѣтный труженикъ. Такъ и вижу его робкую улыбку въ черную густую бороду. Онъ да Терешкинъ понимали душой ту внутреннюю дисциплину, что сильнѣе всякой другой, только Алифановъ не имѣлъ того бодраго и лихаго вида, какъ Терешкинъ, не далось ему это. Военной жилки не хватало. День и ночь за работой и когда онъ спалъ только! Тому сапоги починить, этому вальтрапъ сшить, мундиръ поправить, тамъ отъ офицеровъ работу принесли, тамъ на часы гонять. Образецъ Толстовскаго непротивленія злу, все сдѣлать, все претерпѣть во имя долга и присяги.

Приказный Крылинъ, ловкій, лихой и расторопный казакъ, красивый бородачъ, глубоко презираетъ абиссинцевъ, страстный охотникъ. Поручикъ Д—овъ его просто ненавидѣлъ. Встанетъ до свѣта и всю окрестность исходитъ съ Кривошлыковымъ. На гіену ночь просидитъ, за козой по горамъ весь день проходитъ и бьетъ все изъ трехъ-линейки.

Про казака Архипова достаточно сказать, что онъ старовѣръ. Въ опасную экспедицію—первый—умирать все единственно. Носитъ въ сердцѣ своемъ далекій догматъ, изображенный на расшитой рубашкѣ двумя буквами Л. А. (Лукерья Архипова). Любитъ домъ и семью, но глубоко вѣритъ въ предопредѣленіе. Одинъ изъ тѣхъ людей, что замерзнетъ на посту, съ факеломъ кинется въ пороховой погребъ. Въ настоящее время (22-го марта 1898 г.) находится въ экспедиціи съ полковникомъ А—вымъ въ долинѣ Бѣлаго Нила.

На долю голубоглазаго и розоваго приказнаго Демина, ростомъ косая сажень, выпала трудная доля сопровождать въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ караванъ доктора Щ—ева. Тихій и безотвѣтный, онъ тамъ въ скучной обстановкѣ тихо идущаго каравана былъ на своемъ мѣстѣ.

Казакъ Кривошлыковъ, охотникъ, плотникъ, столяръ, оружейникъ, кузнецъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые не отъ міра сего и которыхъ строевая лихая казацкая служба тяготитъ. А работникъ онъ былъ на диво. Художникъ въ душѣ, человѣкъ, любящій сторожить природу, онъ всѣ досуги свои посвящалъ охотѣ. А досуговъ было немного. Былъ у него уголокъ на московскомъ дворѣ въ Аддисъ-Абебѣ подъ хворостяным навѣсомъ, гдѣ навѣрно осталась частица его души. Тамъ я видѣлъ его цѣлыми днями и въ будни

и въ праздники, съ пилой, долотомъ и топоромъ. Оттуда выходили изящныя двери, красивые шкапы и столы... Тамъ чинились ружья, тамъ дѣлалось все, что нужно на весь конвой, на всѣхъ офицеровъ, на все русское посольство.

«Sidaroff! Sidaroff! Moskow asker Sidaroff», слышится на нашемъ дворѣ съ утра и до ночи. «Позовите-ка Сидорова, я хочу купить эту шкуру». Кумиръ черной прислуги, знатокъ разговорнаго абиссинскаго языка, постоянно бравый и веселый уралецъ Сидоровъ всегда рисуется мнѣ окруженнымъ черными. «Тоже люди», философски замѣчаетъ онъ по адресу своей черной компаніи. И уже слышишь его «мындеръ?—амыстъ быръ! іеллемъ малькамъ – это ваше высокоблагородіе нестоющая вещь—пять талеровъ проситъ—я вамъ и за три достану!». Вся его служба текла въ переговорахъ съ абиссинцами, въ поѣздкахъ на «габайю» за покупками, въ дрессировкѣ слугъ.

Маленькій черный уралецъ Изюминковъ—скроменъ и тихъ. Его нигдѣ не увидишь. Но холеный мулъ его сверкаетъ отъ хорошаго ухода, лошадь содержана прекрасно, оружіе въ порядкѣ. Джигитовалъ отлично, ѣздилъ хорошо. Другой уралецъ Поповъ съ Деминымъ въ командировкѣ при караванѣ доктора Щ—ева. Захватилъ, бѣдняга, въ Гильдессѣ, свирѣпую мѣстную лихорадку, да слава Богу отдышался.

Я положительно не могу говорить о донскихъ артиллеристахъ Щедровѣ и Мазанкинѣ порознь — до того они похожи другъ на друга и характеромъ, и лицомъ: оба рослые, красивые, чернобородые, оба исполнительные и серьезные, оба молчаливые; за то между моими регулярными артиллеристами – малороссомъ толстякомъ, уроженцемъ Донецкаго округа слободы Тарасовки Недодаевымъ и рязанцемъ Полукаровымъ, разница громадная. Недодаевъ тоже любимецъ черныхъ, добрякъ, полный здороваго малороссійскаго юмора, любитъ похвастать, охотникъ, прекрасный старшій команды, акуратенъ и добръ. Большой любитель пѣнія, онъ въ этомъ сходится съ Полукаровымъ. Безбородый и безусый Полукаровъ, говорящій нѣжнымъ теноромъ, поклонникъ регулярной ѣзды, чистаго строя, безъ примѣси охоты, сотрудникъ Кривошлыкова въ плотницкомъ ремеслѣ. Говоритъ, растягивая слова, любуясь своимъ чистымъ русскимъ рязанскимъ говоромъ. Дошло дѣло до джигитовки. — «Ну, конная, какъ же?» говорю имъ—«покажемъ!»—и показали! Недодаевъ на репетиціяхъ на карьерѣ сизо дѣлалъ, Полукаровъ, стоя, скакалъ—и

развѣ нужно для этого казачье сѣдло со смертоубійственной передней лукой?!

Всѣ были хороши мои люди, и привязался я къ нимъ и полюбилъ ихъ и если было, что тяжелое, когда лунной ночью покидалъ я посольскій дворъ, такъ это были тѣ 16 человѣкъ, съ которыми бокъ о бокъ прожилъ я пять съ половиной мѣсяцевъ, которыхъ узналъ и полюбилъ за это время...

Были еще у меня мои друзья, которымъ я кинулъ полный слезъ прощальный взоръ. Это наши сотрудники лошади и мулы. Не ихъ вина, что условія, въ которыхъ протекла ихъ молодость, исковеркали, испортили ихъ — онѣ служили, какъ могли и на смотру не испортили дѣла.

Набитыхъ испорченныхъ нами лошадей не было, не было и набитыхъ муловъ. Но все это только благодаря той заботливости, съ которой снабдили лучшими потниками своихъ людей гвардейскіе казачьи полки и батарея. А иначе глухой деревянный ленчикъ, невозможность вклиненному на многіе часы въ разогрѣтую солнцемъ кожаную подушку всаднику поправить отекшіе ноги, неизмѣнно сказались бы на спинахъ животныхъ при походѣ въ оба конца въ 2,000 верстъ черезъ высокія и крутыя горы.

2-го марта кончилась моя служба въ миссіи, какъ начальника конвоя и начиналась моя кавалерійская курьерская поѣздка изъ Аддисъ-Абебы въ Петербургъ въ 30 дней...

XXVII.

Поѣздка курьеромъ изъ Аддисъ-Абебы въ Джибути.

Въ концѣ февраля мѣсяца начальникъ миссіи предложилъ мнѣ отправиться въ Россію въ качествѣ курьера съ депешами. Я долженъ былъ въ 14—15 дней проѣхать до Джибути, тамъ сѣсть на пароходъ и, черезъ 28 дней со дня выѣзда изъ Абиссиніи, быть въ Петербургѣ. Предложеніе было слишкомъ заманчиво съ точки зрѣнія кавалерійскаго спорта, слишкомъ лестно для меня и я его съ радостью принялъ.

Мнѣ нужны были мулы для моего маленькаго каравана. Каждую суботу на габайю пригоняютъ животныхъ для продажи. 22-го февраля я съ Уольди отправился искать тамъ животныхъ. День былъ пасмурный, тоскливый: черныя тучи нависли въ горахъ,

нѣтъ, нѣтъ, да и накрапывалъ дождь. Толпа народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ покрывала скаты холма. Начальникъ базара, «шумъ» съ вышки озиралъ площадь и наблюдалъ за порядкомъ. Пройдя черезъ ряды продавцевъ холста, чесноку, перцу, сѣна, дерева, дровъ, мы подошли къ цѣлымъ табунамъ ословъ, миновали ихъ и вышли на край габайи, на мѣстную конную площадь. Внизу у широкой дороги, подъ деревомъ жалось лошадей тридцать, выведенныхъ на продажу. То и дѣло кто нибудь изъ фарассанья проскакивалъ по дорогѣ шаговъ сто и круто осаживалъ лошадь. Нѣсколько выше, тутъ и тамъ подъ деревьями, у жердяного забора императорскихъ складовъ стояли продавцы муловъ. Хорошихъ, крупныхъ, широкихъ съ просторнымъ шагомъ муловъ не было совсѣмъ. Были посредственные, годные подъ вьюкъ, но и за тѣхъ просили бѣшеныя деньги, 80—100 талеровъ.

— «Ты не найдешь здѣсь хорошихъ муловъ», сказалъ мнѣ Уольди, которому надоѣло мокнуть подъ дождемъ.

— «Почему»?

— «Потому что, если «шумъ» базара со своей вышки увидитъ, что привели рослаго и красиваго мула—онъ отбираетъ его сейчасъ же по казенной цѣнѣ на конюшню негуса. Никто потому и не ведетъ на базаръ муловъ».

— «Но какъ же достать тогда хорошихъ животныхъ?»

— «Погоди. Иди домой—я пойду по домамъ и скажу, чтобы приводили муловъ на продажу, можетъ быть и достанемъ хорошихъ».

Опять это абиссинское «погоди», это ожиданіе у моря погоды цѣлыми мѣсяцами, непониманіе догмата—время-деньги.

Печальный, обезкураженный возвращался я домой. Вдругъ вижу толпу людей: въ серединѣ ѣдетъ на караковомъ мулѣ абиссинскій начальникъ, передъ нимъ ведутъ громаднаго сѣраго мула, широкаго, рослаго, какъ лошадь, подъ богатымъ сѣдломъ, въ расписной уздечкѣ, подъ попоной. Я невольно залюбовался на этого мула. Мнѣ бы такого! думалъ я.

— «Геза? (купишь?)» обратился ко мнѣ тысяченачальникъ.

Ладно, думаю, «геза».—если на базарѣ за плохенькихъ муловъ просили 100 талеровъ, такъ къ такому то и приступа не будетъ! Однако спросилъ: «сынты быръ»? (сколько талеровъ?).

— «Семьдесятъ».

Я и торговаться не сталъ. Посмотрѣлъ зубы—пять лѣтъ, ноги цѣлыя, шагъ громадный, проѣздъ удивительный. Вынулъ деньги и

отдалъ. Мулъ оказался строгій, пугливый, но сильный и крѣпкій. Сѣдлать было трудно, но за то ѣхать легко и пріятно.

— «Мнѣ Менеликъ другого подаритъ», сказалъ тысяченачальникъ.

— «А развѣ это его подарокъ?»

— «Да, онъ мнѣ его сегодня подарилъ».

На другой день стали приводить муловъ. Приводили цѣлыми десятками, но такихъ, какъ эта сѣрая кобыла, названная мною въ честь моей полковой казенной лошади «Анной» — не было. Купилъ мохнача, широко-костнаго мерина, не казистаго съ виду, но очень сильнаго, — окрестили его «Медвѣдемъ»; переводчикъ Iohannes продалъ мнѣ гнѣдаго мерина круглаго, какъ огурчикъ, хорошо выкормленнаго и сильнаго, — названнаго мною «Репешкомъ», да одного мула, вороной масти мнѣ далъ до Харара полковникъ А—овъ.

Итакъ мой караванъ былъ готовъ. Я хотѣлъ ѣхать съ однимъ слугою, но пробная мобилизація показала, что съ однимъ слугою будетъ много возни со вьючкой и я рѣшилъ взять второго, пѣшаго.

Въ суботу, 28-го февраля, была джигитовка, въ понедѣльникъ, 2-го марта, я по приказанію начальника миссіи сдалъ конвой поручику Ч—кову, закончилъ отчеты, выдалъ казакамъ деньги и былъ совершенно готовъ къ выступленію. Задержка была за письмомъ Менелика. Оно было дано для перевода m-sieur Ильгу и онъ его еще не прислалъ. На вечеръ 2-го марта мы, всѣ офицеры, были приглашены на обѣдъ къ посланнику. Въ уютной палаткѣ тихо и мирно пообѣдали, прислушиваясь къ грому, то и дѣло перекатывавшемуся въ горахъ; не обошлось дѣло безъ тостовъ, пожеланій: давали письма, порученія, посылки. Разошлись около 10-ти часовъ вечера. Перевода все еще не было. Я долженъ былъ выѣхать въ 3 часа ночи, но если перевода не будетъ, то мой отъѣздъ откладывался на четвергъ 5-е марта.

Грустный, печальный видъ имѣла моя разоренная палатка. На столѣ, въ бутылкѣ, одиноко горѣла свѣча; походная койка, безъ бурки, безъ простынь, безъ подушекъ въ углу; на сыромъ земляномъ полу набросаны обрывки бумагъ, вьюки, ружья. Ночь свѣтлая отъ послѣдней четверти луны, отъ ясныхъ южныхъ звѣздъ, глядитъ въ откинутую полу палатки. За воротами видны горы, покрытыя жидкой сухой травкой, кусты кофе, азалеи, разбросанные здѣсь и тамъ... Жутко ночью ѣхать въ пустыню, одному, безъ человѣка, съ которымъ можно было бы побесѣдовать, отвести душу. Отъ плохаго ли харарскаго рома, отъ волненія ли, отъ хлопотливыхъ ли сборовъ по-

слѣдніе дни, но голова нестерпимо болитъ, робость закрадывается въ душу и въ тайникахъ ея зарождается смутная надежда, почти желаніе, хотя бы отсрочки этой курьерской поѣздки....

Но впереди Россія, прекрасная и величественная, ни съ чѣмъ несравнимая, впереди родина, родной языкъ, родныя лица, славный полкъ. Нѣсколько дней напряженія, нѣсколько дней лишеній, голода и жажды, а тамъ опять привычная атмосфера, комфортъ европейца, который начинаешь цѣнить только проживши пять мѣсяцевъ подъ полотномъ палатки, только загорѣвши подъ жгучимъ солнцемъ, только узнавши, что такое плохая вода. Впереди Россія, которая мерцаетъ полярной звѣздой надъ горою, которая манитъ и влечетъ, даетъ силы, твердость, энергію....

Въ 11 часовъ секретарь миссіи передалъ мнѣ пакетъ съ бумагами, трубачъ Алифановъ зашилъ его въ леопардовую шкуру, сверху покрылъ холстомъ, наложили печати, пришили помочи и я прилегъ часа на два заснуть.

Я проснулся въ четверть третьяго. Никто изъ казаковъ не спалъ. Они помогали моимъ слугамъ вьючить и сѣдлать муловъ, былъ слышенъ разговоръ, возгласы. Ко мнѣ зашли проводить меня поручикъ Ч—овъ и секретарь О—овъ. Ѣхать ужасно не хотѣлось. «Лина» металась по двору, на ней, ухватившись за ея уши, висѣлъ Недодаевъ, а Кривошлыковъ гонялся сзади съ уздечкой. «Медвѣдь» ударилъ Терешкина задними ногами въ животъ и бѣдный казакъ стоналъ во дворѣ. Видны были въ полумракѣ только фигуры, лицъ не было видно. Возились со вьючкой долго. Наконецъ, въ 3 часа 15 минутъ утра, 3-го марта, я сѣлъ на «Лину» и тронулся въ путь. Ч—овъ и О—овъ проводили меня до воротъ, казаки конвоя—до нашего манежа, дальше простились: гулко отозвалось въ пустынныхъ горахъ русское «счастливаго пути», и я остался одинъ.

Во главѣ моего каравана, на красавцѣ «Графѣ» въ шелковой чалмѣ, и бѣлой новой шамѣ ѣдетъ на абиссинскомъ сѣдлѣ, положенномъ на бурочный потникъ, мой старшій слуга Вальгу.

Вальгу—абиссинецъ со всѣми достоинствами и недостатками абиссинца: онъ лѣнивъ, любитъ поспать, гордъ своимъ званіемъ ашкера, недурно умѣетъ вьючить и очень немного понимаетъ по-русски: онъ служилъ въ конвоѣ отъ Джибути до Аддисъ-Абебы. Онъ вооруженъ двустволкой съ 24-мя патронами, снаряженными картечью.

За нимъ цѣпочкой, привязанные одинъ къ другому, идутъ вьючные мулы.

Впереди—«Медвѣдь»—на немъ походныя сумы кавалерійскаго образца, взятыя изъ Кавалергардскаго полка. Въ нихъ: двѣ смѣны бѣлья, двѣ фланелевыя рубашки, вицъ-мундиръ и полная форменная амуниція, запасная пара сапогъ, шпоры, три пачки трехъ-линейныхъ патроновъ, 18 револьверныхъ патроновъ, три фунта стеариновыхъ свѣчей, 10 коробокъ сѣрныхъ спичекъ, посылка—фотографіи полковника А—ва, бумага, перья, чернила, частная корреспонденція, швейная принадлежность, принадлежность для чистки винтовки и охотничьяго ружья, ножикъ, вилка и ложка, двѣ эмалированныхъ кружки, два маленькихъ чайника изъ эмалированнаго желѣза и складной фонарь. Поверхъ вьюка привязаны: топоръ, четыре коновязныхъ кола, канатъ, резиновое ведро, брезентъ и въ немъ бурка и старый вицъ-мундиръ. Вѣсъ 3 пуда 5 фунтовъ. Сзади «Медвѣдя» привязанъ второй вьючный мулъ—«Репешокъ». На немъ сумы изъ грубой сыромятной кожи, сработанныя мнѣ казаками въ 14 часовъ. Въ нихъ: 12 солдатскихъ галетъ, 1 хлѣба фурно, 7 банокъ консервовъ-щей фабрики Гелингера въ Ригѣ, 6 фунтовъ шоколада, банка какао, полфунта чаю, 3 фунта сахару, 2 баночки клюквеннаго экстракта и полбутылки коньяку и сверху свертокъ съ тремя шкурами леопарда. Вѣсъ $3^1/_2$ пуда.

Третьимъ грузовымъ муломъ былъ вороной мулъ, котораго я долженъ былъ сдать въ Харарѣ Ато-Уонди. На немъ было три мѣшка ячменя—вѣсомъ всѣ три $3^1/_2$ пуда.

За караваномъ ѣхалъ я на казачьемъ сѣдлѣ, одѣтый въ каску, фланелевую рубашку, синія суконныя шаровары, высокіе сапоги русской шагрени, имѣя на спинѣ пакетъ съ казенной почтой, трехъ-линейную винтовку черезъ плечо, шашку на поясной портупеѣ, на которую были надѣты револьверъ, ножъ и пятнадцать трехъ-линейныхъ патроновъ.

Сзади шелъ второй слуга абиссинецъ Фатама, одѣтый также, какъ и Вальгу, вооруженный кавалерійскимъ карабиномъ Гра и двѣнадцатью патронами въ поясномъ патронташѣ.

Отъ ливняго вечеромъ дождя черноземная дорога намокла, раскисла, расплылась и мулы на некрутыхъ спускахъ и подъемахъ слегка скользили, но шли бодро, весело, безъ понуканія.

По тропинкѣ спустились въ балку, перепрыгнули черезъ болотистый ручей, поднялись на холмъ и выбрались на харарскую дорогу. Черезъ двадцать пять минутъ прошли Шола, мѣсто нашего послѣдняго бивака, на разсвѣтѣ были у Акаке. Здѣсь я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Но идти было трудно. Жирная черноземная грязь

налипала громадными комьями на сапоги, ноги скользили и разъѣзжались. Предразсвѣтный вѣтерокъ потянулъ холодомъ съ горъ, въ недалекой балкѣ завизжалъ шакалъ, ему отозвался другой, третій, и цѣлый хоръ вскорѣ привѣтствовалъ пробужденіе дня. Стали попадаться люди. Двѣ старухи абиссинки, мальчикъ съ осломъ, старикъ ашкеръ. Востокъ поблѣднѣлъ, раздался, золото широко разлилось по небу, потомъ оно снова поблѣднѣло, изъ синяго стало блѣдно голубымъ и солнце медленно выплыло изъ-за горъ. Я оглянулся назадъ. Далеко за холмами, на грязножелтомъ фонѣ погорѣлыхъ полей, видны были бѣлыя постройки Гэби, церквей и темныя точки абиссинскихъ хижинъ. Еще нѣсколько верстъ и Аддисъ-Абеба скрылась изъ вида....

Я иду безъ отдыха. Отекутъ, устанутъ ноги на казачьемъ сѣдлѣ, слѣзешь и идешь пѣшкомъ верстъ пять, шесть, пока не заноютъ колѣни, а тамъ опять садишься и ѣдешь, ѣдешь. Въ полдень, не слѣзая съ мула, съѣлъ полфунта шоколада — завтракъ; выпилъ воды у Чофа-Денса и затѣмъ дальше и дальше.

Солнце близко къ закату. Мулы идутъ значительно тише. Минута тянется за минутой, долгая, скучная... Въ 5 часовъ 15 минутъ вечера я пріѣхалъ на мѣсто своего перваго ночлега, въ деревнѣ Бальчи, пробывъ въ дорогѣ 11 часовъ 30 минутъ и пройдя 82 версты. Встрѣчные абиссинцы сказали мнѣ, что Ато-Павлоса нѣтъ дома, что онъ уѣхалъ въ имѣніе у Тадеча-Мелька. Я поѣхалъ къ его дому, помѣщающемуся во дворѣ абиссинской таможни, вызвалъ домоправителя и показалъ свой открытый абиссинскій листъ.

Старикъ домоправитель долго смотрѣлъ на бумагу съ изображеніемъ печати негуса. Между тѣмъ, собралось человѣкъ пять, шесть любопытныхъ ашкеровъ, пришелъ секретарь Ато-Павлоса и сталъ въ полголоса разбирать письмена «уракаата» [1]).

Чтеніе кончилось. Домоправитель поклонился мнѣ и повелъ во дворъ. Муловъ разсѣдлали, развьючили, осмотрѣли спины — наминокъ нѣтъ. Жесткія подпруги казачьяго сѣдла растерли немного животъ у «Лины», остальные мулы благополучны.

— «Ифъфалигаль гэбсъ, ункулаль, инжира» [2]), сказалъ я.

— «Быръ» [3]), былъ короткій отвѣтъ.

Я вынулъ два талера и далъ старику. Черезъ четверть часа принесли сѣно, овесъ, десятокъ яицъ и штукъ семь блиновъ инжиры.

[1]) Уракатъ—бумага, письмо, паспортъ.

[2]) Мнѣ нужно овса, яицъ и хлѣба.

[3]) Быръ—талеръ.

Между тѣмъ старикъ домоправитель Ато-Павлоса съ трудомъ переваривалъ мысль и соображалъ, кто я такой? «Московъ ашкеръ» ли я только, или «баламбарасъ», а то и самъ «кень-азмачъ московъ». Ашкеровъ при мнѣ только двое, но есть и шашка, и револьверъ, и три ружья. На всякій случай открылъ передо мною громадныя двери сырой таможни и предложилъ ночевать внутри, но на меня оттуда пахнуло такой затхлой могилой, столько крысъ пробѣжало по полу, что я предпочелъ ночевать на крыльцѣ. Мнѣ устроили постель изъ двухъ ящиковъ, покрыли ихъ соломенными циновками, я положилъ брезентъ и бурку и ложе было готово.

Тѣмъ временемъ три абиссинскія женщины принесли мнѣ дурго отъ имени Ато-Павлоса—корзину инжиры, гомбу тэча, корзиночку краснаго перца и мѣшокъ овса. Я изъ приличія отвѣдалъ тэчу, взялъ одинъ блинъ инжиры, а остальные отдалъ слугамъ. Вальгу вскипятилъ воду, сварилъ яйца и подалъ мнѣ. Я выпилъ четыре стакана чаю, съѣлъ пятокъ яицъ и легъ на жесткую постель, подложивъ подъ голову сѣдло. Темная ночь была на дворѣ. Зарница сверкала въ горахъ. Гроза надвигалась. Усталости не было, голова не болѣла, но какой то сумбуръ мыслей или, вѣрнѣе, полное отсутствіе всякой мысли. Мозгъ ловитъ впечатлѣнія, глаза воспринимаютъ картины, онѣ проносятся мимо, но не оставляютъ слѣда, не даютъ воли фантазіи. Въ 8 часовъ вечера полилъ тропическій дождь, я убралъ сѣдла и ружья подъ навѣсъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ....

4-го (16-го) марта, на второй день пути, я проснулся въ часъ ночи. Зажегъ походный фонарь съ холстомъ вмѣсто стеколъ и принялся будить слугъ.... О! какъ неохотно, какъ тяжело они вставали. Вальгу долго не могъ вскипятить воду. Фатама еле поднялся. Хотѣлъ выступить въ 2 часа ночи, но провозились долго со вьючкой и могли выдти еле въ 3 часа 15 минутъ утра. Отъ Бальчи начинается безконечный спускъ, крайне крутой и обрывистый съ шоанскаго плоскогорья въ данакильскую степь. Спускались пѣшкомъ. На полудорогѣ вьюкъ на «Медвѣдѣ» сползъ, остановились и очень долго оправляли его, почти полчаса. Внизу въ Годабурка были въ 5 часовъ 10 минутъ утра. До Минабеллы, куда прибыли въ 10 часовъ утра, мулы шли хорошо, но дальше начали приставать. Мулъ Ато-Уонди нѣсколько разъ ложился. Фатама подбился, напоролся на камень и отсталъ. Балки, обрывы, трава и мимозовыя рощи, покрытыя нѣжной весенней зеленью, благоухающія тонкимъ ароматомъ цвѣтовъ тянутся безконечно. Воды нѣтъ. И когда ея нѣтъ, начинается особенно хотѣться пить. Къ 4-мъ часамъ дня жара и жажда

сильно мучают. Всѣ мысли сосредоточены на водѣ. Хочется теперь въ Неву, купаться, пить полнымъ ртомъ, имѣть изобиліе воды, хочется чаю, лимонаду, вина....

За каждой балкой ожидаешь увидѣть голубую ленту Кассама, услышать шумъ воды о каменья.... Но проходятъ часы, а Кассама все нѣтъ....

Наконецъ, въ 6 часовъ 10 минутъ вечера прибылъ къ Тадеча—Мелька, пробывъ въ дорогѣ 11 часовъ 25 минутъ и сдѣлавъ 75 верстъ.

Напоилъ муловъ, стреножилъ ихъ, привязалъ еще кромѣ того къ раскидистой мимозѣ, задалъ имъ овесъ. Пообѣдалъ консервами, напился чаю, разстелилъ бурку, положилъ подъ голову сѣдло и заснулъ среди тишины пустыни крѣпкимъ сномъ. Но спалъ недолго. Безпокойство за муловъ, чтобы они не отвязались и не ушли, меня мучило. Я просыпался каждые полчаса. Но все было тихо. Кассамъ катилъ покойно свои волны, далеко, далеко ухала гіена, да мулы терпѣливо жевали овесъ.

На третій день пути 5-го (17-го) марта я выступилъ въ 4 часа утра. Усталость была больше чѣмъ предъидущіе дни, необыкновенно хотѣлось спать. Ѣхалъ въ полузабытьи. Верстахъ въ пяти отъ Кассама на крутомъ и каменистомъ спускѣ «Ина» перевернулась подо мной и я скатился съ нея по камнямъ съ высоты двухъ аршинъ; по счастью никакихъ поврежденій не получилъ, ушибъ только колѣно и ссадилъ обѣ руки.

Мѣстность мѣняется съ каждымъ часомъ пути. Иду по степи покрытой желтой, сухой травой. Нигдѣ ни деревца, ни куста, ни тѣни. День очень жаркій, все время паритъ. Но дорога ровная, мягкая, мулы идутъ охотно. Съ мула Ато Уонди снялъ половину груза и моя цѣпка муловъ идетъ словно маленькій поѣздъ, весело и бодро. Въ 2 часа 10 минутъ подошелъ къ Аваше. На бродѣ кипѣла необыкновенная жизнь, отрядъ войска тысячи въ три человѣкъ подъ начальствомъ кеньазмача Вальде Георгиса, изъ корпуса раса Микаэля, несъ изъ Харрара винтовки. Солдаты шли въ полномъ безпорядкѣ. Вотъ двое идутъ, неся каждый по два ружья, потомъ нѣсколько верстъ все пусто, и вдругъ головъ триста ословъ, сопровождаемыхъ солдатами, везетъ каждый по 8—10 ружей. Потомъ опять одиночные люди, маленькія кучки людей, ословъ, лошадей со вьюками, солдатъ съ женами и безъ женъ и опять партія человѣкъ въ триста, четыреста.

Весь бродъ покрытъ людьми и животными. Кеньазмачъ Вальде Георгисъ, его тысяченачальникъ и трубачъ со старой позеленѣвшей мѣдной, италіанской трубой, наблюдаютъ за переправой. Любопытными глазами смотрѣлъ онъ, какъ я завтракалъ шоколадомъ, потомъ подошелъ ко мнѣ и вынулъ шашку.

— «Малькамъ»! сказалъ онъ, пробуя ее.

Я показалъ ему ружье, объяснилъ устройство магазина, онъ вынулъ револьверъ изъ моей кобуры и сталъ сравнивать съ своимъ.

— «Шйта (продай)», сказалъ онъ.

— «Іеллемъ, шита. Московъ аскеръ іеллемъ шйта тыиншитъ табанжá» [1]).

— «Московъ».

— «Ау».

Онъ привѣтливо и радостно протянулъ мнѣ руку.—«Московъ малькамъ. Христіанъ московъ».

Я показалъ ему свой абиссинскій паспортъ, помощникъ его прочелъ текстъ, мы пожали еще разъ руки другъ другу и разстались. Онъ остался на берегу наблюдать за полуголыми аскерами, переправлявшимися черезъ рѣку, я погрузился въ мутныя волны стремительнаго Аваша.

Мои слуги необыкновенно устали. Вальгу болтался въ сѣдлѣ и каждую минуту задремывалъ. Фатама еле шелъ. Не было никакой возможности пройти до Лагаардина, какъ я хотѣлъ первоначально, и я рѣшилъ заночевать опять въ пустынѣ на ручьѣ Качимъ Уоха.

Я сталъ на ночлегъ въ 4 часа 10 минутъ пополудни, пробывъ въ пути 12 часовъ 10 минутъ и пройдя 69 верстъ.

Пока слуги мои разсѣдлывали муловъ и разводили огонь, я выкупался въ свѣжей водѣ степнаго ручья, потомъ пообѣдалъ консервами, зажегъ фонарь и часовъ въ 8 уже заснулъ крѣпкимъ сномъ, несмотря на отчаянную атаку моего тѣла муравьями, мухами и блохами. Среди ночи я почувствовалъ необыкновенную теплоту вокругъ себя. Я открылъ глаза. Кругомъ меня все пылало. Степной пожаръ захватилъ меня. Брезентъ и бурка, на которыхъ я спалъ, горѣли. Я вскочилъ и первымъ дѣломъ взглянулъ на казенную почту, бывшую у меня подъ головой. Огонь дошелъ по счастью только до моихъ ногъ, бумаги были цѣлы. Насилу могъ я добудиться своихъ слугъ и при ихъ помощи залилъ пожаръ. Сгорѣлъ фонарь, фунтъ

---

[1]) Нельзя продать. Русскій солдатъ не можетъ продать револьвера.

свѣчей, хлѣбъ, часть шоколаду, соль, ружейная принадлежность, уголь бурки и часть брезента. Подсчитавъ убытки отъ пожара, я сталъ собираться въ путь. Спать не было возможности, все тѣло горѣло отъ укусовъ насѣкомыхъ, къ тому же накрапывалъ дождь. Грустно сѣдлали мы муловъ, въ полной темнотѣ, мокрые отъ дождя. Въ 1 ч. 45 мин. ночи я былъ уже въ пути. Это былъ четвертый день по моемъ отъѣздѣ. Мулы шли вяло, тихо, дѣлая не болѣе четырехъ верстъ въ часъ. Ночь была темная; ѣхать было трудно, сильно клонило ко сну. Чаю я утромъ не пилъ, такъ какъ дождь помѣшалъ развести огонь и теперь голодъ и жажда мучили меня. На разсвѣтѣ я подошелъ къ спуску у Ардага и въ 10 ч. 20 м. утра, былъ остановленъ таможенными ашкерами въ Лагаардинѣ. Начинался Харарскій округъ. Полуголый чиновникъ, лежа въ соломенной хижинѣ безъ дверей, потребовалъ «уракатъ», посмотрѣлъ, увидалъ печать царя царей Эфіопіи и успокоился. Мы тронулись дальше. Около полудня въ горахъ насъ захватила сильная гроза. Все промокло на мнѣ. Обѣ рубашки, шаровары, сапоги. Но взошло солнце, дождь перестал и опять все высохло. Въ 3 ч. 30 м. дошелъ до Чофа-на-ни и рѣшилъ стать на ночлегъ въ абиссинской деревнѣ. Въ этотъ день пробылъ въ пути 13 часовъ 45 минутъ и прошелъ 53 версты. Въ Чофа-на-ни шума нѣтъ; поэтому пришлось искать гостепріимства у жителей.

— «Быръ», — вотъ отвѣтъ на всѣ наши вопросы. За право пріютиться въ вонючей, грязной хижинѣ, полной насѣкомыхъ, пришлось заплатить два талера, за пятнадцать яицъ талеръ, за пижиру — талеръ, за овесъ для муловъ талеръ, итого за плохой ночлегъ и ужинъ изъ нѣсколькихъ яицъ пришлось отдать пять талеровъ, т. е. стоимость лучшаго номера въ любомъ Петербургскомъ отелѣ!

А мой «номеръ» представлялъ изъ себя круглую хижину, безъ оконъ съ земляными стѣнами, землянымъ поломъ и хворостяной крышей. Діаметръ хижины шесть шаговъ. У стѣны поставили «Лину» и «Графа», рядомъ легли слуги, по срединѣ на маленькомъ возвышеніи развели огонь и тутъ же, на грязномъ, полупокрытомъ животными отбросами, на буркѣ, помѣстился и я.

Голый ребенокъ бродилъ по избѣ; абиссинка-мать въ грязной рубахѣ толкла дурру въ деревянной ступкѣ, ея мужъ и еще двое абиссинцевъ, принесшіе дурру для муловъ, яйца и пижиру сидѣли на корточкахъ у огня. Въ дверяхъ толпились дѣти, женщины, собаки. Я прогналъ всю эту публику, напился чаю, съѣлъ нѣсколько яицъ

и легъ. Но заснуть, несмотря на усталость, не могъ. Насѣкомыя повели правильную атаку на мое тѣло, снова заныло оно отъ свирѣпыхъ укусовъ и проворочавшись часа три на землѣ, я въ часъ ночи разбудилъ своихъ слугъ и въ 3 часа 10 минутъ утра покинулъ негостепріимную хижину. Путь былъ тяжелый. Глинистая почва набухла отъ дождя, мулы еле шли. Три раза мочилъ меня въ пути дождь. Безконечно медленно проходилась станція за станціей. Въ 7 ч. 10 м. утра я былъ у Куркура, въ 10 ч. 15 м., въ Бурома и къ 5 ч. 30 м. достигъ Шола.

Темнѣло. Наступала ночь. Горизонтъ былъ весь закрытъ темными тучами; онѣ, эти тучи, повисли на вершинахъ горъ, засѣли между деревьевъ густаго лѣса. Громъ перекатывался въ горахъ, сверкала молнія, съ минуты на минуту надо было ожидать новаго проливнаго дождя. Предстояло провести ночь въ сыромъ лѣсу, на голой землѣ, въ сырости травы и кустовъ. А на мнѣ и такъ все было мокро, итакъ, я чувствовалъ себя вполнѣ утомленнымъ отъ мокроты, грязи и тяжелой ночи.

И вдругъ при свѣтѣ догоравшаго дня, на опушкѣ густаго лѣса, я увидѣлъ нѣсколько палатокъ.

— «Нагадій» (купцы)? спросилъ я.

— «Французъ», было отвѣтомъ.

И черезъ минуту привѣтливый, любезный и добрый бородачъ Drouin, строитель Аддисъ-Абебскаго телефона, пожималъ мнѣ руку и тащилъ въ свою палатку. На одну ночь я сталъ человѣкомъ. Я ѣлъ бараній супъ, куръ, баранину, мы пили чай, какао, говорили о Парижѣ, о дѣлѣ Зола—Дрейфуса, перебирали новости, бывшія два мѣсяца тому назадъ. Я досталъ свой коньякъ. Drouin перешелъ на полынку. Сидѣвшій у него правитель Черчера кеньазмачъ Дунка снисходительно улыбался, глядя на расходившагося парижанина... Я заснулъ первый разъ раздѣтый, правда, на голой землѣ, но за то на подушкѣ, покрытый одѣяломъ.

Въ этотъ день я былъ въ пути 13 часовъ 50 минутъ и прошелъ 63 версты.

На другой день, въ воскресенье, 8-го (20-го) марта, я выступилъ въ 5 час. 25 мин. утра. Фатама присталъ совершенно. Я передалъ ему мула Ато Уонди, а овесъ сгрузилъ, разсчитывая становиться по деревнямъ. Пошли съ мѣста широкимъ проѣздомъ, но вскорѣ начались крутыя горы и пришлось спѣшиться. Утромъ было холодно. Сырой вѣтеръ пронизывалъ насквозь, днемъ стояла необыкновенная

жара. Въ 11 час. 10 мин. прошелъ Кефу, въ 2 ч. 15 мин. былъ въ Бурка и, въ 6 час. 15 мин. въ сумеркахъ подошелъ къ Дэру, гдѣ и рѣшилъ заночевать у галласовъ. Опять началась старая исторія— ночлегъ—быръ, яйца—быръ, ячмень—быръ. Опять мулы, костеръ, толпа галласовъ въ грязной хижинѣ, опять постель на земляномъ полу и блохи, блохи! Насилу выгналъ галласовъ, напился чаю, и прилегъ отдохнуть.

Въ этотъ день былъ въ пути 12 часовъ 50 минутъ и прошелъ 80 верстъ.

Спать я не могъ. Отъ бездны насѣкомыхъ все тѣло было, какъ въ огнѣ. Я поднялся въ 11 часовъ ночи, разбудилъ слугъ и въ 12 часовъ 30 минутъ, несмотря на полную темень, по горной и лѣсной дорогѣ пустился въ путь. Слуги устали страшно. У нихъ не было того догмата, который влекъ бы ихъ впередъ и впередъ, чувство долга, мало понятное этимъ дикарямъ, не заставляло ихъ собирать послѣднія силы и идти несмотря ни на что. Вальгу, толстый, разъѣвшійся въ конвоѣ, привыкшій спать по абиссински, еле передвигался: худой и некормленый полунищій, долгое время ашкеръ безъ мѣста, Фатама выглядѣлъ какимъ-то монахомъ-аскетомъ. Его глаза глубоко ввалились, щеки опали, страшно было смотрѣть на него, вотъ, вотъ умретъ...

Дороги не видно. Темныя деревья тѣснятся кругомъ, ночь полна ароматной тропической влаги. Мѣстами, среди густой зелени, мелькнетъ огонь, вокругъ костра сидятъ купцы, край палатки озаренъ краснымъ свѣтомъ и въ высокой травѣ, задумчиво развѣсивъ уши, стоитъ оселъ. И картиной волшебной сказки вѣетъ отъ этихъ, заночевавшихъ въ лѣсу купцовъ. Чѣмъ-то давно прошедшимъ кажется этотъ караванъ, этотъ огонь, бѣлыя шамы и темный лѣсъ... На темно-синемъ небѣ сверкаютъ звѣзды—и онѣ будто особенныя, декоративныя, будто тоже выхвачены съ картины волшебной сказки, помѣщены здѣсь только ради красы дивнаго пейзажа. Робкая газель, трепеща, прячется въ зеленой листвѣ, минуту слышенъ шорохъ и опять тишина, нарушаемая лишь стукомъ копытъ по каменьямъ...

Небо словно мигаетъ. То раздается широкое, ясное, полное яркихъ звѣздъ, и сейчасъ же померкнутъ звѣзды, снова темно. Лѣсъ и горы тянутся безконечной чередой. И вотъ на востокѣ дали блѣднѣютъ—5 час. 15 мин. утра, мы проходимъ прогалину у Челенко.

Разсвѣтъ наступаетъ быстро, дали проясняются. На опушкѣ лѣса среди камней сверкаетъ бѣлый человѣческій черепъ. Кто умеръ

здѣсь? Жертва ли это войны, арабъ, или харраритъ, сраженный саблей абиссинскаго фарассанья, или самъ абиссинецъ, попавшій подъ удачный выстрѣлъ арабской пушки, или просто несчастный купецъ, ограбленный и убитый во время ночлега. И грустно глядятъ черныя впадины и въ улыбку оскалились бѣлые чистые зубы. Стадо павіановъ идетъ съ водопоя. Громадный вожакъ съ длинной и сѣдой гривой впереди, рычитъ и оскаливается на васъ. Пулю ему въ спину, и все стадо съ воемъ и лаемъ уносится въ горы и прячется за камнями и стволами деревьевъ. Попадаются люди. Въ лѣсу у Урабиле отрядъ войскъ раса Микаэля несетъ ружья; галласкія женщины съ обнаженными грудями гонятъословъ, въ поляхъ кипитъ работа, собираютъ машилду—вторая жатва поспѣла. Въ 1 ч. 32 мин. пополудни я былъ въ Ласо Корса. Надо торопиться. Съ закатомъ солнца закрываются ворота стариннаго города и меня не пропустятъ. Я ѣду рысью. Въ 4 ч. 5 м. пополудни достигаю озера Хоромайя и здѣсь, со временной телефонной станціи, прошу геразмача Банти отдать приказаніе открыть мнѣ ворота хотя бы ночью.

Темнѣетъ. Далеко на горизонтѣ видно зарево степнаго пожара, внизу подъ горою чуть бѣлѣютъ дворецъ Маконена и Харрарскій соборъ. Въ 7 часовъ вечера, трижды опрошенный городской стражей, я въѣхалъ въ узкія, темныя улицы Харрара...

Я не знаю, присутствовалъ ли я при чудной сказкѣ, или сама жизнь стало сказкой, но чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то волшебнымъ востокомъ вѣяло отъ этихъ тѣсныхъ улицъ, полныхъ темной картинной толпы. Никто не спалъ. Вся жизнь шла на распашку подъ темно-синимъ пологомъ неба при мягкомъ свѣтѣ узкаго луннаго серпа, при мерцаніи яркихъ звѣздъ. «Шопотъ, робкое дыханье...», запахъ востока, ладана и какихъ-то травъ, и знойная страстная ночь.

И въ такой атмосферѣ, пропитанной неуловимой таинственностью, я подъѣхалъ къ воротамъ дома геразмача Банти. Сквозь щели ставень замелькали огни, меня просили подняться наверхъ, и геразмачъ принялъ меня, полулежа на коврѣ.

Я подалъ письмо негуса къ Банти, послали за секретаремъ, самъ геразмачъ читать не умѣетъ. Конвертъ вскрыли, всѣ встали, одинъ ашкеръ съ жестяной лампочкой, безъ стекла, подошелъ къ секретарю и секретарь на ухо Банти, торжественнымъ шопотомъ прочелъ письмо Менелика. Банти и я сѣли и въ комнатѣ, пустой, безъ мебели, съ четырьмя ружьями, висящими въ углу, воцарилось мол-

чаніе. Ожидали переводчика. Слуга принесъ стаканъ тэча и его поставили передо мной на полъ, накрывъ шелковымъ платкомъ.

Пришелъ абиссинецъ, говорящій по французски.

Разговоръ не вязался. Послѣ обычныхъ вопросовъ о дорогѣ, о здоровьи, не о чемъ было говорить. Я былъ утомленъ. Геразмачъ хотѣлъ спать. Я откланялся и вышелъ, сопровождаемый ашкерами Баити. Меня провели черезъ площадь со львиными воротами къ старому дворцу раса Маконена. Я очутился во дворѣ, образованномъ четырьмя каменными постройками. Стража въ бѣлыхъ шамахъ дремала у входа. Два молодыхъ человѣка, съ самыми любезными улыбками на лицѣ, кинулись мнѣ на встрѣчу; ихъ шамы, бѣлыя и тонкія, сквозили насквозь, какъ кисея, бѣлоснѣжныя рубашки и панталоны были не по абиссински чисты. Съ праваго бока торчали длинныя, кривыя сабли, въ красныхъ сафьяновыхъ ножнахъ. Они были полны желанія услужить мнѣ.

— «Шумъ раса Маконена», отрекомендовался одинъ, «шумъ раса Маконена», отрекомендовался другой.

— «Шумъ негуса Москова», — въ тонъ имъ отвѣтилъ я. — «Гдѣ мои мулы»?

Шумы схватили меня одинъ за руку, другой подъ руку и повлекли черезъ дворъ. Съ одной стороны двора помѣщалась конюшня. Это была громадная каменная постройка, высокая и просторная. Тамъ, при свѣтѣ масляной лампочки, кидавшей причудливыя трепетныя тѣни по стѣнамъ, Вальгу и Фатама разсѣдлывали моихъ муловъ. Сѣно уже было задано, за овсомъ послали при мнѣ.

— «Ничего не надо покупать, все отъ раса», сказалъ одинъ шумъ.

— «Все отъ раса», вторилъ ему другой. И они снова потащили меня черезъ дворъ въ отведенное мнѣ помѣщеніе. Это была просторная и высокая комната. Съ одной стороны было сдѣлано глиняное ложе, накрытое коврами — постель для меня.

Я послалъ Вальгу за хлѣбомъ и яицами, а тѣмъ временемъ маленькая процесія женщинъ принесла мнѣ нѣсколько корзинъ, покрытыхъ краснымъ кумачемъ — дурго для меня, инжира, тэчь и перецъ.

Я подарилъ этимъ женщинамъ два талера, далъ по стеклянному крестику шумамъ и въ ожиданіи чая, прилегъ на коврѣ.

Въ открытую громадную дверь былъ виденъ дворъ, весь залитый луннымъ свѣтомъ. Бѣлыя фигуры проходили мимо, появлялись и

исчезали. Откуда-то сверху слышалось пѣніе. Пѣла женщина. Короткій грустный мотивъ ея пѣсни повторялся безъ конца, онъ журчалъ и переливался, какъ лѣсной ручей между камнями, кончался и снова начинался, полный тихой жалобы. И всю ночь я слышалъ эту короткую, непрерывно повторяемую пѣсню. Я не знаю ея словъ, но я слышалъ въ ней безотвѣтную скорбь, жалобы на вѣки загубленную жизнь.

И чудилось мнѣ, что я сказочный Иванъ Царевичъ, на коврѣ самолетѣ прилетѣвшій въ волшебное царство. И эти щеголеватые шумы съ ихъ кривыми саблями и громадная конюшня и залъ, въ которомъ лежалъ я, все это было такъ необыкновенно, такъ пестро и ярко, несмотря на тусклое освѣщеніе, что не вѣрилось, что это жизнь, а казалось, что это сонъ, какой то чудесный, полный фантазіи кошмаръ.... Въ этотъ день я былъ въ пути 18 часовъ 30 мин. и прошелъ 101 версту.

Вторникъ 10-го (22-го) марта, я посвятилъ на приведеніе въ порядокъ своего дорожнаго инвентаря. Купилъ фонарь, продалъ геразмачу муловъ, съ условіемъ доѣхать на нихъ до Гильдессы, нанялъ верблюдовъ. Муловъ продалъ по 40 талеровъ, верблюдовъ трехъ нанялъ по 20-ти талеровъ за каждаго. Навѣстилъ Ато Уонди, повидалъ Ато Марцу, былъ съ визитомъ у Банти и поблагодарилъ его за помѣщеніе и за присланное дурго. Въ среду хотѣлъ выѣхать въ три часа утра, но назначенный сопровождать меня до Гильдессы переводчикъ раса Маконена, Маркъ, опоздалъ и я могъ выбраться только въ шесть часовъ. Вальгу такъ усталъ, что я его разсчиталъ и отправилъ въ Аддисъ-Абебу; Марку далъ «Ліну», самъ сѣлъ на «Графа»; на мула Ато Уонди посадилъ Фатаму и широкимъ проѣздомъ, а мѣстами и рысью, пошелъ черезъ Гильдесскія горы. Въ 1 ч. 15 мин. пополудни я достигъ Беляу, въ 3 ч. 45 м. я уже былъ въ Гильдессѣ.

Рыночный торгъ былъ въ разгарѣ. Толпы чернаго люда передвигались съ мѣста на мѣсто. Между ними сновали юркіе арабы, пронося свертки цвѣтныхъ тканей. Безобразныя старухи галласки сидѣли, поджавъ ноги, поставивъ подлѣ корзинки съ перцемъ, пижирой и лукомъ.

Маркъ отыскалъ гильдесскаго шума и мнѣ отвели для ночлега навѣсъ. Едва внесли мои вещи, какъ навѣсъ наполнился абиссинцами. Мнѣ сообщили, что въ Гильдессѣ стоятъ лагеремъ англичане; пили мой чай, ѣли галеты. Шумъ послалъ за верблюдами. Черныя

тучи разразились дождемъ и крыша изъ жердей начала протекать— я снова промокъ и грустный сидѣлъ, ожидая верблюдовъ.

Пришли англичане и позвали меня къ себѣ обѣдать. Это было тѣмъ болѣе кстати, что шумъ въ дурго принесъ мнѣ баранью лопатку и предлагалъ ее ѣсть сырою, такъ какъ жарить было не на чемъ. Я провелъ вечеръ у англичанъ и поздней ночью вернулся подъ свой жидкій навѣсъ, легъ на ящики и заснулъ тревожнымъ сномъ. Въ дорогѣ я былъ 9 ч. 45 м. и прошелъ 62 версты.

Выступить я хотѣлъ въ три часа ночи, но развѣ можно это было сдѣлать съ абиссинцами? Одинъ спалъ, другаго не могли найти, третій не могъ проснуться. Едва въ шесть часовъ утра доискались арабовъ, верблюдо-вожатыхъ. Ихъ двое — Ахметъ и Месхемъ. Ахметъ назначенъ за старшаго, но Месхемъ его плохо слушается. Месхемъ недавно женился и никакъ не можетъ разстаться съ женою. Начнетъ вьючить и вдругъ вспомнитъ что-то и побѣжитъ въ свою хижину и долго его нѣтъ. А время идетъ. Лѣнивое солнце показывается изъ-за горъ, терпѣніе покидаетъ меня. Я осматриваю послѣдній разъ моихъ муловъ. Ни одинъ не побитъ. «Липа» немного сподпружена вслѣдствіе жесткихъ подпругъ казачьяго сѣдла. Милыя животныя отслужили мнѣ вѣрой и правдой. «Графъ» протягиваетъ свою мягкую мордочку и ржаніемъ прощается со мной.

Время ѣхать. Арабъ выводитъ перваго верблюда, я сажусь на своего, посѣдланнаго поверхъ арабскаго сѣдла казачьимъ ленчикомъ, и мы трогаемся. Впереди Ахметъ, пѣшкомъ, ведя верблюда за веревку, сзади его я на верблюдѣ, потомъ верблюдъ Месхема. Самъ Месхемъ побѣжалъ прощаться съ женой, да такъ и пропалъ. Мы двигаемся медленно, шагъ за шагомъ, постепенно углубляясь въ пустыню. Въ 10 часовъ 10 мин. прошли Арту: въ 12 часовъ, среди пустыни остановились, задали корма верблюдамъ и отдохнули одинъ часъ. Затѣмъ снова тронулись рысью; верблюды бѣгутъ неохотно, то и дѣло сбиваясь на шагъ. Въ семь часовъ вечера пришли въ Дебаасъ. Я напился чаю, съѣлъ консервы и въ 10 часовъ 15 минутъ мы продолжали путь. Ночь была темная, холодная. Я часто задремывалъ отъ усталости, ѣдешь и спишь, часто даже сны видишь, пока какой нибудь толчекъ не разбудитъ. Проснешься и опять то же синее небо, сѣрыя мимозы и желтый песокъ. Иногда встрѣчались сомали—два, три, вооруженные копьями и мечами.

— «Гдѣ твой абанъ?» дерзко спрашивали они.

Я снималъ съ плеча трехъ-линейку и говорилъ — «вотъ мой

абанъ!» Арабы взводили курки своихъ Гра и сомали исчезали въ темнотѣ. И снова дремотное забытье, почти полусознательное состояніе. Въ 5 часовъ 30 м. утра дошли до Біа-Кабобы, въ 12 часовъ дня остановились на отдыхъ у Дагаго. Здѣсь въ песчаныхъ ямкахъ нашли нѣсколько стакановъ мутной и грязной воды. Утолили ими жажду; я легъ спать на остаткахъ своей бурки, а арабы принялись варить кашу. Въ три часа дня мы уже тронулись въ путь.

Въ 4 часа 15 мин. мы прошли Хагогиэ, и въ 5 часовъ 30 мин. въ глухой и пустынной мѣстности, подъ раскидистой мимозой, стали на ночлегъ. За эти два дня мы были въ пути 31 часа, изъ которыхъ отдыхали 7 часовъ и прошли 140 верстъ.

Путешествовать одному по Сомалійской пустынѣ можно совершенно безопасно, при соблюденіи лишь нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности. Нужно быть хорошо вооруженнымъ, никогда не становиться на ночлегъ у воды и по возможности менѣе спать ночью. Не разводить на ночлегѣ огня. Идти возможно быстро — такъ, чтобы сомали не могли разсчитать мѣсто вѣроятнаго вашего ночлега. При соблюденіи всего этого, вы очень мало рискуете. Мои арабы отлично понимали это.

Подъ мимозой воцарилась тишина. Поѣли сухого хлѣба, запили водой, постелили одѣяла, я свою бурку, и заснули подъ ажурными вѣтвями мимозоваго куста. Я почти не спалъ. Верблюды, бывшіе подлѣ меня, распространяли удушливое зловоніе, воздухъ былъ полонъ сырости. Бурка, рубашка, все пропитывалось холодной росой, и я чувствовалъ эту холодную сырость во всемъ тѣлѣ.

Въ 4 часа утра поднялись и въ 5 часовъ 30 мин. тронулись въ путь. Было необыкновенно сыро, холодный вѣтеръ дулъ съ юга. Вся одежда, все бѣлье было мокро отъ росы. Это былъ послѣдній, самый тяжелый и самый опасный переходъ.

Усталые верблюды шли медленнымъ шагомъ.

И поддаваясь ихъ движенію приходилось съ каждымъ шагомъ нагибаться и разгибаться, испытывать своеобразную качку корабля пустыни. Арабы тянули однообразную пѣсню, безъ мотива, безъ словъ, повторяя безчисленное число разъ одинъ и тотъ же слогъ. Холодная ночь смѣнялась жаркимъ днемъ. Все пылало подъ отвѣсными солнечными лучами. Черные камни отражали зной, песокъ его удесетерялъ, а солнце лило и лило свои раскаленные лучи. Мокрота отъ росы смѣнялась мокротою отъ пота. Часы тянулись безконечно. Мысли путались, терялись, порою я впадалъ въ безсо-

знательное состояніе и такъ, инстинктивно держась въ сѣдлѣ, проходилъ нѣсколько верстъ. Голодъ и жажда мучили чрезвычайно. Въ 9 часовъ 50 мин. утра подошли къ Мордале и здѣсь остановились на 1 часа, а затѣмъ отъ 1 часа 20 мин. дня шли непрерывно день и ночь до 10-ти часовъ утра, когда дошли, наконецъ, до Баяде. Здѣсь первый разъ послѣ трехъ дней пути развели огонь. Но вода оказалась такъ насыщена солями, что я еле еле принудилъ себя выпить два стакана чаю. Ѣсть совершенно не хотѣлось. Заснувши на буркѣ около 2-хъ часовъ, я въ 1 часъ дня тронулся дальше. По прекрасной дорогѣ за Баяде я пошелъ рысью почти до самаго Гумаре. На каждой цѣпи горъ, за каждымъ холмомъ, ожидалъ я увидѣть озаренное послѣдними солнечными лучами море. Но солнце сѣло за далекія горы, дорога стала чуть видна, черныя тучи закрыли узкій серпъ луны и звѣзды, а моря все не было. А я его такъ страстно ждалъ! И чудился мнѣ въ легкомъ вѣтеркѣ ароматъ воды, неуловимый запахъ моря. Но море было далеко... Я спускался въ каменистыя балки и снова поднимался, я всходилъ на темныя горы, а все не было видно огней. Измученные арабы дремали на вьюкахъ, верблюды еле шли. Я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. И долго, долго я шелъ, пока ноги не отказались служить, пока плечи не заныли подъ тяжестью ружья...

Въ 8 часовъ я увидѣлъ вдали огни Джибутійскихъ маяковъ, въ 11 часовъ 30 мин. прошелъ мимо пропитаннаго ароматами цвѣтущихъ померанцевъ, гранатъ, бѣлой акаціи и мимозы, сада Амбули и въ 12 часовъ 30 мин. я достигъ до отеля «des Arcades» въ Джибути. Я былъ почти въ Европѣ.

Этотъ переходъ длился 43 часа, въ томъ числѣ 6 часовъ 50 м. отдыха у Мордале и Баяде и пройдено 161 верста, а всего за 12 дней, съ 3-го по 15-е марта, пройдено 886 верстъ, на что употреблено 192 часа 55 м. на дорогу и 119 часовъ 45 м. на остановки, а всего 13 сутокъ 40 минутъ.

Я былъ разбитъ, усталъ, но я могъ бы еще и еще форсировать свои силы. На другой день я много ходилъ и изумлялся тому, какъ сильно разрослось и расширилось Джибути за тѣ четыре мѣсяца, что я не былъ въ немъ. Четыре новыхъ ресторана и одна гостинница, аптека и до 30-ти новыхъ каменныхъ домовъ. Цѣлые кварталы каменныхъ домовъ возникли въ нѣсколько мѣсяцевъ. Желѣзная дорога отошла на 25 километровъ отъ города, отели были полны инженерами, нигдѣ не было свободныхъ комнатъ. M-sieur Albrand помѣстилъ меня на верандѣ.

Но теперь мнѣ было все равно.

19-го, утромъ, я отплывалъ на пароходѣ «Natal» въ Марсель, а оттуда прямо въ Петербургъ. Мое путешествіе по Африкѣ было окончено...

XXVIII.

Заключеніе.

Пьеса кончена. Занавѣсь закрылъ отъ публики персонажей пьесы, окончившихъ свои роли и они, снявшіе гримъ, переодѣвшіеся разошлись по разнымъ концамъ. Но пьеса произвела извѣстное впечатлѣніе, она еще живетъ въ сердцахъ и умахъ публики и до тѣхъ поръ, пока сонъ не заставитъ забыть волненія сыгранной драмы, она составляетъ предметъ разговоровъ.

Мой дневникъ, какъ начальника конвоя, оконченъ. Конвой разошелся. Казаки Архиповъ и Щедровъ съ полковникомъ Артамоновымъ уѣхали въ долину Голубаго Нила, напоить своихъ муловъ водою священной рѣки, поручикъ Ч — овъ уѣхалъ въ страну Бени Шонгуля, поручики К — ій и Д — овъ на охотѣ, поручикъ А — и командуетъ конвоемъ и обучаетъ русскому строю двѣ дюжины храбрыхъ абиссинцевъ, я, какъ вамъ извѣстно, волею начальства уѣхалъ въ Петербургъ...

Врачи подняли милосердное знамя «Краснаго Креста» и ведутъ безкровную войну съ болѣзнями въ своемъ госпиталѣ; все на своемъ мѣстѣ, все за работой....

Но я слышу вопросы. «Ну что Абиссинія?» «какъ Менеликъ?» тѣ короткіе вопросы, которые требуютъ короткаго отвѣта и которые не удовлетворишь моимъ широковѣщательнымъ дневникомъ.

О! прошу прощенія за этотъ дневникъ. Только самое искреннее желаніе сказать правду объ этой таинственной странѣ побудило меня взяться за перо, къ которому не привыкла моя рука, имѣвшая до сего времени лишь поводъ и шашку. Я писалъ все, что видѣлъ и только то, что видѣлъ. Я не строилъ гипотезъ, не думалъ о томъ, отчего и почему, потому что считалъ и считаю это внѣ своей компетенціи. Я старался записывать видѣнное мною тутъ же, сейчасъ, пока впечатлѣніе свѣжо, краски ярки и жизненны. Потому я прошу прощенья за слогъ, за образы, иногда, быть можетъ, совсѣмъ не ли-

тературные. Я всегда прошу помнить, что многое писано подъ широкимъ и звѣзднымъ африканскимъ небомъ, въ холодѣ ночи, на столѣ, мокромъ отъ росы. Другое писалось въ тѣсной палаткѣ, подъ шумъ дождя, въ лужѣ воды; прошу помнить, что тишина моего кабинета нарушалась криками черныхъ, ревомъ верблюдовъ и ословъ, ржаніемъ муловъ. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ моего писанья въ палатку просовывалось, то кудластая голова вахмистра Духопельникова, то полное, усатое, лицо Недодаева, и меня отрывали иногда на многіе часы отъ работы. Я писалъ усталый отъ тяжелаго перехода по жарѣ, писалъ послѣ охоты, измученный ходьбой по камнямъ, или по скользкой травѣ... Сколько смягчающихъ вину обстоятельствъ.... Итакъ я виновенъ въ дневникѣ передъ вами, виновенъ, — но, право, заслуживаю снисхожденія....

. . . .

«Ну что Абиссинія?» «Какъ Менеликъ?» Абиссинія — это сказка. Какъ давно въ дѣтствѣ вы слушали разсказы о томъ, какъ «жилъ былъ царь въ нѣкоторомъ царствѣ и въ нѣкоторомъ государствѣ», какъ у этого царя было три сына, какъ онъ велъ чудесныя войны съ невиданными воинами—такъ въ Абиссиніи, то подъ зноемъ полуденнаго солнца, то въ прохладѣ ночи, при чудномъ сіяніи звѣздъ, вы чувствуете, что присутствуете при волшебной сказкѣ. И эти дремучіе лѣса Харраръскаго округа, громадныя горы, эти золотистыя отъ травы равнины, причудливые цвѣты, голубыя птицы, громадные и безобразные иркумы, быстрые страусы, испещренные пятнами желтые леопарды, полосатыя зебры—развѣ похоже это на нашу ординарную европейскую жизнь? И черный народъ, живущій, какъ птицы небесныя, не сѣя и не собирая въ житницы, народъ, не имѣющій догмата жизни, не имѣющій ни жилищъ, ни семьи—развѣ это не сказочный народъ, служащій лишь аксесуаромъ для подвиговъ героя сказки. А герой сказки, это добрый гуманный царь Менеликъ, воевода герой, подобный Ивану Царевичу, расъ Маконенъ, волшебникъ m-sieur Ильъ и послы иноземныхъ державъ.

Абиссинія лѣтъ на 400 опоздала своимъ развитіемъ противъ Европы; крайне любопытно поэтому посѣтить ее; посмотрѣть эту феодальную роскошь князей - расовъ и бѣдноту имъ подвластныхъ крестьянъ.

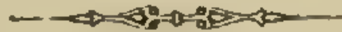
Менеликъ уже понялъ свою отсталость; онъ спѣшитъ завести драгоцѣнныя для него сношенія съ Европой, но онъ самъ еще не видѣлъ Европы, а только слышалъ про нее. Расъ Маконенъ, быв-

шій въ Италіи, уже знаетъ, что такое европейская жизнь, онъ стремится ей подражать. Какъ бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ былыя времена не чуждался иноземныхъ обычаевъ, такъ и расъ Маконенъ дорожитъ европейскими порядками... Расъ Уольди, еще два, три.... а тамъ — сказочные богатыри, тамъ защитники вѣчнаго соннаго тэча и мирной жизни Абиссиніи, не смягченной иноземнымъ вліяніемъ—тамъ суровый расъ Дарги, полусумасшедшій Афа-Негусъ, тамъ тысячи противъ десятковъ...

Умретъ Мениликъ. Кто взойдетъ на его престолъ? Какая кровавая распря поднимется въ этомъ сказочномъ царствѣ и кто воспользуется этой распрей....

Отъ Джибути идетъ желѣзная дорога. Громадные европейскіе караваны тянутся вглубь страны. Джибути измѣнилось въ четыре мѣсяца—Абиссинію не узнаете черезъ четыре года.

Но пока это—сказочная страна, со сказочнымъ добрымъ и гуманнымъ царемъ...

МАРШРУТЪ

каравannаго движенія Россійской Императорской миссіи въ Абиссинію отъ Джибути (7/19 декабря 1897 года) до Аддисъ-Абебы (5/17 февраля 1898 года). —

Мѣсяцъ и число	Пункты переходовъ	Число часовъ шагомъ	Число верстъ	Послѣдній вьюкъ прибылъ позже	Maximum и minimum температуры	Наивысшія точки подъемовъ	Стоянка: Грунтъ	Вода	Топливо	Ближайшія деревни	Народонаселеніе кругомъ	Охота	Караванъ
Декабря 1897 7/19	Отъ Амбули до Гумарэ	4	24.	На 3 часа	+ 17° + 18°	В. 500 ф. Бар. 28,9	Каменистый	Нѣтъ	Сухая мимоза	Нѣтъ	Бродячія Сомалійскія племена, пастухи овецъ и барановъ	Степной заяцъ. Рѣдко дикъ-дикъ	Караванъ изъ верблюдовъ сомалійскаго племени Ис-
8/20	Отъ Гумарэ до Біакабо.	6¼	34	На 6 часовъ	+ 18° - 7 ч. у. + 19° - 9 ч. в.	В. 1100 ф. Бар. 28,5.	Въ руслѣ песчаный, съ боку хрящеватый	Солоноватая, прозрачная. Мало.	Сухая мимоза	Французскій постъ 2 человѣка сомалей		Зайцы, дикъ-дики, сурки, шакалы, гіены, рѣдко леопарды.	са, взятъ изъ Зейлы съ платой отъ Джибути до Гиль-
9/21	Дневка въ Біакабо.	"	"	"	"	"	"	"	"	"		"	дессы 18 талеровъ и 2 талера droit d'avan. Аванъ Ливэхъ.
10/22	Дневка въ Біакабо	"	"	"	"	"	"	"	"	"		"	Завѣдующій караваномъ Поручикъ Ч-ковъ.
11/23	Отъ Біакабо до Дусе-Кармуне.	5 ч. 5 м.	30	На 3 часа	+ 16° + 14°	В. 1600 ф. Бар 28,2¼	Песчаный.	Солоноватая, мутная, далеко отъ стоянки.	Сухая мимоза.	Кочевье сомалей.		Кабаны, дикъ-дики (много) зайцы, шакалы, гіены	Кромѣ того арабскій караванъ 23 верблюдовъ, нанятый отъ
12/24	Отъ Дусе-Кармуне до Аджина	3½	20	На 1½ часа	+ 16° + 14°	В. 1600 Бар. 28,2	Хрящеватый	Солоноватая, мутная. Мало.	Сухая мимоза.	Нѣтъ.		Дикъ-дики зайцы, шакалы, гіены	Джибути до Гильдессы съ платой 36 талеровъ за верблюда.
13/25	Отъ Аджина до Феррада.	2¾	16½	На 2 часа	+ 15° + 14°	В. 1700 Бар. 28,1	Песчаный	Проточная не особенно чистая. Мало.	Сухая мимоза.	Нѣтъ.		Дикъ-дики, зайцы, шакалы, гіены.	"
14/26	Отъ Феррада до Мордале.	2¾	16½	На 4 часа	+ 17° + 15°	В 2000 Бар. 27,8	Черноземъ покрытый дерномъ и камнями	Проточная чистая достаточно.	Сухая мимоза.	Кочевья сомалей племени Гадебурси.		Дикъ-дики, зайцы, шакалы, гіены	"
15/27	Отъ Мордале до Хагочина.	4 ч. 10 м.	25 в.	На 5 часовъ	+ 16° + 12°	В 2.400 Бар. 27,4.	Песчаный	Нѣтъ	Сухая мимоза.	Нѣтъ.		Антилопы, дикъ-дики, страусы, львы, леопарды, шакалы, гіены	"
16/28	Отъ Хагочино до Біа-Кабоба	3 ч. 40 м.	22	На 5 часовъ	+ 17° веч. + 11° утр	В 2750 Б. 27,2	Песчаный	Колодцы, вырытые въ песчаномъ руслѣ [illegible] достаточно.	Лѣсъ мимозъ молодыхъ и кипарисовъ.	Абиссинскій сторожевой постъ. 5 солдатъ	Сомали племени Гадебурси	Антилопы, газели, гіены, шакалы, сернобыки.	"
17/29	Біа-Кабоба дневка	"	"	"	"	"	"	"		"	"	"	"
18/30	Отъ Біа Кабоба до Деваласа	8¼	50 в.	На 3 часа	+ 17° + 13°	В. 2600 Б. 27,2	Песчаный	Нѣтъ	Лѣсъ мимозъ.	Нѣтъ.	Сомали племени Гадебурси.	Антилопы, газели, сернобыки, гіены, шакалы.	"
19/31	Отъ Деваласа до Арту.	7 ч. 15 м.	44	На 5 часовъ	+ 16° + 12°	В. 2850 Б. 26,9½	Песчаный	Горячій источникъ [illegible]	Мимозы.	Нѣтъ	Сомали племени Гадебурси.	Антилопы газели, сернобыки, шакалы, львы, леопарды.	"
20/1 Янв.	Арту дневка	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
21/2	Отъ Арту до Гильдессы	2 ч. 10 м.	14 в.	На 2 часа	+ 19° + 11°	В. 3200 Б. 26,5½	Песчаный. Мѣстность изрѣзана [illegible]	Ручей съ прѣсной водой. Воды много	Лѣсъ мимозъ.	Городъ Гильдесса. Населеніе 5000, абиссинцы, сомали, галласы.	Галласы.	Антилопы. Павіаны, козы, газели.	"
22/3	Гильдесса дневки	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"	"
23/4	Отъ Гильдессы до Бельяу	4 ч. 15 м.	22 в	На 3 часа	+ 12° + 9°	В 5500 Б. 24,½	Черноземъ на каменистомъ основаніи	Ручей съ прѣсной водой.	Рѣдкія деревья, солома, кусты.	Имѣнія Ато-Маріама. Рядъ галласскихъ деревень.	Галласы	Антилопы, Иркумы.	Караванъ, сформированный изъ галласскихъ верблюдовъ, ословъ и
24/5	Отъ Бельяу до Харара	7 ч.	40 в.	На 9 часовъ	+ 8° + 4°	В 6600 В 7.500 выс. точка Б. 24.	Лугъ.	Ручей съ прѣсной водой	Городъ Хараръ. Около 50000 жит. Деревья	Много	Харарцы, галласы, Абиссинцы.	Шакалы, гіены	муловъ съ платою 3 талера за грузъ 1-го верблюда. Завѣдующій караваномъ Ато Маріамъ.
	Въ Хараръ 10 дней потрачено на формированіе каравана изъ муловъ.												
Янв. 1898 3/15	Отъ Харара до оз. Хоромайя	3¼	19½	На 28 часовъ	+ 11° + 2°	В. 7000 Б. 33.	Лугъ.	Большое прѣсное озеро.	Солома. Надо покупать.	Галласскія селенія	Галласы	Масса утокъ, гусей, нырковъ, и пр. водяной дичи.	Караванъ изъ 400 носильщиковъ подъ управленіемъ шейха Абдуллахи, вы-
4/16	Оз. Хоромайя дневка.	"		"	"	"	"	"	"	"	"	"	ставленныхъ по повинности; по принесеніи вещей выдано 100 та-
5/17	Отъ оз. Хоромайя до Лаго-Корса.	2 ч. 40 м.	16½	На 1 часъ.	+ 12° + 6°	В 6800 Б 38	Лугъ.	Ручей съ прѣсной водой много.	Мало. Солому надо покупать.	Галласскія селенія.	Галласы.	"	леровъ бакшиша.
6/18	Отъ Лаго-Корса до Урабиле.	3 ч. 40 м.	20.	На ½ часа	+ 8° + 6°	В 7600 Б. 30,3.	Лугъ среди громаднаго лѣса.	Ручей съ прѣсной водой много.	Кипарисовыя вѣтви.	Галласскія деревни.	Галласы.	Козы. Павіаны	"
7/19	Отъ Урабиле до Челенко.	3 ч. 25 м.	18	На ½ часа	+ 7° 0°	В. 7.700. В. 8.100 фут Б. 30,3.	Лугъ среди громаднаго лѣса	Ручей съ прѣсной водой много.	Кипарисовыя вѣтви.	Галласскія деревни.	Галласы.	Козы.	"
8/20	Отъ Челенко до Дэри.	5 ч.	27	На 1 часъ	+ 8° + 7°	В. 7700. Б. 30,4.	Лугъ среди дѣвственнаго лѣса	Ручей съ прѣсной водой много.	Вѣтви разныхъ деревъ.	Галласскія деревни.	Галласы.	Гуреза. Козы. Дикія кошки. Леопарды.	"

Мѣсяцъ и число	Пункты переходовъ	Число часовъ шагомъ	Число верстъ	Послѣдній вьюкъ прибылъ позже	Maximum и minimum температуры	Наивысшія точки подъемовъ	Стоянка: Грунтъ	Вода	Топливо	Ближайшія деревни	Народонаселеніе кругомъ	Охота	Караванъ
9/21	Дэру дневка	Ожиданіе каравана изъ муловъ 3 дня 9, 10 и 11 Января.											
12.	Отъ Дэру до Бурка.	4 ч	24	На 2 дня вслѣдствіе недоразумѣнія [illegible]	+ 9° + 1°	В 6.100 высш. т. 8.000 Б. 31,1	Глинистый черноземъ. Лѣса.	Горные ручьи.	Лѣсъ.	Нѣсколько галласскихъ деревень	Галласы	Газели (Дукула) Абиссинскій гуреза, попугаи, сернобыки.	Караванъ изъ 202 муловъ, собранныхъ при содѣйствіи разныхъ
13	Бурка дневки 14 и 15 въ ожиданіи прихода оставшихся вьюковъ..											Дикія кошки. Гіены. Шакалы.	баши, Ато Уонди и [illegible]. Плата за мула 15 талеровъ.
16	Отъ Бурки до Ибнбэли	3	18.	На 4 часа.	+ 13° + 11°	В. 6 500. Б. 30,8.	Глинистый черноземъ. Лѣса	Горные ручьи.	Лѣсъ.	Галласскія деревни.	Галласы.	Тоже	Хозяева 17 абиссинскихъ купцовъ. Завѣдуетъ караваномъ Поручикъ К-нъ.
17.	Отъ Ибнбэли до Кэфу	3½	20.	На 4 часа	+ 8° + 7°	В. 7.200. Б. 30,4. выс. 7.400	Глинистый черноземъ. Лѣса	Горные ручьи.	Лѣсъ.	Галласскія деревни.	Галласы.	Тоже, но въ меньшемъ количествѣ.	"
18.	Отъ Кэфу до Шола.	3 ч.	18	На 3 часа.	+ 11° + 9°	В 7.150 Б. 30,5 выс. 7.500.	Глинистый черноземъ. Луга по бокамъ густыя заросли.	Горные ручьи.	Кусты, отдѣльныя деревья.	Галласскія деревни. Въ 3 часахъ гор. [illegible] Около 3000 жит.	Галласы и Абиссинцы	Газели, павіаны, попугаи, колибри, сернобыки.	"
19.	Отъ Шола до Бурома	5 ч. 15 м.	30	На 4 часа.	+ 8° + 6°	В. 6.000 Б 31,2	Глинистый черноземъ. Луга. Немного отдѣльныхъ деревьевъ. Лѣса мимозъ	Горные ручьи.	Кусты мимозъ.	Галласскія и Абиссинскія деревни.	Галласы и Абиссинцы	Газели.	"
20.	Бурома	дневка.					"	"	"	"	"	"	"
21.	Отъ Бурома до Куркура	3 ч. 15 м.	19	На 3 часа	+ 13° + 7°	В. 5.900. Б 31,2	Глинистый черноземъ. Луга. Немного отдѣльныхъ деревьевъ. Лѣса мимозъ.	Горные ручьи.	Кусты мимозъ.	Галласскія и Абиссинскія деревни.	Галласскія и Абиссинскія деревни.	Газели.	"
22.	Отъ Куркура до Чофа-ма-ми	2 ч. 20 м.	14 в.	На 3 часа	+ 11° 0°	В. 5.700. Б. 31,3	Глинистый черноземъ. Болото.	Ручьи	Лѣсъ мимозъ	Галласскія деревни	Галласы	Газели. Кабаны, дикія кошки, леопарды.	"
23.	Дневка въ Чофа-ма-ми	"	"	"	+ 10° − 4°	"	"	"	"	"	"	Дикія куры, голуби.	"
24.	Отъ Чофа-ма-ми до Лагаардина.	3 ч. 50 м.	22 в	На 2 часа	+ 11° + 6°	В 5.200 Выс. 6.100 Б. 24,8	Глинистый черноземъ. Пахоть	Ручей.	Кустыя заросли мимозъ.	Абиссинская деревня. Таможня округа Шоа.	Абиссинцы и Галласы.	Газели, утки.	"
25.	Отъ Лагаардина до Ардага.	2 ч. 45 м.	16 в.	На 1 часъ	Днемъ + 14° + 20° (1 ч. дня)	В 4.300 Выс. 6.100 Б 25,5.	Песокъ.	Въ ⅓ часа ручей.	Мимозы.	Нѣтъ.	Бродячія племена Данакилей.	Львы, леопарды, гіены, шакалы, газели.	"
26.	Отъ Ардага до Аваша (ночной)	5 ч. 10 м.	30	На 3 часа	+ 10° 1 ч. дня + 24°	В. 3000 Спускъ 4.300 ф. Б. 26,6	Песокъ и камни.	Рѣка Аваша, ширина 25 саженъ, глубина около 2 аршинъ.	Мимозы.	Нѣтъ	Бродячее племя Карайу.	Львы, леопарды, гіены, шакалы, гиппопотамы, слоны, газели	"
27.	Отъ Аваша до Шадже Мелька (ночной)	9 ч. 20 м.	54.	На 5 часовъ	+ 11° + 18°	В 3000 Б. 26,2.	Песокъ	Рѣка Кассамъ шириною около 4 саж. глубина ½ аршина до 2	Мимозы.	Нѣтъ	Бродячее племя	Тоже.	"
28.	Шадже Мелька дневка	"	"		"	"	"	аршинъ. Дно каменистое. Горячіе ключи въ ½ часа.	Мимозы.	Нѣтъ	Карайу.		"
29.	Отъ Шадже Мелька до Минабелла	9 ч. 10 м.	50	На 4 часа	+ 12° + 7°	В. 5.600 Б. 31.3.	Луга. Глинистый черноземъ. Обработанныя поля	Ручей въ ¼ часа	Нѣтъ (кизекъ солома)	Абиссинскія деревни.	Абиссинцы	Зайцы, газели.	"
30.	Отъ Минабелла до Габабурка	4 ч. 10 м.	22	На ½ часа.	+ 8° + 6°	В 5.560 Б 31,4	Глинистый черноземъ. Луга.	Ручей.	Мимозы и кусты, кофе, мавра и пр.	Большое селеніе Балчи, таможня, церковь.	Абиссинцы	Газели	"
31.	Отъ Габабурка до Шонкора.	3 ч. 15 м.	18	На ½ часа.	+ 10° + 4°	В 7.500 подъемъ равный на 400 ф. Б. 30,7.	Глинистый черноземъ. Луга	Ручей. (3)	Нѣтъ (солома кизекъ)	Абиссинскія деревни	Абиссинцы.	Газели, утки, шакалы.	"
Февраля 1.	Шонкора дневка.	"	"	"		"	"	"	"	"	"	"	"
2.	Отъ Шонкора до Чофа-Денсо.	3 ч. 15 м.	19.	На 1 часъ.	+ 12° + 9°	В 7.800. Б. 30,1½.	Глинистый черноземъ. Луга	Ручей. (3)	Нѣтъ. (солома кизекъ)	Абиссинскія деревни.	Абиссинцы	Газели.	"
3.	Отъ Чофа-Денсо до Акаке.	5 ч. 15 м.	30	На 1 часъ.	+ 11° + 10°	В 7 750. Б. 30,1.	Глинистый черноземъ. Луга.	Ручей. (3)	Нѣтъ (солома)	Абиссинскія деревни.	Абиссинцы	Газели.	"
4.	Отъ Акаке до Шола.	2 ч. 10 м.	12.	На 1 часъ	+ 11° + 10°	В 7,950 Б. 29,9	Глинистый черноземъ. Луга	Ручьи.	Нѣтъ.	Абиссинскія деревни.	Абиссинцы	Газели	"
5.	Отъ Шола до Аддисъ-Абеба.	1.	6.	На ¼ часа.	+ 11° + 10°	В. 8.300 Б. 29.7.	Глинистый черноземъ. Луга.	Ручей.	Нѣтъ	Абиссинскія деревни.	Абиссинцы	Газели.	"

Оглавленіе.

